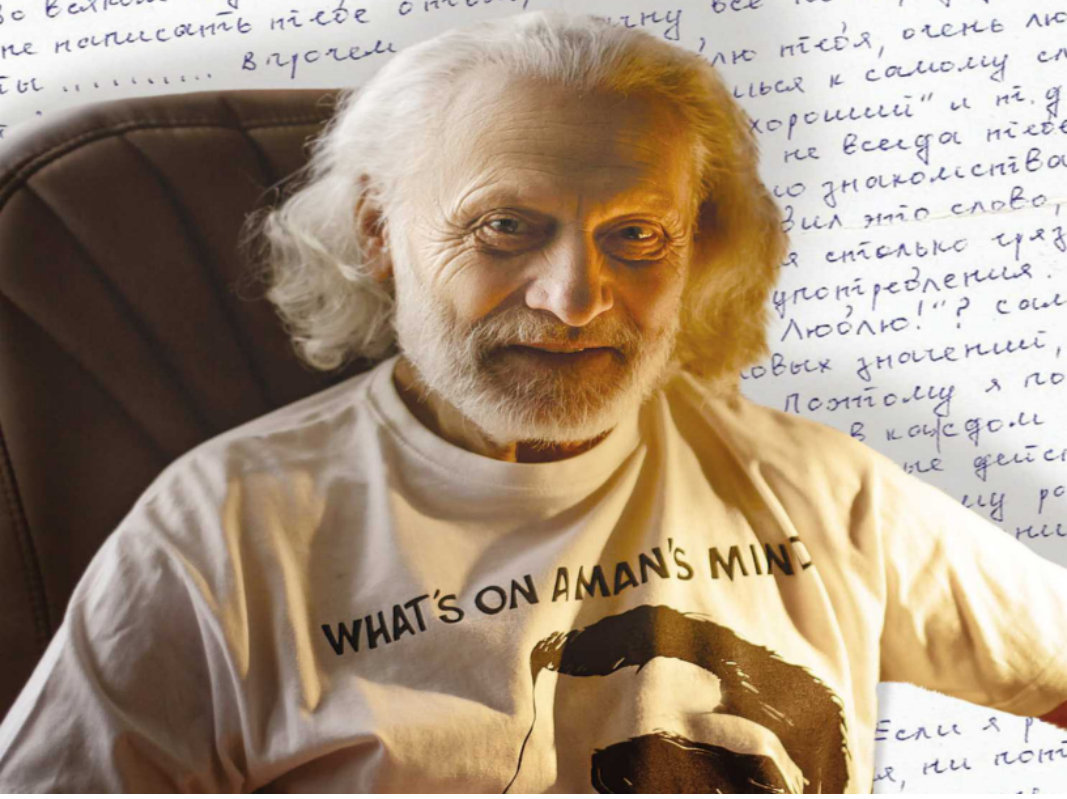
ВАЛЕРИЙ ЛЕЙБИН

80 ЛЕТ

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена научной и преподавательской деятельности автора на протяжении более 50 лет. Она включает также сюжеты, связанные с семьей, детьми, внуками, творчеством, путешествиями, размышлениями над обыденными вещами. В ней, кроме того, содержатся дневниковые записи, рассказы, переписка дедушки с внучкой и с внуком, а также фотографии из личного семейного архива.

Данное издание привлечет внимание тех, кто интересуется биографией ученого, преподавателя, психоаналитика и простого смертного, который находит радость в семье, детях, внуках, творчестве, включая театр кукол «ФАНИ» и садовый дизайн.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

- Валерий Лейбин
  - Предисловие
  - Часть I
    - Родословная
    - Детство и юность
    - Работа, армия, учеба в университете и аспирантуре
    - Академия наук
    - Педагогическая деятельность
    - Семейная жизнь
    - После 70 лет
  - Часть II
    - Дневник студента и рабочего
    - Дневник призванного в армию солдата
    - Дневник механика-водителя, курсанта танкового училища и командира взвода
  - Часть III
    - Дневник отца (Москва, 1974–1976 гг.)
  - Часть IV
    - Стрелец
    - Катастрофа
    - Черный шарик
    - Лифтер и скорая помощь
    - Овощная база
    - Прозрение
  - Часть V
    - Переписка дедушки с внучкой
    - Переписка дедушки с малышом в чреве матери

- Список опубликованных работ
- Фотографии

Валерий Лейбин
80 лет: жизнь продолжается

Предисловие

Картина неизвестного художника, 2007 г.

80 лет. Прошлое, настоящее и будущее. Прошлое касается воспоминаний о пережитом. Настоящее – сиюминутное ощущение времени. Будущее – возможные планы и завершение жизни. Вполне очевидно, что размышления о прошлом – это воспоминание о длительном периоде жизни человека, тогда как настоящее – краткое мироощущение в данный момент, а будущее

– размышление о вечном, о приближении смерти.

Есть книги, в которых авторы описывают свой путь жизни, придавая значение своим достижениям в области трудовой и общественной деятельности, включая науку, литературу, искусство, политику.

Вспоминаю книгу, увы, ушедшего из жизни в 2011 году российского философа, социолога и сексолога Игоря Кона «80 лет одиночества», опубликованную в 2008 году. Я лично знал этого ученого, и поэтому размышления Кона об одиночестве на фоне отечественного и зарубежного признания его научных заслуг заставили меня задуматься над этим феноменом. Да, действительно, он лично не построил дом, не посадил дерево, не был женат и не имел детей, что характеризует настоящего мужчину. Но он посвятил всю свою жизнь науке, опубликовал множество книг и статей, читал лекции в больших и малых аудиториях как российских, так и зарубежных университетов.

Мне – 80 лет. Но я хотел бы написать книгу, не посвященную только научной деятельности, хотя, будучи доктором философских наук (с 1982 года), около 50 лет занимался научными исследованиями, написал и издал 49 монографий и более 800 статей, разделов в коллективных трудах и рецензий (список научных трудов прилагается в конце данной книги). Это, конечно, важная часть жизни, но она не ограничивается только наукой. В жизни человека есть другие сферы, связанные с семьей, детьми, внуками, творчеством, путешествиями, размышлениями над обыденными вещами.

Поэтому в данную книгу включены некоторые вехи жизни, связанные с моими родителями, и воспоминания, отраженные в дневниках, рассказах и переписке с внучками и внуками.

Воспоминания включают в себя четыре дневника, которые я вел на протяжении нескольких лет. От дневников, написанных в период с 1956 по 1961 г. в Боровичах Новгородской области и Пскове, с 1961 по 1962 г., когда меня призвали в армию в учебно-показательную часть в Сертолово Ленинградской области, с 1963 по 1964 г., когда я служил в Вологде, на Дальнем Востоке в танковом училище и снова в Вологде, до дневника отца, написанного в 1974 по 1976 г. в Москве, когда, будучи кандидатом философских наук, у меня родилась первая дочь.

К сожалению, дневниковые записи отца оказались не столь длительными по времени, как хотелось бы. Они прекратились, когда возраст дочери составил всего полтора года. Разумеется, сегодня я корю себя за то, что более сорока лет тому назад у меня не хватило ни времени, ни сил, чтобы продолжить записи, отражающие наблюдения за развитием дочери.

Но в те далекие годы моя работа в одном из научно-исследовательских институтов Академии наук, подготовка к публикации ряда статей и книг, написание докторской диссертации и дальнейшие перипетии, связанные с ее защитой, в результате чего мне трижды приходилось выносить ее на Ученый совет, настолько вовлекли меня в круговерть академической жизни, что мне пришлось прекратить ведение дневника. В то время я полагал, что это временная мера.

Затем произошли радостные для меня события, связанные с рождением второй дочери Натали в 1979 году и сына Алексея в 1982 году. Семейная жизнь и постоянное общение с маленькими детьми оказались настолько завораживающими и отнимающими все свободное и несвободное от академической деятельности время, что дневник отца так и остался незавершенным. Многодетному отцу уже было не до дневниковых записей.

Мы с женой крутились вовсю, стараясь уделять воспитанию троих детей как можно больше времени. Для их вовлечения в совместную деятельность создали семейный кукольный театр «ФАНИ» (Фантазеры, Актеры, Находчивые, Импровизаторы), который со временем перерос чисто семейные границы и стал основой нашей профессиональной работы в качестве руководителей театра кукол на протяжении восемнадцати лет в детском лагере МИД, художественного организатора во время отдыха детей в Болгарии, психоаналитика, работающего с детьми с использованием возможностей театра кукол.

Помню, что когда жене и моим маленьким дочерям потребовалось поехать в Железноводск для прохождения небольшого курса лечения, то мне пришлось остаться одному с годовалым сыном дома в Москве в течение двадцати четырех дней. Сейчас даже не могу представить себе, как удалось справиться со всеми проблемами, связанными с кормлением, пеленанием, прогулками и множеством других хлопот по уходу за маленьким сыном, не прибегая ни к какой посторонней помощи. Но в то далекое время все это было само собой разумеющимся и не вызывало каких-либо сомнений или тревог.

Я успевал что-то писать и публиковать в сфере своей профессиональной научной деятельности. Так получалось, что рождение нового ребенка сопровождалось публикацией новой книги. После рождения сына я в шутку стал говорить жене, что же будет, если я продолжу публиковать свои работы.

А вот дневник отца оказался не только отложенным в сторону на время, но и, как показала дальнейшая жизнь, незавершенным, поскольку я больше не обращался к нему. И это было связано с тем, что описание тех или иных процессов развития собственных

детей и теоретизирование по этому поводу ушло на задний план по сравнению с повседневной (подчас посуточной) практической деятельностью, обусловленной воспитанием троих детей. Так что в то время мне было не до продолжения ведения дневника отца. А жаль! Очень жаль!

Хотелось бы надеяться, что ознакомление с этим, к сожалению, незавершенным дневником отца послужит, возможно, толчком к тому, что кто-либо из молодых отцов решится на подобный шаг и осуществит более длительное по времени и более детальное по описанию наблюдение за развитием своего ребенка.

Подобная задача крайне необходима для понимания того факта, что формирование психики ребенка осуществляется не только в результате воздействия на него материнской фигуры, на чем строятся многие современные психологические и психоаналитические концепции, но и под влиянием фигуры отца.

В конечном счете отец – это не только «инструмент», используемый для зачатия плода, но и тот необходимый для нормального развития ребенка персонаж, который должен и может играть в жизни детей не меньшую роль, чем их мать.

Кроме дневниковых записей в данное издание вошли рассказы, написанные в 1976–1978 годах, то есть в то время, которое многими современниками забыто, поскольку те события повседневной жизни, касающиеся связи с религией, овощными базами, уборкой урожая, партсобраниями, запретами встречаться с зарубежными учеными дома, уже не помнятся. И хотя они воспринимаются подрастающим поколением как анахронизм, тем не менее это наше советское прошлое, и важно знать историю СССР в ее повседневности.

И наконец, в данном издании воспроизводятся те письма между дедом и внучкой, которые имели место, когда я уже стал не отцом, а дедушкой. У моих детей появились дети, а я стал дедушкой трех внуков, проживающих на Кипре, двух внучек, проживающих в Париже и в Москве, и шестого внука, который родился во Франции совсем недавно. С одной из внучек я стал виртуально переписываться, поскольку ей в то время было три года, она проживала в Париже, и мама писала за нее. И, что очень важно, я посылал также письма малышу, который был в чреве матери. Мама испытывала гамму чувств по отношению к неродившемуся малышу, который уже ощущал жизнь в животе, и писала мне за него, а я, будучи дедушкой, вел переписку с ним. Как видим, можно излагать свои мысли по отношению к маленьким детям, так и к тому, что мать назвала «пузожителем».

Буду ли я переписываться еще с внуками и внучками? Не знаю. Они проживают в разных странах – на Кипре, во Франции, в

Чехии. На Кипре трое внуков уже взрослые, к сожалению, они не владеют русским языком. Одна внучка в Париже, с кем я вел виртуальную переписку, является билингвом, то есть знает, как французский, так и русский языки. Вторая внучка жила в Москве до шести лет, но вместе с родителями переехала в Чехию, что было связано с профессиональной деятельностью ее папы, т. е. моего сына. А шестой внук еще только подрастает, хотя он приезжает летом из Парижа на подмосковную дачу, где в течение месяца мы с женой (дедушка и бабушка) находим общий язык с малышом.

И последнее. В книге помещен фотоальбом, дающий представление о некоторых эпизодах, связанных с семейной жизнью и путешествиями, которые совершались в последнее время. Кроме того, она содержит список опубликованных работ автора, включая книги, разделы в коллективных трудах, статьи, рецензии, поэтические сборники.

Хочу выразить благодарность моей жене Лыткиной Галине Васильевне, которая не только вдохновляла меня при написании данной книги, но и приложила массу сил и стараний по ее редактированию.

Особая благодарность ректору Московского института психоанализа Сурату Льву Игоревичу, оказавшему спонсорскую помощь в публикации данного труда.

Валерий Лейбин

Москва, 2022 г.

Часть I
Вехи жизни

Родословная

Я родился 8 марта 1942 года в селении Хмелевка Зуевского района Кировской области. До этого мои родители жили и работали в Боровичах Новгородской области. Однако началась война, враги приближались к Москве и Ленинграду, а город Боровичи находился между ними, и родители вынуждены были уехать в тыл в Кировскую область. Правда, оказалось, что город Боровичи не был оккупирован фашистами, поскольку он находился в 30 километрах от железной дороги Москва – Ленинград, но тем не менее многие жители переезжали в Сибирь, на Дальний Восток, чтобы сохранить свою жизнь. Поэтому я появился на свет именно в селении Хмелевка, где мои мама, папа и бабушка находились во время войны.

К сожалению, мой папа Лейбин Моисей Гиршевич, родившийся в 1913 году, умер от воспаления легких в 1943 году, когда мне было около одного года, в результате чего у меня нет воспоминаний о нем. Осталась только фотография отца и впечатления моей матери о нем, когда она говорила о том, что папа был молодым, веселым, любил играть в шахматы. Позднее, когда в 60-х годах, я был в Ленинграде и познакомился с сестрой отца Любовью Григорьевной Левянт, я кое-что узнал о родословной по отцовской линии.

Его отец Григорий Лазаревич родился в 1882 году, был служащим и умер в 1919 году от скарлатины. Его мама Кроль Нисья Моисеевна родилась в городе Новозыбково в 1883 году, воспитывалась в зажиточной семье, окончила женскую гимназию, прекрасно пела, работала заведующей детским садом, потом бухгалтером и в возрасте 53 года умерла от туберкулеза в 1935 году. Перед смертью она написала письма своей дочери Любе и передала их сыну (моему отцу), чтобы он посылал ей эти письма в Ленинград, куда Люба переехала, выйдя замуж за Гришу (Левянт Гирша Менделевич) в 1932 году. Дав обещание своей матери, Моисей переслал Любе около 10 писем, так как не хотел ее расстраивать, поскольку она была беременной. Ее дочь Нина родилась 28 апреля 1935 г., подросла, поступила в медицинский институт, но умерла от рака крови 22 июня 1957 г. Люба и Гриша сильно переживали, после этого у них не было детей.

Люба и Гриша вызвали в Ленинград Моисея, который проживал в 12-метровой комнате на улице Герцена. До этого Моисей с 15 лет работал чернорабочим на железной дороге. В 1935 г. Моисей уехал на стройку по набору недалеко от города Боровичи, затем перебрался в сам город, где окончил

счетоводные курсы и познакомился с моей мамой.

Более подробно я знаю информацию по материнской линии.

Мой дедушка Осипов Ефим Осипович родился в городе Боровичи в 1880 году. Он был настолько известным портным, что у него были заказчики из Санкт-Петербурга, и он сам ездил туда, или к нему приезжали. В Боровичах его семья жила в отдельном доме, был сад. К сожалению, он выпивал, и проходило несколько дней, когда он не работал. Потом отходил, усиленно работал портным и обеспечивал свою семью, состоящую из троих детей.

По рассказам бабушки, дедушка был не то чтобы жадненьким, но деньги были у него, и ей приходилось просить их на ведение хозяйства. Семья была зажиточной. После революции была денежная реформа, когда керенки менялись на другие деньги. И когда после смерти дедушки, который умер в 1937 году, бабушка обнаружила, что в ножке обеденного стола была спрятана большая сумма денег по тем временам, то она очень переживала и печалилась, так как прошла реформа и спрятанные деньги не имели силу.

Моя бабушка Елизавета Ивановна родилась в Санкт-Петербурге в 1883 году. Жила недалеко от Витебского вокзала. Имела два класса образования, но любила читать. Работала поваром в одном из ресторанов. Познакомилась с дедушкой, когда он приезжал в Санкт-Петербург. Вышла за него замуж и в 1904 году переехала в Боровичи к мужу, где родила троих детей. Умерла в 1969 году в возрасте 86 лет.

Старший брат моей мамы Василий родился в 1905 году. Он не получил никакого образования. Его папа (мой дедушка) учил его портному делу, но ничего не получилось. Василий работал официантом в ресторане, слесарем при заводе, затем пожарником. Он был такой любвеобильный, что у него было три или четыре жены и дети. Умер в 1957 году.

Моя мать Осипова Антонина Ефимовна родилась в 1911 году. Ее младшая сестра Людмила родилась в 1915 году. Их родители и трое детей жили в частном доме, где был неплохой сад и много фруктовых деревьев. Позднее Людмила рассказывала, как ее мать делала тесто, пекла пирожки с яблоками, которые лежали на чердаке дома. В доме было молоко, делали сметану, хранили в крынках. Антонина с краю подрезала пенку и выскребала сметану, которая была очень вкусной. И как только бабушка замечала это, то все шишки доставались Людмиле, поскольку оказывалось, что Антонина умудрялась оправдываться от данного поступка.

Девочки подрастали, ходили в школу и задумывались о получении высшего образования. У них не было большого выбора,

поскольку их семья не относилась ни к рабочему, ни к крестьянскому сословию. Так или иначе, Антонина выбрала педагогическую специальность, а Людмила – медицинскую.

Антонина поступила на заочное отделение в педагогический вуз в Ленинграде. Закончила его, стала преподавать русский язык и литературу. Она начала трудовую деятельность с обучения слепых. Потом познакомилась с одним мужчиной (это был уже мой папа) таким образом: он работал бухгалтером на Горно-керамическом комбинате обжигальщиков, который славился на всю страну, поскольку на нем изготовляли огнеупорный кирпич, предназначенный для домен. Будучи бухгалтером, он продолжал заочно учиться и, выполняя задания, столкнулся с тем, что у него были проблемы с русским языком. Встретившись с Антониной, Моисей стал брать у нее уроки. Вскоре они влюбились друг в друга и стали мужем и женой. Они прожили пять или шесть лет, хотели ребенка, но Антонина не могла забеременеть.

Июнь 1941 года. Началась война. Через несколько месяцев немцы подходили к Москве и Ленинграду. Было принято правительственное решение, что крупнейший в стране Горно-керамический комбинат обжигальщиков переезжает в тыл. Мой отец, будучи бухгалтером комбината, мать и бабушка уехали в Кировскую область, где в марте 1942 года я появился на свет.

Я не задумывался над своим рождением. Но после 70 лет, когда я оказался в больнице с аритмией сердца, мне пришлось заняться самоанализом и рассуждать о причинах госпитализации. В процессе самоанализа я выявил следующее. Очевидно, что мое зачатие произошло буквально в несколько дней после объявления о нападении Германии на нашу страну. У моих родителей было страстное желание иметь ребенка. Но в силу физиологических проблем это желание не реализовалось в течение нескольких лет. И вдруг стресс. Начало войны может оказаться концом сексуального общения между любящей парой, поскольку фронт или другие обстоятельства жизни способны надолго, если не навсегда, прервать реальное, а не воображаемое общение между ними. Стресс дает толчок к запуску перестройки организма матери, в результате чего наступает долгожданная беременность. Во всяком случае, беременность моей матери случилась сразу же после объявления войны, то есть в конце июня 1941 года.

В эвакуации мои родители, бабушка и я испытывали такие же трудности, как и большинство людей, находящихся в тылу. Мама как-то бегло говорила, что было тяжело, когда они приехали в Зуевский район Кировской области, где их разместили в доме у каких-то хозяев. Не было продуктов, одежды. Через какое-то время отец заболел: у него был туберкулез легких, плюс, конечно,

недоедание. В 1943 году он умер, когда мне было чуть больше года. И видимо, мама работала учителем, чтобы как-то прожить с маленьким ребенком. Мама и бабушка оставались в эвакуации до 1945 года, когда закончилась война.

Будучи маленьким ребенком, я ничего не помню ни об эвакуации, ни о своем отце. Единственное – осталось в памяти та картина, которую я видел в детстве. Я стою на холме среди берез и смотрю вдаль, где проходит железная дорога. Едет поезд, из него идет дым, и я машу своей рукой вагонам уходящего поезда.

В 1945 году семья переехала обратно в Боровичи. Жить было фактически негде, так как дома и сада, которые были у бабушки и дедушки, после возвращения из эвакуации уже не стало. Мама и бабушка устроились у старшего брата Василия, который жил с семьей. В пожарке, где было служебное помещение, нам выделили небольшую комнатку. Жили впроголодь. Мама рассказывала, что у меня были на голове какие-то волдыри, корки.

В Боровичи вернулась с войны младшая сестра мамы Людмила, которая была на фронте врачом. Как военнослужащая она имела право на получение жилья. Вскоре Людмила получила комнату в пятиэтажном доме ИТР (инженерно-технических работников). Очень маленькая комната, метров 6–7, причем в общей квартире, где семей было пять или шесть. Комната была на первом этаже. Такой длинный коридор, ряд комнат соседей, и в одной проживала Людмила. В эту комнату въехали моя мать, бабушка и я.

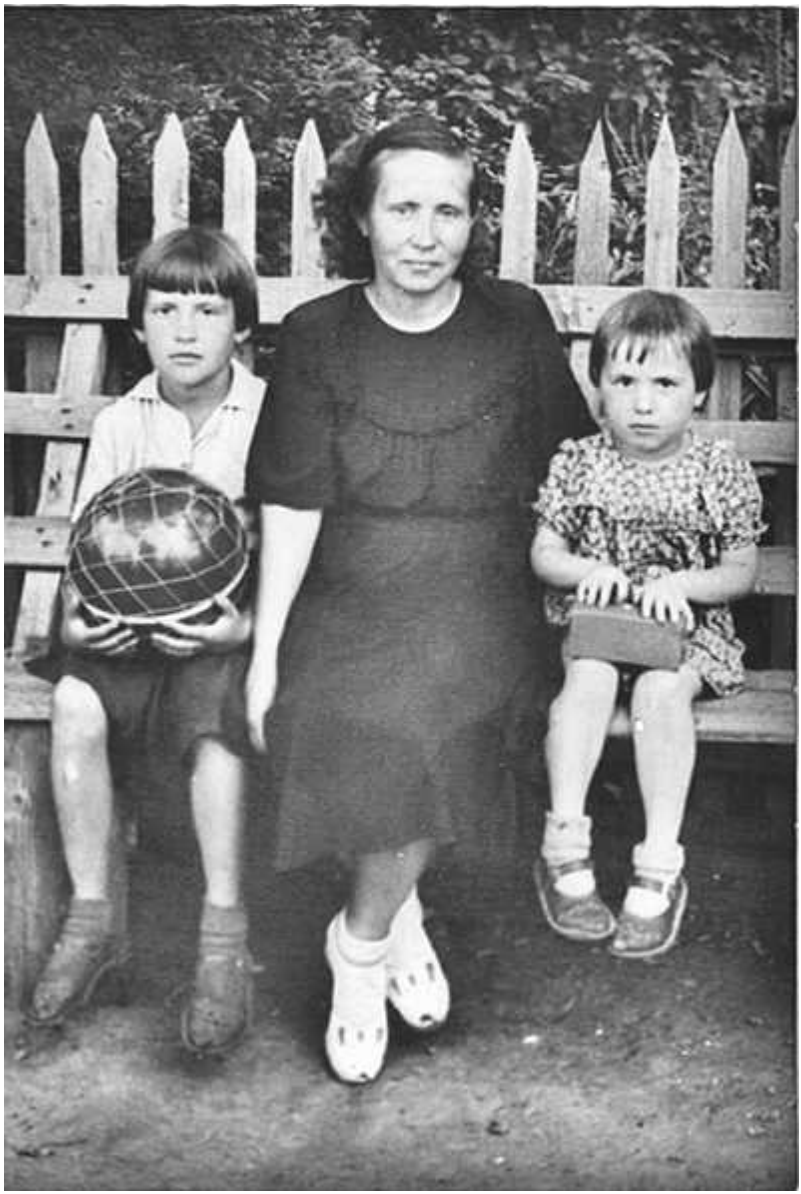
На фронте Людмила познакомилась с мужчиной, офицером. После войны он позвал ее к себе в город Солнечногорск, примерно 60 километров от Москвы. Они решили пожениться, и Людмила вышла за него замуж и уехала в Солнечногорск. Ее муж, Виктор Владимирович Фомин (1919–1951), погиб в автомобильной катастрофе. Он ехал на грузовой машине, и, видимо, то ли там была дорожная яма, то ли еще что-то другое, но машина опрокинулась, и часть солдат погибла. Людмила осталась одна с двумя детьми, старшей дочерью Галей, родившейся в 1945 году, и младшей дочерью Ириной, родившейся в 1949 году.

Слева направо – Людмила 5 лет, Елизавета Ивановна 37 лет, Антонина 9 лет, Василий 15 лет. Фото семьи Осиповых, 1920 г.

Бабушка Осипова Елизавета Ивановна

Левянт Гирша Менделевич (1899–1985) – муж тети Любы. Левянт Люба Гиршевна (1905–1991) – сестра моего отца, 1934 г.

Нина, 4 года – дочь тети Любы, 1939 г.



Сестра матери Людмила Ефимовна и ее дети Галина и Ира, 1951 г.

Галина, Ира и Людмила

Мой отец Лейбин Моисей Гиршевич (1913–1943), 1940 г.

Моя мать Осипова Антонина Ефимовна (1911–1976), 1965 г.

Детство и юность

Комната в доме ИТР осталась за нашей семьей. Через несколько лет мама, бабушка и я переселились в другую комнату, находящуюся в том же доме, в другом подъезде, но на пятом этаже. Комната была роскошная – аж девять метров в двухкомнатной квартире, где проживала другая семья, состоящая из мужа, жены и мальчика, который был старше меня на три года.

В комнате помещались две кровати, стол и стулья. На одной кровати спали мама и я. В раннем детстве у меня болели ноги, и я не засыпал, пока моя мама не погладит их, согревая теплом, так как я страдал ревматизмом до начала школы. На другой кровати у стеночки спала бабушка с котом. Кот ложился вместе с ней, вытягивал лапы вдоль кровати, как человек, голову клал на подушку, и так они спали. Мы все очень любили рыжего кота. Однажды получилось так, что я шел на кухню, нес посуду и, видимо, стукнул ее о стол. Не заметил, что кот сидел на раме форточки, которая была полностью открыта. От внезапного стука кот испугался и выпал из форточки на улицу. Мы побежали вниз, с пятого этажа, подобрали его, две недели выхаживали, отпаивали молоком, но он оказался такой живучий, что вскоре выздоровел. Видимо, хотя кот упал с пятого этажа, но часть пути из окна он спустился по водосточной трубе, потому что когти были ободраны. Но я, чувствуя свою вину за случившееся, сказал бабушке, что кот выпрыгнул наружу за птичкой, которая пролетала мимо форточки. Бабушка меня не ругала. И через две недели кот полностью выздоровел.

Бабушка и мама жили дружно. Бабушка готовила, любила чай, в основном его пила, ела мало. Я, как правило, был с ней или в детском саду, куда она меня отводила и забирала. Мама все время была в школе, поскольку она являлась учителем русского языка и литературы, а затем стала завучем в одной из школ. Поэтому только в воскресные дни мы были вместе.

Игрушек было мало. Помню, что дома у меня была кукла и бумажные платья, которые можно было менять. В детском саду я дружил больше с девочками, чем с мальчиками. До сих пор помню одну фотографию, где я танцую с девочкой. На мне одежда кавказского джигита, а на девочке – свадебное платье.

Галя (двоюродная сестра) и Лера у ёлки, 1946 г.

Детский сад («Свадьба» по-кавказски), 1948 г.

Смотря на детскую фотографию, возникает вопрос: «Как три года спустя после войны в детском садике сохранился кавказский национальный костюм?» Поскольку немцы не были в городе Боровичи, то одежда и костюмы никак не пострадали и напоминали об интернациональном воспитании в дошкольном учреждении.

В детском садике я был свидетелем одного происшествия, когда дети надсмехались над одним мальчиком. Около детского сада проезжал «говновоз», то есть лошадь с деревянной бочкой, куда кучер выливал «говно», собранное из деревянных туалетов. Мальчишки что-то кричали и дразнили кучера. Тогда он схватил черпак, собрал «говно» из бочки и выплеснул его на одного из мальчиков. Все дети бросились в стороны, и только мальчик, от

которого ужасно пахло, остался стоять и начал плакать. Впоследствии часть детей дразнила этого мальчика, и только некоторые из них, включая меня, проявляли сочувствие к нему.

Лера, 6 лет, 1948 г.

Когда мне было шесть лет, мама стала работать летом в детском лагере и соответственно взяла меня с собой. Именно там она меня учила плавать. Учила таким образом: заходила сама по грудь в воду, брала меня на руки, а потом бросала в воду, чтобы я, барахтаясь, плыл к берегу. Вот так потихоньку я научился плавать, хотя врачи говорили, что мне нельзя по грудь заходить в воду. Позднее, будучи взрослым, я понял, что при рождении у меня были проблемы с сердцем и врачи не советовали купаться в холодной воде.

Лера с двоюродной сестрой Галей, 1951 г.

Мама и Лера (11 лет), 1953 г.

Перед тем как пойти в школу, я заболел и почти месяц лежал в больнице. В школу я пошел не 1 сентября, как все ученики, а на две недели позже, когда вышел из больницы. Школа была расположена довольно далеко от моего дома. Видимо, на это были причины у мамы, которая знала, какие учителя были именно в данной школе. Причем оформление в школу производила не моя мама, которая была учительницей в другой школе, расположенной еще дальше, на другом берегу реки Мсты,

а ее подруга. Она не знала мою фамилию, и поэтому меня записали Осиповым по фамилии матери. Под этой фамилией я прожил несколько лет, пока не получил паспорт.

В первых классах я ходил в вельветовой курточке. На голове была не панамка, а типа тюбетейки, поскольку тогда это было очень модно носить. И помню, гордость у меня была, так как я носил планшет. На фронте военные командиры, офицеры носили такую кожаную сумку, планшет. Там были карманчики, где помещались карандаши, перьевые ручки, линеечки (шариковых ручек-то не было). Не пенал деревянный, а сумка офицерская. Видимо, судя по всему, планшет достался мне от Людмилы, которая была на фронте врачом. Таким образом, планшет был моей гордостью.

Летом мальчики и девочки проводили время на улице. Чаще всего я находился в компании девочек и в первом, и во втором классе ходил с девочками на речку. Мы купались без трусов, девочки не стеснялись меня. Как и девочки, я вышивал крестиком что-то. Не помню, кто научил меня вышивать крестиком, скорее всего, бабушка. Во всяком случае, я крестиком вышил изображение кота, которое бабушке очень нравилось, так как вышивка напоминала того кота, который был в нашем доме.

То, что я находился среди девочек, было, скорее всего, свидетельством того воспитания, которое я получил в обществе мамы и бабушки. До второго класса я ходил в баню в женское отделение вместе с мамой, поскольку после войны во многих квартирах не было ванны. Меня нисколько не смущал вид голых женщин, поскольку я привык к женскому общению. Правда, во втором классе маме сделали замечание, что взрослому мальчику пора бы ходить в мужское отделение бани. Так я стал самостоятельно приобщаться к мытью с мужиками, которые подчас после парилки выпивали и матерились.

Помню, что в те трудные времена, когда не было продуктов, мы делали из проволоки такие приспособления, когда бежали за машиной, где перевозился жмых (спрессованные отходы от зерновых культур), хватали крюком изделия и потом ели жмых в качестве деликатеса. Помню также, что перед праздниками (майскими, Октябрьской революции) позади продуктового магазина, во дворе, были очереди, где продавали муку. Мы, дети, вставали к какой-нибудь тёте, чтобы она получила муку и на нас, а она платила нам десять копеек. Так мы зарабатывали деньги на то, чтобы купить билеты на какой-нибудь фильм. В клубе «Керамиков» был зрительный зал, и мы ходили, как сейчас помню, охотно на фильм о Тарзане, который воспитывался в джунглях. После войны было четыре серии этого фильма,

сделанного в Германии. Мы, подражая Тарзану, произносили звуки и вели себя подобно дикарю. В одной из серий Тарзан попался в джунглях в сети огромного паука. Он никак не мог вырваться из паутин, представлявших собой огромные веревки. Паук приближался к голове Тарзана, и мы испытывали страшный ужас. Потом летом мы ходили в ближайший лес, строили шалаши и носились вокруг, произнося звуки, подобно Тарзану, рукой прикрывая рот и издавая вопли.

Мама, Ира и Галя (дети тёти Людмилы), Лера и Боря (один из друзей детства). 1954 г.

В третьем классе к нам в школу пришла девочка, на которую я сразу обратил внимание и захотел с ней подружиться. До сих пор помню, что девочка приехала в Боровичи вместе с мамой. Мы с девочкой не только подружились, но стали неразлучными друзьями. После школы я нес ее портфель и провожал домой. Как ни странно, мальчишки, даже двоечники, не только не смеялись над нами, но относились к нашей «любви» с уважением. Помню, что один школьник, который был в седьмом классе, хотел «отбить» у меня девочку, но она предпочла меня. Учителя, которые знали о наших отношениях, говорили, что между мальчиком и девочкой в старших классах бывает «любовь», но вот чтобы так, в третьем классе была такая «любовь» в школе, – это редкость.

Мы писали друг другу записки в школе, обменивались

взглядами. Не помню, целовались мы или нет, когда я провожал ее домой после школы, но наша дружба продолжалась на протяжении года. К сожалению, ее мама и дочь уехали в Москву. Мы даже не обменялись адресами, и больше я ее никогда не видел. Остались только приятные воспоминания. До сих пор я помню имя этой девочки – Нелли Козырева.

В четвертом классе я сломал правую ногу. Носился по двору, упал на камень чашечкой колена. Наложили гипс. Несколько недель я был дома. До сих пор осталась отметина на чашечке колена. Был и еще один эпизод, когда я ножиком чистил деревяшку, чтобы получилась дудочка. Я сидел на корточках, нож соскользнул и полоснул левую ногу выше колена. Рана была незначительная, кровь удалось остановить, но шрам остался на всю жизнь.

В школе я не был отличником, хотя был на хорошем счету. В первых классах мне не удавалось чистописание. Некоторые буквы были словно «раскоряки», например, буквы «щ» и «я». С изложением и сочинением были проблемы. Чаще всего я списывал сочинения. В пятом классе были уроки по немецкому языку. Учительница, как я понимаю, не была профессионалом, но мы что-то учили. Помню, что в седьмом классе мы сдавали аж восемь экзаменов. Понятно, что школьникам было трудно справиться с предметами, и позднее восемь экзаменов заменили на четыре.

Уроки по физической подготовке были интересными. Мы лазили по канату, прыгали через «козла», играли в мяч. У меня получались упражнения по легкой атлетике. Но вот зимой ходьба на лыжах представлялась трудной. Я не мог пройти три километра на лыжах, что, как сейчас понимаю, было связано с сердечной недостаточностью, поскольку при рождении были проблемы с сердцем. Но во время войны, когда я родился, врачам было важно спасти новорожденного, а не думать о тех последствиях, которые возможны в процессе дальнейшей жизни. Во всяком случае, мама и бабушка никогда не говорили мне о сердечной недостаточности. Другое дело, что с детства я страдал ревматизмом.

В шестом и седьмом классах я стал общаться с мальчиками. Причем, как ни странно, я пользовался авторитетом у мальчиков. Мы пользовались свободой и все дни, особенно летом, проводили во дворе, на речке, где купались и загорали. Одна из любимых игр – в салочки. Причем салить кого-то из играющих можно только тогда, когда ты находишься под водой. Плывешь, набираешь в грудь побольше воздуха, уходишь под воду на глубину и стараешься уплыть куда-то в сторону, где тебя водящий

не сможет достать. На воде все держатся недалеко друг от друга. Но, как только водящий пытается нырнуть под тебя, ты, насколько хватит воздуха и сил, руками и ногами гребешь в сторону.

Еще одна игра, очень опасная, состояла в том, что находили «утопленника», садились на него и плыли по реке. Утопленник – это одно из намокших бревен, которые сплавляли по реке. Все бревна плывут по воде, а утопленник или совсем скрыт под водой, или над водой торчит только один его конец, в то время как другой находится в глубине или касается дна реки в том месте, где мелко. Найдешь утопленника, оседлаешь его и плывешь по реке, размахивая свободными руками. Правда, под воздействием течения и воронок полузатонувшее бревно крутится. На нем не так-то легко удержаться. Бывали случаи, когда сорванцы срывались с такого бревна. Уходили под воду и стукались головой об это бревно при всплытии на поверхность. Доходило до смертельного исхода, поэтому родители строго запрещали подобные игры. Однако сорванцы забывали о наказах родителей и, увлекшись, бросались сломя голову на поиски новых приключений.

Была и еще одна забава, доставляющая нам удовольствие. У взрослых все происходящее вызывало волнение, беспокойство, тревогу. Эта «детская забава» заключалась в следующем.

На реке в разных местах были сделаны запани. Это специальные сооружения, представляющие собой деревянный настил, точнее соединенные между собой железными скобами бревна. Запань могла простираться с одного берега на другой или ограничивалась одним берегом, но уходила на несколько метров вперед, иногда достигая середины реки. На настиле запани вырезались окна, предназначенные для определенных целей. В частности, некоторые женщины охотно пользовались запанями для стирки белья. Они приносили тазики с водой и располагались у вырезанных окон. Стирали и полоскали белье. При необходимости расстилали его на запани и колотили по нему палками.

Кто-нибудь из сорванцов разыгрывал из себя мальчишку, не умеющего плавать и попавшего в беду. Он шел по запани, подходил к женщинам и, сделав вид, что потерял равновесие, с криком и всплесками рук падал в вырезанное окно. Те женщины, которые видели это, бросались на помощь. Но сорванец уходил в глубину и пропадал. Женщины начинали бить тревогу, кричали, что тонет ребенок, звали на помощь. Пока у запани начинали собираться проходящие мимо люди, сорванец проплывал под запанью, выныривал где-нибудь поодаль от окна, в которое упал,

и присоединялся к тем, кто бил тревогу. Знающие об этой проделке другие мальчишки находились рядом, подключались к спасению утопающего и исподволь подсмеивались над бедными женщинами, забившими тревогу. Потом мальчишки пересказывали друг другу, что творилось на запани и как было, по их мнению, смешно смотреть на то, что происходило. Разумеется, с позиций взрослого человека все это выглядело чудовищно. Но тогда никто из мальчишек не думал о последствиях. И если кто-то не решался на подобный подвиг, то просто подыгрывал тем, кто непосредственно участвовал в проделке.

Город, где проходило мое детство, был сравнительно небольшой, около 60 тысяч жителей. Издревле название «Боровичи» происходило от слова «бор», находящийся на одной стороне реки Мста, и деревни Вичи, расположенной на другой стороны реки. Мы с мальчишками купались на одной стороне реки. Однажды, когда я учился плавать, попробовал свои силы, набрался храбрости и переплыл Мсту. На обратный путь не хватило сил. И я пошел по берегу в трусах, дошел до моста, который был в другой стороне города, и вернулся к своей одежде.

Во дворе дома НТР мальчишки играли в разные игры. В частности, в «штандарт», когда водящий бросал мяч вверх, а все дети разбегались в разные стороны. Как только у водящего в руках оказывался мяч, он кричал: «Штандарт». Все дети застывали в той позе, в которой находились, и водящий бросал мяч в кого-то из парней. Любимой игрой была лапта. Водящий бросал мяч перед собой, а очередной мальчик из одной команды бил палкой по мячу, чтобы он летел в ту сторону, где стояла другая команда. Пока летит мяч, мальчик одной команды бежит, чтобы достичь черты. В другой команде ловят мяч, для того чтобы поймать и ударить им бегущего, пока он не пересек черту. Если это удается, то команды меняются.

Были игры в городки, когда складывались различные фигуры из палочек. Мальчишки находились на расстоянии от фигур и бросали палки в них. Если палка попадала в фигурки так, что они разлетались, то складывалась другая фигурка. Если палка пролетала мимо или задевала только одну часть фигур, то это был проигрыш. Кроме того, была еще одна игра, связанная с тем, что водящий ставил на попа одну фигурку, а другие мальчики бросали в нее палки по очереди. Игра называлась «попа загоняла». Каждый мальчик бросал палку в попа, и если фигурка отлетала, то водящий снова ставил попа. Другой мальчик тоже бросал палку в попа. Так игра переходила от двора по улицам города, пока палки били по фигурке и водящий ставил попа. Но

как только все палки пролетали мимо, каждый брал свою палку, водящий забирал попа и все бежали по улицам города во двор, где начиналась игра, чтобы добежать первым. Кто отставал и прибегал последним, тот становился водящим. И игра продолжалась вновь. Однажды, когда мальчишки бежали по улицам, один длинноногий перепрыгнул движущуюся машину. Потом все смеялись, хотя это было опасно.

В то время когда я рос мальчишкой, Боровичи были местом, куда направлялись те осужденные, которые не могли прописаться ни в Москве, ни в Ленинграде. Это был 101-й километр, расположенный в тридцати километрах от железной дороги Москва – Ленинград. В Боровичах находили приют как уголовники, так и люди, выпущенные из лагерей по политическим мотивам. Нередко мальчишки дрались между собой, примыкали к группам подростков, связанных с кражами и преступной деятельностью. Недалеко от моста находилась тюрьма, где были заключенные.

В доме ИТР жили дети и родители, связанные, как правило, с интеллигенцией. Тем не менее во дворе и на улице дети научались тому, что было связано с блатным жаргоном. Играли в карты, матерились, курили, били камушком по монетам, чтобы забрать деньги. Так, в нашей квартире на пятом этаже жил соседский парень, который был на четыре года старше меня. Он курил и матерился на улице, но не дома. Я тоже попробовал курить. Мне это не понравилось, но я продолжал курить вместе с соседским парнем исподтишка, чтобы мама и бабушка не видели, чем я иногда занимаюсь. Курение продолжалось в течение нескольких месяцев, пока соседский парень не переехал в другую квартиру. В дальнейшем я больше не курил и запах табака не переносил.

Одно время моя бабушка работала сторожем в церкви. Она нашла ночью финку с острым лезвием и принесла в дом. Когда я обнаружил финку, то однажды взял этот нож на улицу и показал его ребятам. При этом я финкой порезал случайно пальто одного из мальчиков. Его мама потом возмущалась моим «плохим» поведением и называла меня хулиганом. Помню, что за этот поступок мама наказала меня. Я стоял некоторое время у сундука, который был в нашей комнате.

Да, вспоминаю еще одну историю, связанную с моей бабушкой. У меня были бородавки на руках. Они никак не проходили, пока бабушка не подсказала один рецепт. Надо было сорвать одуванчики на могиле на кладбище, которое находилось возле церкви. Стебель одуванчика содержал сок, которым нужно было смазывать бородавки на руке. И действительно, бородавки

прошли. Обычно это связывалось с Богом, с церковью. Но, судя по всему, кладбище являлось тем местом, где похороненные трупы «источали» в землю то, что потом впитывали растения. Бабушка знала «целебную силу» одуванчиков. Причем она никогда не говорила, что это от Бога. И хотя бабушка каждое утро осеняла себя крестом, молилась за нас, за наше здоровье, тем не менее она редко ходила в церковь, хотя и работала какое-то время сторожем на кладбище.

В детстве мы праздновали Пасху. Красили яйца, выходили во двор и катали яйца по песку. Мальчишки играли в такую игру. Маленькая горка, каждый из детей катит по песку яйца. Задача состоит в том, чтобы твое яйцо дотронулось до других яиц, после чего ты забирал или это яйцо, или деньги. Были и другие игры. Два мальчика стукались куриными яйцами, и если какое-то яйцо трескалось, то выигрывал тот, у кого яйцо сохранялось целым. А иногда придумывалось следующее. Кто-то приносил каменное яйцо, которое не отличалось от куриного яйца. И конечно, выигрывал тот, у которого было такое яйцо.

Как на Пасху, так и в другие светские праздники, мама и я ходили в гости. Мама особенно дружила с несколькими учителями-женщинами, у которых мужья умерли или погибли на фронте. У них тоже были дети, и мы общались как с ними, так и с мамами. Как правило, трое учителей встречались по выходным дням, пили чай, вели какие-то разговоры. Собирались обычно у двух подруг мамы, особенно у одной, у которой был свой дом, садик, огород. А у нас была всего лишь одна маленькая комнатка. Поэтому такие встречи были невозможны.

Кроме того, у мамы были знакомые, две сестры, которые проживали в частном доме, не были замужем, не имели детей. Когда мы с мамой приходили к ним в гости, они были очень рады и играли со мной. Одна сестра была набожной. Она мастерски разрисовывала большие утиные яйца, на которых были изображены церковь и иконы. Часть яиц она давала нам в подарок, и поэтому у нас дома была коллекция таких сувениров. Другая сестра не отличалась набожностью. Довольно часто в их дом приходил мужчина, который отличался юмором.

Мужчина был еврей, юрист Нахмансон Михаил. Судя по всему, этот мужчина нравился моей маме, а она ему. Позднее я спрашивал маму, почему они не поженились. Она отвечала, что у нее есть сын и она не хотела, чтобы у меня появился новый папа. У нас была дружеская, теплая компания, поскольку мужчина рассказывал анекдоты, смеялся и всячески веселил и меня, и женщин. Вскоре мужчина был арестован, поскольку его коллега доложил куда следует о политической составляющей одного из

анекдотов. Ему дали срок и выслали в лагерь. Одна из сестер вскоре уехала к нему. К счастью, после смерти Сталина этот мужчина возвратился в Боровичи вместе с сестрой, которая стала его женой.

Как правило, дети не интересовались политикой. Я не помню, чтобы в нашей семье говорилось о сталинских репрессиях. В школе мы были пионерами, ходили на демонстрации, любили родину. В марте 1953 года, когда по радио сообщили о смерти Сталина, многие взрослые люди плакали. Мне было 11 лет, и я, видя, как плачут соседи, тоже пустил слезу, не понимая того, что происходит. Только в последующие несколько лет я узнал о сталинских репрессиях, о ГУЛАГе, о политических интригах в нашей стране, когда стали говорить и писать о культе Сталина и его последствиях.

В седьмом классе мы, мальчишки, захотели попробовать водку. Мы видели те компании, где были драки, парни выходили с ножами друг против друга. Многие вступали в банды, поскольку 101-й километр давал о себе знать и на детях. Во дворе дома ИТР практически не было хулиганов. Но попробовать водку нам хотелось. Четверо мальчиков нашли бутылку водки (видимо, кто-то из взрослых парней принес), зашли в подвал нашего дома и по очереди приложились к бутылке. Через какое-то время голова гудела, но я пришел домой вечером и сразу же лег спать, чтобы бабушка не заметила и не рассказала маме. После этого эксперимента водка не прельщала меня.

Закончив седьмой класс в школе, моя мама посоветовала мне поступить в Горно-керамический техникум. Понятно, что на мамину зарплату было тяжело жить втроем, а техникум давал возможность приобрести специальность для последующей работы. Я помню, что когда появился первый велосипед во дворе, все мальчишки завидовали его владельцу. Велосипед для мальчика приобрел его отец, будучи инженером на Керамическом комбинате и имевший трехкомнатную квартиру в доме ИТР. Поэтому мы с мамой решили, что я не пойду учиться дальше в школе, а попробую поступить в техникум.

В 1956 году, когда мне было 14 лет, я сдал экзамены в Горно-керамический техникум. В конце августа нас, мальчишек, поступивших в техникум, собрали и направили в лес, чтобы мы спилили деревья для стропил. Мы пилили ручной пилой стройные хвойные деревья. Поскольку у нас не было опыта, то, для того чтобы спилить нужное нам дерево, чаще всего нам приходилось пилить те ненужные деревья, на которое падала сосна. Вот так мы приобщались к труду.

1 сентября, когда началась учеба, нас, первокурсников,

собрали и сказали, что учебные занятия будут через месяц. А пока мы поедем в колхоз, для того чтобы оказывать помощь сельскому хозяйству. На следующий день нас повезли в сельскую местность. Вечером нас распределили по домам и сказали, что утром мальчики должны пойти туда, где пасутся быки, запрячь их и возить картошку, которую будут собирать девочки на поле. Мы, городские мальчики, не умели запрягать даже лошадь, а тут быки. Но тем не менее местные жители утром показали, как надо делать, и мы приступили к работе.

Нам сказали, что мы должны заработать «трудодни». По одному «трудодню» каждый день в течение месяца. Кто заработает 30 «трудодней» раньше, того отправят домой. «Трудодень» – это такая плата, которая измеряется не в деньгах, а условно. Потом мы узнали, что такое социалистическое распределение труда. Девочки собирают картошку в поле и в течение дня имеют примерно половину «трудодня», а мальчики возят мешки с картошкой на быках с поля в ригу или на склад, в результате чего могут иметь чуть больше одного «трудодня». Правда, если ты заработаешь 30 «трудодней» за 25 дней, то, как оказалось, таких трудоголиков все равно домой не отпускают. Все студенты возвращаются домой по истечении месяца.

«Мудрые» крестьяне так учили городских мальчишек. Рассыпали мешок соли на дороге, по которой идут быки с нагруженной мешками картошкой. Тот, кто управляет быком, хочет быстрее довести свой груз до места назначения, чтобы вернуться в поле и заработать за день больше «трудодней». Но, оказывается, быки очень любят соль, и пока не съедят соль с пылью, никак не реагируют на крики мальчиков. Хоть матом кричи, хоть понукай быка, он не сдвинется с места, где насыпана соль. А после того как он поест соли, бык идет не по воле наездника на склад, а на водопой, чтобы попить воды. И потом, как не понукай быка, он идет медленно, вразвалку.

Мальчики и девочки приспособились к крестьянской жизни в течение месяца. Хозяева дома, в котором нас разместили, утром готовили нам еду. В печи дымилась ароматная запеканка из картошки, хлеб и молоко. В поле в обед привозили бидоны с молоком. Кое-кто умудрялся ходить в лес, набирали грибов, ягод, и на ужин в домах был суп из грибов или картошка с грибами. А вечером ходили на танцы под баян. Мы даже устроили свою джаз-банду: один играл на баяне, кто-то стучал палочками по ведру, а я играл на расческе. Так что мы весело проводили время, познакомились друг с другом и после месяца в колхозе приступили к занятиям в техникуме.

Четыре года обучения в техникуме не пропали даром. Было

много предметов по химии, включая лабораторные занятия. Математика, русский язык, литература, история, иностранный язык, специальные предметы, сопромат, который был особенно труден. Говорили, что если молодой человек сдаст экзамен по сопромату, то он может жениться. Я не испытывал особых трудностей с предметами, за исключением сочинений, которые я не любил, несмотря на то что мать была завучем в школе и преподавала русский язык и литературу. С немецким языком, после того как я перевел стихи Гёте на русский язык и в рифмованной форме написал их, также проблем не было. Преподавательница ставила мне отлично или хорошо, хотя я не заслуживал таких оценок. Кстати сказать, когда мне было шесть лет, я впервые написал четверостишье о природе и впоследствии что-то сочинял. К сожалению, у меня не сохранились стихи тех лет, включая перевод Гёте.

1957 г. (15 лет)

В техникуме я стал заниматься спортом. До этого, будучи мальчиком, я стал закаляться. Поскольку в детстве у меня был ревматизм ног, то я наливал в таз воду и ставил в него ноги. Постепенно вода была нормальная, потом охлажденная, а затем ледяная. В техникуме все было в порядке с ногами, а впоследствии я мог зимой ходить в легких ботинках, когда был мороз до 25 градусов, и даже в 45 градусов, как это было в Эвенкии, когда в 70-х годах я находился в командировке.

1958 г. (16 лет)

В техникуме у нас был хороший преподаватель физкультуры. Мы занимались легкой атлетикой, волейболом, баскетболом. На втором курсе я поступил в баскетбольную секцию и занимался баскетболом два или три раза в неделю. Кроме того, я занимался десятиборьем. На четвертом курсе техникума я входил в команду, которая участвовала в республиканских соревнованиях. Мы поехали в Новгород, где я выступал в десятиборье. Как сейчас помню, мы ехали на поезде, взяли с собой шест, с которым я

выступал. Не помню, какое место занял на республиканских соревнованиях, но, видимо, второе или третье. Да, будучи в Новгороде, я пришел в гости в семью юриста Нахмансона, с которым и с его женой дружила моя мама, после того как они уехали из Боровичей. Впоследствии в 70-х годах мы с ними переписывались.

Перед завершением учебы в техникуме мы с баскетбольной командой отправились на республиканские соревнования по северно-западной зоне. Соревнования проходили в городе Ярославле. Тогда впервые мы столкнулись с командой из Ярославля, один игрок которой был выше 2 метров. У нас игроки были ростом намного меньше, и мы, конечно, проиграли этой команде, боровшейся за первое место. Но наша команда заняла 4-е место в соревнованиях, и всем нам был присвоен первый разряд по баскетболу среди юношей.

В техникуме у меня появились друзья. По баскетболу наиболее близким стал Евгений Бочаров. Мы были одного роста с ним, неплохо играли в команде. Поскольку его дом был рядом с техникумом, то я ходил к нему в гости, знал его маму и сестру. Вместе с сестрой мы гуляли, ходили на танцы. Еще один друг Михаил Ахмедов жил с мамой в том же доме ИТР, где проживал и я. Он увлекался фотографией. Я частенько приходил к нему, и мы что-то снимали, проявляли пленку, сушили фотографии на веревке при помощи прищепок. Именно тогда у меня появился интерес к фотографиям. Я приобрел фотоаппарат «Смена», научился ставить выдержку и делать фотографии достопримечательностей Боровичей, включая дом ИТР, Клуб керамиков, мост через реку Мсту. До сих пор у меня есть те фотографии, которые я снимал в середине 50-х годов прошлого столетия и которые напоминают юношеские годы.

Михаил Ахмедов, Евгений Бочаров и я, 1958 г.

В субботу и в воскресенье мы ходили на танцы в парк. Однажды, когда мы возвращались с танцев домой, к нам подошли парни и попросили закурить. Мы не курили, и один из парней замахнулся на меня кулаком. Но я не шелохнулся и продолжал стоять. Позднее парень сказал, что если бы я струсил и испугался, то хулиганы избили бы нас. Это не значит, что я был храбрый. Я просто не среагировал на занесенный кулак. Из этого случая я сделал вывод, что необходимо быть начеку, не трусить перед опасностью, не показывать свой испуг.

1959 г.

Дом ИТР, в котором жил с 1946 по 1960 г.

Клуб керамиков, 1958 г.

На втором курсе, когда мне было 16 лет, я получил паспорт. До этого времени и в школе, и в техникуме моя фамилия была Осипов по матери. По метрике паспорт выдали с фамилией Лейбин по отцу. Я долго привыкал к новой фамилии. Были и такие курьезы, когда одни преподаватели техникума вызывали к доске Осипова, а другие, новые преподаватели смотрели в журнал и называли меня Лейбиным. Но постепенно я привык к смене фамилии.

После летнего отдыха один студент в нашей группе рассказывал, как он был в Англии. Он выступал перед студентами нашей группы и в актовом зале техникума. Его рассказы об Англии были весьма увлекательны, поскольку никто из студентов никогда не был за границей. Многие завидовали ему. Надо же, повезло юноше, который выехал за рубеж и посмотрел, как там живут! Но через некоторое время выяснилось, что данный студент не был в Англии, он все придумал и, обладая воображением, рассказывал о том, что могло бы быть, если бы это было правдой. Студента не выгнали из техникума, но многие его друзья отвернулись от него.

Когда я был на четвертом курсе в техникуме, к нам домой приехала моя двоюродная сестра Галя из Солнечногорска. Галя – старшая дочь маминой сестры Людмилы, и я ездил подчас на каникулы в Солнечногорск. Во время летних каникул мне пришлось выступать на соревнованиях по легкой атлетике за больницу, где работала тетя. Мы выезжали с тетей и ее дочерями в Москву, посетили выставку ВДНХ, где впервые я попробовал пепси-колу, которая мне не понравилась. Через месяц Галя

приехала в Боровичи и захотела поступить в горно-керамический техникум, где я учился. Сдавая экзамены в техникум, она проживала у нас в 9-метровой комнате, где мы фактически спали на полу. Галя хорошо училась, поступила в техникум, обзавелась подругами. Одна из них мне понравилась, я провожал ее домой после танцев в парке.

К концу четвертого курса студенты писали диплом. У меня была тема по производству кирпича на заводе, которую я защитил на «отлично». Потом было собрание, где выпускникам техникума предлагалась работа в различных организациях. Поскольку я не был круглым отличником, то будущую работу пришлось выбирать по успеваемости в очередном порядке. Те, кто были впереди меня, выбирали те предприятия, которые были вблизи Ленинграда. Когда подошла моя очередь, то я выбрал радиозавод, находящийся в городе Пскове. Итак, будучи по специальности техником-технологом, я начал трудовую деятельность, уехав из города Боровичи, где прошли детство и юность, в другой незнакомый мне город Псков.

Работа, армия, учеба в университете и аспирантуре

Поездом прибыл в Псков. Пошел на радиозавод, где меня оформили и дали общежитие, находящееся в жилом доме, где была трехкомнатная квартира, предназначенная для сотрудников, работающих на данном предприятии. Предложили место мастера в цехе, где трудились девушки и женщины. Но поскольку я хотел окончить 10-й класс и получить аттестат зрелости, чтобы поступить в какой-то вуз, мне показалось, что у мастера будут проблемы с ответственностью и нехваткой времени на учебу. Рядом с домом, в котором я поселился, была школа рабочей молодежи (ШРМ), где можно было окончить 10 классов. И поэтому я решил стать рабочим обжигальщиком, чтобы все время отдавать учебе, тем более что ШРМ была сменная, то есть можно ходить на занятия вечером, а на следующий день с утра до обеда. Такой график обучения совпадал с графиком работы обжигальщиков, когда в один день смена начиналась утром и продолжалась 12 часов, а на второй день – с 20 часов вечера и до 8 часов утра. Таким образом, я совместил работу с учебой.

Работа была несложной. Женщины составляли поддоны из радиодеталей. Я грузил их на тележку и загонял в печь. Поддерживал необходимую температуру, чтобы радиодетали, пройдя путь от входа до выхода, становились прочными. На выходе я крюком вытаскивал тележку для выгрузки поддонов. Правда, температура в печи была высокой, где-то 120–130 градусов, и радиодетали накалялись так, что можно было обжечь руку или волосы, но со временем я привык. Я записывал температурные данные в журнал и сидел два часа, пока поддоны с радиодеталями не достигали стандарта, а потом вытаскивал их для выгрузки. Можно было договориться с другими обжигальщиками, когда я оканчивал смену не в 20 часов вечера, а немного пораньше, чтобы успеть на занятия в ШРМ, которые начинались в 19 часов. Вот в таком темпе я работал целый год, пока не получил аттестат зрелости.

Мои товарищи по квартире были старше меня. Как правило, они выпивали не только по праздникам, но и в будние дни. Меня также приглашали в компанию, наливали водку, коньяк. Однажды я выпил коньяк «Двин», причем по неопытности так сильно перебрал, что после этого не мог терпеть запах этого коньяка. К счастью, работа и учеба не оставляли времени для отдыха. Старшие товарищи понимали мое стремление к учебе и, выпивая

дома, старались не втягивать меня в очередную попойку.

Мне нравилось учиться в школе рабочей молодежи. Если в техникуме написание сочинений было проблемой для меня и приходилось нередко списывать их, то неожиданно я стал писать самостоятельно сочинения на ту или иную тему. Если раньше математика меня не привлекала, то в 10-м классе я увлекся математическими заданиями. По остальным предметам были отличные оценки. Учителя русского языка и математики, две отличные женщины, умели заинтересовать своим предметом, и я подружился с ними. В нашем классе была одна ученица, которая была старше меня на четыре года и была замужем. Я немного увлекся этой женщиной, она отвечала мне взаимностью. Она приходила ко мне домой, где я проживал, но, познакомившись с инженером, который жил с нами в квартире, женщина отдала предпочтение ему. Ну а я продолжал учиться, пока не получил аттестат зрелости.

Одна девушка из параллельного класса хотела поступить в Ленинградский институт авиационного приборостроения. В тот момент я не определился, в какой вуз мне поступать. Но Ленинград прельщал меня, поскольку там была моя тетя по отцовской линии, в детстве я с мамой был у них в гостях и мне понравился этот город. Поэтому, не задумываясь о дальнейших перспективах, я решил попытаться сдать экзамены в институт авиационного приборостроения.

Приехав в Ленинград, я остановился у тети Любы, которая жила с мужем в общей квартире, где было еще трое соседей. Квартира была в центре Ленинграда, на улице Майорова. Я сдал три экзамена в институте авиационного приборостроения, два по письменной и устной математике, но по сочинению получил неудовлетворительную оценку. Пришлось возвращаться в Псков на работу. Мои товарищи говорили, что можно поступить в Псковской педагогический институт. Я сдал документы туда, где зачли ранее сданный экзамен по математике, получил «отлично» по сочинению и фактически поступил в педагогический институт. Но я принял решение пойти в армию, поскольку был призывником, чтобы потом поступить в другой вуз. Вот так я оказался на срочной службе в рядах Советской Армии.

25 ноября 1961 года из военкомата Пскова вместе с другими призывниками я был передан офицеру, который повез нас поездом до Ленинграда, а потом на электричке в часть, расположенную в Сертолово. Это была учебно-показательная часть, где нас, курсантов, обучали строевой, боевой подготовке и вождению танков, поскольку из молодых людей готовили водителей танков. К нам в часть приезжали зарубежные военные,

и поэтому в гарнизоне были порядок и чистота. Доходило до того, что курсанты мыли асфальт и красили зеленой краской траву, перед тем как приезжала зарубежная делегация. Никакой дедовщины не было, поскольку с нами занимались офицеры и некоторые сержанты, оставленные в части для обучения молодых. Правда, были и наряды, когда кто-то из курсантов спорил или нарушал дисциплину, в результате чего кое-кто мыл туалет. Сержанты иногда злоупотребляли властью, особенно выделялись украинцы. Однако дедовщины не было, как это проявлялось в других частях, где наряду с солдатами первого года служили те, кому оставалось немного до дембеля.

Прошел год, курсанты сдали экзамены, стали механиками-водителями среднего танка. После распределения курсанты разъехались по разным местам страны. Меня направили в часть, расположенную в городе Вологда. Но я пробыл там всего полтора месяца, поскольку нас агитировали поступить в танковое училище. Сейчас я понимаю, что в то время (1961–1963) укреплялись ракетные войска и нужны были водители-механики танков, на которых крепились ракеты. Танковое училище готовило в экстренном порядке, всего за год, специалистов. Во всяком случае, когда мне сказали, что, окончив танковое училище, у меня будет преимущество поступать в вуз, то я дал согласие на это. И вот, в январе 1963 года я и трое солдат из нашей части поехали из Вологды в танковое училище, расположенное на Дальнем Востоке. Мы ехали восемь суток на пассажирском поезде с пересадками в Свердловске, Красноярске, Белогорске. Рассматривали пейзажи из окна поезда, тем более что для меня это было первое длительное путешествие по стране, где я мог полюбоваться Уралом, Западной и Восточной Сибирью, Дальним Востоком. Через восемь суток мы прибыли в Моховую Падь, недалеко от Благовещенска. Именно там было расположено Дальневосточное танковое училище, где мне предстояло учиться в течение года.

В танковом училище было легче, чем когда я служил в армейской части в Вологде. Ложки и вилки в столовой, еда более вкусная, учебные занятия интереснее. Поскольку я занимался спортом, то была создана команда по ручному мячу, где мы готовились к первенству и, следовательно, занимались тренировками, когда другие курсанты занимались строевым шагом на плацу. Я был выбран комсоргом роты, общался с офицерами, когда наш майор уговаривал меня остаться в армии, поскольку после экзаменов курсантам присваивалось звание младшего лейтенанта, если они хотели служить дальше. Замполит говорил о том, что у меня есть перспектива, можно

поступить в военную политическую академию. Однако в душе я оставался при своем мнении, не хотел быть военным, не иметь свободы, а на гражданке мечтал поступить в тот институт, который представлялся мне тогда наиболее перспективным и связанным с дипломатией. Речь идет о МГИМО, о котором я, судя по всему, читал в газетах, поскольку в статьях обсуждались политические события, связанные с Китаем.

Рядовой учебно-показательного полка в Сертолово, 1962 г.

На занятиях в Сертолово, 1962 г.

Водитель танка Т–54, 1962 г.

У карты с автоматом, Сертолово, 1962 г.

Курсант Дальневосточного танкового училища (Моховая Падь), 1963 г.

Командир взвода, 1964 г.

В частности, когда я был в увольнении в Благовещенске, то видел, как по Амуру шел китайский пароход, потом он разворачивался в сторону нашей границы и волной выбрасывал плавающих людей на берег. В то время отношения между нашей страной и Китаем были напряженными, происходили различного рода инциденты, включая некие провокации на Амуре. Я стоял на берегу Амура, смотрел, как по другую сторону реки на китайской территории лилась музыка, проходили танцы, и инцидент с китайским пароходом произвел на меня такое впечатление, что мне захотелось стать дипломатом, поступив в МГИМО.

Через год курсанты сдали экзамен в танковом училище. Большинство курсантов, примерно 300–350 человек, получили звание младших лейтенантов, и только около 10–15 человек остались на срочной службе. Тем, кто не захотел быть офицером,

присвоили звание сержантов и направили по месту службы. Мне, видимо комсоргу и сдавшему экзамены на отлично, присвоили звание старшины. Направили в штаб Ленинграда, чтобы я, скорее всего, вернулся в военную часть Вологды.

В конце декабря 1964 года я выехал поездом в Ленинград. Это был не пассажирский, а скорый поезд, поскольку я заранее продумал, что в новогоднюю ночь можно съездить в Боровичи к маме и бабушке на несколько дней, а потом вернуться в штаб Ленинграда для прохождения дальнейшей службы в Вологде. Хотя это было рискованное путешествие, явно не по уставу, тем не менее, рассчитав время, я побывал дома, отметил Новый год и через несколько дней прибыл в штаб Ленинграда. Все обошлось благополучно, и меня направили в ту же часть, в которой я был до танкового училища.

Я стал командиром взвода в роте, где два взвода возглавляли кадровые офицеры. Мне дали отдельную комнату в казарме, я свободно выходил из воинской части в город и поступил на подготовительные курсы для поступления в вуз. Раньше в армии такого не было, чтобы старшина срочной службы был командиром взвода. Поэтому я находился на особом положении, и командование части не знало, как себя вести в подобных случаях.

Так, мне замполит предложил вступить в ряды КПСС, поскольку командир взвода должен быть коммунистом. Надо сказать, что в то время я верил в коммунистические идеалы и подал заявление в партию, причем в стихах. Замполит не знал, что делать, поскольку никогда не сталкивался с подобным заявлением. Судя по всему, он консультировался в штабе округа, в результате чего меня попросили написать обычное заявление для приема в партию. Но я написал стихотворение, в котором были строки о формализме, о культе Сталина. И поместил его в солдатской газете, которая издавалась в роте. Прошло несколько дней, пока инцидент рассматривался в штабе округа. Судя по всему, мое заявление в стихах о приеме в партию все же приняли, и я стал через некоторое время кандидатом в члены партии.

Наряду с обязанностями командира взвода подготовка к экзаменам в вуз отнимала много времени, и я не пользовался той свободой, которая была у меня в отношении выхода из воинской части в город и знакомства с девушками. Направив письмо в Москву для поступления в МГИМО, я ждал ответа, но, к сожалению, приемная комиссия так и не ответила. Я опасался, что если не поступлю в вуз, то не исключена возможность остаться надолго в армии. Поэтому после окончания подготовительных курсов я подал документы на философский

факультет в Ленинградский университет, а также договорился о сдаче экзаменов в Вологодский педагогический институт.

Так получилось, что я успешно сдал экзамены в эти два вуза. Естественно, что предпочтение было отдано философскому факультету ЛГУ. Там я набрал на экзаменах 13 баллов из 15 и мог выбирать любую кафедру. Кафедра научного коммунизма, куда брали абитуриентов с 12 баллами, меня не привлекала, в то время как кафедра истории и философии представлялась важной в плане серьезного изучения философской мысли. Итак, поступив на философский факультет ЛГУ, я был демобилизован из армии в звании младшего лейтенанта.

Как обычно, в сентябре студентов отправили в колхоз. Поскольку у меня не было гражданской одежды, то я носил офицерское обмундирование, что оказалось весьма соблазнительным для девушек нашего курса. Некоторые проявляли интерес ко мне. В колхозе студенты познакомились друг с другом, в результате чего, когда мы стали учиться, появились новые компании. Во всяком случае, одна девушка стала встречаться со мной. И хотя у меня были чисто дружеские отношения с ней, она была не прочь выйти замуж. Но поскольку я не стремился завести семью, то через год она вышла замуж за одного из наших студентов, тоже ленинградца, который ухаживал за ней и долгое время ревновал меня к своей жене.

Я поселился в студенческом общежитии в Старом Петергофе, который находился под Ленинградом. Комната на четырех человек, где были студенты первого курса, отслужившие армию. Поскольку денег было в обрез, то мы частенько ходили на овощную базу, где подрабатывали. Разгружали вагоны, приносили овощи на ужин в общежитие. Стипендия была 35 рублей. Этого хватало на оплату общежития, абонемент в университетскую столовую, когда обед стоил 45 копеек в день, ну и плюс что-то на завтрак и ужин. Конечно, мы, демобилизованные из армии, не могли себе позволить платить за электричку, на которой утром оправлялись в Ленинград, а вечером в Старый Петергоф. Поэтому мы ездили без билета на электричке, стараясь убегать от контролеров. Как только появлялись контролеры в вагоне, мы быстро переходили в другой вагон, на остановке выходили из вагона и бежали по платформе обратно, где контролеры уже проверили билеты. Вот так и жили студенты.

Правда, на втором курсе нас переселили в общежитие, которое было недалеко от университета. И часть студентов, у которых не было денег, устроились на работу дворником или кочегаром, что отражалось на их учебе. Что касается меня, то я посвящал все время приобретению знаний, не работал и поэтому

экономил на всем. Так, на ужин я ходил в одну столовую, где за 23 копейки можно было поесть макароны с сыром, два ломтика хлеба и чай. Однако в нашей комнате студенты завели обычай. Как только получали стипендию, мы позволяли себе роскошь, посещали различные рестораны в Ленинграде. Заказывали селедку с картошкой, по 100 граммов водки, и все.

Будучи студентом философского факультета, я занимался спортом. В общежитии на Мытнинской набережной в субботу после 23 часов студенты устраивали танцы. Негритянские студенты приносили свои джазовые пластинки, и мы танцевали до трех-четырех часов ночи, после чего усталые возвращались спать в свои комнаты, чтобы в воскресенье отдохнуть, а потом всю неделю учиться, ходить в библиотеки.

У меня появились друзья, с которыми мы общались как в общежитии, так и на протяжении многих лет после окончания учебы.

Игорь и я купили одинаковые костюмы из ГДР, поскольку они были очень дешевыми, а у нас как студентов лишних денег не было. Позднее оказалось, что костюмы были одноразовые, предназначенные для покойников. Однако мы носили эти костюмы несколько лет.

Носов Владимир, я и Ягодников Игорь (с бумагами) – один из моих студенческих друзей, с которым мы дружили всю жизнь до его смерти в 2010 г., 1966 г.

С другим другом, Кальным Игорем, с которым мы жили в одной комнате в общежитии, мы плавали в Неве. Каждое утро занимались зарядкой, бегали на стрелку Васильевского острова и купались. Вода была довольно холодная. В октябре-месяце было так холодно, что я подумывал, как бы бросить купание в Неве. Но не мог признаться другу в этом. И вдруг мой друг заболел, в

результате чего мы прекратили закаляться в первых числах ноября.

На ноябрьских праздниках все студенты ходили на демонстрацию в составе университета. Мне пришлось пойти в деканат, чтобы отпроситься от данной процедуры, поскольку хотелось поехать на несколько дней в Боровичи. Замдекана по научной части, прекрасная женщина, которая танцевала со студентами на вечеринках, вошла в мое положение, в результате чего я уехал домой. Кстати сказать, философский факультет в эпоху «оттепели» отличался свободой мысли, где студенты могли менять преподавателей, снимать и добавлять какие-то предметы, выступать на собраниях с крамольными идеями, критиковать те решения, которые были приняты сверху.

Несколько дней я провел с мамой и бабушкой. Ходил в горно-керамический техникум на вечер, посвященный ноябрьским праздникам. Там познакомился с двумя девушками, одна из которых, как оказалось, была дочерью директора комбината огнеупоров. Видимо, поэтому юноши стеснялись пригласить девушек на танцы. А я, прослуживший армию и будучи на четыре года старше девушек, ничего не боясь, не только пригласил их на танцы, но и потом пошел провожать их до дома. Оказалось, что Ира (дочь директора комбината) живет в доме ИТР, где когда-то жил и я, но во время моей службы в армии моя мама и бабушка переехали в другую квартиру, находящуюся на расстоянии четырех кварталов от дома ИТР. Впоследствии, на протяжении пяти лет, когда я был студентом ЛГУ, мы встречались с Ирой, поскольку каждый раз, приезжая на праздники или летом, мы были вместе, и я подружился с ее папой и мамой.

На первом курсе философского факультета были не только гуманитарные дисциплины, но и математика, физика, иностранный язык. И хотя в школе и в техникуме я изучал немецкий язык, тем не менее меня привлек английский язык. Конечно, на фоне студентов, ранее изучавших английский язык в школе, мое постижение английского было трудным, тем не менее к третьему курсу я стал читать и конспектировать зарубежные книги. Что касается математики, то все было хорошо. В конце первого курса я сдавал экзамен по математике, но оказалось, существовала одна проблема, не связанная со знанием. Преподаватель математики не любил, когда молодые люди носили бороду. Именно в то время я начал отращивать бороду, и преподаватель на лекциях негативно относился ко мне, считая, что «бородачи» могут не сдать экзамен по математике. Многие студенты говорили, чтобы я сбрил бороду до экзаменов, а то можно вылететь из университета. Но почему-то у меня возник

протест против самодурства преподавателя, в результате чего я пришел на экзамен с бородой. Преподаватель спрашивал меня не только по решению задачи, которая досталась в билете, но и задал многие вопросы, стараясь поддеть меня. Я, как мог, отвечал, тем более что подготовился к экзамену. Во всяком случае, преподаватель признал, что моих знаний по математике достаточно, и поставил в зачетке не отличную оценку, а «хорошо». После экзамена я сбрил бороду, но позднее, несколько лет спустя, вновь отпустил бороду, с которой хожу до сих пор.

Сдав экзамены за первый курс, я поехал в Москву, для того чтобы узнать о переводе в МГИМО, о чем мечтал. Но когда я узнал о дисциплинах и той несвободе, на которую обрекают студентов в данном вузе, я понял, что изучение знаний на философском факультете ЛГУ, где во время «оттепели» царят свобода и демократия, дает больший простор для дальнейшей жизни, включая профессиональную деятельность.

Итак, я остался на философском факультете ЛГУ, черпая знания не только по программе, но и выходя далеко за ее рамки. Я ходил на специализированный курс по социологии личности, который вел молодой профессор философии И. Кон для всего университета сначала в большой аудитории исторического факультета, а затем в актовом зале университета, поскольку приходили студенты с разных факультетов, включая физиков, математиков, биологов. Одно время я посещал лекции на биологическом факультете, особенно связанные с генетикой и евгеникой. Был на докладе члена-корреспондента Академии наук СССР Б. Ананьева «Место человека в современной науке» и даже задавал ему трудные вопросы. Посещал лекцию профессора Сорбонского университета (Франция) Г. Беловаля, посвященную понятию мира и природы в философии XVII – XVIII вв. Был на литературном вечере Л. Гительмана, где он рассказывал о Бертольте Брехте. На втором и третьем курсах после лекций я посещал библиотеки, сперва на историческом факультете, затем общую библиотеку университета, а потом, когда необходимых книг не хватало, добился разрешения на прочтение книг в библиотеке общественных наук.

В лекциях спецкурса «Социология личности» И. Кона я узнал о З. Фрейде, о котором ничего не слышал ранее. Сейчас, когда пишутся эти строки, я нашел свои старые записи 13 лекций И. Кона, которые он читал в октябре – декабре 1966 года. Во второй лекции он уделил внимание теории структуры личности по З. Фрейду, сказав, что Фрейд разработал метод психоанализа, имел ряд заслуг в науке и сама постановка вопроса о значении бессознательного в психике человека имела большое значение. И

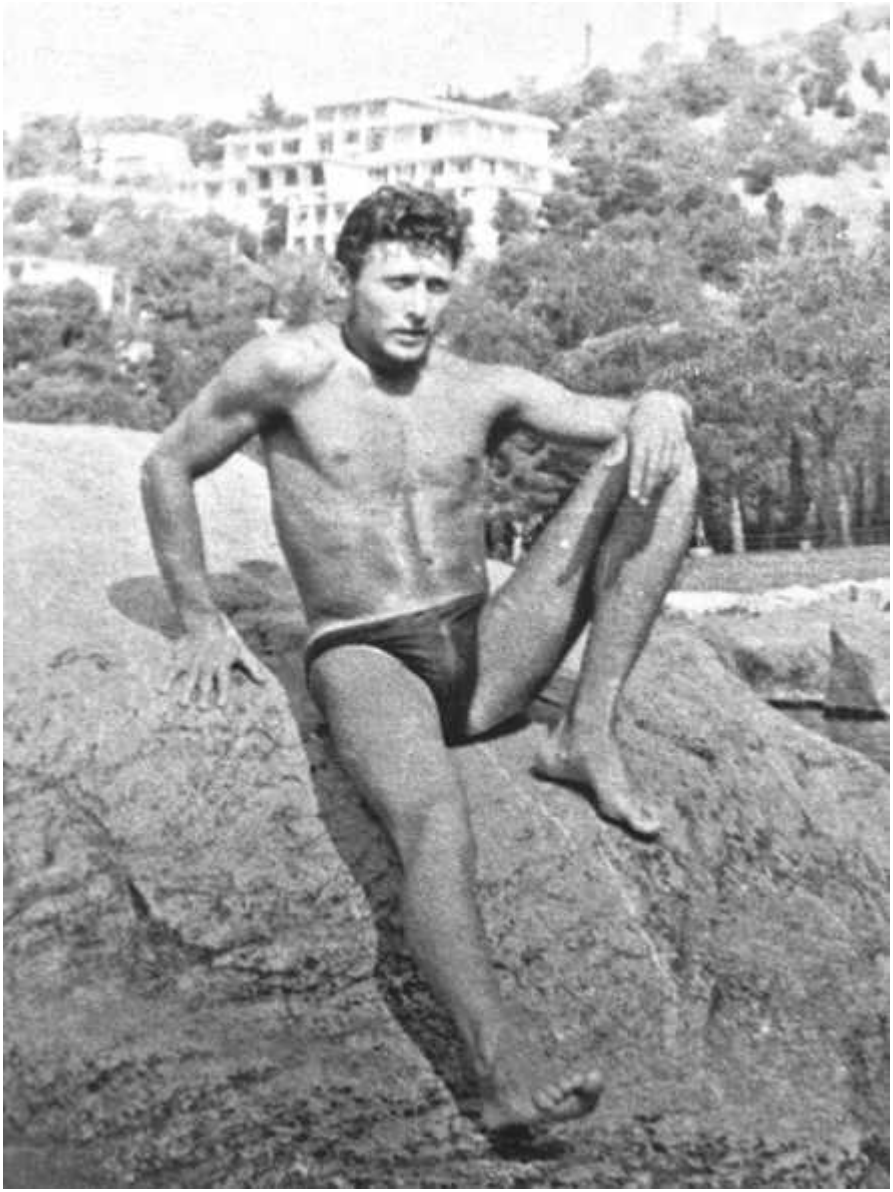
хотя И. Кон высказал ряд критических замечаний по теории Фрейда, тем не менее я обратил особое внимание на данные сюжеты. Поскольку психоанализ в нашей стране был вроде бы запрещен, то у меня пробудился интерес познакомиться с психоаналитическими идеями, поскольку запретный плод всегда сладок. В библиотеке исторического факультета нашлись книги З. Фрейда, изданные в нашей стране в 20-х годах прошлого столетия. В других библиотеках были книги Э. Фромма на английском языке, на которые я обратил внимание после прослушивания лекций И. Кона, где он сослался на неофрейдистов. К тому же я был на лекциях Э. Соколова о неофрейдизме, где Э. Фромму уделялось основное внимание. Поэтому я не только читал эти книги, но и переписывал цитаты и выдержки З. Фрейда, Э. Фромма в тетрадь, позднее используя их при написании диплома.

Начиная со второго курса я досрочно сдавал некоторые экзамены, для того чтобы в Новый год и летом подольше бывать дома в Боровичах, встретиться с Ирой. В апреле и мае я загорал у Петропавловской крепости, которая была недалеко от общежития. Там я готовился к зачетам и экзаменам. Как ни странно, но замдекана шла мне навстречу, хотя части студентов не разрешалось досрочно сдавать экзамены.

На третьем курсе я и двое студентов решили провести летнее время в Крыму. Мы работали месяц на пивзаводе, чтобы накопить деньги для поездки и отдыха в Крыму. Поехали на поезде до Севастополя. Для экономии взяли два билета на троих, в результате чего спали в поезде по очереди. В Севастополе переночевали в каком-то общежитии. Побродили по городу, искупались в Херсонесе. Дошли до Байдарских ворот, а затем пошли пешком в поисках места отдыха. Нам понравилось в Кастрополе, где мы расположились в палатке в горах, поскольку пограничники следили, чтобы отдыхающие не останавливались у моря на ночь. Так мы провели месяц в Кастрополе, готовили пищу у костра и загорали днем на море, спускаясь с гор. Когда уезжали в Ленинград, закопали бутылку с письмом в горах, надеясь, что позднее кто-нибудь из нас вернется в Кастрополь.

Трое студентов в Севастополе

Я и Томилов у пушки



На камне в море (Кастрополь), 1967 г.

Прыжок в море (Кастрополь), 1967 г.

Помню, что поездка в Крым (железнодорожные билеты, еда и прочее) обошлась каждому из нас в 100–120 рублей. Позднее, через три года, я один поехал в Кастрополь, откопал бутылку, прочитал записку, написал новую и закопал в землю. Тогда я снимал комнату в горах. Красота! Спускался к морю и весь день загорал.

В Ленинграде я продолжал усиленно заниматься. По некоторым предметам ходил в группу на год раньше или самостоятельно готовился, чтобы сдать экзамен. Во всяком случае, будучи студентом четвертого года, я сдал все экзамены, кроме выпускного. Передо мною стояла проблема или закончить философский факультет на год раньше, или целый год посвятить изучению тех проблем, которые меня интересовали. Я выбрал второй вариант, тем более что участвовал в студенческой конференции в киевском университете, на философском факультете МГУ и в институте марксизма-ленинизма в Москве, где выступал с докладами.

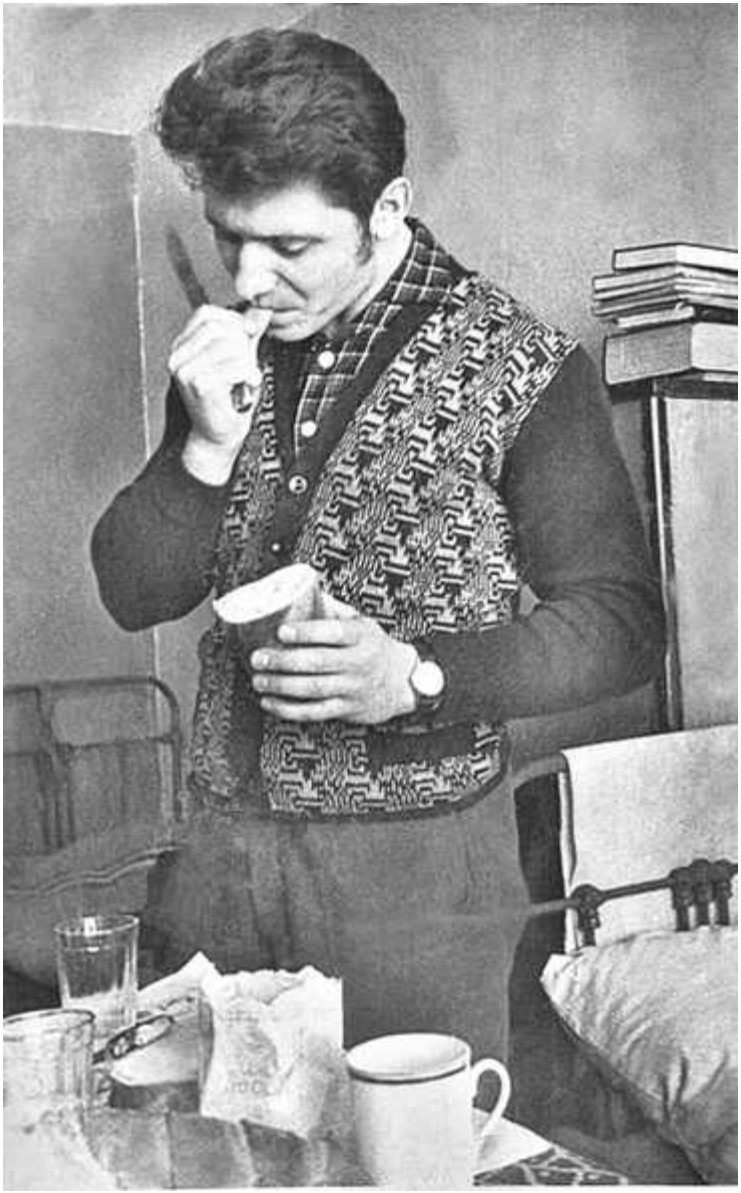
На философском факультете МГУ познакомился с профессором И. Нарским, с которым мы обсуждали возможность стажировки в московском университете. Через некоторое время И. Нарский прислал приглашение на стажировку, и я оформил стажировку на восемь месяцев в МГУ. Мне дали даже подъёмные деньги, которые были использованы в Москве для приобретения югославской пишущей машинки «Эврика», которая была

дефицитом не только для студентов, но и для преподавателей разных вузов.

Осенью 1968 года я поехал на стажировку на философский факультет МГУ. Получил общежитие на Ленинских горах, познакомился со студентами, с которыми жил в одной комнате. Однако моя стажировка на философском факультете длилась недолго, всего полтора месяца. В деканате не знали, что со мной делать, поскольку оказалось, что у меня сданы все экзамены за пятый курс. Увы, но по сравнению с ЛГУ философский факультет МГУ оказался более консервативным, в результате чего деканат предложил мне прервать стажировку из-за невозможности контролировать такого студента. Общежития на Ленинских горах я лишился, хотя около месяца пытался проскочить мимо охраны, поскольку койка в комнате пустовала.

Работа на пишущей машинке «Эврика», которую приобрел на

выданные мне деньги для командировки в Москву, будучи студентом ЛГУ



В общежитии ЛГУ на Мытнинской набережной

Потом я переехал в Солнечногорск к моей тете Людмиле. Она жила вместе с дочерью Галиной, которая окончила горно-керамический техникум в Боровичах, вернулась в Солнечногорск и вышла замуж за офицера. В однокомнатной квартире мы все помещались, тем более что я останавливался у них только на

ночь. Утром на электричке я ехал в Москву, в девять часов уже был в библиотеке им. Ленина, где читал и конспектировал книги, необходимые для написания диплома, до десяти вечера, а потом ехал электричкой в Солнечногорск. Так проходила моя стажировка в Москве, пока она не закончилась, и я возвратился на философский факультет ЛГУ.

В оставшееся время до выпускных экзаменов в общежитии я печатал текст для диплома на машинке «Эврика». Моим научным руководителем была З. Мелещенко, старейший преподаватель на кафедре истории философии, доктор философских наук. В течение ряда лет несколько студентов ходили к ней в гости, где мы обсуждали не только профессиональные, но и житейские проблемы. В качестве диплома я выбрал тему «Проблема отчуждения в современной американской философии и социологии». В то время ученые интересовались проблемой отчуждения, писали статьи, обсуждали на конференциях все, что было связано с данным феноменом. В качестве научного руководителя я выбрал З. Мелещенко, поскольку она была хорошим, чутким человеком. Понятно, что, занимаясь историей философии, она не интересовалась проблемой отчуждения. Но на стажировке я прочитал много книг и статей по данной проблеме и мог самостоятельно написать диплом. Поэтому З. Мелещенко любезно согласилась быть формально моим научным руководителем.

В январе 1969 года на зимних каникулах я был в Боровичах у мамы и бабушки. К сожалению, бабушка была больна, ее разбил паралич, и она лежала в кровати. В тот день, когда я уезжал в Ленинград, бабушка держала мою руку в своей, долго не отпускала и вложила золотую монету царского происхождения. Через несколько дней она умерла.

Я продолжал исследовательскую работу. В частности, на последнем курсе философского факультета ЛГУ появилась моя первая статья, отражающая выступление на студенческой конференции МГУ (Проблема отчуждения в ранних работах К. Маркса. В сб.: К 150-летию со дня рождения К. Маркса. М.: МГУ, 1969).

В Ленинграде, помимо написания дипломной работы, я попытался подготовиться к сдаче кандидатских экзаменов по ряду предметов. Не помню, как добился разрешения на сдачу кандидатских экзаменов до того, как получил диплом о высшем образовании. Но я сдал экзамен по английскому языку в Ленинградском университете и экзамен по специальности в Ленинградском филиале Академии наук, где консультировался и слушал лекции их сотрудников. Интересно, что я получил

«отлично» за сдачу кандидатского экзамена по специальности, а две недели спустя, когда был выпускной экзамен на философском факультете, мне поставили «хорошо». Как бы там ни было, но перед защитой дипломной работы я уже сдал два кандидатских экзамена, для того чтобы в дальнейшем поступить в аспирантуру.

В своей дипломной работе, посвященной проблеме отчуждения, были разделы по теории идолов Э. Фромма, об одномерном человеке Г. Маркузе, по концепции перспективы Р. Низбета и теории непричастности К. Кенистона. Работа была объемом в 241 страницу, литература насчитывала 262 книги и статьи, среди которых были разные произведения, включая труды З. Фрейда и А. Адлера. Не помню, ограничивался ли объем дипломных работ, но философский факультет ЛГУ отличался, как я упоминал, свободой мысли и нестандартностью в образовании. Во всяком случае, дипломная работа была оценена на «отлично», и я рассчитывал на поступление в аспирантуру. К сожалению, в аспирантуру рекомендовали только тех студентов, у кого была ленинградская прописка. Некоторые студенты женились на девушках, заимели ленинградскую прописку, чтобы поступить в аспирантуру. На кафедре истории философии я добился того, чтобы выдали рекомендацию для поступления в аспирантуру, правда в другое учебное заведение. После того как я провел стажировку в Москве, стало понятно, что столица обладает рядом преимуществ в исследовательской работе. Поэтому аспирантура в Москве была предпочтительней.

Как правило, окончивших вуз направляли на работу в другие города в обязательном порядке. Некоторые выпускники поехали в Мурманск, Уфу, Омск. Я достал справку из комбината огнеупоров (г. Боровичи), что они готовы принять меня на работу в качестве социолога. Таким образом, имея рекомендацию для поступления в аспирантуру, я рассчитывал на поступление в Институт философии Академии наук СССР в Москве. К тому времени наши отношения с Ирой вылились в то, что она и ее родители воспринимали меня в качестве жениха. Но я хотел поступить в аспирантуру очно, и мы договорились с Ириной повременить со свадьбой, тем более что эта женитьба стала меня «тяготить». Что-то меня останавливало, я не был уверен в правильности данного ответственного шага, но было неудобно перед ее родителями, поскольку мы дружили с Ириной почти пять лет.

Летом 1969 г. я устроился на работу с иностранными студентами, которые изучали русский язык. В общежитии, куда поселили зарубежных студентов, мы проводили время вместе с ними. Общались, танцевали, познакомились поближе. При прощании некоторые из них подарили мне пластинки ранних

Битлов, которые как раритет сохранились у меня до сих пор. Позднее одна из американских студенток переписывалась со мной и, когда выходила замуж, пригласила меня на свадьбу, но ее приглашение дошло до меня спустя две недели после указанной даты свадьбы (так работала наша цензура, чтобы советские граждане не имели отношения с иностранцами). Кроме того, я познакомился с руководителем американских студентов, который присылал мне потом книги на английском языке. Правда, эти книги не доходили до личного пользования, а оказывались в библиотеке Университета.

Осенью я поехал в Москву для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру. В Институте философии выбрал сектор критики современной буржуазной философии Запада, поскольку ранее, когда был на стажировке в МГУ, познакомился с сотрудниками данного сектора и доктор философских наук Н. Юлина прислала отзыв на мою дипломную работу. У меня были сданы два кандидатских экзамена, оставалось только сдать в аспирантуру экзамен по истории партии и истории философии. Я понимал, что история партии – это такой экзамен, где можно получить «хорошо» и, следовательно, поступление в аспирантуру будет под вопросом. Поэтому на консультации я поговорил с преподавателем, в результате чего экзамен по истории партии сдал на «отлично». При собеседовании с директором Института философии П. Копниным встал вопрос о моей прописке в Москве. Но поскольку я был холост, а П. Копнин ранее работал в Киеве и понимал, что нужно что-то делать с пропиской, то он решил, что за три года в аспирантуре, возможно, удастся разрешить молодому человеку этот вопрос. Так я был принят в аспирантуру в Институт философии.

Мне предоставили общежитие от Академии наук СССР в центре Москвы на Малой Бронной, где я жил в комнате с одним аспирантом-юристом, приехавшим из Молдавии. В том же общежитии были и другие аспиранты, специализирующиеся в различных науках, от юриспруденции до лингвистов. Помимо занятий в тех или иных институтах Академии наук, заседаний на секциях, хождения в библиотеки, мы в общежитии проводили вечера, занимались спортом. В общей комнате общежития, где мы смотрели телевизор, был настольный стол для игры в теннис. Я увлекся теннисом, тренировался и добился некоторого успеха. Каждую пятницу небольшая компания ходила в Чернышевские бани, где мы парились с веником и отдыхали. Позднее, когда я закончил аспирантуру и был принят на работу в Научный совет по научно-технической революции, по иронии судьбы я был на заседаниях комиссии, которая проходила в здании

Государственного комитета по науке и технике, построенного вместо снесенного здания, где ранее располагалась Чернышевская баня.

1972–1973 гг.

На первом и втором курсах аспирантуры я стал ходить в театры Москвы. Недалеко от общежития были театры Маяковского, на Малой Бронной, Сатиры и Современник, который в то время был у станции метро «Маяковского». Стипендия в аспирантуре была 70 рублей, и понятно, что ее не хватало на покупку билетов в различные театры, включая Большой. Приходилось брать дешевые билеты на балкон, а в перерыве между спектаклями занимать те места в партере, которые были пустыми. Или в театре на Малой Бронной удавалось проникнуть со служебного хода без билета и подчас стоять, поскольку не было свободных мест. Помню, что однажды я за 17 дней был 15 раз в московских театрах, но это было пиком моего увлечения театральным искусством. Позднее я проводил все свободное время в библиотеке им. Ленина, конспектировал книги и статьи для написания кандидатской диссертации, а также те работы, которые были связаны с постижением психоаналитических идей и концепций, привлекших мое внимание, когда был студентом философского факультета ЛГУ.

Научным руководителем кандидатской диссертации был доктор философских наук Л. Митрохин, возглавлявший сектор

критики современной буржуазной философии Запада в Институте философии. В этом секторе я многому научился, поскольку сотрудники сектора были специалистами в своей области, занимались не столько критикой, сколько знакомством с зарубежной философией, включая позитивизм, экзистенциализм, структурализм и иные направления. Во время моей учебы Л. Митрохин ездил в командировку в США, откуда привез ряд книг на английском языке, включая работу В. Райха «Функции оргазма», которою передал мне для прочтения, поскольку он знал, что я интересуюсь психоанализом. Надо сказать, научный руководитель моей диссертации был просто находкой для меня, так как он не давал никаких советов, практически не торопил с диссертацией, полагая, что диссертант сам знает, как необходимо писать, и если возникнут вопросы, то всегда может обратиться к нему. Я писал какие-то отчеты в аспирантуру, Л. Митрохин пописывал необходимые документы, не вникая в суть вопроса. Но за несколько месяцев до завершения аспирантуры он поинтересовался, как обстоят дела с написанием текста диссертации. Через месяц я принес научному руководителю полностью написанную кандидатскую диссертацию на тему «Современная буржуазная социально-критическая мысль США».

На секторе обсудили текст диссертации, сделали критические замечания и рекомендовали вынести на защиту. Вторая глава диссертации была посвящена феноменологическому анализу категории «отчуждения», неофрейдистской социальной критике и левому радикализму, что частично было в дипломной работе на философском факультете ЛГУ. Диссертация имела 239 страниц, литература составляла 233 книги и статьи, среди которых были две работы З. Фрейда на русском языке и десять произведений Э. Фромма на английском языке. К тому времени вышли три мои статьи по теме диссертации в журналах «Вопросы философии» (1972) и «Философские науки» (1971), а также статья в сборнике философского факультета МГУ (1969), когда я был на студенческой конференции годом раньше. На Ученом совете Института философии моя кандидатская диссертация была принята к защите, назначены оппоненты. В отличие от текста диссертации, который он, видимо, мало смотрел, мой научный руководитель тщательно проверил текст реферата, сделал поправки, чтобы не было осложнений при защите. Так, он посоветовал внести в реферат предложение о рабочем классе, чего не было в тексте диссертации. И действительно, когда при защите кто-то из членов Ученого совета усомнился в том, что в диссертации отстаивается марксистко-ленинское учение о рабочем классе, я привел ту цитату из реферата, которую

посоветовал научный руководитель, более опытный в тонкостях прохождения работы при защите. Кандидатская диссертация была защищена 16 ноября 1972 года, то есть прошел один день после завершения аспирантуры.

За три года учебы в аспирантуре у меня в жизни произошли личные изменения. На первом курсе летом я поехал в Боровичи, думал, что придется жениться на Ире. Однако, когда встретился с родителями Иры, понял, что они скрывают истинное положение вещей. Дело в том, что на огнеупорный комбинат приехал в командировку инженер из Главка (Москва). Мужчина был старше Ирины лет на 12–15. И судя по всему, Ирине и ее родителям надоело мое неустанное стремление учиться, «отодвигая» на потом создание семьи. Мужчина сделал Ирине предложение, и она вышла за него замуж и уехала в Москву. Я неожиданно оказался свободным человеком.

Тем же летом я устроился на сезонную работу. Грузил вагоны кирпичом или разгружал овощи. За лето заработал свой первый капитал, который не потратил, а приберег на будущее. В сентябре вернулся в Москву, усиленно занимался над теми проблемами, которые относились к диссертации. Последующие несколько лет я пропадал в Ленинской библиотеке, читал книги, журналы и записывал все, что находил в спецхране и в общем зале, пока не защитил кандидатскую диссертацию.

Поскольку у меня не было московской прописки, то меня не могли оставить сотрудником в Институте философии. К тому времени я познакомился с академиком Ойзерманом, который переговорил с академиком Д. Гвишиани на предмет моей работы в Научном совете по научно-технической революции. Д. Гвишиани был зятем Косыгина, он возглавлял данный совет и был заместителем Государственного комитета по науке и технике. Во всяком случае, зная о моей ситуации, меня оформили стажером-исследователем в Институте философии. Одновременно сотрудники Научного совета по научно-технической революции ходили в Моссовет относительно моей прописки, но, к сожалению, что-то не получилось.

Поскольку, будучи студентом ЛГУ, я выступал на конференции в Институте марксизма-ленинизма и познакомился с некоторыми сотрудниками, то пришлось обратиться к ним. Мне сказали, что если у меня будет подмосковная прописка, то меня возьмут в этот Институт и через некоторое время дадут жилье, в результате чего я стану москвичом. Я переговорил со своей тетей, которая была врачом в Солнечногорске, о приобретении подмосковной прописки. Мы нашли вариант продажи полдома, стали оформлять документы, и вскоре у меня была бы

подмосковная прописка. Но так уж получилось, что в тот момент (об этом скажу позднее) я получил московскую прописку.

Поскольку работа в Институте марксизма-ленинизма меня не привлекала, то, получив московскую прописку, в январе 1973 года я стал младшим научным сотрудником в Научном совете по научно-технической революции АН СССР и ГКНТ. Так началась моя работа в Академии наук, поскольку Научный совет был формально и официально прикреплен к Институту по общественным наукам.

Председателем Научного совета был Д. Гвишиани. Поскольку он был занят (возглавлял пост заместителя Государственного комитета по науке и технике), то фактически руководителем был Р. Хасбулатов, который писал докторскую диссертацию по экономике. В Научный совет входили сотрудники, специализирующиеся в области философии и экономики. Мы делали доклады, печатали статьи, проводили исследования. В частности, я опубликовал свою первую книгу «Философия социального критицизма в США (М.: Наука, 1976. 206 с.). Вскоре мы выпустили работу «Научно-техническая революция и кризис современной буржуазной идеологии» / ред. кол. Д. М. Гвишиани, Т. И. Ойзерман, В. П. Желтова, В. М. Лейбин. М., 1978. 407 с.

X Международный гегелевский конгресс, 1974 г.

Кроме того, в 70-е годы я участвовал в разных конференциях, причем не обязательно по тематике Научного совета. Поскольку мои интересы лежали в области философии, то помимо исследований в области научно-технической революции, я проявлял интерес к традиционным вопросам, связанным с историей философии. Так, в 1974 году я принял участие в X Международном гегелевском конгрессе, который проходил 26–30 августа.

Через некоторое время в Научный совет пришел доктор философских наук И. Новик, который объединил философов.

Среди специалистов по экономике были разные трения, в результате чего Красавин одержал верх над Р. Хасбулатовым, который перестал быть руководителем Научного совета. Кстати сказать, через несколько лет Красавин и Р. Хасбулатов ушли в политику: Красавин был помощником Б. Ельцина, а Р. Хасбулатов – спикером Думы.

В 70-е годы я сотрудничал с журналом «Новые книги за рубежом по общественным наукам». Делал рефераты на научные книги, которые публиковались в двух изданиях: для научных сотрудников и для членов ЦК. Однажды я делал реферат на книгу, посвященную исследованию гомосексуализма в США. Реферат с интересом читали в редакции журнала, но решили опубликовать его только для членов ЦК. Точно по тому анекдоту, который был в то время распространен: «Если двое мужчин целуются, то это не обязательно гомосеки, а скорее генсеки». Гонорары за рефераты, а их было более 40, как и гонорары за чтение лекций в различных городах страны по обществу «Знание», я не тратил, в результате чего через несколько лет приобрел сборный домик на шесть соток земли, выданной безвозмездно, так как к тому времени в семье было трое детей.

На официальном уровне я занимался исследованиями по научно-технической революции. В свободное время я по-прежнему интересовался психоаналитическими идеями, готовил книгу, которая вскоре была опубликована: «Психоанализ и философия неофрейдизма» (М.: Политиздат, 1977. 246 с.). Тираж достигал 50 тысяч экземпляров. Вскоре книга была переведена на арабский, венгерский, чешский языки.

Мама и я, 1975 г.

Кстати сказать, я хотел посвятить данную книгу маме, которая умерла в 1976 году от рака. Но в редакции политиздата не было такого прецедента, в результате чего мое посвящение памяти мамы не состоялось. Надо сказать, что время от времени моя мама приезжала в Москву, познакомилась с Галей и ее родителями, нянчилась с внучкой, которая родилась в 1974 г. Последний раз она приезжала осенью 1976 года, и хотя была возможность устроить ее в подмосковный санаторий, но мама

поспешила вернуться в Боровичи, видимо, чувствуя себя плохо и не желая обременять нас с Галей.

Когда нам сообщили, что мама умерла в больнице, мы с Галей поехали в Боровичи. Я бегал по инстанциям, пока мне не разрешили похоронить маму в могиле, где лежала моя бабушка. Мы были на похоронах, на которых присутствовали учителя, соседи, друзья. За несколько месяцев до смерти моя мама приобрела холодильник в кредит, поскольку его никогда в доме не было. Холодильник предназначался для маленькой внучки, если мы приедем в Боровичи. Пришлось погасить кредит, а потом продать холодильник. Все оставшиеся вещи мы раздали соседям. Я взял с собой в Москву только те художественные книги, которые собирала мама.

Вернувшись в Москву, я окунулся в исследовательскую работу. Через три года моего пребывания младшим научным сотрудником в Научном совете поступило предложение о переходе во Всесоюзный научно-исследовательский институт АН СССР и ГКНТ. В июне 1977 года все философы Научного совета оказались в данном институте, директором которого был Д. Гвишиани. Мы вошли в лабораторию, которую возглавил И. Новик, при философско-социологическом отделе во главе с доктором философии Н. Лапиным.

Могила в городе Боровичи, где похоронены бабушка и мама, 1976 г.

Отдел занимался научными исследованиями, связанными с глобальными проблемами, с моделированием глобальных и региональных процессов. Как только я перешел в данный институт, мне было поручено подготовить обзор по Римскому клубу (Международная общественная организация, объединяющая около 100 предпринимателей, политических деятелей, доверенных экспертов, ученых различных стран,

возникшая в апреле 1968 года). Представители этого клуба должны были приехать в Москву, поэтому я не только подготовил обширный обзор по Римскому клубу, но и участвовал на встрече с Д. Медоузом, Э. Ласлом, Э. Пестелем. Через несколько лет вышла моя книга «“Модели мира” и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба» (М., Политиздат, 1982. 255 с.). Книга, тираж которой был 70 тысяч, была переведена на болгарский, венгерский, чешский языки. Позднее я подарил эту книгу президенту Римского клуба А. Печчеи, который мне прислал свою книгу «Человеческие качества» (1977) с дарственной надписью.

Как и раньше, я занимался на два фронта. На официальном уровне исследовал глобальные проблемы, на неофициальном – готовил докторскую диссертацию по психоанализу. Фактически докторская диссертация была подготовлена в Научном совете в 1975 году. В Институте философии, где я проходил аспирантуру, обсуждалась моя диссертация, и она была рекомендована Ученому совету. Однако дирекция решила, что по данной теме есть статьи, но нет книги, которая необходима для прохождения в ВАКе. И только когда была опубликована книга, через два года Ученый совет поставил мою докторскую диссертацию на защиту, что имело место в 1979 году.

Так уж случилось, что не по моей вине защита докторской диссертации не состоялась несколько лет. Когда в 1979 году состоялся Ученый совет, где должно было быть обсуждение моей диссертации, не было кворума членов совета, поскольку не пришли те, кто голосовал против той докторской диссертации, которую ранее «зарубили» философы, и один из вопросов был вынесен в повестку дня. Через некоторое время Ученый совет собрался еще раз. Но опять не было кворума, так как предыдущий претендент оспаривал решение Ученого совета. Наконец, ВАК своим решением разогнал Ученый совет по защите докторских диссертаций. И только в 1981 году был собран новый Ученый совет по истории философии, на первом заседании которого обсуждалась моя докторская диссертация «Психоанализ и современный неофрейдизм. Историко-философский анализ фрейдизма». Защита была успешной, и феврале 1982 года ВАКом была присуждена степень доктора философских наук. Это случилось за несколько дней до того, когда мне исполнилось 40 лет.

Поскольку это было сложное время, не было продуктов питания, да и туалетная бумага была в дефиците, то я написал к сорокалетию со дня рождения иронические стихи.

Вот стукнуло мне сорок

Вот стукнуло мне сорок
Восьмого марта. Рок.
Давно ли между елок
Я бегал без порток!

Теперь ношу я джинсы,
Хожу аж в докторах.
Неведомый срок жизни
Отмерил мне Аллах.

Отмерить-то отмерил,
Да только не сказал.
Аллах – не сивый мерин,
Который классно врал.

Аллах. Вот бедолага!
Не ведал жизни, гид,
Что некая бумага —
Сегодня дефицит.

Ведь без нее отныне,
Живи хоть сотню лет,
Душа скорбит и стынет,
Хиреет туалет.

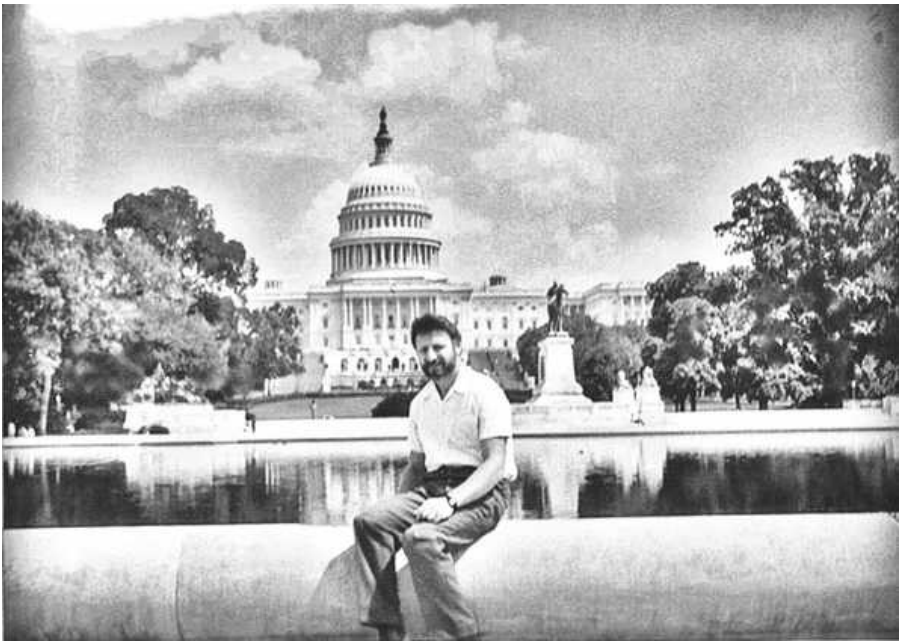
С прогнозами проштрафил,
Но я Аллаха чту,
Смотрю на белый кафель,
Имея лишь мечту:

Дожить бы до такого,
Икры наевшись впрок,
Чтобы, как в детстве, снова
Побегать без порток.

Занимаясь историей психоанализа вне официальной работы в академическом институте, я познакомился с грузинским философом А. Шерозией. Он готовил книгу «Психика, сознание, бессознательное», попросил стать меня ее редактором и пригласил на Международный симпозиум по проблеме бессознательного, который планировался на 1979 год. К

Международному симпозиуму в 1978 году вышло три тома «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», под общей редакцией А. Прангашвили, А. Шерозия, Ф. Бассин. В первом томе была моя статья «З. Фрейд и К. Юнг: попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного». Я участвовал в этом Международном симпозиуме, который проходил в Тбилиси с 1 по 5 октября. Познакомился с рядом зарубежных ученых, включая С. Леклера, Дж. Поллака, Р. Якобсона. С директором чикагского института психоанализа Дж. Поллаком вел переписку в течение ряда лет. Через несколько дней после завершения симпозиума мне позвонил Г. Ансбахер, который, будучи в Москве с женой, отыскал мой адрес. Он был профессором одного из университетов США, специалистом по индивидуальной психологии А. Адлера. Я пригласил его с женой к себе домой. Его жена в Вене музицировала с А. Адлером, который обладал хорошим голосом. С четой Ансбахер у нас установились деловые отношения. Благодаря Г. Ансбахеру появилась моя первая статья в зарубежном журнале «Индивидуальная психология» и состоялась переписка с Александрой Адлер (дочерью А. Адлера), Евой Дрейкурс (дочерью продолжателя индивидуальной психологии Р. Дрейкурса) и Г. Мозаком.

По тематике Академического института я принял участие в работе XIV Всемирного конгресса политической науки, состоявшегося в Вашингтоне с 28 августа по 1 сентября 1988 года. В ряде специальных докладов рассматривались перспективы глобальных политических исследований, поскольку тема вашингтонского конгресса была «К глобализации политической науки». На одном из исследовательских комитетов рассматривались проблемы психополитики, где некоторые зарубежные ученые делали доклады о мировых лидерах и политическом поведении глав государств, используя психоаналитические идеи, связанные с детскими переживаниями и внутрипсихическими конфликтами. Я присутствовал на этом комитете и познакомился с психоаналитиком В. Волканом, который позднее посылал мне в Москву журнал, где он был редактором.



У Капитолия в Вашингтоне, 1988 г.

Нью-Йорк, выступление музыкантов, 1988 г.

Американская семья Периманнов в Миннесоте, 1988 г.

Наша делегация провела две недели в США. Мы побывали не только в Вашингтоне, но и в Нью-Йорке, Чикаго и других городах различных штатов. Знакомились с американцами, ходили на экскурсии, в музеи. В то время отношения России и США были настолько дружескими, что американцы проявляли неподдельный интерес к русским, приглашая их домой в гости. Так, в Миннесоте я с коллегой был приглашен в дом к одной американской семье, где мы провели вечер. Интересно, что, когда мы сидели за столом, у моего коллеги сломалась вилка, в результате чего все американцы засмеялись, говоря о том, что русские люди – богатыри. Вечером, когда было довольно прохладно, американская семья дала мне свитер с изображением миннесотского университета. На прощание они подарили мне этот свитер, который до сих пор я храню как память о дружбе с этой гостеприимной американской семьей, с которой я длительное время переписывался.

Когда мы были близ Чикаго в маленьком городке Милуоки, то красота этой местности мне так понравилась, что возникли стихотворные рифмы, как это было не раз и в армии, и в пионерском лагере «Союз» МИД, и в Академическом институте.

Милуоки

Память – времени сроки.
Чувства – раскопок курган.
Мне грезятся все Милуоки,
Озерная гладь Мичиган.

Вечернее солнце садится,
Прощаясь с расхристанным днем.
Простые и добрые лица,
Сердечный домашний прием.

И вот уже дружбы нетленной
Зажегся огонь среди круч,
Как будто во мраке Вселенной
Блеснул ослепительный луч.

Молчит благовейно стихия.
То брачный союз насовсем
Скрепляют матерь Россия
И звездный дядюшка Сэм.

Букеты цветов алооки,
Наводят пьянящий дурман.
Мне грезятся все Милуоки,
Озерная гладь Мичиган.

Начиная с 90-х годов работа в нашем отделе Академического института сопровождалась сменой исследовательской деятельности. Вместо глобальных проблем и глобального моделирования мы стали заниматься системными исследованиями. Это было связано с тем, что к нам в отдел перевели сотрудников из другого института, включая И. Блауберга, В. Садовского и других. Кроме того, Н. Лапин перешел работать в Институт философии, в результате чего наш отдел возглавил В. Садовский. Всесоюзный научно–исследовательский институт АН СССР и ГКНТ стал именоваться Институтом системного анализа РАН, где регулярно раз в год осуществлялся выпуск журнала «Системные исследования».

Будучи первоначально младшим научным сотрудником, со временем я стал старшим научным сотрудником и, наконец, ведущим научным сотрудником Института. Вел научную работу, выступал с докладами, печатал статьи в журнале «Системные

исследования», выпускал коллективные труды. Кроме того, на различных праздниках и днях рождения сотрудников отдела выступал с куклами перед детьми на Новый год, читал собственные стихи, посвященные 8 марта и юбилярам.

В 1991 году я выступил официальным оппонентом на докторской диссертации А. Н. Чумакова, посвященной глобальным проблемам. Впоследствии он стал ведущим специалистом по вопросам глобализации, главным редактором журнала «Век глобализма».

В научном плане я организовывал публикацию работы «Моделирование процессов мирового развития и сотрудничества» (под ред. Е. П. Велихова, Д. М. Гвишиани, В. М. Лейбина. М., 1991). Опубликовал книгу «Глобалистика, информация, системные исследования», первая часть которой под названием «Глобалистика» вышла в 2007 году (М.: Издательство ЛКИ. 208 с.), а вторая часть «Информация, системные исследования» вышла в 2008 году (М.: ЛЕНАНД. 200 с.).

В конце февраля 1997 г. я поехал в командировку в Эвенкию. Это было связано с социологическими исследованиями, когда мне и одному из сотрудников отдела предложили провести опрос граждан в поселке Тура Красноярского края. Мороз был 45 градусов, но мы находились в комфортабельных условиях и не мерзли. Через два дня мне пришлось лететь на маленьком самолете еще в один поселок. Меня снабдили унтами, дали дубленку, поскольку в самолете был настоящий мороз. В самолете было всего 4 человека. Одна женщина возвращалась из больницы с младенцем, которого кормила грудью. Она согревала его своим телом и на мой вопрос «Не простудится ли грудной ребенок» спокойно отвечала: «Ну что ж, значит, снова в больницу». Когда я прибыл в поселок, то мороз был 51 градус, меня поселили в деревянный домик для геодезистов. Спал в унтах на кровати, поскольку на полу все замерзало. Если необходимо было пойти в уборную, то надо было пройти по улице десять метров от домика. Мороз был такой, что даже струйка тут же замерзала. Но вот, когда я вернулся в поселок Тура, где было 45 градусов мороза, я мог ходить по улицам даже в ботинках. Возвратился в Москву как раз перед 8 марта, когда в Институте системных исследований мы праздновали Женский день и мое 50-летие.

Одновременно я занимался и той темой, которая не входила в официальную академическую деятельность. Речь шла о психоанализе, которому я посвящал значительное время, публикуя те или иные статьи и книги. Так, в 1990 г. вышла из печати моя книга «Фрейд, психоанализ и современная западная

философия» (М.: Политиздат. 397 с.), где я рассматривал не только предысторию возникновения психоаналитических идей, но и различные направления в психоанализе, включая экзистенциальный психоанализ, структурный психоанализ, герменевтический психоанализ. Книга вышла в издательстве «Политиздат», тираж ее составлял 50 тысяч.

После смерти В. Садовского у нас в отделе сменилось название лабораторий и в соответствии со временем поменялась тематика исследований. Сотрудники стали заниматься проблемами информации. В системе науки произошли структурные изменения, в результате чего Институт системного анализа РАН вошел в Федеральный исследовательский центр «Информатики и управления» РАН. Поскольку правительство хотело увеличить денежные ставки научным сотрудникам, то институтам и центрам было предложено сократить число сотрудников, чтобы повысить зарплату оставшимся на работе. Дирекция Института системного анализа пошла по такому пути, когда научным сотрудникам предлагалось добровольно написать заявление о своем уходе. Поскольку мне было более 75 лет, то мне предложили уволиться с работы по собственному желанию. К сожалению, в Институте создалась такая обстановка, что добровольное отправление на пенсию не сопровождалось ни почетом, ни благодарностью за труд, который был на протяжении многих лет. В конце концов, я написал заявление об уходе из Института в феврале 2018 года. Так закончилась моя деятельность в системе РАН, где я был в исследовательском Институте 41 год, а учитывая аспирантуру, стажировку и работу в Академии наук СССР и Российской академии – почти 50 лет.

Портрет неизвестного художника (карандаш), 2005 г.

Педагогическая деятельность

На последнем курсе аспирантуры в Институте философии я начал преподавать в физкультурном институте. Это был небольшой курс по философии, который продолжался недолго, поскольку мне не нравился марксистско-ленинский подход к обучению, и я взялся за преподавательскую деятельность только ради того, чтобы получить зарплату. Более удобным мне представлялся заработок, связанный с рецензиями, которые я давал в журнале «Новые книги за рубежом по общественным наукам».

В 70-х годах я был лектором в обществе «Знание». Причем, как правило, ездил по стране, читая лекции в различных городах республик, включая Украину, Крым, Таджикистан, Узбекистан, Туркмению. Это давало возможность не только заработать деньги, но и посещать музеи, выставки изобразительного искусства. Подчас мне удавалось договориться с местным обществом «Знание», чтобы читать лекции по 3–5 раз в день, а остальные дни ходить по достопримечательным местам. Были и парадоксы. Так, однажды я читал лекцию по глобальным проблемам на одном из заводов недалеко от Душанбе. Аудитория была очень внимательная, работники завода прямо смотрели в рот лектора из Москвы. Никаких вопросов не было. После лекции я спросил организатора мероприятия: «Возможно, я говорил слишком сложно?» Но он меня успокоил: «Понимаете, работники не понимают ничего по-русски». А я так старался донести до них информацию!!!

В дальнейшем, когда можно было самостоятельно читать курсы лекций по интересующим меня темам, я работал не только научным сотрудником в Российской Академии наук, но и стал преподавать в различных вузах. В конце 80-х – начале 90-х, будучи доктором философии, я читал курсы лекций в Российском открытом университете. Так, мною были разработаны спецкурсы лекций «Человек: смысл и абсурдность существования», «Психоанализ и культура». В Университете российского образования я читал спецкурс «Глобалистика: история и современность». По этим спецкурсам были выпущены программы. На психологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета я читал лекции, посвященные психоанализу.

Кстати сказать, в те же годы я принимал участие в конференциях по истории психоанализа в нашей стране. Так, зарубежные коллеги пригласили меня на Международный

симпозиум «Советская культура сегодня: перестройка прошлого или изобретение будущего?», который проходил в университете Дьюка (США) в 1991 году. Там я делал доклад «Фрейдизм или “троцкистская контрпропаганда”: советский психоанализ в 1920-х и 1930-х годах».

В 1995 году меня пригласили в Институт психоанализа при Академии гуманитарных наук. Именно там я начал разрабатывать программу «История и теория психоанализа», которую с годами продолжал совершенствовать. Одновременно вел спецкурс «Фрейд и Россия». Принимал участие в Международной конференции «100 лет психоанализа: российские корни, репрессии и возвращение России в мировое психоаналитическое сообщество» (Санкт-Петербург, 1996). В конце 90-х годов меня пригласили в МГУ, где я читал курс лекций по психоанализу для переподготовки специалистов, занятых в сферах философии, культурологии. Это были преподаватели, кандидаты наук, пишущие докторскую диссертацию.

В 1999 году вышло двухтомное издание (в соавторстве с В. Овчаренко) «Антология российского психоанализа» (М.: Флинта. Т. 1, 848 с.; Т. 2, 863 с.). В 2000 году вышла книга «Зигмунд Фрейд и психоанализ в России» (М.; Воронеж, НПО «Модек», 2000. 528 с.), которая представляла собой фактически первую хрестоматию российских психоаналитиков в дореволюционной России и постреволюционную мысль в СССР в 20-х годах XX столетия. Эти книги послужили питательной почвой для чтения лекций студентам по таким дисциплинам, как «История и теория психоанализа», «Фрейд и Россия», «Психоанализ и культура».

В 2008 году меня пригласили на полставки в Московский государственный медико-стоматологический университет. Я был профессором кафедры педагогики и психологии, вел занятия для переподготовки врачей. Подготовил программу «Психоаналитическая психология и педагогика». По причине сокращения штатов я покинул МГМСУ в 2014 году.

В 2010 году я согласился читать лекции по психоанализу во вновь созданном Институте психологии и психоанализа. Студенты, окончившие Институт психоанализа, создали негосударственный Институт психологии и психоанализа, и я старался оказать им содействие, читая лекции студентам по выходным дням. В данном Институте чтение лекций было по декабрь 2013 года.

В последнее время на протяжении нескольких лет я читаю курс «Основы психоанализа» на кафедре прикладной психологии и психотерапии Российского университета дружбы народов.

После смерти И. Кона, который был председателем комиссии по защите дипломов, мне пришлось выполнять данную миссию и по сегодняшний день.

Конечно, основная педагогическая деятельность осуществлялась в Институте психоанализа Академии гуманитарных наук, начиная с момента его возникновения. В 1996 году вышло Постановление правительства за подписью Б. Ельцина «О возрождении философского, клинического и прикладного психоанализа», что способствовало оживлению психоаналитических идей в нашей стране. В 1997 году я являлся членом комиссии Государственного комитета Российской Федерации по науке и технологиям, разрабатывающей целевую программу «Возрождение и развитие философского, клинического и прикладного психоанализа».

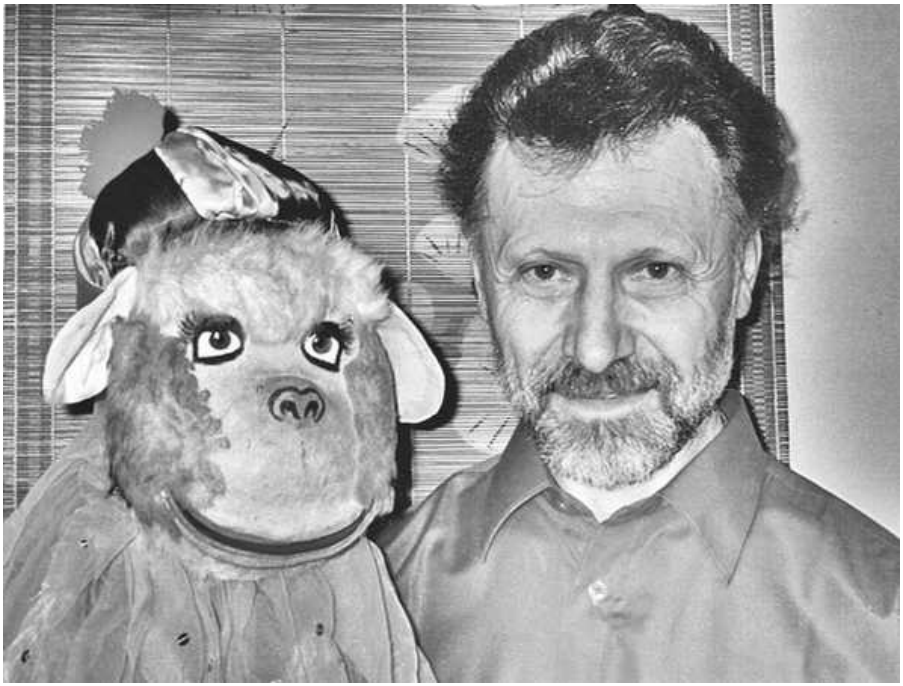
Через некоторое время Институт психоанализа отмежевался от Академии гуманитарных наук и стал самостоятельным. Менялось и место нахождения Института. Сперва он был в здании Института стали, затем в МГУ, потом у метро «Университет», а позже на Ленинском проспекте. Поменялось четыре ректора, пока не возник Московский институт психоанализа, который переехал в здание на Кутузовском проспекте. Сегодня Московский институт психоанализа находится в расцвете сил, поскольку в нем имеется множество программ, не только по психоаналитическим знаниям, но и в сфере психологического консультирования, педагогики, логотерапии, рекламы, бизнес-проектов.

В начале создания Института психоанализа я был приглашенным профессором. Потом стал заведующим кафедрой метапсихологии и теории психоанализа на полставки и проработал несколько лет. В последние годы я возглавлял кафедру основ клинического психоанализа, но в 2018 году, когда пришлось уволиться из Института системного анализа (поскольку было распоряжение о сокращении научных сотрудников, которым было более 75 лет), перешел на полную ставку профессора данной кафедры.

В Институте психоанализа преподаватели часто общались со студентами. Была подготовлена клятва психоаналитиков, которую поступившие на первый курс студенты давали на торжественном вечере. Студенты и преподаватели готовили сценки, номера, выступления. Преподаватель В. Рассохин, возглавлявший кафедру клинического психоанализа в те годы, был активным организатором мероприятий. Я выступал перед студентами с куклами из театра «ФАНИ». Причем выступления с куклами касались психоаналитических тем. В частности, куклы

«Обезьяна Чарли», «Ведьма», «Мадам Фи-Фи» и другие говорили стихами со студентами.

Ведьма, 1997 г.



Обезьяна Чарли, 1996 г.

Мадам Фи-Фи, 1997 г.

Обезьяна на приеме у психоаналитика

Я – нормальная обезьяна.
Но однажды как-то спьяна
Швырнула в макаку охапку роз.
И мне сказали: «То – невроз,
Эдипов комплекс, истерия,
Бзик, склероз, шизофрения.
Не стройте из себя кокетку
И ложитесь на кушетку».

Я расслабилась, легла,
Расстегнула, что могла.
Думала, схвачу тут кайф
И не нужен гербалайф.
Психоаналитик, чуть дыша,
Промолвил: «Скована душа.
Не поможет вам Новалис.
Нужен вам психоанализ.

За сто баксов каждый раз
Буду слушать молча вас
Четыре года или пять.
Не поможет, я опять
Положу вас на кушетку.
Будете носить вы метку
“Проанализированный псих” —
В меру скромен, в меру тих».

И подумала не спьяна:
Нормальная я обезьяна,
Стреляный я воробей.
Отвалю-ка поскорей.
За зелененькие мани,
Что лежат в моем кармане,
Обрету везде покой.
Психоанализ мне на кой?

Лучше слопаю банан,
Пойду в стадо обезьян,
Заведу себе подружку,
Оттянусь на всю катушку,
Без хлопот и без разбоя
С ходу соблазню сверхбоя,
Буду доживать свой век
Я как белый человек.

Похожа разве я на психа?
Ведь могу чертовски лихо
Жить средь родичей своих,
Где нормален каждый псих.
Патология и норма,
Что затишье после шторма,
Инфантильная обида
На невинное либидо.

И кого девятый вал —
Чувственных страстей накал,
Эдипальных связей шквал —
С головой не накрывал?
Будь то люди, обезьяны —
У каждого свои изъяны.
И разрыв подчас большой
Между телом и душой.

В общем, что ни говори,
Обезьяний дух в крови.
Аналитик, пациент,
Олигарх и президент —
Все до боли и до рвоты
Мечутся в тисках заботы,
Как бы не сойти с ума
В жизни, что полна дерьма!

Баба-Яга в гостях у психоаналитиков

Как я вспомню свои восемнадцать,
Так и вздрогну слегка, невзначай.
Ой, как хочется громко смеяться,
Пить коньяк, в крайнем случае чай.

Но тепереча я – словно роза,
Вся увяла, пожухла, труха.
Пребывая в объятьях невроза,
Не найти мне уже жениха.

Мой удел – в подсознание рейды.
Предаюсь тоске и печали.
Помогите, российские Фрейды!
Что-то нервы мои подкачали.

Помогите! Открою вам душу.
Евро, баксы сполна заплачу.
И хотя я немножечко трушу,
Все равно к вам в объятья лечу.

Помогите! Спасите! О, Боже!
Я не псих – просто Баба-Яга.
Быть в депрессии, право, не гоже.
Паранойя мне на фига!

Аналитики! Слезно взываю,
Не оставьте старушку в беде!
От расстройства я плачу, зеваю
И готова на все и везде.

На кушетке, так на кушетке.
В кресле тоже могу посидеть.
Только чур, мои грешные детки,
Не хочу я больше седеть.

Белокурая бестия все же
И сама по себе хороша.
Ну подумаешь, прыщик на роже!
Лишь бы в теле теплилась душа.

Вы изъянов во мне не ищите!
Все они исчезли давно.
Вы лечите меня, лечите.
Псих, невротик – не все ли равно.

И скажу вам взаправду, млея,
Искушал меня как-то Эдип.
Но влюбилась я в Бармалея.
А Кощей в историю влип —

То ли стукнули его ящиком,
То ли сам со стула упал,
Но Кощей оказался в Кащенко
И с тех пор навсегда пропал.

Так что, милые аналитики,
Суньте в детство мое свой нос!
Вы, надеюсь, не паралитики.

Мы совместно войдем в перенос.

От души порезвимся немножко,
И охватят нас страсть и азарт.
Вот такая я бабка-ежка!
Ваш извечный анализанд.

Детский психоанализ
Детки, если у вас настроение «Во!»,
Значит, вас лечит мое мастерство.
Я с вами вместе в песочек играю
И разные страхи от вас отгоняю.

Не надо в кроватке штанишки снимать!
Может присниться фаллическая мать
В образе сказочной бабки-ежки,
Что оставляет рожки да ножки.

И будет вас мучить, без дураков,
Ночной кошмар змей, пауков.
Намокнет от пота ночная рубаха.
И вы закричите ночью от страха.

Скрипнет под вами ваша кровать,
В испуге вы будете маму звать.
Но вы не бойтесь ночных видений,
Разных драконов и привидений!

С ними расправлюсь я навсегда
И буду рядом с вами всегда.
Змей, пауков метлой посшибаю
И песню спою вам: «Баюшки-баю!»

Спят все игрушки. Выключен свет.
Ведьм и злых духов на свете нет.
Мир – разноцветье радужных красок.
Ночные страхи – проекция сказок.

Страхи ночные – та самая тень,
Которую ваш семейный плетень
Бросает на вас скрытно, воочию.
Не только днем, но и темной ночью.

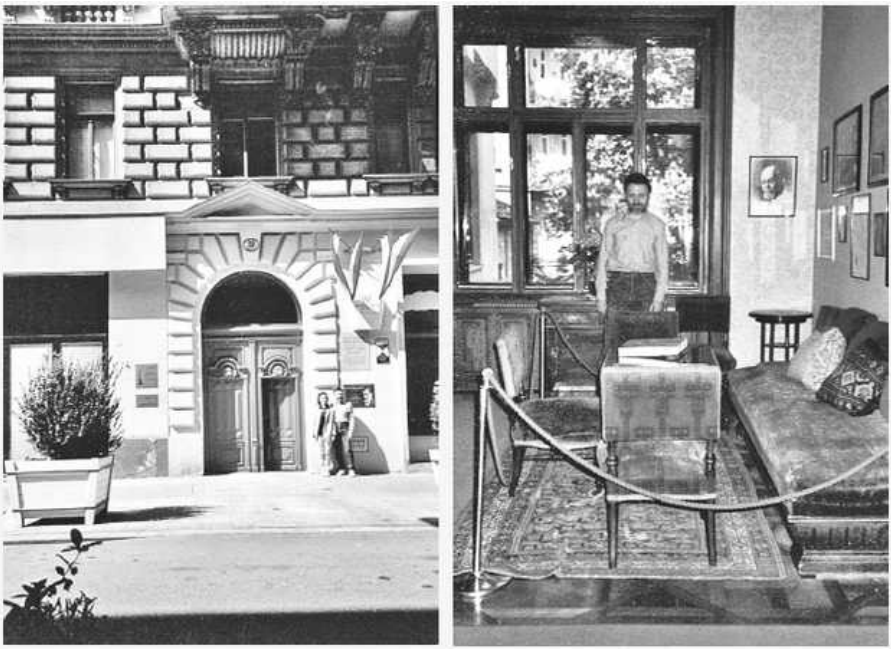
Сеанс завершен. Результат таков:
Если боитесь вы змей, пауков,
Ищите новых себе покровителей,
То нужно лечить ваших родителей.

«Баюшки-баю, баюшки-баю!»
Слышите, детки, как я вам пою?
Спите спокойно! Отбросьте затеи!
Ночью не будут тревожить вас змеи.

И не придут к вам вновь пауки.
Сны ваши будут сладки и легки.
Утром, когда боги счастье даруют,
Мама и папа вас вновь поцелуют.

К сожалению, в 2000 г. А. Рассохин ушел из института и стал преподавать в МГУ. В 2009 г. я выступал официальным оппонентом на его докторской диссертации, где рассматривались психоаналитические проблемы. Позднее А. Рассохин стал заведующим кафедрой клинического психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, где я в 2011 году читал лекции по истории и теории психоанализа.

В 1998 г. мне удалось побывать в Австрии. В Вене я посетил музей З. Фрейда, подарил для библиотеки свою книгу, в день рождения основателя психоанализа принимал участие в научной конференции Венского университета, выпил чашечку кофе в кафе Фрейда, расположенном рядом с музеем.



Музей З. Фрейда (Берггассе, 19), 1998 г.

Кафе Фрейда. 1998 г.

Встреча в Венском университете, 1998 г.

На протяжении последующих лет я написал и опубликовал несколько работ, связанных с преподаванием двухгодичного курса «История и теория психоанализа» в Институте психоанализа. К их числу относятся: «Классический психоанализ: история, теория, практика» (2001), «Словарь-справочник по психоанализу» (2001, 1056 с.), «Психоанализ: учебник (2002. 576 с.), «Психоанализ: учебное пособие. 2-изд. (2008. 592 с.), «Постклассический психоанализ: энциклопедия» (2006. Т. 1, 472 с.; Т. 2, 568 с.), «Постклассический психоанализ: энциклопедия» (2009. 1022 с.), «Словарь-справочник по психоанализу. 2-изд.» (2010. 956 с.), «Краткий психоаналитический словарь-справочник» (2015. 192 с.), «Психоанализ: учебное пособие. 3-изд.» (2019. 592 с.), «Словарь-справочник по психоанализу. 3-изд.» (2020. 812 с.).

Кстати сказать, в Московском институте психоанализа я выпустил 12 хрестоматий, дающих представление студентам о развитии психоаналитических идей и школ за рубежом. А чуть раньше (1999) в соавторстве с Овчаренко В. И. мы выпустили два огромных тома «Антология российского психоанализа», где изложили фактический материал, связанный с развитием психоанализа в нашей стране.

В 90-х годах прошлого столетия чтение курса «История и теория психоанализа» предполагало знание концептуальных

основ психоаналитической терапии. Раньше я занимался теоретическими аспектами психоанализа, но участие в Тбилисском Международном симпозиуме по проблеме бессознательного (1979) дало возможность познакомиться с зарубежными практикующими психоаналитиками. Позднее я установил контакты с врачом А. Белкиным, который возглавил Российскую психоаналитическую ассоциацию, зарегистрированную в феврале 1990 года. Я с самого начала входил в редколлегию журнала «Российский психоаналитический вестник» этой ассоциации. Там я познакомился с зарубежными коллегами, включая Д. Ранкура-Лафаррьера, М. Мильнера (США), с которыми переписывался позднее. И хотя в первых моих статьях рассматривались теоретические проблемы, касающиеся истории психоанализа в России в начале прошлого века, тем не менее я обращал внимание на клинические исследования.

Правда, практикой психоанализа занимались, как правило, врачи или клинические психологи. Однако, занимаясь историей развития психоанализа, стали понятны интенции З. Фрейда, который считал, что психоанализ занимает среднее положение между медициной и философией. Как ни странно может показаться на первый взгляд, но З. Фрейд, окончивший медицинский факультет Венского университета и занимающийся практикой психоанализа более сорока лет, не разделял позицию тех его учеников и последователей, которые считали, что психоанализом вправе заниматься только врач. Напротив, он подчеркивал, что исторического права на исключительное обладание анализом врачи не имеют, поскольку психоанализ не является специальным медицинским предметом. Более того, З. Фрейд высказывал опасения по поводу того, что психоанализ может превратиться в медицинскую дисциплину, став служанкой психиатрии.

Когда я стал читать двухгодичный курс «История и теория психоанализа» в Институте психоанализа, то до этого в рамках Российской психоаналитической ассоциации присутствовал на некоторых обучаемых программах и коллективных супервизиях, осуществляемых зарубежными психоаналитиками. И именно в Институте психоанализа в 1991 году я обратился к систематической работе с пациентами. Сама система образования и подготовка будущих специалистов, которую, за неимением таковой в России, приходилось создавать, поставила меня перед необходимостью выступить в роли специалиста, осуществляющего обучающий анализ. Дело в том, что принятая на международном уровне система подготовки психоаналитиков предполагает, что каждый обучающийся, кто хочет стать

специалистом в данной области, должен пройти личный анализ, позволяющий разобраться в своих бессознательных процессах, механизмах защиты, сопротивлении, переносе, чтобы на своем опыте лучше понять истоки возникновения, причины и возможные способы разрешения внутрипсихических конфликтов у будущих пациентов.

Точно в таком же положении находились и другие преподаватели Института психоанализа, поскольку в то время в нашей стране не было сертифицированных психоаналитиков, отвечающих международным требованиям. Некоторые из них ездили на личный анализ в зарубежные страны, включая США, Германию, Францию, пока не получили необходимый статус. По крайней мере, до 1999 года никто из тех, кто занимался психоаналитической практикой в России, не имел психоаналитического образования, целиком и полностью соответствующего международным требованиям и стандартам. В Институте психоанализа преподаватели подобного уровня появились немного позднее, уже после 2000 года.

До 1998 г., когда произошел в стране дефолт, у меня было много анализандов и пациентов. Я с трудом справлялся с работой, но дефолт сыграл свою роль. Прежде всего пациенты исчезли, поскольку была такая экономическая ситуация, когда люди решали другие проблемы. Кроме того, я почувствовал свободу, так как был не занят пациентами, требующими огромного внимания. Вот тогда-то я решил ограничить работу с пациентами, когда они стали обращаться ко мне после преодоления дефолта. Брал только некоторых пациентов, чтобы не потерять квалификацию практикующего психоаналитика.

В 2011 г. вышла моя книга «Случай “дикой” депрессии с ярко выраженным моральным мазохизмом» (Ижевск: ERGO. 76 с.), посвященная конкретной работе с пациентом, которая была в 1992–1994 г.

Случай из практики: мужчина 27 лет, страдающий депрессией на почве ухода от него жены. Систематический анализ продолжался на протяжении одного года и семи месяцев. Затем у пациента тяжело заболела мать, которую положили в больницу. Работа и повседневный уход за беспомощной матерью отнимали у его все свободное время, в результате чего он не смог продолжить систематический анализ и обращался ко мне с отдельными консультациями.

В данной работе я изложил полностью конкретный случай «дикой» депрессии с ярко выраженным моральным мазохизмом. В учебниках и других работах я приводил много примеров анализа с пациентами, причем выборочно, частично для подтверждения

того или иного положения в теории психоанализа.

Я принимаю пациентов дома в своей квартире. Один из зарубежных ученых, с которым мы дружили, позднее отметил на одной из конференций, проходящей в США, что специфика российского психоанализа заключается в сочетании психоаналитической кушетки с христианством. Подобную специфику он усмотрел в том, что в моем домашнем интерьере над диваном-кушеткой висит распятие Христа.

Должен заметить, что над диваном, на котором располагаются те мои пациенты, для которых считаю целесообразным использование именно такого положения, на стене висит не только распятие. Рядом с ним размещены вырезанные из дерева головы Христа и Мефистофеля, а также большая картина с изображением одного библейского сюжета (Христос идет по воде). Но это не является спецификой российского психоанализа. Такой интерьер не имеет никакого отношения к психоанализу вообще. Все, что расположено как над диваном-кушеткой, так и на стенах комнаты, в которой я принимаю пациентов, – не более чем отражение моих пристрастий к коллекционированию произведений искусства, приобретенных мною в конце 70-х – начале 80-х годов XX столетия, задолго до того, как в нашей стране появилась возможность вести психоаналитическую практику.

Диван-кушетка, где располагаются пациенты

Если на письменном столе З. Фрейда стояли различные фигурки из его коллекции, включая статуэтку Будды, то вряд ли в этом стоит усматривать специфику возникшего в Вене классического психоанализа. Кстати сказать, в моей комнате, где принимал пациентов, были и поделки, которые я делал летом, находясь в пионерском лагере «Союз» МИД.

После 2010 года я выпустил две работы «Превратности любви. Психоаналитические истории» (2011. 336 с.) и «Возмездие фаллоса. Психоаналитические истории» (2012. 338 с.), где рассказывалось о том, как профессиональные психоаналитики описывают случаи из своей практики, в которых перипетии жизни их пациентов причудливым образом перекликаются с событиями их собственных биографий.

Итак, исследовательская деятельность в академическом институте, издание научных книг, преподавание в различных вузах и работа с пациентами – это то, чему было посвящено мое, можно сказать, рабочее время. Однако это только часть жизни, поскольку у меня была семья, которая требовала не меньшего внимания, чем все остальное, связанное с работой. Во всяком случае, семейная жизнь была не только радостью для меня, но и составляла то главное, что делает человека человеком. Вот об этом я и хочу поговорить в данной книге, посвященной 80-летию.

Семейная жизнь

В начале 70-х годов прошлого столетия я познакомился с юной девушкой, которая была студенткой третьего курса филологического факультета МГУ. Сперва это было обычное знакомство, поскольку в общежитии мне дали ее домашний телефон, и я позвонил ей просто так. Мы несколько раз созванивались по телефону. Через какое-то время на ноябрьские праздники она пришла ко мне в общежитие, где праздновали аспиранты. Причем я не провожал ее домой, поскольку один из аспирантов (мы учились с ним еще в ЛГУ) находился в том общежитии, которое было рядом с домом девушки. И только после Нового года (1971), когда Галя сдала зимние экзамены и ее родители приобрели ей путевку в санаторий в Александровку, началось то, что я постепенно не только увлекся девушкой, но и почувствовал в ней родственную душу.

Мы приехали в Александровку близ Москвы. Вместо двух недель по путевке я договорился с администрацией, что будем жить в одной комнате всего неделю. Не знаю, какие аргументы я приводил, поскольку в то советское время нельзя было молодым людям жить вместе нерасписанным, но, как ни странно, все удалось. Погода была великолепная. Солнце светило, хотя мороз был до 25 градусов. Я ходил на лыжах в лес, а иногда загорал по пояс, когда не было ветра. Галя находилась в комнате, отсыпалась после сдачи экзаменов. Когда я приходил после прогулки на лыжах в комнату, видел спящую девушку, как маленькую принцессу, то мое сердце просто радовалось. За неделю в Александровке, когда мы были вместе, мои чувства перешли от дружеских отношений к той любви, которая вдруг проснулась во мне. Я и сам не ожидал такого поворота событий, поскольку Галя, судя по всему, была немного увлечена мною, но это не свидетельствовало о ее зрелой любви.

Галя – студентка филологического факультета МГУ

Галя, 21 год, 1971 г.

И вот когда мы приехали в Москву, я уже не мог жить без Гали. Ранее я получил комнату на одного, и через какое-то время она все чаще приезжала в общежитие. В то время моя переписка с мамой сводилась к тому, что я все чаще говорил о том, что познакомился с очень хорошенькой девушкой и она ей понравится. Мама иногда приезжала из Боровичей в Москву, приходила ко мне в общежитие, познакомилась с Галой, и они нашли общий язык. Через год, когда я уже окончил аспирантуру и лишился общежития, мне пришлось снимать более просторную комнату в том же доме. Гала переехала ко мне, и только позднее ее родители решили, что мы будем жить в их квартире.

Ее отец (Лыткин Василий Ильич) был доктором филологических наук, возглавлял сектор финно-угорских языков в Институте языкознания Академии наук СССР. Кроме того,

начиная с 20-х годов он был членом Союза писателей СССР, поэтом (Илля Вась), выпустившим несколько книг на языке коми. Ее мать (Тепляшина Тамара Ивановна) – кандидат филологических наук, работала в Институте языкознания Академии наук СССР, специализировалась по удмуртскому языку.

Родители Гали – Тамара Ивановна Тепляшина и Василий Ильич Лыткин, 1959 г.

Мы жили с Галей в отдельной комнате. Ее родители занимали спальню в смежной комнате с залом. С Тамарой Ивановной сложились хорошие отношения. Василий Ильич занимал сперва нейтральную позицию, так как хотел, чтобы дочь вышла замуж за академика, который проживал в соседской квартире на десятом этаже. Позднее он понял и осознал, что я действительно полюбил Галю, и у нас сложились с ним нормальные человеческие отношения.

Совсем недавно я нашел письмо к Гале, датированное летом 1972 года. Сейчас, перечитывая его, вспоминаю о своих чувствах, которые я испытывал тогда по отношению к юной девушке. Вот это довольно длинное письмо.

8 июня 1972 года (Москва).

Милая, любимая Галочка!

Не все одинаково хорошо пишут и говорят. Одни хорошо

говорят, но плохо пишут; другие хорошо пишут, но плохо говорят. И если я взялся за это письмо, то не потому, что могу высказать свои мысли лучше в письменной форме, чем в устной. Вероятно, как в том, так и в другом случае я это делаю более чем посредственно. Мне пришлось прибегнуть к письменной форме изложения только потому, что это, пожалуй, единственная возможность высказать тебе все мои чувства и мысли. Как ты, Галочка, помнишь, я тебе как-то дал обещание не касаться одной темы, поскольку понял, что затрагивание ее почему-то неприятно для тебя. И я по мере возможности пытался сдержать данное обещание, хотя, говоря откровенно, я не раз жалел, что дал его, так как это лишило меня возможности поговорить с тобой по этому вопросу (я полагаю, Галочка, ты догадываешься, о чем идет речь). Но если я дал обещание не говорить об этом с тобой, то это не означает, что я не могу написать все то, о чем думаю и что мне хотелось бы тебе сказать. При этом я не нарушаю данное обещание.

Любопытно, но эта идея пришла мне в голову совсем недавно, после того как мы посмотрели вместе с тобой фильм «Супружеская жизнь». Трудно сказать, какой фрагмент из этого фильма навел меня на эту мысль. Может быть, название фильма? Не знаю, что и сказать, но факт остается фактом. Во всяком случае, идя по дороге домой после кино, я вдруг понял, что не могу не написать тебе о том, что я очень люблю тебя и хотел бы, чтобы ты … Впрочем, лучше начну все по порядку.

Я тебе уже много раз говорил, что люблю тебя, очень люблю. Насколько я понял, ты, Галочка, настороженно относишься к самому слову «люблю», предпочитая заменять его словами «уважаю», «хороший» и т. д. То, что я так часто говорил «я люблю тебя», видимо, даже не всегда тебе нравилось. Особенно это ощущалось в первый период нашего знакомства. Видишь ли, Галочка, я сам до некоторого времени не любил это слово, поскольку мне казалось, что к нему обычно примешивается столько грязи, лжи и притворства, что поневоле стараешься избегать его употребления. И я употреблял его крайне редко. Да и что это значит – «Люблю!»? Само слово может приобретать столько оттенков и смысловых значений, что даже трудно порой понять, что этим хотят сказать. Поэтому я почти не употреблял его по отношению к девушкам. Но, видимо, в каждом человеке внутри заложены какие-то скрытые механизмы, которые действуют по своим законам и которые просто не подвластны холодному рассудку. Эти механизмы действуют самостоятельно, приводя в движение все чувства, но они начинают интенсивно работать только тогда, когда получают извне соответствующий

толчок. И если уж это случается, то человек вдруг обнаруживает, что он способен на такие чувства, о которых, может быть, даже и не подозревал.

Нечто подобное произошло и со мной. Если я раньше как-то подавлял свои чувства, не испытывал ни желания, ни потребности в их выражении, то после знакомства с тобой все изменилось. Мне постоянно хочется тебя видеть, быть с тобой вместе, называть тебя любимой, говорить о своей любви. Это – внутренняя потребность, и я не в силах заставить себя не говорить о том, что я действительно люблю тебя.

Конечно, это пришло не сразу. До Нового года я даже стеснялся поцеловать тебя. Но после Нового года, особенно в «Александровский период», я уже ничего не мог поделать с собой. Те шесть дней отдыха вдали от «московской цивилизации» были просто восхитительными и, видимо, тогда я впервые почувствовал, как ты мне дорога. Не случайно поэтому в ближайшие дни после нашего возвращения, сидя с тобой в кино, я уже был настолько во власти захватившего меня чувства, что, не удержавшись, прощебетал: «Я не могу без тебя!»

С каждым днем я все больше и больше ощущал постоянную потребность видеть тебя и без конца целовать. Твои губы я ощущал еще долго после того, как ты уходила. Они преследовали меня везде, был ли я в Институте или работал дома. Конечно, работа над диссертацией и другие дела не оставляли места для каких-то раздумий о своих чувствах. Но стоило мне остаться без дел, как я вновь находился во власти своих чувств. Особенно остро они давали знать о себе, когда ложился спать, то есть в то время, когда находишься один на один с собой и невольно ловишь себя на мысли, что тебя нет со мной. А так как я не могу похвастаться своим хорошим сном, то ты всегда долго стоишь перед моими глазами, прежде чем я засыпаю. Твое появление всегда было для меня большой радостью, и я мог быть с тобой так долго, как это только было возможно. Если я раньше находил забвение в книгах, театре, встречах с друзьями, то теперь мне было этого мало. Мне не хватало тебя. И те часы, которые мы проводили вместе, были, пожалуй, самыми радостными и счастливыми для меня.

Раньше я редко писал маме о своих внутренних переживаниях, особенно если это было связано с девушками. Но после нашего знакомства я уже не мог удержаться, чтобы не написать о тебе. Поэтому, до того как ты познакомилась с моей мамой, она уже имела самое лучшее представление о тебе и знала, что я люблю тебя. Никогда раньше я не писал маме об этом. В общем, Галочка, ты, видимо, даже сама не представляешь,

что ты для меня значишь.

Трудно, пожалуй, невозможно передать в письме все то, что я чувствую по отношению к тебе. Это – забота и нежность, радость и теплота, ласка и дружеская поддержка и многое из того, что просто не выразишь словами. Как ни богат наш язык, но чувства, которые вырвались наружу, невозможно заключить в его оболочку. Не случайно, мы уже выработали свои понятия, слова, смысл и значения, которые понятны только нам двоим… Даже слово «люблю», которое так тебе претило раньше, кажется, приобрело уже особый смысл, не вызывает у тебя негативной реакции. «Я люблю тебя!», «я очень тебя люблю!» – нет, я уже не могу не говорить их тебе. Это выше моих сил, да я и не хочу заставлять себя прятать и куда-то в глубину своего «Я». Если они вырвались сами собой, то это значит, что было бы просто преступлением не говорить их тебе, сознательно затормаживать и подавлять свои чувства. Я и так достаточно долго был слишком сдержанным в этом отношении. Слишком глубоко они находились внутри, слишком долго они дремали, чтобы я позволил себе насильно загнать их обратно. Не хочу и не буду… После 8го апреля это «уважение» настолько возросло и в такой степени продолжает возрастать, что его можно сравнить, пожалуй, только с цепной реакцией, когда в результате появления критической массы неожиданно происходит такой сильнейший взрыв, отзвуки которого еще долго преследуют все живое, вызывая постоянное воспоминание о пережитом.

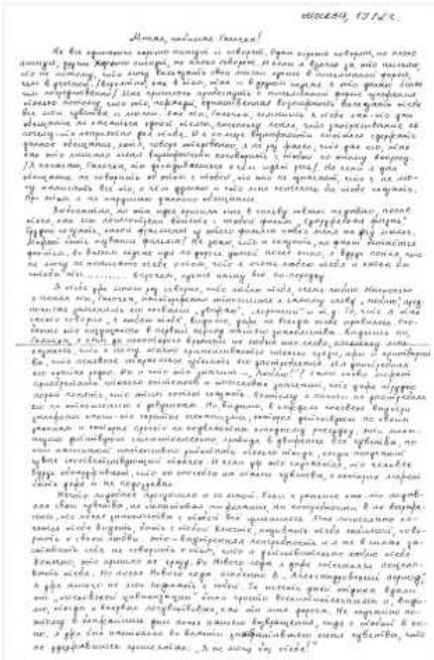
Галочка! Я не могу без тебя. Ты мне очень и очень нужна. Я люблю тебя и был бы счастлив, если бы ты всегда и постоянно была со мной. И поэтому я говорю: Галочка, будь моей женой. Говоря другими словами, как это было принято в старые добрые времена, я хотел бы просить твоей руки. Согласна ли ты выйти за меня замуж и разделить со мной свою дальнейшую жизнь?

Я не знаю, как может сложиться наша жизнь в будущем, если ты согласишься стать моей женой. Я не могу тебе обещать чего-то необыкновенного, но я сделаю все, что в моих силах, для того чтобы мы были счастливы, для того чтобы те прекрасные отношения, которые сложились сейчас между нами, сохранились на долгие годы. Все остальное будет зависеть от нас обоих, от того, насколько мы сможем преодолеть все трудности жизни, сохраняя при этом самые искренние и нежные чувства друг к другу.

Вот и все, что я хотел тебе, Галочка, написать. Не думаю, что это у меня получилось лучше, чем если бы я тебе сказал все в устной форме. Я, конечно, не сумел выразить всего того, что накопилось в глубине души, да это, пожалуй, и невозможно

сделать вообще. Но я написал тебе о самом главном. Единственное, что я могу еще добавить, так это то, что я люблю тебя и не представляю дальнейшую жизнь без тебя.

Обнимаю,
крепко целую
Лера.



Через некоторое время мы поженились. В загсе не было свидетелей ни со стороны жениха, ни со стороны невесты. Та женщина, которая нас напутствовала в загсе, была в замешательстве и даже не предложила обменяться кольцами. У меня было кольцо, переплавленное из золотой монеты, подаренной бабушкой. Гале я купил кольцо с красивой круговой резьбой в ювелирном магазине. Но всю жизнь мы так и не носили кольца, они были символом нашей любви и хранились в шкатулке дома. Вечером, когда родители Гали пришли из Института, мы скромно отпраздновали наш союз, который, как показало время, длится уже 50 лет.

1972 г.

Когда мы поженились с Галей, она сразу предупредила, что не умеет готовить. Меня это не смущало, поскольку я не только готовил различные блюда, но и делал плов в казане, который привез из командировки по линии общества «Знание», когда был в Душанбе. Как правило, мы завтракали, обедали и ужинали вместе с отцом и мамой жены. Причем ее отец любил готовить блюда из сайгака, который можно было приобрести в магазине «Олень» на Ленинском проспекте. Я понимал, что, будучи молодой студенткой, жена может и не готовить обед, и поэтому не было ничего зазорного в том, что еду готовил, как правило, ее муж. И так продолжалось какое-то время, пока у нас в семье не появились дети. Постепенно Галина знакомилась с рецептами из книги «1000 вкусных блюд», научилась готовить и делала это охотно. С годами я уже не готовил еду, и эта функция перешла полностью к жене.

Будучи студенткой, Галину послали (по распоряжению деканата) в колхоз на целый месяц. Через день я приехал к ней, и мы ночевали на одной раскладушке в клубе, где было больше двадцати раскладушек, где помещались на ночь студентки. Утром я поговорил с аспирантом, который был ответственным за студентов. Не помню, какие аргументы я приводил ему, но добился того, что Галину отпустили домой. Оставшиеся дни мы проводили вместе в Москве, гуляли и наслаждались общением друг с другом.

31 августа 1974 года у нас появился первый ребенок. Девочку назвали Марина. В дневнике отца, который я вел полтора года, описаны те впечатления, которые были у меня от дочери. Поскольку у нас не было своей дачи, а у Галины были излишки грудного молока, которые приходилось сцеживать, то на следующее лето мы приняли предложение одной мамы, имевшей грудного малыша. Это была подруга Галины, которая жила в одном подъезде нашего дома. Поскольку она не хотела кормить малыша своим молоком, то она предложила пожить нам у нее на даче в Жаворонках, чтобы Галина кормила своим грудным молоком и ее малыша. Так мы провели лето не в душной Москве, а на даче, где наша дочь дышала свежим воздухом.

Бабушка (моя мать), Марина, Галя и я, 1976 г.

Я ходил за продуктами по магазинам, стоял в очередях, поскольку в то время не хватало продуктов. Нес полные авоськи того, что удалось достать. Мог целый час стоять за зелеными бананами, которые заворачивал в газету и клал в темное место, чтобы они дозрели. В общем, семейная жизнь сопровождалась как радостями, так и проблемами, связанными с рождением, воспитанием дочери и необходимостью Галины закончить МГУ, поскольку все хозяйственные дела пришлось вести мне.

Конечно, мы с Галиной думали над тем, как получить

самостоятельное жилье. Особенно этот вопрос встал пред нами, когда мы решили, что не ограничимся одним ребенком. На государственную квартиру мы не рассчитывали, поэтому хотели приобрести кооперативное жилье. Я подал документы на приобретение небольшой четырехкомнатной квартиры, которая была построена в доме в районе Чертаново. Но, к сожалению, нам отказали, сославшись на то, что нам не положено по метражу. Причем комиссия сложила метраж имеющейся трехкомнатной квартиры и новой квартиры, которую хотели приобрести. Хотя и та, и другая квартиры были кооперативные, не государственные, покупка жилья не состоялась.

Такое было время, когда практически ничего не получалось, чтобы разрешить проблему с жильем. Я посоветовался с юристом, который мне объяснил, что для приобретения жилья следует развестись с женой. Как ни странно, но для сохранения любви и семейной жизни мы официально оформили развод. Теперь я мог вступить в кооператив, но только спустя пять лет после развода. Таковы были правила, установленные государством.

Галина получила диплом и вскоре устроилась на работу в МГИМО. Она преподавала немецкий язык на вечернем факультете. Фактически с 17 до 23 часов вечера она преподавала у студентов. Я же, будучи кандидатом наук, утром и днем занимался исследованием, ходил в институт Академии наук СССР, а вечером проводил время с ребенком.

Еще одно лето мы провели на даче, куда нас пригласила женщина, давшая объявление о том, что ей необходима помощница по уходу за двухлетним ребенком. Женщина работала днем в Москве и только вечером приезжала на дачу. Мы согласились на тех условиях, что будем проживать на даче, смотреть за ребенком. Так, не снимая дачу за деньги, мы с семьей вполне отдохнули летом, где наша дочь Марина дышала подмосковным воздухом.

В 1979 году в нашей семье появилась вторая дочь Наташа. Она родилась крепкой, упитанной. Нянечка в роддоме сказала, что у девочки упертый характер, она добьется своего. Детскую коляску мне дала сотрудница института. Днем Галина гуляла с Наташей около дома, а я ходил в магазин за продуктами. Вечером я сидел дома с двумя детьми, кормил малышку грудным молочком из бутылки, оставленной женой, а со старшей дочерью ужинал, потом укладывал детей спать.

В 1980 году я, наконец-то, приобрел кооперативную однокомнатную квартиру от Академии наук СССР. Поскольку мы с Галиной были разведены, то я прописался в данной квартире вместе со своей старшей дочерью Мариной. Мы вчетвером

переехали в однокомнатную квартиру, прекрасно устроились. Перевели Марину из одного детского сада в другой, относящийся к Академии наук. Ходили семьей в ближайший парк, отдыхали у водоема, который был недалеко от нашего дома. Моя мама приезжала к нам, гуляла вместе с детьми.

Я, дочь Марина (8 месяцев) и Галя, 1975 г.

Дочь Наташа, 8 месяцев, 1980 г.

Я, дочь Марина (9 лет), Галина и сын Алеша (6 месяцев),

1983 г.

В августе 1981 года умер отец Галины. Он прожил долгую и непростую жизнь. Был профессором русского языка и литературы, одним из основоположников финно-угорского языкознания, почетным членом финно-угорского общества в Финляндии, поэтом, классиком коми-литературы, членом Союза писателей СССР. В 20-х годах проходил обучение в Венгрии, Германии, Финляндии, Эстонии. Получил диплом об окончании Будапештского университета. В 1933 году был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, два года провел в лагере в Хабаровском крае, до 1938 года работал в системе Дальлага в должности экономиста. В 1956 году был реабилитирован и возвратился в Москву. После смерти память о нем увековечена на мемориальных досках на здании Института языка и литературы Коми филиала Академии наук и Сыктывкарского университета. Его именем названа школа, где он был учителем, и одна из улиц города Сыктывкара.

ЛЫТКИН
ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ
27.12.1895 - 27.08.1981
Нималана учёной - финно-угровед, филологияса доктор, профессор, коми советской литературалы подув пуктысь.
Крупнейший учёный, профессор, финно-угровед,доктор филологических наук, один из основоположников коми советской литературы.

Через некоторое время мать Галины, жившая в трехкомнатной квартире, переехала в мою однокомнатную квартиру, а Галина, я и наши дети (Марина и Наташа) переехали на улицу Вавилова, 48. С этого времени до сегодняшнего дня наша семья проживает в этом кооперативном доме Академии наук.

В 1982 году родился сын Алеша. Когда я пришел в родильный дом, чтобы забрать сына, произошел забавный эпизод. Поскольку я был в разводе, то нянечки не давали мне ребенка и спрашивали мать: «А где отец?» На что я отвечал: «Кому нужна мать с тремя детьми!» В общем, все было нормально. Мы посмеялись и пошли домой.

Сын Алеша, 7 месяцев, 1983 г.

Галина, Марина, Наташа, Алёша и я, 1983 г.

Кстати сказать, формально развод продолжался одиннадцать лет, пока в Институте системного анализа не узнали, что я был разведен. Когда в отделе кадров поняли, что я не сообщал о разводе, то был большой шум. Меня вызвали в партбюро и стали разбираться. Кто-то спросил: «Почему развелись с женой?» И я ответил: «Развелся потому, что я люблю свою жену». Потом объяснил, что формальный развод был связан с приобретением кооперативной квартиры для семьи. Как ни странно, но члены партбюро оказались человечнее, чем я думал. Все обошлось. Позднее я еще раз женился на своей жене и получил в загсе документ о браке.

Итак, мы с Галой стали многодетной семьей, что вызывало радость от детей, но и появилось много новых забот. Пеленки, стирка, хождение по магазинам, приготовление еды, ясли, садик, болезни детей – все это коснулось нас, родителей, которые к тому же работали. Галя преподавала вечером в МГИМО, а я старался писать книги, проводить исследования днем, ходить в академический институт, но вечером занимался с детьми. О том,

как это было, можно судить по стихотворению «Исповедь многодетного отца», написанному в 1985 году:

Проза жизни такова:
Ходит кругом голова,
И летит куда-то время.
Дом, семья, работы бремя.
Разрываюсь я на части,
Сгорбился уже отчасти.
Эх! Вильнуть бы хоть хвостом!
Ночь. И я лежу пластом.
Утро. Бег опять по кругу.
День. Не пожелаешь другу
Окунуться в суету,
В омут жизни, в маяту.
Вечер. Не могу жевать.
Ноги в руки и … в кровать.
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день!

Отдыхать? Ты это брось-ка!
Вот тебе рюкзак, авоська,
Дуй скорее в гастроном!
Ноги ходят ходуном.
Дома рот открыли крошки.
Сетка, полная картошки.
После долгой перебранки
Удалось достать баранки,
Туалетную бумагу, —
Без нее, увы, ни шагу, —
Мясо, сыр и колбасу.
Как все это донесу
На обед из многих блюд!
Нагрузился, как верблюд.
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день!

Приволок едва, с трудом.
Не успел ввалиться в дом —
Грохот, шум, орут детишки.
Кто-то наложил в штанишки,
На себя надел горшок.

Не хватил бы маму шок!
Всех в охапку и под душ.
Это надо ж, сколько душ!
Всех помыть и ублажить,
И в кроватки положить,
Постирать, сварить обед,
Уберечь от разных бед.
В общем, дел невпроворот.
Закрываю молча рот.
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день.

Уложил едва всех спать,
Можно что-то пожевать.
Нужно вымыть и посуду,
Разобрать игрушек груду,
Сломанные починить.
Не теряя мысли нить,
Сесть за спешную работу, —
Нет движенья ни на йоту, —
Рукопись лежит в пыли.
Как всегда, я на мели.
Не хватает прямо рук.
Только сел за стол, и вдруг…
Сзади кто-то чем-то хвать.
Все – занятьям не бывать.
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день.

Дети выспались, проснулись,
Завизжали, встрепенулись,
Налетели впопыхах.
Ой! Да что же это! Ах!
Жаль, что рукопись помяли,
Хорошо, что не порвали.
С малышами ведь беда!
Где готовая еда?
Застучали дружно ложки,
Съели все, остались крошки.
Звон стоит в ушах так гулко!
Одеваю на прогулку.
Затерялись вот носки.

Нет, тут не помрешь с тоски!
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день.

На прогулке просят сказку.
Проявляй заботу, ласку.
В горле пересохло, ком.
Не могу уж языком
Чуточку пошевелить.
Кто-то хнычет, просит пить.
С улицы – и прямо в дом.
Отдираю грязь с трудом.
Наследили в коридоре.
Это надо же, доколе
Не научится вся рать
Ноги чисто вытирать.
И опять пошли заботы,
Уйма всяческой работы.
Вот такая дребедень
Целый день,
Каждый день.

Дома некогда зевать:
Надо расстилать кровать,
Чтоб, поужинав едва,
Улеглась спать детвора.
Снова подметаешь пол,
Будто ты стожильный вол.
Вот такая-то петрушка.
В ванне ждет уж постирушка,
А затем сухое гладить,
Куклам головы приладить.
Наконец, делам просвет.
Можно погасить и свет.
Завершилась кутерьма,
Хоть забот осталась тьма.
Вот такая дребедень
Каждый день,
Целый день!

С детьми мы с Галей гуляли в Битцевском парке. В 1980-х годах в Битцевском парке художники выставляли свои картины. Я

стал коллекционировать те картины, которые мне понравились. Одновременно у меня проявился интерес к резьбе по дереву. Однажды я встретил студента, начинающего художника. Посмотрев на его работы, я заказал ему портреты своих детей, выполненных по фотографии. С тех пор портреты детей висят в детской комнате в московской квартире.

Когда Наташе было пять лет, мы позвали в гости детей и устроили праздничное представление. В проеме двери в смежной комнате установили планку и накинули сверху одеяло. Получилась ширма, где мы выступали с куклами, которые приобрели в магазине. Было очень весело, дети смеялись, поскольку я сочинил юмористические стихи. Но оказалось, что покупные куклы очень примитивные, невыразительные. Тогда Галя стала делать куклы сама. Это были куклы самых разных конструкций: перчаточные, тростевые, куклы на палке, марионетки и прочие. Головы делались в основном из папье-маше. Позднее некоторые куклы делал и я. Так родился театр кукол «ФАНИ» (Фантазеры, Актеры, Находчивые, Импровизаторы), с которым мы стали выступать в детских садах, в школе, куда ходили наши дети, в пионерском лагере. Так, в летний период на протяжении 18 лет (три смены подряд) мы отдыхали и работали в пионерском лагере «Союз» МИД СССР в должности руководителей театрального кружка. Это было связано с тем, что у нас не было дачи. Таким образом мы совмещали работу в пионерском лагере и отдых детей, когда все вместе были на воздухе. Кроме того, театр ФАНИ объединил родителей и детей: Галя делала куклы, я сочинял поэтические тексты, Марина помогала с куклами, Наташа играла на гитаре, а Алеша включал музыку на магнитофоне.

1987 г.

Эмблема ФАНИ (рисунок дочери Натальи), 1988 г.

Куклы и наши дети (Алеша, Марина, Наташа). Кукла-перевертыш, 1988 г.

1988 г.

1989 г.

Наши благодарные зрители

1990 г

1991 г.

1991 г.

В клубе на сцене (папа с дочкой), 1993 г.

На сцене пионерского лагеря «Союз» (я, Алеша, Галина, Наташа), 1993 г.

В пионерском лагере «Союз» мы выступали на праздничных концертах, ходили по младшим и старшим отрядам, домам отдыха МИД. Гала делала различные куклы, включая большие ростовые (одна из них была высотой в 4 метра), а я специализировался по собачкам, которые приобретали даже взрослые.

Наши дети занимались в различных кружках. Наташа ходила в кружок росписи по дереву. Алеша занимался резьбой по дереву. Старшая дочь Марина позднее стала пионервожатой. Я тоже увлекся резьбой по дереву, в результате чего получилась коллекция древнерусской росписи, в то время как Галина успевала расписывать доски разной формы. Большую часть времени в лагере мы все занимались творчеством.

В конце 90-х годов от пионерского лагеря «Союза» МИД был организован отдых детей в Болгарии. Мне предложили поехать с детьми, в результате чего я три раза ездил в Златы Пясцы и один раз в Албену. В Болгарии я был педагогом в отряде и художественным руководителем, когда под моим руководством мы ставили спектакли и концерт вожатых. В 2002 году мне и Гале предложили поездку в Болгарию за хорошую работу в пионерском лагере «Союз». Таким образом, работа в пионерском лагере МИД

охватывала период с 1984 по 2002 г.

В 90-х годах Галя, будучи матерью многодетной семьи, получила земельный участок от МГИМО МИД. Я собрал оставшиеся деньги после дефолта и приобрел армейский летний домик для дачи. Сборный домик стоял на земле несколько месяцев, пока у меня не появились деньги, чтобы его поставить на шести сотках.

Дело в том, что в то время ученым платили так мало денег, что прожить на них многодетной семье фактически было невозможно. Многие люди продавали свои вещи и предметы на рынках, чтобы как-то выжить. Для того чтобы прокормить свою семью, мне пришлось, кроме научной и педагогической деятельности, заняться продажей книг и календарей, поскольку пациенты испарились после дефолта. Я стоял в подземном переходе на Ленинском проспекте и предлагал книги и календари проходящим людям, которые шли к универсаму «Москва». Товары для продажи приобретал в Олимпийском дворце, который в то время стал своеобразным рынком, где можно было оптом купить то, что нужно. Книги и календари я продавал по таким же ценам, которые были в магазинах. Поэтому прохожие в подземном переходе охотно приобретали у меня товар, не тратя время и деньги на поиск книг и календарей.

Иногда в подземном переходе приходилось сталкиваться с учеными из Академии наук, которые не осуждали меня за торговлю книгами и календарями. Так, однажды профессор И. Кон, который часто ездил за рубеж с лекциями и стажировками, увидел меня в подземном переходе Ленинского проспекта, где я, будучи уже доктором наук, занимался отнюдь не научной деятельностью. И хотя он понимал, что я был вынужден заниматься не своей работой, поскольку надо было материально обеспечивать троих детей, тем не менее это произвело на него неизгладимое впечатление. Не случайно И. Кон написал об этой встрече в одной из своих книг, комментируя, до чего же довели ученых и науку в целом в эпоху развала страны.

На своем личном опыте я понял, что такое капитализм, приобрел небольшой капитал для прокормления троих детей и даже для строительства небольшого дачного домика на участке.

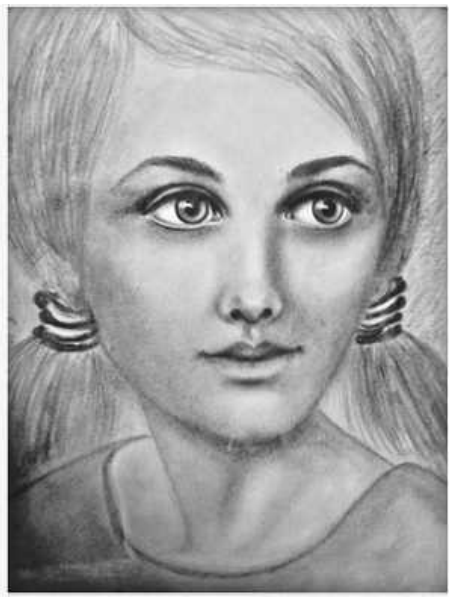
Постепенно вся наша семья приводила в порядок участок. Поскольку участок был в лесу, в заболоченном месте, то мне пришлось завезти 23 КАМАЗа с глиной и песком. Так, весной оказалось, что дачный домик был потоплен в воде, для чего пришлось вызывать пожарную машину и откачивать воду. Постепенно мы что-то делали и с участком земли, и с домом, пока не привели все в божеский вид.

В ДСК «Международник», находящийся в 34 км от кольцевой дороги, многие стали строить фундаментальные дома. Постепенно преподаватели МГИМО продавали свои дома. Их место заняли бизнесмены и банкиры. Так, один из соседей нашего домика построил четырехэтажный дом с двумя лифтами.

В те далекие годы мы жили, как могли. Заработка не хватало, в результате чего мы продолжали ездить летом в пионерский лагерь, хотя был приобретен участок и кое-как мы оборудовались на даче. Поскольку в академическом институте научным сотрудникам платили мало, где-то чуть больше полутора тысяч рублей, то я стал торговать в свободное от работы время книжками, календарями. Тогда большая часть интеллигенции вынуждена была стоять у рынка и продавать все, что можно, от ботинок, одежды до книжек и значков. На заработанные деньги я не только покупал продукты и одежду для детей, но и обустраивал свою дачу так, что мы могли собрать урожай яблок, груш, слив, овощей и даже клубнику.

В домике на даче мы использовали в качестве интерьера те поделки, которые делали в пионерском лагере «Союз» МИД. Это были авторские работы, связанные с резьбой по дереву, живописью.

Резьба по дереву, Валерий, 1992 г.



Рисунки Галины (карандаш), 1975 г.

Постепенно мы с Галой так увлеклись садовым дизайном, что позднее, когда научным работникам стали платить до 20 тысяч в месяц, мы отказались от ряда яблонь, груш, слив, грядок с овощами, для того чтобы разводить различные цветы и кустарники. Я делал из камней скульптурки, размещал дорожки из плит, построил маленький водоем с фонтаном. Постепенно мы меняли обстановку на участке дачи. Садовый дизайн стал нашим увлечением. Особенно в то время, когда мы уже не работали в пионерском лагере летом. Сейчас мы проводим все свободное от работы время на даче, куда приезжает наша московская внучка Саша зимой и летом, а также парижская внучка Анюта и внук Ян на целый месяц летом.

Кроме научной деятельности, преподавания в различных институтах, путешествий и дачных забот, я писал стихи на детские темы. Была сделана подборка в тетради, из которой я читал стихи подрастающим детям, когда они укладывались спать. Стихи сопровождались рисунками, сделанными Галей. В лагере «Союз» МИД я также писал стихи не только для маленьких детей, но и для подростков, включая различные праздничные сценарии. Позднее, в 2008 году, вышла моя книга «Смехоград» (480 с.), где нашли свое отражение детские стихи, а также стихотворные сюжеты, связанные с работой в пионерском лагере.

Что касается стихов вообще, то они напечатаны в разное время в книгах «Психоанализмы» (2004. 160 с.), «Знаки времени» (2005. 240 с.), «Любовь и время» (2005. 195 с.), «Эрос жизни»

(2009. 182 с.). Вот так в те годы переплетались наука и поэзия.

Что касается общественной деятельности, то, надо признать, я мало проявлял внимания к этому вопросу. Правда, были такие периоды, когда я обращался к власть имущим по тем или иным проблемам. В частности, я написал открытое письмо к мэру Москвы Юрию Лужкову. Речь шла о кошмаре на улице Вавилова, когда каждую ночь производили ремонтные работы, связанные с ремонтом трамвайной линии. И хотя был категорический запрет на производство шума после 23 часов, тем не менее строительные работы осуществлялись именно ночью и продолжались до 5 часов утра. Это письмо было опубликовано в газете «Вечерняя Москва» (23 ноября, по-моему, 2002 года). Никакого ответа не последовало, и строительные работы ночью продолжались, пока трамвайный путь не был восстановлен. Прошло несколько лет, трамвайную линию каждый год ремонтировали, но отбойные молотки создают шум только в дневные часы. Такова теперь стратегия ремонтных работ, когда ночью люди могут спать спокойно.

Когда в 2002 году произошла пенсионная реформа, то я выступил в прессе со своими предложениями. Они касались как работающих пенсионеров, у которых не было индексации по сравнению с неработающими пенсионерами, так и депутатов Государственной думы, имеющих социальные льготы и денежные вознаграждения при выходе на пенсию, превосходящие рядовых граждан. К сожалению, до сегодняшнего дня эти вопросы так и не были решены. Так что моя общественная деятельность не имела успеха.

Другое дело, когда твои личные интересы помогают детям и пенсионерам. Так, мы с Галей уже несколько лет подряд организуем праздники, когда пенсионеры собираются в лесу на лыжах и отмечают встречу Нового года, проводы зимы. Кроме того, Галя создала группу в мессенджере WhatsApp «Подснежник», в результате чего пенсионеры-лыжники обмениваются по мобильному телефону самой различной информацией, заряжают всех позитивом и хорошим настроением.

Итак, каждый человек выбирает свой путь жизни. Можно стремиться к власти, к бизнесу, к приобретению все большего количества денег, которые могут сделать жизнь более комфортабельной. Можно залечь на дно, быть безработным, обвинять себя и обстоятельства в том, как сложилась жизнь. Что лучше?

Есть такой закон «маятника». Если ты находишься на верхней точке маятника, то ты обладаешь властью, деньгами, но у тебя нет свободы. Если ты находишься в нижней части маятника, то ты

свободен, хотя у тебя нет власти и денег. Каждый человек выбирает сам ту точку маятника, которая кажется ему удобной. Это зависит от характера и умонастроения каждого человека.

Я придерживаюсь того, что стремлюсь выбрать точку маятника где-то посередине. Есть некая свобода и в то же время средства для существования семьи. Именно поэтому в Академии наук я не стремился занимать административных постов. Я отказывался быть заведующим лаборатории. Был просто научным сотрудником с докторской степенью, что давало мне свободу в своих решениях, действиях, распоряжаться временем на свое усмотрение, например, быть почаще в семье и с детьми. В преподавательской деятельности одно время я был заведующим кафедрой по чисто формальным соображениям, связанным с престижем Института, но потом сложил с себя эти полномочия. Таким образом, в своей жизни я сочетал в себе и научную работу, и преподавательскую деятельность, и работу с пациентами, и семейную жизнь, которая совместно с женой была посвящена воспитанию, образованию детей и совместному творчеству.

После 70 лет

В последнее десятилетие, когда перешел рубеж 70 лет, работа, преподавательская деятельность, дачный дизайн, путешествия, внуки по-прежнему увлекают меня. Из-под моего пера продолжают выходить книги научного содержания. Преподавательская деятельность сопровождается публикациями, в 2014–2020 годах вышло 12 хрестоматий по психоанализу. Мы с Галей часто ездим в Париж, встречаемся с дочерью Наташей и детьми. Ранее мы ездили на Кипр в гости к старшей дочери Марине. Были в Австрии (Вена, Зальцбург), а Галя неоднократно ездила по работе в Германию. Несколько раз отдыхали в Турции, в Крыму. По-прежнему занимаемся дачным дизайном.

В декабре 2014 года умерла мать Галины. Тепляшина Тамара Ивановна прожила 91 год. В 18 лет ушла на фронт, где демобилизовалась в 1946 году. Окончила Ленинградский университет, переехала в Москву, защитила кандидатскую диссертацию. Специалист по финно-угорским языкам. После похорон Галина перевезла прах по завещанию матери в город Ижевск Удмуртской республики. Это ее родина и родительский дом в деревне Малая Кизня. В поселке Дебёссы, где она посещала школу, выделен музейный уголок, рассказывающий о ее жизненном пути.

Тепляшина Тамара Ивановна (1924–2014)

Дети стали взрослыми. Марина вышла замуж и живет на Кипре в городе Лимассол. Имеет троих сыновей. Наташа тоже вышла замуж и живет во Франции в Париже. У нее дочь и маленький сын. Лёша женился и проживает в Москве. В его семье подрастает дочь.

Уйдя на пенсию по собственному желанию из МГИМО, Галя открыла для себя простор для творческой фантазии. Наконец-то наступили времена, когда можно планировать свое время по

собственному желанию. И чего она только не делала!

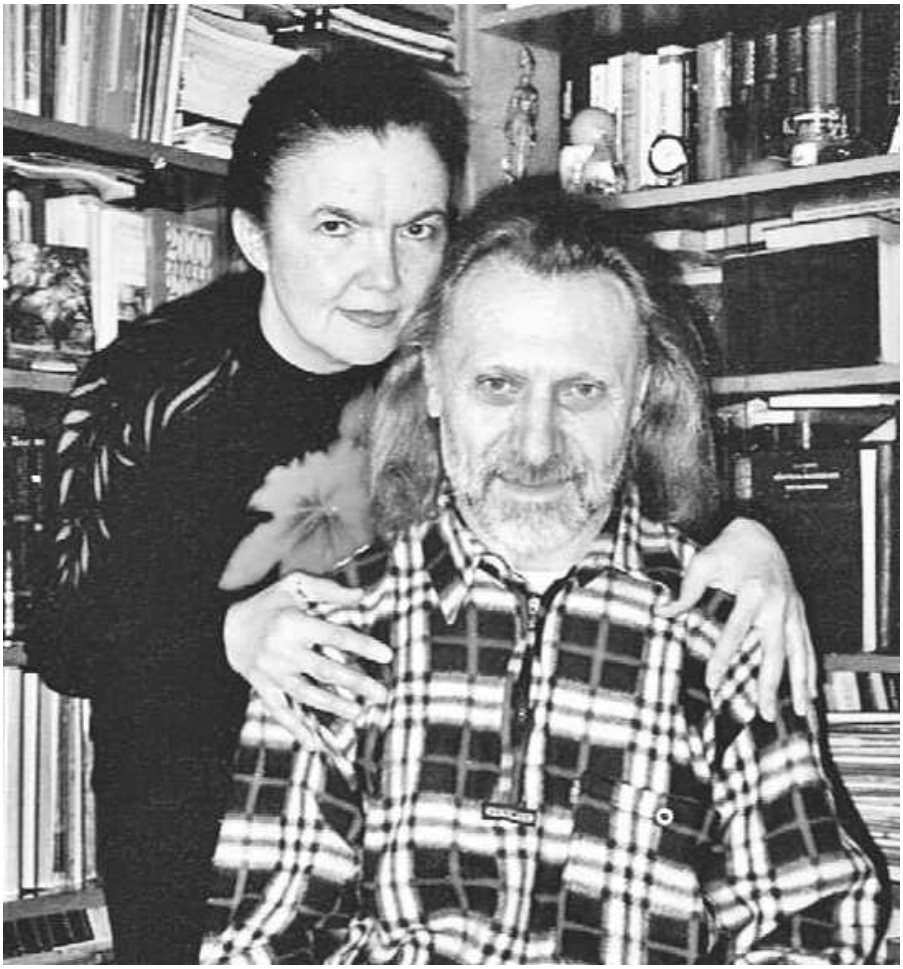
Лепила из глины человеческие фигуры, много рисовала, шила, брала уроки пения, училась жонглировать, играла на дарбуке и многое другое. Три года подряд вела «актерское мастерство» на немецком языке для детей в Российско-немецком доме в Москве. Вместе с детьми был поставлен спектакль «Театр теней Офелии». Ее учениками были артисты театра и кино. Она помогала также с немецким произношением начинающим певцам. Галина для собственного интереса проводила занятия по немецкому языку для пенсионеров. В последнее время охотно рассказывает сказки по скайпу своим маленьким внукам, с удовольствием играет в настольный теннис, осваивает монтажные программы и монтирует фильмы-ролики, параллельно совершенствует свои знания английского языка. Также находит время для изучения китайской медицины, используя знания на практике. Многое из чего практикует на мне.

У меня, к сожалению, на все энергии не хватает. Я по-прежнему преподаю в Московском институте психоанализа, веду вебинары, готовлю презентации. Правда, я увлекся зимой ходьбой на лыжах. Проходил по 50–60 километров каждый день в лесу близ дачи. Так, однажды за всю зиму прошел столько километров, что по расстоянию можно было сравнить с походом от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно в Москву. Каждую зиму я и Галя прокладывали лыжню в лесу. Познакомились с пенсионерами, в результате чего собралась целая группа любителей-лыжников, которые охотно праздновали различные зимние мероприятия, включая Рождество, Масленицу.

По утрам каждый день я занимался зарядкой, что было привычкой для меня в течение всей жизни. Так случилось, что я должен был лечь на одну пустяковую операцию. Проходя врачей в поликлинике РАН, столкнулся с тем, что аппарат показал фибрилляцию предсердий и сердечную недостаточность. Кардиолог не давал направление на операцию. Пришлось принимать таблетки, хотя раньше я не прибегал к такому лечению. Кардиолог менял таблетки. Кроме того, я споткнулся и повредил палец на ноге. Пришлось обратиться к хирургу, который нашел тромб на правой ноге. Снова таблетки от тромба, которые в сочетании с таблетками, связанными с фибрилляцией сердца, сыграли свою особую роль. Однажды дома я потерял сознание, приехала скорая помощь, и меня увезли в районную больницу. Я быстро пришел в себя и пять дней занимался самоанализом, в результате чего вспомнил о том, что было в детстве, когда учился в горно-керамическом техникуме, в армии и позднее в исследовательском институте. Вспомнил те эпизоды, когда на

протяжении жизни пять раз терял сознание. Впоследствии я описал все в книге «Синдром Титаника» (2013. 298 с.).

В декабре 2013 года, в канун Нового года, произошел инсульт, и меня отвезли в больницу АН РАН. Инсульт сопровождался тем, что я лишился речи, ничего не помнил, даже имя и фамилию вспоминал чуть ли не месяц. Сперва два дня я был в шоке от случившегося, но взял себя в руки и стал заниматься с Галей постановкой звуков. Как первоклассник, читал по слогам тексты, изучал математику, так как не мог сложить примеры до десяти. Гала принесла в больницу изображение клавиатуры на компьютере, и я пытался что-то понять и использовать ее буквы и знаки. Через двадцать один день меня выписали из больницы. Дома я занимался более девяти месяцев чтением, работал с текстами на компьютере, когда я набирал слова, получалась сперва неразбериха, а позднее более или менее стройные предложения. В результате работы на компьютере я провел своего рода терапию, благодаря чему опубликовал через несколько лет книгу «Человек в мире информационно-коммуникативных технологий» (М., 2015. 346 с.) и «Психоаналитические идеи и философские размышления» (М., 2017. 780 с.). Одновременно я стал читать лекции в Московском институте психоанализа.

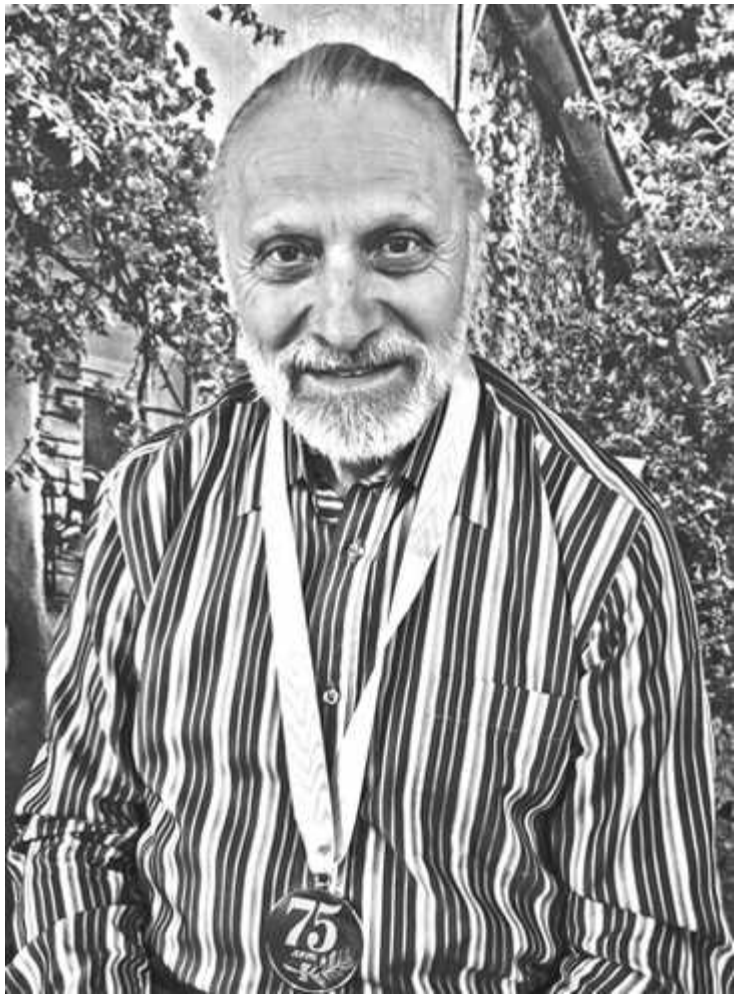


Вдвоем, 2015 г.

Через несколько месяцев прошла небольшая операция. Я продолжал работать в академическом институте, писать книги. В 2014-м снова инсульт, но я вовремя лег в больницу, в результате чего осложнений почти не было. Фибрилляция предсердий давала о себе знать, и поэтому пришлось сделать операцию по вживлению кардиостимулятора в январе 2015 года.

Галя и я продолжали ездить в Париж к дочери, отдыхали в Крыму и Турции. Зимой катались на лыжах, летом играли в теннис на даче. Каждое утро я занимался зарядкой дома в Москве. 75-летие отмечал в узком семейном кругу.

Ко дню моего рождения вышла книга стихов «Дедушкины стишки». Мои дети преподнесли такой подарок, заказав ее издание в Киеве.



Празднование 75-летия.

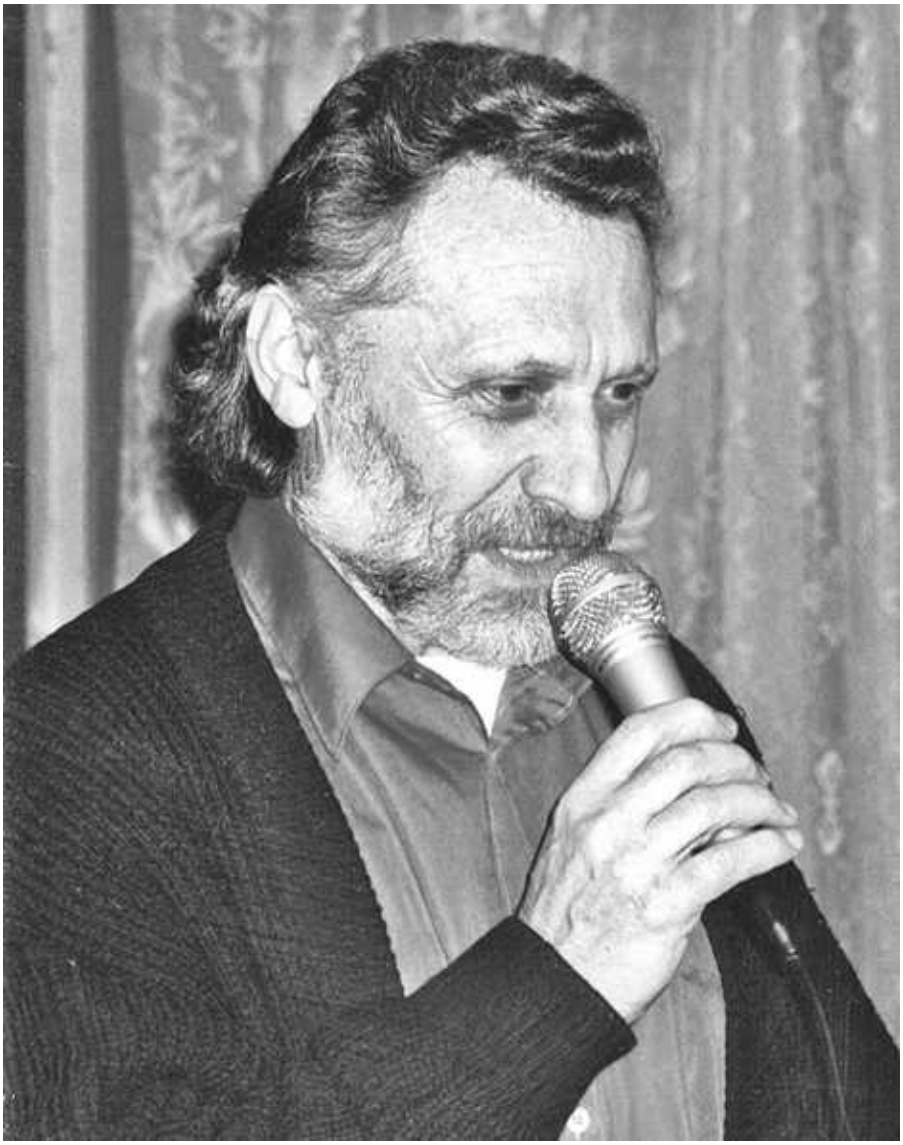
Итак, жизнь продолжается. Правда, после инсульта я не вижу сны, и ночью ко мне не приходят стихи, как это было раньше. Помню, одно время было так много стихов, что ночью просыпался. Шел к столу и записывал, поскольку мое бессознательное не всегда под утро восстанавливало рифмы. Снова ложился спать. Так появилась книга «Психоанализмы», которая вышла в 2004 г. Но в данный момент стихи не приходят ночью, и я спокойно сплю. Это напоминает исторический факт (возможно, вымысел) между психологами Л. Выгодским и Р. Лурией в конце 20-х годов XX столетия. Говорят, что Л. Выгодский говорил Р. Лурии: «Я когда ложусь спать, то на тумбочке оставляю карандаш и лист бумаги. Ночью приходят такие мысли, что просыпаюсь и записываю их. А как у тебя?» На что Р. Лурия отвечает Л. Выгодскому: «А я ложусь спать с

секретаршей».

В настоящий момент я по-прежнему хожу на лыжах зимой в лес, где мы с женой оборудовали стол, скамейки, украшаем елку игрушками и устраиваем праздники для пенсионеров-лыжников, где разжигаем костер, поем песни, танцуем.

Наш зимний лес, 2017 г.

В то же время я преподаю в Московском институте психоанализа, публикую книги и статьи, принимаю пациентов. В соответствии с информатизацией перестраиваюсь к тем новшествам, которые вводятся в преподавательскую деятельность. Веду дистанционные вебинары, использую платформу ZOOM. В Интернете публикую видео по истории психоанализа и доклады конференций.



Чтение лекций 2000 г.

Московский институт психоанализа на Кутузовском проспекте, 2016 г.

Выступление на открытии памятника З. Фрейду 27 августа 2018 г.

Так, только в 2019 году на YouTube было опубликовано 14 видео на заданные темы и вышло третье издание книги «Психоанализ: учебное пособие» (М., 592 с.), где студенты могут ознакомиться с идеями и концепциями классического психоанализа, и книга «Фрейд и Юнг», (М., 446 с.), где воспроизводятся детали жизненного пути основоположника психоанализа и аналитической психологии. В 2020 г. вышло третье издание книги «Словарь-справочник по психоанализу» (М.,

812 с.), которое оказалось востребованным среди студентов.

В современных условиях в клинической деятельности использую как очные, так и дистанционные формы терапии. В целом, начиная с 1991 года по настоящее время, я проводил клиническую деятельность более чем с 48 пациентами, причем сессии каждого пациента были от 10 до 380 часов, и консультации с 45 пациентами, продолжительностью от одного до пяти раз.

Кстати сказать, обычно пациенты приносят благодарность врачам, дарят им цветы, конфеты, коньяк. В психоаналитической терапии наоборот: психоаналитик мысленно благодарит своих пациентов, которые научили его по-человечески работать с людьми. Так, в свое время в 2004 году в одной из поэтических книг «Знаки времени» я выразил свое отношение, написав стихи «Моим пациентам с искренней благодарностью»:

Только в общении с Вами
Я смог кое-что понять.
Тонкая связь между нами
Могла напряжение снять.

Какая тайна, загадка
Простой земной человек!
Мне было не раз так гадко,
Что я не смыкал ночью век.

Такие подспудные страсти
У Вас клокотали в душе,
Что все мои знания власти
Были бессильны уже.

Пришлось отложить все книги.
Я знания черпал у Вас.
Обиды, вина, интриги
Меня поражали не раз.

Конечно, знал я ученья
Достойных, великих светил.
Но Ваши страданья, мученья
Я вновь открывал и чтил.

Меня поражала слабость
Ваших скрытых защит
И восхищала та храбрость,

С которой Вы бились о щит,

О щит того самого быта,
Что с детства достался Вам,
О травме, что позабыта,
Но можно прочесть по глазам.

И Вы для меня открывали
Огромный непознанный мир:
Влечений глубины и дали,
Страстей неуемных пир.

А я каждый раз поражался,
Как, наломав столько дров,
Мой пациент оставался
По-своему жив и здоров.

А сколько новых открытий
Вы принесли и в мой мир!
На фоне внешних событий
Фрейд снова стал, как кумир.

Но Вы и здесь поражали
Меня своей новизной.
Былые устои дрожали,
И стыла кровь даже в зной.

Порой настигала вялость,
Как будто девятый вал.
Но чаще душа обновлялась
И я во тьме прозревал.

Каждый из Вас, не зная,
Такое вовне источал,
Что часто воля шальная
Искала надежный причал.

Было то легче, то горше.
Каждый, надеясь, страдал.
И не известно, кто больше
Друг другу чего-то дал.

И вот теперь замечаю,
Чего я добиться не смог.

Страдания я облегчаю,
А исцеляет лишь Бог.

Я делал все, что возможно,
Чтоб к жизни Вас возродить.
Не подгонял, осторожно
Ткал оптимизма нить.

Показывал ту изнанку,
Что Вы таили в себе,
И раскрывал обманку
Покорности духа судьбе.

Мы вместе с Вами искали
Пути, что к здоровью вели.
Шли смело вперед, отступали
И были подчас на мели.

И все же под белой одеждой,
Порой разбиваясь в кровь,
Вы оживали с надеждой,
Когда я вселял в Вас любовь.

Любовь и к себе, и к миру,
И ко всему, что вокруг,
Чтобы, уняв нервов лиру,
Вы разорвали тот круг,

В котором, не зная меры,
Вы попадали в тупик,
Страдали в любви без веры,
Пройдя сексуальный пик.

Я помогал. Вы решали,
Как жизнь по-иному начать,
На мифы, что обветшали,
Поставить сознанья печать.

Отбросив былого реликты,
В преддверии новых гроз
Вы осознали конфликты,
Что загоняли в невроз.

Мы вместе пути намечали,

То молча, а то и вслух,
К тем высям, где без печали
Мог возродиться Ваш дух.

И, право, не так уж важно,
Крепка ль между нами нить,
Главное, чтоб отважно
Отныне могли Вы жить.

Чтоб сами решали проблемы,
Не поддаваясь на прыть,
Чтоб в рамках любой дилеммы
Имели мужество быть.

Быть наравне с этим веком,
Стойко все бури сносить,
Но главное – быть человеком,
Творить, созидать, любить.

Не знаю, как Вы оценили
Все то, к чему мы пришли.
Я рад, если Вы полюбили
Себя, других, мир души.

А если Вы снова в ударе,
Спаслись от потопа, как Ной,
Я искренне Вам благодарен
За то, что общались со мной.

В начале 2020 года мир охватила пандемия COVID–19. В России все, кому было более 65 лет, перешли на самоизоляцию. Мы с женой в конце марта и до середины апреля находились дома в Москве. Этот период был не простой, поскольку некоторые люди не знали, что делать и чем себя занять. Но это не касалось нас, поскольку моя жена и я посвятили себя тому, на что раньше не хватало времени. Меня попросили написать короткую статью «Простор для творчества в условиях самоизоляции», которую разместили в блоке Московского института психоанализа. Вот она:

2018 г.

«Условия самоизоляции приводят к тому, когда некоторые люди, находящиеся дома или на даче, не знают, что делать, бесконечно смотрят телевизор, переедают и предаются унынию. В то время как другие люди открывают для себя возможности наконец-то располагать своим свободным временем для общения с детьми, внуками, семьей. И наконец, есть и такие люди, для которых самоизоляция – это простор для творчества, проявляющегося буквально во всем.

Если раньше ты был на работе, где приходилось выполнять свои обязанности и не хватало времени для других дел, то в условиях самоизоляции ты можешь настолько загружать свой день творчеством, что у тебя нет времени скучать, предаваться унынию, бездельничать.

Конечно, есть творческие люди (поэты, писатели, художники, музыканты, ученые), для которых условия самоизоляции есть даже благо, поскольку они без помех делают свое дело. Но и рядовые люди могут открывать у себя те таланты, которые ранее скрывались под гнетом работы ради материального достатка и

благополучия.

Посмотрите! Сколько есть возможностей для творчества? Причем каждый человек выбирает то, что ему по душе. Нужен только простор для воображения заниматься творчеством.

Приведу несколько примеров, чем мы занимаемся с женой в условиях самоизоляции, поскольку возраст жены 70 лет, а мне пошел 79 год.

Мы с женой осваиваем компьютерную программу платформы ZOOM. Жена общается с зарубежными и нашими людьми, которые изучают английский язык в онлайне. Кроме того, жена занимается интенсивным онлайн-курсом по китайской медицине и улучшению зрения. Я использую платформу ZOOM для конференции с преподавателями и вебинары для обучения студентов.

Вывесили на стене схему для улучшения зрения, которую пытаемся использовать для здоровья глаз.

Жена изучает видеоредактор «Давинчи–17» для монтирования домашних фильмов, а также моих докладов и лекций, размещенных позже на YouTube.

В онлайне мы встречаемся с дочерью, внучкой и внуком, которые живут в Париже. Эти встречи проходят творчески, поскольку жена рисует вместе с внучкой и рассказывает сказки с использованием кукол, сделанных нами.

Я пишу книгу-воспоминания о прожитых годах, разбираю и редактирую старые фотографии.

Мы с женой занимаемся зарядкой. Жена каждое утро делает упражнения, придерживаясь правил китайской медицины. Я делаю обычные упражнения с гантелями и бегаю на эллипсоиде (типа велосипеда). Вечером мы делаем друг другу массаж, надавливая на те точки, которые указаны в китайской медицине для укрепления здоровья.

Как видим, даже в пожилом возрасте можно найти те сферы жизни, которые связаны с творчеством.

А что касается молодежи, включая детей, то тут простор для творчества необъятен: танцы с самим собой перед зеркалом (моя московская внучка занимается именно этим), гимнастика, пение, игра на музыкальных инструментах, рисование, поделки, занятия с детьми, когда мама и папа придумывают различные сюжеты, увлекающие всех, развлечения с животными и юмористические съемки, которые можно послать близким или выложить в Интернет.

Словом, в условиях самоизоляции есть место для творчества людей как юных, так и пожилых. Главное – не унывать, проводить время дома или на даче с пользой, смехом и юмором».

В это время вышла моя книга «Индивидуальная психология А. Адлера» (М., 2020. 150 с.), выпущенная к лекциям по индивидуальной психологии, которую должна была читать в Московском институте психоанализа Марина Блувштейн из Миннесоты (США). Но пандемия внесла свои коррективы, в результате чего лекции отложили.

Мы с женой переехали на дачу, чтобы не контактировать с людьми. В условиях пандемии лекции со студентами и общение с сотрудниками Московского института психоанализа велись дистанционно в ZOOM. Так родились вирши:

Страх, тревога от ковида —
Смерть, болезнь нашего вида.
Юмор, смех для индивида —
Вот спасенье от ковида.

Кроме того, я использовал самоизоляцию для того, чтобы привести в порядок личный архив, в результате чего написал работу «Забытые психоаналитические труды». Работа касалась тех редкостных трудов, которые затрагивали прикладной психоанализ и были опубликованы в России в 20-х годах XX века. Одновременно я готовил работу «Умные мысли и анекдоты», над рукописью которой работал последние годы. В 2021 году вышли две книги, сначала «Умные мысли и анекдоты» (М., 320 с.), а затем «Забытые психоаналитические труды».

В период пандемии мы с женой придерживались одной максимы. Она звучит так: «Я пессимист относительно улучшения общественной жизни, но оптимист по отношению к семье, детям, внукам». Оптимист, использующий юмор, смех в преодолении трудностей жизни.

В начале нашего знакомства, 1971 г.

Сегодня, когда мне исполняется 80 лет, наша семейная жизнь с Галей точно такая же, как это было 50 лет назад. Мы по-прежнему любим друг друга, радуемся жизни и с удовольствием общаемся с внуками, внучками, рассказывая им сказки по скайпу, или встречаемся на даче, если они приезжают к нам, делясь рисунками, играя в разные коммуникативные игры.

50 лет совместной жизни

Часть II
Дневники (1960–1964)

Дневник студента и рабочего (Боровичи – Псков, 1960–1961 гг.)

Июнь 1960 г.

Горно-керамический техникум в городе Боровичи, где я учился четыре года. Диплом успешно защищен. Присвоена квалификация техника-технолога.

При распределении на работу студенты выбирали место работы в зависимости от успеваемости. Я оказался на пятом месте. До меня студенты претендовали на работу близ Ленинграда (Колпино). Когда до меня дошла очередь, я выбрал завод радиодеталей в городе Пскове.

Незабываемый выпускной вечер.

Прощай, техникум! До свидания, дорогие преподаватели!

Июль-август 1960 г.

Тренируюсь в баскетбол. Готовлюсь к юношеским соревнованиям на первенство РСФСР.

Наша сборная города (Боровичи) заняла первое место по области. Еду с командой в Ярославль, где будет проходить первенство РСФСР.

С 1 августа по 7 августа защищал честь Новгородской области по баскетболу в Ярославле. Команда заняла 4 место по северо-западной зоне, оставив позади Мурманскую, Вологодскую, Костромскую, Архангельскую области и Коми АССР. Присвоен первый юношеский разряд по баскетболу.

16 августа 1960 г.

Приехал в Псков на место работы. Осматриваю город. Очень много зелени, хотя, пожалуй, в Боровичах больше.

Завеличие, Запсковье – интригующие названия частей города, особенно для человека, впервые приехавшего в город Псков.

Большое количество церквей, архитектурных памятников. Старинный город.

Ночую в гостинице «Октябрьская».

Август-сентябрь 1960 г.

Предложили место мастера на прессовочном участке Псковского радиозавода. На участке много женщин молодого и преклонного возраста. Поскольку я решил, что буду продолжать учебу, окончу 10 класс, то, работая мастером на подобном участке, у меня практически не останется свободного времени

для себя. Поэтому я отказался от данного предложения.

Буду работать простым рабочим на горновом участке. График работы скользящий, по 12 часов. Утро и день работы, потом на следующий день работаю ночью. Затем два дня отдых. Начало тяжелое, но начинаю привыкать к подобной тяжелой работе.

Загружаю платформу ящиками, в которых содержатся радиодетали. Ставлю в печь, поддерживаю заданную температуру. Платформы перемещаются по печи, после чего я крюком вытаскиваю обожженные радиодетали и разгружаю их. Температура столь высокая, что даже рукавицы обугливаются. А если не усмотрел, то даже лицо и волосы обгорают.

2 сентября – мое первое посещение школы рабочей молодежи № 5, где я буду учиться в 10 классе.

С увлечением занимаюсь в ШРМ. Времени свободного в обрез. Здорово! Учителя очень хорошие. Ребята и девушки интересные.

Октябрь-ноябрь 1960 г.

Присвоен третий разряд обжигальщика на Псковском заводе радиодеталей.

Выбран в участковую и школьную редколлегию. Оформляю газеты. Удивлен крайне, поскольку раньше не обнаруживал способностей по рисованию. Если прежде я сочинял стихи, то теперь их совсем забросил. Нет прежнего подъема, хотя, возможно, это происходит от недостатка свободного времени.

Живу в общежитии. Ребята очень хорошие, особенно Юра и Лёша. Так называю их в домашней обстановке (вот уже общежитие считаю домом). На работе же – Удалов Юрий Петрович и мой старший мастер Серухин Алексей Федорович.

Общежитие представляет собой трехкомнатную квартиру, где живут Ширяев Виктор Семенович (проще Ширяй), Гришин Анатолий (или Карандаш ввиду своего большого роста), Максименко Сашка (керосин) и семейство Бобовых (Вейцман, Элиосов).

Мое прозвище – Еуч. Довольно смешно. Ребята прозвали меня так за то, что я учусь в 10 классе.

В первые два месяца своей самостоятельной жизни очень часто вспоминаю дом в Боровичах, мамочку и бабушку. Конечно, очень грущу. Живу воспоминаниями. Хорошо, что времени сводного мало (работа, учеба), скучать некогда.

Однако боль воспоминаний становится все менее чувствительной. Время идет, и воспоминания начинают тускнеть.

Удивительно, но дневник стал своего рода и повествованием, и местом для стихов. Теперь можно назвать этот опус «мой

стиходневник».

До чего же хорошо получать письма! От мамы и других ребят.

Недавно получил письмо от Л.Л., девушки, в которую я был влюблен в Боровичах. Правда, прочитав ее письмо, я не обрадовался. Бывают же такие огорчительные письма. Понял, что это просто отписка. Ну, что ж, я не навязывал ей дружбу, не говорил о своей любви. Но неужели она так быстро все забыла? Не верится. А если забыла? Очень хочу в Боровичи, ведь тогда я все ясно буду знать. Думаю, сумею вырваться на праздники домой.

Ура!!! Старший мастер отпускает на праздники домой. Я чрезвычайно рад, что буду праздновать ноябрьские праздники дома с мамочкой, бабушкой и, возможно, с Л.Л. Железнодорожный билет уже в кармане. Завтра уезжаю. Впереди дом и встреча с родными, друзьями.

Праздники прошли замечательно. Не успел оглянуться, как уже надо на работу и учебу. Повидал всех своих друзей. Вспомнили время провождения в горно-керамическом техникуме и занятия по баскетболу.

Не состоялся разговор с Л.Л. Я к ней вообще не подходил, поскольку узнал, что она встречается с другим парнем. Значит, правильно мне говорили: «Уедешь, и девушка забудет про тебя». Ну, что ж, теперь я убедился в этом сам лично. Ладно, хватит ныть! Впереди работа, учеба.

5 декабря 1960 г.

Мамочка! Поздравляю с пятидесятилетием! Желаю всего, всего наилучшего!

Вышел из больницы, где пролежал десять дней – дизентерия. Отослал маме на день рождения подарок – часы. Все-таки я получаю впервые зарплату, самостоятельно живу и могу позволить себе сделать приятное маме, поздравить ее с пятидесятилетним юбилеем. Пусть посланные ей часы показывают точное время, тем более что мама работает в школе, преподает русский язык и литературу. Пусть мой подарок напоминает маме, что не нужно отставать от времени жизни! Пусть отгоняет от нее старость и все болезни!

Целую много, много раз.

21 декабря 1960 г.

Приближается Новый год. Выпускаю газету и на рабочем месте, на участке, и в школе. Хочется, чтобы газеты выглядели самыми лучшими.

30 декабря 1960 г.

Спешу сделать запись в дневнике. Сегодня у меня выходной день. Завтра не придется, поскольку буду встречать Новый год.

28 числа был школьный вечер. Все было очень весело. Однако было неприятное происшествие. После вечера, когда я направлялся в общежитие, несколько парней отделали меня довольно хорошо. Ругаю себя за минутную слабость. Даже не успел сдать сдачи.

Сейчас у меня вид прямо-таки неприглядный. Под глазом темнеет, образовался синяк. Переносица разбита. И это под Новый год!

Завтра работаю на радиозаводе до 20 часов вечера. После чего встреча Нового года с ребятами в квартире. Итак, с Новым 1961 годом!

2 февраля 1961 г.

Да! Давненько не оставлял записи в своем дневнике. Немного охладел к учебе. Нет, это не то слово – «охладел». Просто стал менее тщательно обращать внимание на второстепенные предметы. Математика, физика и литература и, конечно, немецкий язык меня привлекают. Очень понравилось писать сочинения, тем более что до этого времени (начальная школа, горно-керамический техникум) к сочинениям относился весьма поверхностно, частенько списывал у товарищей. Вот только в 10 классе я почувствовал тягу к сочинениям. Если бы было лишнее время, развернулся бы во всю катушку. Теперь даже эпиграфы к сочинениям стал придумывать самостоятельно.

8 марта 1961 г.

Сегодня мне исполнилось 19 лет. Да, уже целых 19 лет!

Вечером иду на работу, которая продлится всю ночь, до 8 утра. Жаль. Сегодня не придется отпраздновать свой день рождения. Не так часто приходится встречать свой день рождения на работе, у печи, а не за праздничным столом. В этом тоже своя экзотика.

12 апреля 1961 г.

Человек в космосе!!! Здорово! Не нахожу слов, чтобы выразить свой восторг.

Советский космонавт на борту космического корабля «Восток».

Юрий Гагарин! Молодчина! Весь мир смотрит на тебя. Да, героический подвиг совершил наш человек.

Я узнал о космическом полете прямо на рабочем месте. И

прямо в журнале, где отмечается температура печи и часы смены, записал строки, родившиеся по поводу освоения космического пространства:

Внимание! Внимание!
Работают радиостанции мира!
Сегодня,
в девять часов
утра
Успешно
запуск человека
завершила
В космическую высь
Советская страна.
Веками звезды
в одиночестве
сверкали,
Но в мир их
вторгся ты,
советский человек.
Так,
слава же тебе,
Юрий Гагарин,
Прославивший
свою страну
в XX век!

27 апреля 1961 г.

Еду домой на майские праздники.

Сегодня в школе вечер. Надеюсь, что вечер будет прекрасным.

Да, недавно в школе рабочей молодежи предложили написать сочинение. Тема – «За что я люблю Маяковского». Эту тему я раскрывал с большим для себя удовольствием. Мне очень нравится стиль стихов Маяковского. Стиль острый, меткий. Действительно, Маяковский – трибун.

Эпиграфом сочинения взял свои мысли:

Поэт-агитатор,
поэт-патриот,
Воспевший свободный,
советский народ,
И человек, конечно, броский.
Это —
Владимир Маяковский.

26 мая 1961 г.

Начались экзамены на аттестат зрелости. Сегодня писал сочинение. Тема – «Рождение нового человека в огне революции по роману Горького “Мать”». В основу взял образ Пелагеи Ниловны. Писал сочинение с увлечением. На месте придумал эпиграф:

В огне революции,
в справедливой борьбе,
На заре
двадцатого века
В России,
в каждом ее уголке,
Происходит рождение
нового человека.

20 июня 1961 г.

Экзамены сданы. Сочинение – хорошо. Остальные предметы – отлично.

Конечно, доволен, хотя как-то жалко расставаться со школой рабочей молодежи, с ребятами, с преподавателями.

Из учителей больше всех понравилась Валентина Васильевна Комарова, которая учила нас математике. Душевный, отзывчивый, простой человек. Помню, что когда я лежал в общежитии с синяком и сломанным носом, то она навестила меня, спрашивала о здоровье. Не каждый учитель обратит внимание на своих учеников, тем более в школе рабочей молодежи, где ребята и девушки не дети. И дело не только в том, что Валентина Васильевна проявила свои человеческие, сострадательные чувства, но и то, что она доступно излагала математику, в результате чего я приобщился к данному предмету.

23 июня 1961 г.

Сегодня не работаю – выходной, поэтому есть возможность сделать запись в дневнике.

Вчера был выпускной вечер. Торжественно вручили аттестат зрелости. До медали не дотянул. Получил четверку за сочинение, что означает две четверки за русский и литературу. И плюс одна четверка за тригонометрию. Все остальные предметы – пятерки.

Вечер прошел исключительно весело. Это был прощальный вечер.

До свиданья, школа рабочей молодежи! Спасибо Вам, дорогие

преподаватели!

17 июня 1961 г.

Ура! С завтрашнего дня иду в свой первый отпуск.

Планы огромнейшие. На неделю заеду домой, в Боровичи, затем поеду в Ленинград. Дело в том, что, думая о дальнейшем образовании, я решил поступать в Ленинградский институт авиационного приборостроения. Как-то так получилось, что поступление в данный Институт было обусловлено разговорами с теми, с кем я учился в школе рабочей молодежи. Одна девушка хотела поступить в данный Институт. Кроме того, в детстве я был в Ленинграде у своей тети и мне очень понравился город на Неве.

Буду сдавать вступительные экзамены на общих основаниях, как и десятиклассники, так как трудовой стаж – всего один год. Начал усиленно заниматься математикой, так как поступление в Институт предполагает сдачу письменного и устного экзамена по данному предмету.

18 августа 1961 г.

В Ленинградский институт авиационного приборостроения не поступил. Как ни странно, с математикой справился. И письменный, и устный экзамен по математике сдал. Хотя и не отлично, но даже одна тройка вполне была проходной. Примерно больше половины абитуриентов срезались на математике. А вот сочинение, на что я надеялся и не испытывал никаких затруднений, оказалось камнем преткновения для поступления в Институт. Я придумал свой эпиграф к сочинению и пытался размышлять, но, судя по всему, мои размышления не очень-то понравились тем, кто проверял сочинения, которые привыкли к школьной форме изложения.

Очень сожалею, что не поступил в Институт. Теперь вряд ли в скором времени представится возможность сдавать экзамены в высшее учебное заведение, поскольку ждет меня армия.

Время в Ленинграде провел чудесно. Жил у своей тёти в центре города, недалеко от Невского. Осмотрел многие достопримечательности города на Неве. Посетил Эрмитаж и Русский музей. Картины великолепные! Очень хотелось бы жить в Ленинграде. Замечательный город!

На прощание тёте Любе сделал маленький подарок и сопроводил словами:

За время моего здесь
пребывания
Я лучше Вас узнал

и полюбил.
Так разрешите
в знак внимания
Преподнести духи
«Московский сувенир».

25 августа 1961 г.

Отпуск закончился. Завтра на работу. Начал оформлять газету «Дикообраз». Это первая сатирическая газета на нашем горновом участке. Высмеиваю прогульщиков, опоздавших на работу и выходящих на смену слегка подвыпивши. Борюсь за чистоту на рабочем месте. Рисунки, шаржи, стихи. В общем, сатирическая газета помогает наведению порядка на участке.

После того, как я приехал из Ленинграда, где не поступил в Институт авиационного приборостроения, некоторые мои коллеги по школе рабочей молодежи уговорили поступить в Педагогический институт Пскова. В приемной комиссии этого Института мне зачли экзамены, которые я сдал в Ленинграде. Я сдал экзамен по сочинению, на этот раз вполне удачно. Получил отлично. В Педагогический институт был недобор, особенно мальчиков, и поэтому дорога к высшему образованию была открыта. Однако, подумав, я не стал студентом Педагогического института и решил отслужить в армии, как и положено мужчинам, чтобы потом вновь поступить в какой-нибудь институт в Ленинграде.

2 ноября 1961 г.

Взял повестку в военкомате. С 4 ноября увольняюсь с Псковского завода радиодеталей в связи с призывом в армию. Немного жалко расставаться с заводом, но ничего не поделаешь.

Перед армией поеду в Боровичи к маме. Пообщаюсь с друзьями по горно-керамическому техникуму. И вскоре на три года отойду от гражданской жизни. Будут армейские будни.

Мне никогда не хотелось «откосить» от армии. Я занимался спортом – баскетбол, волейбол, легкая атлетика. На четвертом курсе горно-керамического техникума я выступал на областных соревнованиях по десятиборью в Новгороде. Помню, что я вез специальный шест из Боровичей в Новгород. В общем, армия меня не пугала, и я сознательно сделал этот шаг, чтобы на три года отойти от гражданской жизни.

17 ноября 1961 г.

Праздники прошли замечательно. Все время был в компании

девчат. Встретился со многими друзьями по Боровичам.

Через два дня уезжаю в Псков, а 25 ноября отправка в армию. Впереди служба. Целых три года, хотя, может, и больше. Прощай, гражданская жизнь! Пожалуй, это последняя запись в дневник на гражданке.

Дневник призванного в армию солдата (Сертолово, 1962 г.)

1 января 1962 г.

Вчера многие люди отмечали встречу Нового года. Новый год! Самый лучший и самый веселый всеобщий праздник!

Но я – воин, курсант, поэтому отмечаю встречу Нового года необычно, не так, как в минувшие годы. Самое лучшее, что можно было позволить себе, – это погрузиться с головой в пучину воспоминаний. С лучшими воспоминаниями и заснул.

Все-таки это лучше, чем мечтать в такой вечер о чем-то несбыточном. Воспоминания захватывают, увлекают и уносят с собой в далекие, радостные, но прошедшие дни. Однако это не значит, что мечтать бесполезно. Просто в этот вечер хотелось побыть со своими воспоминаниями наедине, не возвращаясь к действительности. Но полностью уйти в воспоминания просто невозможно. Армия есть армия, так или иначе приходится возвращаться к действительности.

Вчера встретился с мамой, которая приехала из Боровичей в Ленинград и находилась в гостях у тёти Любы. Дело в том, что я служу в Сертолово под Ленинградом. Разумеется, встреча с мамой накануне Нового года была приятным сюрпризом для меня. Мама спрашивала о том, как я адаптировался к армии, не трудно ли мне нести армейскую службу и как мое здоровье. Сегодня опять встреча с мамой.

В армии я нахожусь с 25 ноября. В военкомате в Пскове нас встретил старший лейтенант, и группа призывников поехала с ним на поезде в Ленинград. Затем мы пересели на электричку до местечка Сертолово, где находилась наша часть. Оказалось, что мы попали в учебное подразделение, где готовили танкистов, точнее механиков-водителей средних танков.

Сертолово – красивое место, очень красивое. Вокруг военного городка стоят высокие сосны. Рядом лес, и видно, что это дачные места, особенно летом. Смотреть на сосны, покрытые шапками снега, – великолепная картина. Прямо-таки здорово! Представляю себе лето, лес во всей своей красоте. Зрелище чрезвычайно привлекательное. Думаю, что лето покажет прелесть данного местечка, тем более что, как я понял, мы будем служить в показательной роте месяцев шесть – восемь.

4 декабря принял присягу, а 7 декабря принял боевое крещение, то есть впервые в жизни пошел в караул на сутки. Кругом шумят сосны, нарушая ночную тишину, лишь только

ветер пройдется по их пушистым, крепким кронам. Интересно! Стоишь с автоматом и вслушиваешься в ночь. Чувствуешь напряженность во всем теле. Проходит два часа, пока тебя не сменят. Потом два часа находишься в караульном помещении, не смыкая очей, и только после этого два часа спишь, чтобы снова выйти в ночь, рассвет или день, держа за спиной автомат.

Со временем, когда адаптируешься, лес, тишина, красота взывают к воспоминаниям. В голове путаются различные мысли, воспоминания, все то, что так дорого тебе и чем в душе очень дорожишь. Постепенно все мысли начинают обретать определенные формы, застывая подчас в стихотворные рифмы, подчас наивные, навеянные чем-то поэтическим отношением к жизни.

В армии с непривычки бывает трудновато. «Отбой!», «Подъем!», когда необходимо выполнять команды моментально. Ты, как метеор, должен выполнять любой приказ беспрекословно. Приучают к железной дисциплине. Это, конечно, правильно. Без дисциплины нет армии. Но сразу вот так привыкнуть просто невозможно. Сержант командует «Отбой», и курсанты второпях снимают сапоги, складывают одежду и ныряют в кровати, которые стоят в два яруса. Если кто-то опоздает, не уложится в отведенное время, то взвод возвращается к исходной позиции. И так несколько раз, пока курсанты взвода не научатся укладываться в отведенное время. То же самое с командой «Подъем!», когда со временем курсанты просыпаются, готовясь выполнять команду. Конечно, проходит определенный промежуток времени, и все встает на свое место. Но плохо то, что часто бывают случаи, когда во имя достижения повиновения команде попираются порой человеческие чувства. Сержанты пользуются властью, куражатся над своими подчиненными, а курсанты злятся на тех, кто делает команды медленнее других, заставляя взвод по нескольку раз выполнять команды. В конечном счете армия – это суровая необходимость, но правильная школа жизни.

3 января 1962 г.

Сегодня впервые в жизни сел на место водителя танка. Сильная, немного пугающая машина с незнакомыми узлами и механизмами. Выполнял первое упражнение. Получил отметку «удовлетворительно». От товарищей отстал, так как большинство из них выполнило то же упражнение на «хорошо». Чувствую, что в дальнейшем мне будет трудно. Совсем не знаю танк, как, впрочем, никогда не водил легковую машину или трактор.

В основном в учебной роте оказались бывшие трактористы, комбайнеры или молодые люди, имеющие представление об

устройстве сельскохозяйственных машин. Я же не имел ни малейшего представления об этом. Ну что же, придется осваивать новую технику. Все-таки я нахожусь в учебно-показательном полку, готовящем из курсантов будущих водителей средних танков. Необходимо усвоить детали и ритм «сердца» танка, то есть познакомиться с двигателем и его особенностями.

11 января 1962 г.

Не понимаю, что со мной иногда происходит. Вот и сегодня утром еле стоял в строю. Вдруг закружилась голова и трудно стало дышать. Чуть не упал на землю. Хорошо, что успел попросить разрешение у сержанта и вышел из строя. Еще бы несколько минут, и я, пожалуй, упал бы. Странно, чувствуешь какую-то в теле слабость и сильное головокружение.

Признаться, подобные случаи у меня уже были, даже с худшими последствиями. В жизни было несколько обмороков. Не знаю, в чем дело. Физическую боль переношу. Занимаюсь физкультурой, есть разряды. А вот малейшее волнение выводит из строя. Странно.

4 февраля 1962 г.

Избран в редколлегию роты. В газете помещаю сатирические четверостишья на злободневные темы.

3 марта 1962 г.

Март. Третий день весны. Однако зима не только не отступает, но, наоборот, предъявляет свои права. Мороз крепчает все сильнее и сильнее, будто это не март-месяц, а, по крайней мере, середина декабря.

Стройные высокие сосны, насквозь пронизаны морозом, стоят в глубоком молчании, словно в каком-то забытье. Лишь изредка, под напором холодного ветра, они тихо раскачиваются, сбрасывая со своих пышных крон искрящуюся в морозном воздухе пелену снега. Сумерки, постоянно перемешиваясь с угасающим светом дня, все более окутывают землю. И вот уже, обдавая своим леденящим дыханием, крадется тихий, субботний вечер.

Печатая чутко шаг, звук которого еще долго задерживается в вечерней тишине, я с курсантами шагаю по морозу в караул. Мы проходим мимо застывших в молчании деревьев, невольно любуясь их величавой красотой. Вот и караульное помещение. Перед его входом уже выстроился старый караул, с нетерпением ожидая своей смены. Конечно, хочется как можно скорее смениться и прийти в казарму, тем более что сегодня суббота. Можно послушать радио, посмотреть телевизор, отдохнуть от трудов праведных. Мы же сегодня заступаем в караул, поэтому

субботний вечер для нас будет не отдыхом, а вечером напряженного труда. Подойдя к караульному помещению, мы выстраиваемся напротив старого караула. Старший лейтенант отдает команду: «Равняйсь! Смирно!» Мы застываем, крепко сжимая автоматы.

Мороз злобно бродит по нашим лицам, до боли впиваясь во все открытые участки тела. Он обжигает своим ледяным дыханием уши, щеки, нос, словно сердится за смелость людей, вышедших из тепла на такой холод. Хочется потереть уши, погреть руки, но, помня о поданной команде, я усилием воли подавляю в себе это желание, до боли еще крепче сжимая автомат в застывших руках. Наконец-то мы входим в караульное помещение и отогреваем свои озябшие руки. Дрова весело потрескивают в печурке, из которой вываливаются, словно маленькие вулканы, яркие язычки пламени, создавая в помещении тепло и уют. Ничто больше не напоминает о прошедшей борьбе с самим собой, в которой была одержана маленькая, но убедительная победа.

Незаметно проходит время, как всегда куда-то спеша. Взяв автомат на плечо, я выхожу с разводящим из караульного помещения. Сразу же попадаю в леденящие объятия ночи. Сменяю часового и заступаю на пост. Остаюсь наедине со звездами, тускло мерцающими на темном небе. В кромешной тьме чутко прислушиваюсь к малейшим шорохам, патрулируя вдоль боксов стоянки боевых машин. Преломляясь в луче прожектора, тускло светящегося во мгле, тени деревьев преувеличенно растут, заставляя настораживаться при малейшем дуновенье ветра. Однако время идет, напряжение постепенно спадает, и перед глазами всплывают веселые дни гражданской жизни. Вспоминается завод, который стал близким и дорогим, родной дом на тихой зеленой улице, глубокая ласка и постоянная любовь матери. Рождаются стихи:

В памяти своей перебирая
Дом, цветистый твой наряд,
Вспоминаю часто, дорогая,
Искренний и нежный взгляд.

Улыбнись, взгляни повеселее.
Это сын твой держит автомат.
Знай, что в мире нет сильнее,
Чем надежный, доблестный солдат.

Постепенно пелена воспоминаний о прошлом исчезает, как

исчезает утренний туман с наступлением ясного морозного дня. Перед глазами всплывают первые дни армейской жизни, различные столкновения с трудностями. Особенно отчетливо вырисовываются первые вождения боевых машин, которые, пожалуй, останутся в моей памяти на всю жизнь. Танк, который воспринимается с гордостью, приводит к растерянности, особенно в тот момент, когда впервые в жизни садишься за рычаги управления. Как сейчас помню, когда танк тронулся, я так растерялся, что сразу же забыл абсолютно все, чему меня учили на теоретических занятиях. Пришлось остановить танк, и мне было мучительно стыдно за свое малодушие.

Казалось, что я никогда в жизни не научусь водить танк и механика-водителя из меня ни за что не получится. В тот момент танк представлялся тесным, совсем чужим. С тревогой я ожидал второе вождение, и в душе закрадывался какой-то страх. Вот и снова я на танкодроме, снова сажусь за рычаги управления и вновь, как прежде, неудача. От злости на самого себя, на свою беспомощность я, понурив голову, возвращался с танкодрома. В последующие дни все свободное время я отдавал тренировкам на тренажёре. Хотелось доказать всем, а прежде всего самому себе, что не так уж я беспомощен.

С нетерпением я ожидал третьего вождения. И вот вновь я сажусь на место механика-водителя. Растерянность совсем исчезла, и только в груди осталось какое-то волнение. Медленно тронулся с места и, еле дыша от напряжения, включил третью передачу. Танк, подчиняясь еще не опытным моим рукам, рванулся вперед, поднимая завесу снега. Глаза мои заискрились от беспредельной радости. Вот она, моя маленькая победа, казавшаяся в тот момент чуть ли не целым подвигом. И разве не счастье так преодолевать встречающиеся трудности? Разве не радость чувствовать себя победителем? Конечно, это огромное счастье в преодолении трудностей.

И вдруг, прорвавшись через толщу воспоминаний, меня пронзила тревожная мысль. Ведь я же стою на посту и здесь не место отдаваться воспоминаниям. Вырвавшись из плена дорогих мне воспоминаний, я с еще большей внимательностью стал охранять ставшие теперь близкими боевые машины. А разве это не победа над собой? Конечно, победа! И не из таких ли незначительных на первый взгляд побед рождаются великие подвиги? Не эти ли маленькие победы возвышают человека, делая его более сильным и решительным? Да, именно они, именно эти крошечные победы воодушевляют человека на большие дела, делая его еще более прекрасным.

8 марта 1962 г.

Сегодня у меня день рождения. Исполнилось двадцать лет.

Конечно, я не могу праздновать двадцатилетие, как на гражданке. В армии другие порядки. Но к своему двадцатилетию я написал рифмованные строки, тем самым поздравив себя с днем рождения.

В свое двадцатилетие
Я задаю вопрос:
Что в нынешнем столетии
И в веке долголетия
Я Родине принес?

Что сделал для народа?
Какой избрал я путь?
За прожитые годы
Сквозь радости, невзгоды
Куда успел шагнуть?

Родился в дни суровые
Без крова и без места.
Дни грозные, тяжелые,
Военно-напряженные —
Вот дни моего детства.

Рос вместе со страною.
Окончилась война.
Но трудности, не скрою,
Встречались той порою
Частенько у меня.

Учился в школе я
И очень счастлив был,
Что вновь страна моя,
Как прежде, расцвела,
Фашистов победив.

Старательно, с сознанием,
Ведь это и понятно,
Учился, чтобы знания
Вошли в ткань созидания
Того, что будет завтра.

Завершена уже учеба,

Отлично защищен диплом,
И в цехе радиозавода
На благо моего народа
Тружусь я день за днем.

Позднее Родина призвала
Мир охранять меня,
Чтобы война не запылала,
Чтобы всегда вперед шагала
Моя держава и страна.

Я не Гагарин, не Титов.
Но Родине служить
Правдиво, честно я готов,
И, как Зиганшин и Крючковский,
Хочу достойным ее быть.

12 марта 1962 г.

Да, действительно дневник превратился в стиходневник. В последнее время стихотворные рифмы лезут в голову. И армейская жизнь со своей дисциплиной не мешает тому, что происходит со мной. Так, родились строки, получившие название «Прощальная краса зимы»:

Люблю природу я,
Ее весеннее дыхание,
Когда в лазури дня
В последний раз зима
Дарит свое очарованье.

Неописуемые краски,
Оставив людям на прощание,
Зима, отдавшись своей ласке,
Застыла, словно в чудо-сказке,
В весеннем ожидании.

Красиво, щедрою рукой
На землю нанесла узоры,
Своею белоснежною парчой
Вдали покрыла лес густой,
Прельщая красотой людские взоры.

Тихонько по ветру шумят
Пушистых сосен кроны.

Зима, снег разбросав подряд,
Одела в свадебный наряд
Реки крутые склоны.

Снег мягкий, чуть пушистый,
В бриллиантовых огнях,
То ровный, то волнистый
Сверкает ярко-золотистый
В весенних солнечных лучах.

Чуть-чуть оттаяло окно.
В тиши, звонко звеня,
Сосульки, точно как стекло,
Оповещают далеко,
Что скоро кончится зима.

И невозможно описание
Прекраснейшей поры.
Способна только лишь к созданию
Такого волшебства очарованья
Прощальная краса зимы.

14 марта 1962 г.

Да, весна берет свое. Природа преображается. Ходишь в караул и замечаешь, как снег потихоньку тает. Наблюдаются проталины. Солнце по-весеннему светит. По оврагу бежит вода. Просыпается сертоловский ручей. И невольно приходят стихи в голову, типа «Любуюсь природой»:

Во власти сосенок пушистых,
Попав в сплошное окружение,
Среди ветвей их серебристых
Стоит караульное помещение.

Природа пышно наделила
Укромный этот уголок.
Красивейший рисунок завершила
Снежком прикрыв густой лесок.

Признаться, я еще не видел
Местечка красивей.
Бежит, журча, среди развилин
Сертоловский ручей.

По дну оврага устремленно
В лесную даль несется,
Лучами солнца обагренный
Искрится, лучезарится, смеется.

Пушистое деревьев одеяние
Различными оттенками сверкает.
Играя в ярко-солнечном сиянии,
Оно радушно краски изменяет

То синевато-серебристое,
То чуть заметно голубое,
Порой местами золотистое,
Порой с какой-то белизною.

Идя на пост, я замираю,
Любуясь несравненной красотой.
С волнением каким-то созерцаю
Прекраснейший лесной покой.

Мне очень жаль, что не умею
Доподлинных полотен создавать.
Хотелось бы, кистью владея,
Красу природы людям передать.

3 апреля 1962 г.

Веду ротную газету «Крокодил», где помещаю четверостишья на отдельные зарисовки, связанные с армейской жизнью. В частности, есть шаржи на отдельных курсантов, с их недисциплинированностью и «провалами» в учебе.

Курсанты Веселов и Вайсман
Не знают двигатель вообще.
Не знают, где какая смазка,
Где фильтр «Кимаф-СТЗ».

Тут дело не до смеха,
И Вы должны знать все же:
Танк – это Ваша веха,
А двигатель – не лошадь.

Чтобы устройства танка знать,
Необходимо досконально изучать,
Все на занятиях запоминать,

Иначе Вам экзаменов не сдать.

Или как ведут себя некоторые курсанты в часы самоподготовки:

Дрожит в казарме потолок,
Как будто вдруг нагрянул смерч.
Но нет, отплясывает лихо «рок»,
Вовсю резвится курсант Глеч.

И все ж пора помимо срока
Такого плясуна отвлечь.
Остановить по воле рока
Чтоб не бесился курсант Глеч.

25 апреля 1962 г.

Жаль, что свободного времени крайне мало. Утром подъем, выбегаем из казармы, бежим по кругу, делаем упражнения, подтягиваемся на перекладине. Не у всех курсантов получается, особенно подтягивание на перекладине. Казалось бы, здоровый парень, но он не может подтянуться несколько раз. Потом бежим в казарму, застилаем кровати, умываемся и идем строем в столовую на завтрак. Как правило, ложка у каждого курсанта находится в сапоге. Вилок нет. После завтрака идем на занятие по материальной части техники, самообороне или практические занятия на танкодроме. Обед, строевые занятия, политзанятия. Ужин. Затем кто-то из курсантов подшивает воротнички, кто-то готовится к караулу, пишет письма. Отбой, когда все курсанты засыпают беспробудным сном.

16 мая 1962 г.

Учебно-показательный полк. К нам в часть приезжают гости, как правило, военные не только из нашей страны, но из-за рубежа. К их приезду наводится марафет. Курсанты красят заборы, моют асфальт, и даже бывает, что подкрашивают траву зеленым цветом. На плацу курсанты проходят строем, печатая шаг и распевая строевые песни. Гости заходят в казармы, бывают на теоретических и практических занятиях курсантов. В общем, действительно учебно-показательный полк.

24 августа 1962 г.

В свободные минуты курсанты вспоминают жизнь на гражданке. И как правило, некоторые из них откровенно говорят

о своих подвигах с девушками. Другие молчат, но любовь касается каждого, независимо о того, была ли она в жизни или только в мечтах. У меня родились стихи, которые я назвал «Первая любовь»:

Порою мы бываем грубы,
Не можем совладать с собой.
В порыве страстном ловим губы,
Касаясь девичьей груди рукой.

Упругий стан в объятиях сжимая,
Над запрокинутой склоняясь головой
И обо всем на свете забывая,
Уносимся в мир неземной.

И все ж через десятки лет
Мы вспоминаем вновь и вновь
Тот дорогой неизгладимый след,
Который первая оставила любовь.

Тревожные минуты ожиданья
Среди фонтанов и скульптур.
Надежды, встречи, расставанья
И самый первый поцелуй.

Дрожащий трепет влажных губ
И по сей день я ощущаю.
И нежное прикосновенье их
Я вновь с волненьем вспоминаю.

Минуют дни, пройдут года,
Остынет молодая кровь,
Но буду помнить я всегда
Ту мою первую любовь.

8 сентября 1962 г.

Вчера и сегодня был своеобразный праздник, который каждый курсант отмечал особо. День танкистов становится для всех нас, кто учился в учебно-танковом полку, знаменательным событием, которое будет отмечаться и далее, когда мы выйдем на гражданку. По этому поводу я написал стихотворение «Танкист»:

Скорость 30,
лечу вперед,

Поднимая
клубы пыли.
Солнце нещадно
в глаза бьет.
Сижу потный,
весь в мыле.
Сосны мелькают,
Напряженно
Всматриваюсь
в дорожную ширь.
Земля в трещинах,
солнцем прожжена.
На броне
серая пыль.
Чертики пляшут
перед глазами.
Выживаю все,
что могу.
Капельки пота
блестят над бровями,
Но я все жму,
жму и жму.
Экономлю время,
секунды
Как никогда
берегу.
Сроки сжаты
и очень скудны
И я, напрягаясь,
жму.
Мчится танк,
пробивая полость
И завесу пылищи
серой.
Мчится вовсю,
набирая скорость,
Мчится обочиной
леса.
К исходной вовремя
подлетел
И минуту сэкономил
даже.
Что говорить, конечно,
вспотел.

Вылез – лицо
словно в саже.
Это было совсем
недавно,
В то же время
давным-давно.
Поработал тогда я
изрядно.
Та минута далась
не легко.
И сегодня я в форме
парадной,
Наглаженный и гладко
выбритый,
Чуть торжественный и
нарядный.
Не танкист, а памятник
вылитый.
И веселюсь я сегодня
на славу.
В радости своей
неистов.
Я имею на это
право.
Сегодня – ведь
День танкистов.

4 октября 1962 г.

4 октября исполняется пять лет со дня запуска первого в мире искусственного спутника Земли. Страна отмечает «космическую пятилетку». Именно в этот день пят лет тому назад произошло открытие космической эры.

В связи с этой датой я написал стихотворение «Открытие космической эры»:

Пройдут десятилетия, века,
Мы далеко шагнем вперед,
Но не забудем никогда
Тот день – 4 октября,
Когда Советская страна
Космический свершила взлет.

Когда в историю впервые,
Внося свой вклад бесценный,

В пространства околоземные
Послали руки трудовые,
Разбив мечтанья вековые,
Разведчика таинственной Вселенной.

И к мириадам поднебесных тел
Прибавилось искусственное тело.
Запущенное гением людей,
Твореньем человеческих идей,
Во славу Родины моей,
Оно открыло путь в космическую эру.

И я гимн человечеству пою
И славлю разум человека.
Люди! Штурмуйте высоту,
Исследуйте и бороздите всю
Космическую целину
В эпоху атомного века!

24 октября 1962 г.

Последний экзамен сдан. Учебное подразделение окончено. Наконец-то мы уедем отсюда. Остались буквально считанные дни. Правда, есть шанс уехать после праздников, что, конечно, нежелательно. Но как бы там ни было, я уезжаю в часть, где и дышать будет намного легче, и времени будет больше.

Куда я еду, еще ничего неизвестно. Возможно, это будет Мурманск, Печенга или Кандалакша. Однако, куда бы я ни поехал, новое место назначения будет лучше, чем оставаться здесь, в учебном полку. В этом я абсолютно уверен, поскольку год, проведенный в карауле, учебе и муштре, ничего хорошего не принес. Радовало лишь одно – прекрасные места в Сертолово, сосны, воздух. Ну и то, что я вернулся опять к стихам, которые на время были заброшены. Но мне кажется, что будь я и в другом месте, все равно вернулся бы к полюбившему мне занятию.

Недавно получил от своего друга по Боровичам письмо. Оказывается, он отдыхает в Сочи. Под впечатлением этого письма написал стихи, скорее песню. Послал другу мое творение, поскольку он сочиняет музыку, вернее пробует свои силы в этой области. Он берется переложить мое творение на музыку. Может быть, действительно получится что-нибудь стоящее. Жду ноты, которые он мне пришлет. Однако работать на расстоянии не очень-то легко. Вот такое сотрудничество! Слова, написанные в Сертолово, музыка в Боровичах, песня о Сочи. Ну что ж,

посмотрим, что из этого выйдет:

Природы дар очарованья,
Фонтаны, яркие цветы.
Здесь было первое свиданье,
Здесь до утра гуляли мы.
Всегда зеленый парк «Ривьера»
Своею красотой манил.
О, как ты на меня смотрела,
Когда я рядом с тобой был.

Припев:
Дрожащие звуки гитары
Навстречу влюбленным летят.
А ночью разносят бульвары
Душистых цветов аромат.
О, ночи! Прекрасные ночи!
И томное пенье цикад!
О, как я люблю тебя, Сочи!
Чудеснейший город-сад!

О чем мы только не мечтали,
Гуляя до утра с тобой.
О, какой музыкой звучали
Твои слова: «Любимый мой!»
Морские брызги нас ласкали,
В лицо нам был соленый бриз.
В любви мы счастье познали
Под сенью пышных кипарис.

Припев:
Дрожащие звуки гитары
Навстречу влюбленным летят,
А ночью разносят бульвары
Душистых цветов аромат.
О, ночи! Прекрасные ночи!
И томное пенье цикад!
О, как я люблю тебя Сочи!
Чудеснейший го-о-род-сад!

6 ноября 1962 г.

Куба. Героический народ. Накал страстей между США и нашей страной, которой мы оказываем помощь. Родились стихи, которые назвал «Кубинский урок»:

Испытания в штате Невада,
Провокационные полеты «У–2»,
Героической Кубы блокада —
Вот политики США.

Что говорить, на грани
Пропасти мир стоял,
Когда США раздували
Новой войны пожар.

Когда агрессоров свора
Бестактно, нагло и грубо
Блокаду в Карибском море
Затеяла против Кубы.

Когда в Сан-Франциско мэр
Под разношерстную публику
Кричал громогласно «О'кей!
Задушим Кубинскую республику.

Задержим суда, корабли.
Проверим, посмотрим их груз».
Но тут на пиратском пути
Встал советско-кубинский союз.

Плечом к плечу дружно вновь
Встали кубинец и русс.
Никита Сергеевич Хрущев
И Фидель Кастро Рус.

В защиту маленькой Кубы
Подняли различные расы,
Университеты, колледжи и клубы,
У Тан, Элвин, Рассел.

И, задыхаясь в истерике,
Могучую встретив преграду,
Соединенные Штаты Америки
Сняли с Кубы блокаду.

Люди мира! Запомните:
Если в дружбе всем жить,
То никакому агрессору
Нас никогда не сломить.

Множьте, крепите дружбу,
Ширьте мира поток!
Свободную помните Кубу,
Не забывайте кубинский урок!

22 ноября 1962 г.

Девятого ноября попрощался со своими лучшими друзьями в показательно-учебном полку в Сертолово. Они уехали в Карельскую АССР для прохождения дальнейшей службы. Место назначения – город Лахденпот. Разумеется, мне хотелось быть вместе с друзьями. Но, увы и ах! Как я ни старался, ничего не вышло. Меня и еще девять человек оставили в резерве Ленинградского военного округа. Так я держался в Сертолово до 21 ноября.

Неделю раньше в роту «пригнали» молодых курсантов. Мне удалось быть свидетелем того, как новоиспеченные курсанты приспосабливались к новой обстановке. Очень понравились азербайджанцы. Дружные, простые ребята, но очень вспыльчивые. Мне кажется, что я с ними сработался, если бы остался командиром отделения (кстати, такая возможность была, но я ни за что не хотел оставаться в учебном подразделении и был рад, что удалось вырваться оттуда). Наконец-то, двадцать первого вечером сообщили, что мы вдвоем с курсантом едем в Вологду.

Этим же вечером выехали в Ленинград, а оттуда поездом почти в час ночи выехали в Вологду. В 16.30 прибыли на место назначения. Город не произвел на меня такого благоприятного впечатления, которого я ожидал. Городишко какой-то грязненький и не привлекательный. Правда, знакомство с ним было более чем поверхностным, и первое впечатление с городом, возможно, ошибочно. Это было связано с тем, что погода стояла скверная. Ну что ж, буду очень рад, если первое впечатление от города потом изменится.

В части сразу же вручили машину – танк Т–44М. Поставили на должность старшего механика. Буду осваиваться и с этой должностью, и с новой атмосферой в части. Планы большие. Займусь стенгазетой, думаю провести новогодний шахматный турнир, полагаю, что необходимо вводить «живинку» в однообразную солдатскую жизнь.

Выйдет ли задуманное? Удастся ли мне все то, что я наметил перед собой?

Дневник механика-водителя, курсанта танкового училища и командира взвода (Вологда – Моховая Падь – Вологда, 1963–1964 гг.)

7 января 1963 г.

Прошло более полтора месяца. Адаптировался к новой части. Подружился с солдатами. Удалось осуществить кое-что из намеченных планов. Встретил Новый год. Это уже второй Новый год в армии. Однако планы пришлось изменить, поскольку командование части предложило мне и некоторым солдатам поехать на курсы в танковое училище на Дальний Восток. В танковом училище готовят офицеров, но поскольку идет реорганизация в армии и требуются механики-водители на технику, оснащенную ракетами, то в качестве курсантов предлагают солдат срочной службы, которые не станут офицерами, но после окончания службы демобилизуются на гражданку.

Я хотел после армейской службы поступать в вуз. Мне замполит сказал, что учеба в танковом училище будет способствовать приоритету поступления в тот или иной институт, тем более что после возвращения в часть мне предоставят возможность готовиться к вступительным экзаменам в вуз. И я на это согласился.

Оказалось, что некоторые солдаты тоже хотят поехать в танковое училище. Они исходили из того, что служба идет, они поедут поездом сдавать экзамен в танковое училище, сознательно провалят какой-нибудь экзамен и поедут обратно в часть. Таким образом, из солдат отобрали несколько человек, готовых ехать на Дальний Восток. И мы в предвкушении поездки ждали того часа, когда будет команда собираться в путь.

12 января 1963 г.

6 часов 20 минут. Чемодан уложен. Вещмешок укомплектован. Документы при мне. К отъезду готов.

Прощаюсь с ребятами нашей роты, с которыми полтора месяца жил дружной семьей. Даю тысячу обещаний писать письма. Кому-то жму руку. Кого-то хлопаю по плечу. Еще раз простившись, выхожу из казармы. Последний взмах руки, и вот мы (я и еще трое солдат) шагаем к автобусной станции. 15 минут езды по улицам проснувшегося города, и мы оказываемся на

вокзале.

По воинскому требованию берем билет на поезд Ленинград – Свердловск. Садимся в вагон, предварительно бросив прощальный взгляд на Вологодский вокзал. Я стараюсь сохранить в памяти строение вокзала. И вот в 7.55 поезд отправляется в многодневное путешествие. Едем на новое место учебы. Итак, мы едем на Дальний Восток.

В поезде будет масса времени, чтобы записывать в дневник и путешествие, и те мысли, которые могут возникнуть в голове. Подумав, я называю свое путешествие «С Запада на Восток», где каждый день буду вести дневник.

12 января 1963 г. (день первый)

Как всегда, теснота в вагоне ужасная. Всюду на полках лежат чемоданы, сетки с пакетами, узлы, куртки. Свободных мест нет. Мне с большим трудом удается устроиться на краю нижней полки. По мере движения поезда, в прямой зависимости с пройденными километрами, в вагоне становится более или менее свободно. Правда, на каждой станции к нам в вагон входят новые пассажиры, но стоит только поезду тронуться, как люди находят себе свободные места. Они устраиваются наилучшим образом в новой для них обстановке. «Старички», удобно устроившись на полках, лежа с интересом наблюдают за вновь прибывшими пассажирами.

В вагоне жарко и душно. Стоит только открыть дверь в тамбур, как в вагон сразу же влетают клубы дыма от зажженных сигарет и папирос, которые пассажиры курят. Лишь незначительная доля свежего, морозного воздуха, прорезав эту папиросную толщу дыма, доходит до потных пассажиров, которые хватают эту порцию оздоровительного воздуха. Хватают воздух, как рыбы, выброшенные на берег из холодной и чистой воды.

За окном мороз. Температура доходит до минус 30 градусов и ниже. Но, несмотря на тридцатиградусный мороз, пассажиры (мужчины) раздетые выбегают на каждой станции и, рискуя отморозить себе уши, стремительно бегут к вокзальным буфетам и не менее стремительно возвращаются обратно. Они несут в руках бутылки пива, лимонада, пирожки, булочки и различную снедь.

К полудню мы с близким другом идем в вагон-ресторан, чтобы осмотреться и ознакомиться с достопримечательностями этого пассажирского поезда. Правда, в кармане лежат только суточные, всего каких-то двадцать рублей на двоих, которых едва ли хватит нам на семидневное путешествие. Но тем не менее мы заказываем обед и с удовольствием истребляем поданные нам

блюда. Рассчитавшись с официантом, мы не спеша возвращаемся в вагон, обещая приходить сюда через каждые два дня или, в крайнем случае, через день, так как наш бюджет составляет крайне незначительную сумму. Придется, видимо, нам сесть на строгую диету, ибо в противном случае нам не дотянуть до места назначения.

На одной из станций сошло несколько пассажиров, и мне удалось захватить верхнюю полку. Теперь я могу спокойно спать всю ночь. В 23.10 поезд остановился на станции города Кирова, и я сошел на перрон. Увидев впереди буфет, стремительно бегу к нему, обгоняя каких-то людей. Покупаю пирожки и моментально бегу обратно. Вбегаю, вернее влетаю в тамбур, ибо уши мои уже замерзли окончательно. Поздний ужин, и я удобно устраиваюсь на верхней полке, подстелив под себя солдатскую серую шинель.

На второй полке в нашем купе лежит одна девушка, которая все время читает какую-то книгу, должно быть очень понравившуюся ей. Но вот из соседнего купе приходит мой друг и со свойственным ему упорством начинает расспрашивать девушку о ее жизни и работе. В свою очередь он рассказывает девушке отдельные эпизоды из солдатской жизни. Постепенно они втягиваются в разговор. Глаза друга начинают светиться каким-то пылающим огнем, от которого девушка все чаще и чаще опускает голову. Под их тихое говорение, уже ставшее интимным, я начинаю дремать. Мои глаза закрываются, и сон охватывает мое бренное тело.

13 января 1963 г. (день второй)

Около 9 часов утра подъезжаем к городу Пермь. Быстро соскакиваю с полки, одеваюсь и выхожу на перрон, по которому уже прохаживаются пассажиры, подставляя свои заспанные лица навстречу утреннему, холодному ветерку. Вокруг меня толпятся провожающие, давая последние советы и наказы родным, друзьям, уезжающим из этого города. Освежившись на морозном воздухе и почувствовав себя бодрее, я вновь возвращаюсь в вагон, протискиваясь сквозь плотное кольцо отъезжающих. Протяжный гудок, и поезд медленно отходит от Перми, постепенно набирая скорость и устремляясь все дальше и дальше навстречу безбрежным и величавым просторам Сибири.

Усердно дышу на замерзшее оконное стекло, стараюсь своим горячим дыханием растопить пленку льда, чтобы хоть краешком глаза рассмотреть новые краски местного пейзажа. И действительно, местность неузнаваемо изменилась. На смену заснеженным полям пришли длинные цепи холмов, предвестники Уральских гор. Где-то здесь должен быть пограничный столб

между Европой и Азией, но я так и не смог его увидеть, хотя внимательно всматривался вдаль.

В 16.55 по московскому времени (по местному времени в 18.55) поезд, замедляя свой бег, подошел к станции города Свердловска. Взваливая на плечи вещмешок и беря в руки чемодан, выхожу на перрон вслед за пассажирами. Здесь у нас пересадка на другой поезд, который пойдет на Дальний Восток.

Ярко горят фонари. Прожекторы освещают железнодорожное полотно, убегающее в кромешную темноту. Надрывно, без умолку, то отрывисто, то протяжно звучат гудки паровозов, приветствуя проходящие мимо составы. Огни вокзала падают мягким светом на шумный перрон, по которому снуют взад и вперед пассажиры, носильщики, продавцы. Люди куда-то спешат, торопятся, толкают друг друга, извиняются и вновь задевают друг друга своими чемоданами и свертками.

Наконец-то мы выбрались из этого кишащего муравейника и, потирая замерзшие уши, устремились к воинскому залу ожидания. Все солдаты были в сборе, за исключением моего друга, который подхватил чемодан своей спутницы по вагону и, смешавшись с толпой, скрылся из наших глаз. В кассе узнали, что закомпостировать билет на следующий поезд можно будет не раньше, как через пять часов. Сложив свои небольшие вещички, я решил немного ознакомиться с городом. Другие солдаты остались в зале ожидания на вокзале. Так как мой друг еще прощался с девушкой, то это путешествие по вечерним улицам города Свердловска я совершал в одиночестве.

Сразу же за вокзалом начинается площадь, на которой стоит огромнейший памятник который, к сожалению, я рассмотреть хорошо не смог, ибо тусклый свет фонарей, теряясь во мгле, был не в состоянии осветить всю площадь и памятник. Кое-где попадаются отдельные прохожие, закутавшиеся в пальто. Они пытаются подставить резкому, пронзительному ветру свои спины и двигаются как-то боком. Прохожие стараются как можно быстрее пересечь открытую площадь, чтобы укрыться под сводами высоких зданий, где напор ветра, сталкиваясь со стенами домов, разбивается о них и теряет свою силу. Я тоже решил укрыться от этого шквалистого ветра и, проскочив мимо памятника, вошел в двери вокзала.

Посмотрев телепередачи по телевизору, который стоял в зале ожидания, кое-как скоротав оставшееся время и закомпостировав билет на следующий поезд, я с товарищами вышел на перрон. Подошел поезд, обдавая клубами дыма людей, и медленно, как будто в нерешительности что-то обдумывая, остановился, громко шипя. Моего друга все нет, и мы, уже отчаявшись его найти,

садимся в вагон, в который еще не успело набиться много пассажиров. Буквально в последние секунды в тамбур ворвался запыхавшийся, тяжело дышавший мой друг Шурик, мысли которого еще витали вокруг образа девушки, с которой он так недавно расстался.

Занимаем спальные полки. Складываем вещмешки, где придется. Немного делимся впечатлениями о проведенном времени и ложимся отдыхать. В вагоне не натоплено. Холод стоит ужасный. Я долго ворочаюсь, закутываясь как можно плотнее в солдатскую шинель. Стараюсь согреться и, наконец, засыпаю под монотонный стук колес паровоза.

14 января 1963 г. (день третий)

В 9.00 (по местному времени в 12.00) встаю, расталкивая Шурика, и, захватив мыло и полотенце, иду мыться. Наскоро освежившись, мы направляемся через весь состав в вагон-ресторан, так как сегодня «ресторанный день». Принимаемся за еду, смакуя и растягивая прием пищи как можно дольше. Сидя за столом, разглядываем за окном просторы Сибири. Снежные бескрайние поля, чередуясь с лесными массивами, преимущественно из берез, тянутся на сотни километров, простираясь вдоль железнодорожного полотна.

Вот она – Западная Сибирь с ее безбрежными полями. Куда ни посмотришь, всюду поля, поля и поля. Именно здесь родятся богатые хлебные урожаи и работают землепашцы, не зная отдыха в страдную летнюю и осеннюю пору. Недаром при въезде в какой-либо город или полустанок пассажиров встречают построенные новые, громадные элеваторы. Особенно запомнился элеватор, стоящий при въезде в город Ишим. Огромный, из шести секций, он гордо стоит, невольно заставляя любоваться проезжающих пассажиров своим величием. Еще более грандиозным кажется элеватор при въезде в город Омск. Это самый крупный элеватор в Союзе, по крайней мере так утверждает Шурик, так как он на гражданке работал на одном из элеваторов Кустаная и в техникуме изучал подобные предприятия. Весь день он мне рассказывал про элеваторы и с любовью отзывался о работе в Кустанае.

15 января 1963 г. (день четвертый)

Ночью проехали Новосибирск. Говорят, что новосибирский вокзал – лучший из лучших в нашей стране. Мне так и не удалось посмотреть на него, так как в это время, как говорится, я спал без задних ног. Ну что ж, в следующую поездку (так или иначе, придется совершать обратное путешествие) обязательно осмотрю

этот вокзал, а по возможности ознакомлюсь и с городом.

Итак, я еду все дальше и дальше на Восток. Знакомлюсь с пассажирами, играю в карты в дурочка, читаю и, конечно, пишу дневник. В одном купе со мной едет девушка лет 16–17. Познакомились. Оказывается, она живет в Братске и сейчас едет домой после школьных каникул. С каким-то восторгом и даже любовью она отзывается о молодежном городе. Чувствуется, что Лизочка (так зовут эту девушку) любит свой город, трудолюбивых жителей-героев, построивших величавую Братскую ГЭС. Очень жаль, что мы не едем через Братск, а так хотелось бы взглянуть на эту грандиозную плотину, укротившую непокорную и своенравную Ангару. Взглянуть на тружеников этого славного города, заставивших работать бушующие воды реки на благо человека. Лизочка зовет меня в Братск, после того как я демобилизуюсь. Ну что ж, все возможно. Может быть, когда-нибудь встретимся с ней в ее городе.

Сегодня в ресторан не идем. Сегодня «постный день». Между прочим, у нас с Шуриком составлен график питания. Выглядит он примерно так: «постный день» – день, когда питаемся только хлебом, сахаром и водой, «ресторанный день» и «эстетический день», или «лакомный день», – когда питаемся на вокзалах, в буфетах. Сегодня как раз постный день, и ничего не остается делать, как смотреть в окно и наблюдать за природой.

Да, чувствуется, что едем по Восточной Сибири. Появились холмы и небольшие горы. Вдали тянется широкой лентой густой хвойный лес. По обеим сторонам железнодорожного пути гордо стоят мачты линий высокого напряжения. Очень часто встречаются трансформаторные подстанции. Это уже промышленная Сибирь, дающая электроэнергию во все концы нашей необъятной страны. Смотришь на эти грандиозные мачты и невольно восхищаешься ими. Действительно, есть чем любоваться, есть чем гордиться.

Куда ни бросишь скромный взор
На простиравшуюся ширь,
Везде снега, поля, простор,
Бескрайняя суровая Сибирь.

В окне вагонном всё мелькают
Твои деревни, города.
И снова их опять сменяют
Поля, безбрежные поля.

Подчас встречаются березы,

Стоящие нестройною стеной.
Пронзительные ветры и морозы
Гуляют по Сибири Западной.

Стучат колеса, поезд мчится
Все дальше, дальше на Восток.
На солнце снег едва искрится.
Тревожно надрывается гудок.

И вот поля уже сменяют
Крутые и пологие холмы.
И перед окнами мелькают
Елей высокие стволы.

В пути, все чаще поражая
Изяществом и грацией,
Стоят, в великолепии сверкая,
Трансформаторные подстанции.

В морозном воздухе застыли
Высоковольтные столбы,
И по Восточной всей Сибири
Горят могучих ГЭС огни.

И как же тут не любоваться
Сибирской щедрою красой.
Здесь величаво и прекрасно
И даже снежною зимой.

В 15.30 поезд остановился в Красноярске. Здесь мы делаем пересадку. Одеваемся быстро, берем свои вещи и выходим на освещенный перрон. Зал ожидания. Поезд Москва – Владивосток подойдет только через пять часов. Мы, пройдя через тоннель, выходим в город, чтобы немножко прогуляться и тем самым заполнить оставшееся свободное время. Садимся в какой-то трамвай и едем к центру города. Сходим на остановке и продолжаем свой путь пешком. Прогуливаемся по улицам Красноярска. Магазины закрыты, столовые не работают, так как местное время на четыре часа впереди московского. Нам ничего не остается, как любоваться улицами, домами засыпающего города.

Вдруг случайно находим работающий кафетерий. Начинаем чувствовать нестерпимый голод, что сразу же, не раздумывая,

входим в гостеприимные его двери. К счастью, очередь не очень большая. Проходит несколько минут, и мы уплетаем бутерброды с маслом и запиваем их чудесным кофе. Столь поздний ужин поднимает настроение, и мы продолжаем гулять по улицам этого города. Через три часа, надышавшись свежим воздухом и немного утомленные, мы возвращаемся на вокзал, чтобы закомпостировать билет на следующий поезд.

В 21.00 прибыл поезд Москва – Владивосток. Не спеша находим свой вагон, в котором нам предстоит находиться еще три дня. Поднимаемся в тамбур. Не успели толкнуть дверь в вагон, как оттуда, словно вырвавшись из какого-то заточения, на нас обрушился целый шквал дыма. Да, накурено до ужаса. Пассажиров так много, что мне едва удается протиснуться сквозь их плотное кольцо. Наконец, кое-как втискиваюсь в вагон, где буквально нет свободного места, чтобы сесть. Приходится оставаться в вертикальном положении, что не очень-то удобно. И вот в этом положении, куда-то забросив свои вещички, я начинаю выискивать, где бы можно пристроиться, ибо не очень– то приятно быть всю ночь на ногах. Снимаю чьи-то чемоданы с полки и, кое-как запихав их под столик, расстилаю шинель. Теперь можно подумать и об отдыхе.

17 января 1963 г. (день пятый)

Знакомлюсь с соседями по купе. Это в основном солдаты. Кто едет из отпуска, кто в отпуск, кто в командировку, а кто, так же как и мы, на новое место службы. Через несколько минут уже всех знаю по имени. И как всегда в этих случаях, каждый солдат старается рассказать что-нибудь интересное из своей службы. Юрий, что лежит на второй полке, едет в отпуск из Германии домой (странно, даже из Германии солдаты едут в отпуск, а здесь, находясь вблизи от дома, никак не удается съездить к родным). Александр, сидящий рядом со мной, наоборот, едет из отпуска в свою часть. Напротив меня находится Коля – «дембилист». Он буквально месяц назад демобилизовался и уже успел завербоваться на пять лет в Магадан, куда и едет работать. Мой друг Шурик сразу же начинает расспрашивать всех о службе, удивляется и завидует всем тем, у кого была легкая служба. Сам же он свою военную специальность относит к очень тяжелой и трудной. Он так расписывает свою танковую жизнь, что соседи с участием относятся к нему. Вообще, он всем и всегда завидует, постоянно жалуясь на свою армейскую службу. Я же уверен, что у многих солдат служба тяжелее, чем у нас. Просто не надо распускать слюни. Но Шурик в этом отношении неисправим. Он завидует всем подряд: кому-то, что он служит там-то, другому,

что у него крепкое здоровье, и так без конца. Самая любимая тема разговоров у него – это о болезнях. И тут, как говорится, он садится на своего любимого конька и готов часами распространяться о вреде или пользе труда и службы.

Играю в карты в «дурочка», читаю стихи Блока (захватил в дорогу томик его стихов), беседую с соседями по купе. Так проходит еще один день этого длинного путешествия с Запада на Восток. Очень жаль, что окна вагона замершие, иначе можно было бы следить за переменой климата и пейзажа. Но что делать? Придется, видно, остальное рисовать в своем воображении и выдавать за действительность.

18 января 1963 г. (день шестой)

Около пяти часов утра по московскому времени поезд остановился в Улан-Уде. Быстро одеваюсь и выскакиваю на перрон. Холодный, бодрящий ветер моментально сгоняет с лица дремоту. Взор скользит по макушкам гор, на склонах которых еще покоится серый туман, переходя в еще более серое, хмурое небо. На перроне расположились лоточницы, несмотря на раннее утро, бодро зазывали своими громкими голосами пассажиров-покупателей, которые гурьбой высыпались из вагонов поезда. Вообще, на всех остановках пассажиры, как саранча, вываливаются из своих пузатых вагонов и стремительно бегут к лоткам и киоскам, запасаясь пивом, котлетами, пирожками и другой снедью. Я тоже устремился вперед, подхваченный потоком пассажиров. На одном из лотков лежат жареные омули с такой аппетитной, поджаристой корочкой, что я, не устояв перед столь великим соблазном, покупаю две рыбешки. После этого я стремительно бегу к поезду, так как последний уже тронулся, и мне на ходу приходится вскакивать в вагон.

Шурик ворчит, однако с большой охотой уплетает жареного омуля. Легкий завтрак запиваем водой и начинаем бродить по вагону. В каком-то купе подсаживаемся играть в карты, ибо здесь это единственная игра, за которой быстро и незаметно проходит время. Однажды за игрой в карты мой партнер (мужчина средних лет с отросшей бородой) кому-то пояснял:

– Да, через пять часов будем в Чите.

– Через сколько Вы говорите? – переспрашивает его сосед, бросая в свою очередь взгляд на свои часы.

– Через пять часов, – повторяет мужчина.

– Вы меня простите, но, по-моему, мы будем в Чите не раньше, как через семь часов, – перебивает его сосед.

– Позвольте, позвольте, – вдруг вмешивается в наш разговор женщина, сидящая у окна, – вы что-то путаете, так как в Читу мы

прибудем через двенадцать часов.

Я тоже смотрю на свои часы и высчитываю, что по моим часам Чита будет не раньше как через девять часов. Оказывается, небритый мужчина сел к нам в вагон в Иркутске, и его часы показывают иркутское время, у его соседа часы показывают красноярское время, у женщины часы поставлены на владивосточное время, а у меня часы еще идут по московскому времени. Таким образом, все были абсолютно правы.

На одной из станций Шурик выбегает на перрон и возвращается через некоторое время, неся в руках сливочное масло, хлеб и банку икры. Тут же, не удержавшись, он набрасывается на еду и быстро начинает работать челюстями. Я же, переборов себя, откладываю этот обед-ужин на несколько часов, ибо в этот день больше питаться не придется. Итак, у нас с Шуриком осталось в запасе 2 рубля 15 копеек, а впереди еще два дня дороги. Ну что ж, как говорится, нам не привыкать.

На станции Петровский завод вышли с Шуриком подышать свежим воздухом. Зрелище неописуемое. Завод и дома, теснившиеся вплотную к нему, расположены в низине, окруженной сплошным кольцом высоченных гор. Темные горы, резко выделяющиеся своими вершинами, покрытые снегом на фоне голубого неба, стоят в каком-то молчании. По склонам гор простираются высокие сосны, чуть-чуть присыпанные снежком. Создается впечатление, что завод находится в сплошном окружении гор, и нет выхода из этого плотного окружения. Только железная дорога прорезает горы с Запада на Восток и, извиваясь, исчезает за ними. Здорово! Между прочим, это местечко было ссылкой декабристов. Здесь, кажется, побывали Бестужев и Рылеев. Покидая это сказочное место, еще раз окинув его на прощанье взглядом, продолжаем свой путь дальше. В половине шестого подъезжаем к Чите. Освежаюсь ночным морозным воздухом и ложусь спать, так как уже почти одиннадцать по местному времени. Засыпаю.

Просыпаюсь от какого-то шума. Поворачиваюсь лицом к входной двери купе и вдруг … что это, передо мной стоит девушка с чемоданом в руке. Сон как рукой сняло, и я сел на полку… Девушка ставит чемодан и, расстегнув пальто, садится, прислонившись к стенке. Невольно залюбовался ею: глаза черные, как угольки, озорно поблескивая, с интересом смотрят из-под шапки на лежащих пассажиров. И вдруг наши глаза встретились, и на какое-то мгновение мы пристально посмотрели друг на друга. Но это длилось лишь какое-то мгновение, так как девушка, будто спохватившись, быстро перевела свой взгляд вниз, прикрыв свои черные глаза пушистыми ресницами. Мы некоторое время

молчали, но затем постепенно стали расспрашивать друг о друге. Девушку зовут Таня. Она учится в Иркутске в институте иностранных языков, а сейчас едет на каникулы домой к своей маме. Через некоторое время мы уже знаем друг о друге так много, что порой не узнаешь о человеке даже за год совместной жизни. Итак, мы стали друзьями. Но, к величайшему сожалению, Таня на следующей остановке должна была выходить из поезда. Наше замечательное знакомство длилось всего 55 минут. На прощание дарю Тане томик стихов Блока и, взяв у нее адрес, обещаю писать.

19 января 1963 г. (день восьмой)

Белогорск. Сходим на перрон. Деревянные домишки, копоть, гарь, какой-то шум и металлический лязг. Среди этого шума как-то зло и сердито насвистывает холодный, колючий ветер, быстро загоняя нас в зал ожидания. До отправления поезда – четыре часа. Завтракаем в столовой и, возвратившись обратно на вокзал, дремлем, устроившись в зале ожидания.

12.35 по местному времени. Садимся в поезд Владивосток – Благовещенск и отправляемся в свой конечный пункт. За окном тянется река Зея, покрытая толстым слоем льда. Сопки с какими-то странными, как будто обрезанными кустами и деревьями (как мы узнали, это были молодые дубки) подходят вплотную к железнодорожному полотну, порою нависая чуть ли не над самим составом.

Моховая Падь! Вот наше новое место учебы. Вылезаем из вагона и осматриваемся, стараясь подставить холодному ветру свои спины. Кругом пологие, высокие сопки окружают сплошным кольцом всю окрестность. Только с одной стороны виднеется понижение, по всей вероятности, в сторону реки Зеи. Издали сопки кажутся какими-то рыжеватыми, кое-где перемешиваясь с белизной снега. Справа высится как бы полсопки. Скорее всего, это карьер, где летом, наверное, берут песок для строительства. Моховая Падь – вот где нам придется учиться целый год. Приветствую тебя, Амурский край! Приветствую и радуюсь нашему первому знакомству!

22 января 1963 г.

Дальневосточное танковое училище. Те солдаты срочной службы, которые не хотели стать офицерами и приехали в училище, чтобы завалить экзамены и отправиться обратно в часть, попали впросак. Их все равно приняли в танковое училище, поскольку нужны были танкисты.

Танковое училище отличается от армейских частей. Есть

столовая, где за столиками сидят по четыре курсанта. Если в частях не давали вилок, а солдаты носили ложки в сапоге, то в училище каждый имеет ложку, вилку и все, что необходимо для завтрака, обеда и ужина. По сравнению с линейными частями, столовая училища почти как ресторан. И кормят намного лучше, чем в Сертолово и Вологде. В общем, мы попали как на курорт. Ведь в танковом училище готовят офицеров – командный состав, и, следовательно, они качественно отличаются от солдат-призывников. Нам сказали, что курсанты, которые будут учиться в танковом училище по ускоренной программе (не три года, а только год) и кто останется в армии, получат звание младшего лейтенанта. Посмотрим, как готовят офицеров в Дальневосточном танковом училище.

30 января 1963 г.

Веду конспекты по тем курсам, которые читают в танковом училище. Техническая информация полезная. Что касается политзанятий, то просто слушаю или, забывая о данном моменте, мысленно пребываю в своем прошлом.

Климат на Дальнем Востоке континентальный. Сильный ветер, морозы, так что природой любоваться некогда. Вспоминаю тихую снежную зиму, которая бывает в европейской части нашей страны. Эти воспоминания породили стихи «Русская зима»:

Тихая, нежная,
Мягкая, снежная,
Красок различных полна,
Но чаще морозная,
Суровая, грозная
Русская наша зима.

Бураны, метели
Все дни и недели
Бушуют, идет снегопад.
Зеленые ели
Обледенели,
Под натиском ветра скрипят.

Задира-мороз
Не на шутку, всерьез
В лицо, что есть силы, бьёт.
Со злостью, до слез
Руки, щеки и нос
Огнем нестерпимым жжет.

Но все же прекрасна,
Хотя и опасна,
Зима в метель и пургу.
И я с упоеньем
Встречаю весельем
Русскую нашу зиму.

7 февраля 1963 г.

Утром, днем занятия. Под вечер занимаюсь своими делами. Подшиваю воротничок. Готовлюсь ко сну, предаваясь поэтическому настроению:

Над уснувшими домами
Ночь холодна и темна.
Где-то там за облаками
Тускло прячется луна.

Только легкие снежинки
В мягком воздухе кружат,
Одевая лес, тропинки
В белый, свадебный наряд.

И от этого наряда
Стало как-то вдруг светлей.
А земля снежинкам рада
Под покровом ей теплей.

Над уснувшими домами
Ночь холодна, но светла.
Где-то там за облаками
Появляется луна.

11 февраля 1963 г.

В свободные часы курсанты рассказывают о своей жизни. Кое-кто вспоминает о встрече с девушками. В воображении рисуются картины о первой любви. Какая она может быть? Как это происходит?! Какие порывы одолевают влюбленных, когда они впервые касаются друг друга? Так зарождаются рифмы, которые ложатся в канву стихотворения «Впервые»:

Был вечер несравненной красоты.
На землю опускались чудо-краски,

И в тихом шелесте листвы
Качался ветер в нежной ласке.

Они к подножью сопок подошли.
Движенья были неумелы, робки.
И настороженно в тиши
В молчании застыли сопки.

И, обо всем забыв на миг
Еще испытывая страх,
Он вдруг к груди ее приник
С горячей страстью на устах.

Она боялась и дрожала,
Ей было все так незнакомо.
Она с тревогой что-то ждала
Вот здесь в лесу, вдали от дома.

А он трепещущей рукой
Впервые в жизни неумело.
И не владея уж собой,
Снимал одежду с ее тела.

Они и не хотели, не могли
Тот сдерживать горячий пыл,
И этот час, час их любви
В их жизни самым лучшим был.

Порыв их был безмерно страстным
И волновал сердца и кровь…
А вечер, вечер был прекрасным,
Как эта первая любовь.

13 марта 1963 г.

Иногда бывает плохое настроение, особенно тогда, когда находишься в безвыходном положении. Казалось бы, все так плохо, что хуже и быть не может. Однако выход из безвыходного положения всегда возможен. Необходимо искать его, упорно и настойчиво. Со временем трудности преодолеваются, все становится на свои места. Оптимизм берет верх над пессимизмом и нигилизмом. Этому и посвящены следующие строки:

В ходе событий
Жизненной мглы,

Как тонкие нити,
Сплелись пути.

Мрак, темнота,
Не видно ни зги,
Что делать? Как?
Куда же идти?

Ни проблеска света,
Ни огонька.
Настанет ли лето?
Пройдет ли зима?

Холодным туманом
Окутаны дни,
Ложью, обманом
Дышат они.

Гадко и мерзко
В душу вползли,
Больно и резко
Ее обожгли.

Были мечты.
Больше их нет.
Были цветы.
Поблек их букет.

Вечер пуст
И не все ли равно,
Если уж вкус
Теряет вино.

Утро не лучше,
И новый день,
Как темная туча,
Наводит тень.

Прекрасными снами
Лучше уж жить,
Чем в мусоре дня
Постоянно быть.

И все же дальше

Нужно идти.
Против фальши
И против лжи.

Рваться вперед
В солдатской одежде,
Пока живет
В сердце надежда.

Пока теплится
Вера в груди,
Пока искрится
Пламя души.

Верю я: скоро
Солнца луч
В весеннюю пору
Сверкнет из-за туч.

И солнце будет
Светить в пути,
Что б было легче
По жизни идти.

6 мая 1963 г.

Когда в январе-месяце я подъезжал к Моховой Пади, то мне бросилась в глаза странная картина. На сопках стоят деревья в коричневом наряде. Обычно зимой листья падают с деревьев, и те стоят голые. Теперь же, весной, картина прояснилась. Оказывается, на Дальнем Востоке осенью и зимой листья не падают с дубов. Листья с приходом морозов остаются на ветках дубов. С морозами листья не опадают, а сохраняются. И вот, когда приходит весна, солнце начинает светить, листья с дубов срываются и летят на землю.

Как хорошо весной! Любовь просыпается вместе с солнцем. По этому поводу рождается стих «Весна»:

Весна! Как хочется смеяться!
Весна! Как хочется любить!
Бродить вдвоем, в траве валяться
И горячо любимым быть.

Вдыхать пьянящий аромат
Подснежников, черемухи, сирени.

Смотреть, как расцветает сад,
Как льются жаворонков трели.

Как ручейки неугомонно
Бегут сквозь талый снег.
И раздается монотонный
Рёв вздыбившихся рек.

Стоять вдвоем на берегу,
Смотреть на бурный ледоход,
Встречать цветущую весну,
Встречать алеющий восход.

Любить, любить, как никогда,
Цветы, подругу дорогую,
Зеленые, манящие луга
И тракторов гул в посевную.

Весна! Прелестная весна!
Люблю тебя я пылко, страстно.
Ты упоительно нежна
И восхитительно прекрасна.

Прекрасна, как живой цветок,
И как букет из белых роз,
Как молодой пьянящий сок
Чуть распустившихся берез.

Люблю тебя я беспредельно
Своею русскою душой.
И сердцем юным откровенно
Я навсегда, весна, с тобой.

4 июня 1963 г.

Человек! Какая это сложная, многогранная натура!

Сколько людей на земном шаре, и у каждого человека свой характер, свои взгляды на жизнь, свои суждения о происходящем. Пытливость и безразличность, смелость и мелкая трусость, оптимизм и пессимизм, гордость и безразличие, стремление к лучшему, прекрасному и смирение с обывательщиной, духовное богатство и полнейшее опустошение души, молодость, задор и преждевременная старость – все эти качества присущи Человеку.

В одном человеке преобладают пороки, в другом скопились

все лучшие качества души, в третьем – какое-то равновесие физических и душевных сил. Сочетание всех качеств, процентное содержание их и является тем показателем, который характеризует человека в том или ином обществе.

Общество порождает пороки души, закрадываются первые сомнения. Это вызывает недоверие друг к другу, перерождающееся сперва в неприязнь, а впоследствии в отчуждающую враждебность. Но ведь это происходит в том обществе, где человек человеку – волк, где все подчинено закону джунглей. Но есть общество, свободное от всей этой мерзости и грязи. Так почему же встречаются отдельные подонки, ханжи и лицемеры, готовые ряди своих шкурных интересов продать честь, совесть и даже свою Родину?

Пеньковский – себялюб, эгоист, живший только для себя, предавший интересы народа, интересы своей страны. Что ему не хватало? Где он воспитывался? Вероятно, глубоко в душе сидела червоточина, унаследованная у своего папаши – полковника царской армии. И не окружающая жизнь, не подвиги своего народа – ничто не остановило его в минуту предательства.

А сколько еще таких двуликих людей! Две души, две жизни. И так изо дня в день, из года в год. Сидят в таком человеке два лица – одно руководит его поступками, другое мыслит и одобряет, презирает и ненавидит. Одно олицетворяет все лучшее, другое заключает в себе черствость и эгоизм. И не так-то просто раскусить такого человека. Он как будто весь налицо, и в то же время его нет, он работает, как и все, а в душе чернота. И попробуй раскрыть его подленькую душу, попробуй заглянуть, что там скрыто под маской.

Нет, плохо мы знаем человека! А ведь без знания природы человека невозможно его воспитание. Необходимо тщательно изучать человека, знать его мысли, настроения, наклонности и особенности каждого в отдельности. Только тогда воспитание даст положительные результаты.

Глубокий анализ характера каждого в отдельности, индивидуальный подход к становлению личности, новые совершенные методы обучения на основе всего прогрессивного передового – вот основные принципы воспитания Человека с большой буквы.

7 июня 1963 г.

Сопки преобразились. Они покрыты полевыми цветами. Картина просто волшебная. Некоторые курсанты срывают цветы и дарят букеты девушкам. Кто-то идет в увольнение, прихватив букет цветов. Другие находят девушек в училище и тоже дарят

цветы. Один курсант даже женился на девушке, которая работает в столовой. В общем, полевые цветы на сопках не хуже тех, которые продают в цветочных магазинах.

12 июля 1963 г.

Занимаюсь спортом. Играю в ручной мяч. Из курсантов набралась команда, которая готовится к соревнованиям. После обеда наша команда тренируется, хотя другие курсанты танкового училища на плацу проходят строевую подготовку. Наша команда решила побриться наголо. Теперь мы одна команда – бритоголовые.

16 августа 1963 г.

Вчера я ходил в увольнение. Мы с двумя товарищами поехали в Благовещенск. Зашли к одной девушке, знакомой одного из курсантов. Надо сказать, что благовещенские девушки с любовью смотрят на курсантов такового училища. Создается впечатление, что многие девушки хотят выйти замуж за курсантов, будущих офицеров.

Здесь в магазинах продается 96 %-ный спирт. Можно взять бутылку спирта и выпить на троих. Говорят, что зэки проводят испытания на новичках. Наливают стакан спирта и предлагают новичку выпить. Тот выпивает спирт, и ему подносят стакан воды, чтобы заглушить спирт. Новичок залпом выпивает воду. Но фокус состоит в том, что вместо воды подается стакан чистого спирта, в результате чего бывают смертельные случаи.

Вечером смотрели на реку Амур. На том берегу горят фонари и на танцплощадке толпится народ. Это – территория КНР, примыкающая к нашей границе. Говорят, что некоторые пароходы со стороны КНР вдруг изменяют маршрут и несутся к нашей границе, затем поворачивают назад, а волны воды выбрасывают купающихся на берег. Вот такое было хулиганство, проявляющее со стороны КНР в те годы, когда между нами существовали натянутые отношения.

3 сентября 1963 г.

Любовь. Она бывает разной. Что-то навеяло поднять тему, которая вылилась в стих, названный «Любовью надо дорожить»:

Любовью надо дорожить.
На мелочи не распыляться.
Уметь по-настоящему любить
И никогда не зазнаваться.

В любви зазнайство ни к чему,
Как и во всем другом,
И грош цена будет тому,
Кто поздним вечерком

Клянется в искренней любви,
Лаская нежно друга,
А сам тихонечко в усы
Смеется над подругой.

За ее скромность, простоту,
За старомодное пальто,
За то, что, к своему стыду,
Влюбилась по уши в него.

За безграничное терпенье
Насмешек, колкостей, острот,
За безрассудное влеченье,
По-детски приоткрытый рот.

За то, что, будучи вдвоем,
Ее бросает в жар.
За то, что видит она в нем
Какой-то идеал.

И ты от этого зазнался,
Девчонке голову вскружив,
Своей победой упивался,
О всем на свете позабыв.

Добившись полного успеха,
Ты из себя героя мнил.
Любовь стала просто потехой,
Потехой и ничем иным.

Перед друзьями ты хвалился,
Чарльстон танцуя или твист.
Победой легкою гордился,
Но ты ведь жалкий эгоист.

Да, эгоист самовлюбленный,
Самонадеянный позёр.
Любви прекрасной недостойный,
Как недостоин чести вор.

Ведь сколько горестей и бед
Принес влюбленной ты девчонке.
И ты поймешь на склоне лет,
Что счастье то прошло сторонкой.

Прошло, его уж не вернешь,
И лишь одно воспоминание
Ты в старость в сердце унесешь
О милом, дорогом создании.

2 октября 1963 г.

В беседах со мной замполит не раз упоминал о тех преимуществах, кто выберет путь офицера. Дело в том, что часть курсантов срочной службы решили стать офицерами. Нас, кто не согласился с офицерской должностью и хотел продолжать срочную службу, оказалось совсем мало. Из 350 курсантов, приехавших на курсы в танковое училище, только около 12–15 человек не хотели стать офицерами. И вот замполит проводил свою работу, чтобы «образумить», в частности, меня. Он говорил о том, какую он получает зарплату, примерно 350 рублей в месяц (в свое время я получал на Псковском радиозаводе зарплату в 120 рублей, хотя средняя зарплата по стране было 70–80 рублей). Замполит заверял меня в том, что я смогу поступить в высшую политическую академию, поскольку мои знания позволяют это сделать. Говорил о том, что я смогу добиться больших успехов в военной карьере. Но я молча слушал замполита, не спорил с ним, но в душе придерживался своего мнения, поскольку я хотел быть на гражданке и поступить в какой-нибудь вуз или университет. В общем, замполит так и не уговорил меня стать кадровым офицером.

25 декабря 1963 г.

Учеба в танковом училище закончена. Большинство курсантов получили звание младшего лейтенанта, и все остаются в армии. Мне присвоили звание старшины, и я должен проходить дальнейшую службу по призыву. Выдали документы, справки, и я еду обратно в штаб Ленинграда, после чего, скорее всего, направят в танковый полк в Вологду.

Год назад я добирался из Вологды в Моховую Падь на поезде с пересадками, на что ушло восемь дней. В этот раз я взял билет на скорый поезд, чтобы сократить время переезда. Поскольку грядет Новый год, то я рассчитал, что можно прибыть в

Ленинград после новогодних праздников, и, следовательно, скорый поезд даст возможность съездить в Боровичи, где живет моя мама и бабушка, хотя это вроде бы не совсем по уставу. Итак, жду встречи с мамой.

5 января 1964 г.

Удалось побывать в Боровичах. Встретил Новый год с мамой и бабушкой, которые были очень рады, что я заехал к ним. Встречался с друзьями по техникуму. И через три дня поехал в Ленинград, чтобы быть на службе. Никаких неприятностей не было. Меня даже не спросили, почему я ездил в Боровичи. Просто дали направление в танковый полк в Вологду, где я до этого служил. Оказалось, что я после танкового училища буду не водителем танка, а командиром взвода, и у меня будут подчиненные солдаты.

10 января 1964 г.

Приехав в часть в Вологде, я столкнулся с теми проблемами, которые не были приняты на солдатской службе. Во-первых, моя форма (синие брюки) отличалась от остальной формы солдат. Во-вторых, поскольку я был командиром взвода, то меня поселили в отдельную комнату, которая была в части. В-третьих, поскольку меня несколько дней не представляли личному составу, то я оказался не у дел. В-четвертых, я мог выходить из части и посещать различные места Вологды, в отличие от солдат. Все это было связано с тем, что такой опыт оказался впервые для офицерского состава, когда окончивший танковое училище был не кадровым офицером, а старшиной срочной службы. Вот такая была нестандартная ситуация в армии, и, судя по всему, командование танковой части пока разбиралось, что и как поступить со мной.

2 февраля 1964 г.

Некоторое время солдаты взвода присматривались ко мне, поскольку я вроде бы и был с ними, но не отдавал никаких приказов. И только через две недели командир роты представил меня в качестве командира взвода, после чего началась моя служба. В роте было три взвода. Старший лейтенант и лейтенант руководили двумя взводами. Я, будучи старшиной, отвечал за солдат своего взвода. Со временем мы нашли общие точки зрения с офицерами роты. И у нас не было проблем. Однако солдаты моего взвода находились в двусмысленном положении, поскольку у них был свой более старший солдат (типа старшины) и командир взвода, то есть Я, находящийся на срочной службе.

Кому подчиняться, для солдат было проблемой. Доходило до того, что более старший солдат отдавал такие команды взводу, которые не соответствовали реальному положению дел. И однажды командир роты посадил данного «командира» «на губу». После этого солдаты взвода увидели во мне того командира взвода, которому следует не только подчиняться, но и делиться переживаниями. Потихоньку я вживался в быт и службу своих солдат.

20 февраля 1964 г.

Со временем стихи вновь посещали меня. Так, родились стихотворные рифмы, вылившиеся в форму стихов «Всегда в строю»:

Товарищ, помни!
Велики
Просторы Родины
любимой.
И чтобы люди
всей страны
Спокойно видеть
сны могли,
Мы бдительно стоим
на страже мира.

Стоим в метель
и летний зной,
В руках
сжимая автоматы.
Чтобы над вашей
головой
Был небосвод
лишь голубой,
Стоим в дозоре мы —
Солдаты.

Всегда подтянуты
в строю.
И нет покоя
ни на час,
Ведь мы в ответе
за страну,
За Русь любимую
свою,

За вас, товарищи,
за вас!

А помнишь,
как в сорок втором
Израненном
году
Солдат прикладом
и штыком
Под несмолкающим
огнем
Жизнь защищал
твою.

Чтобы ты рос,
забот не зная,
И чтобы больше
никогда
Мать горьких слез
не проливала
И по ночам
недосыпала
За сына,
что взяла война.

Мы помним
слезы матерей
И пушек
грозные раскаты,
Мы не забудем
сыновей
Великой родины
своей,
Мы не забудем
Вас – солдаты!

2 марта 1964 г.

Хожу на курсы подготовки в вуз. Необходимо восстановить свои знания, чтобы поступить в учебное заведение. Подумал и решил сдавать экзамены в МГИМО. Правда, с армии не так-то просто даже сдать документы в МГИМО. Оказывается, необходима рекомендация из политотдела полка. Кроме того, я должен послать приемные документы по почте, поскольку лично не могу

приехать в Москву. Поэтому я написал в МГИМО письмо, чтобы узнать, какие документы необходимо представить для сдачи экзаменов, в какие сроки будут экзамены. Так что буду ждать ответа на мое письмо. А пока на подготовительных курсах занимаюсь иностранным языком и теми предметами, которые необходимо сдавать при поступлении в вуз.

10 марта 1964 г.

Как командир танкового взвода учу солдат армейским премудростям и вместе с ними участвую в армейской жизни. Недавно проходили учения в полевых условиях, после чего написал стихотворение «На учениях, как в бою»:

По заснеженным равнинам
В штиль и грозную пургу
Разрезают снег машины
На ученьях, как в бою.

Скрежет гусениц несносный
И мотора громкий вой
Воздух чистый и морозный
Будоражат над землей.

Ветер северный, колючий,
Налетая на броню,
Поднимает снега тучи.
На ученьях, как в бою.

Танк несется по равнине.
Изморозь на триплексах.
У механика уж иней
Чуть заметен на усах.

Вдруг у самого пригорка
Впереди в густых кустах
Появилась чуть пушчонка.
Экипаж уж на местах.

«Бронебойным, 1200,
Пушка впереди. Огонь!»
И на том на самом месте
Кусты взлетают над землей.

Командир, ему лет двадцать,

Подает команду снова:
«Бронебойным, влево 20»,
И в ответ ему «Готово!»

Уточняется наводка.
В створе с пушкой видна ель.
Выстрел. И в ответ негромко
Раздается голос: «Цель!»

Так стреляем без волненья
По условному врагу
Метко и без промедленья
На ученьях, как в бою.

15 апреля 1964 г.

Общаюсь с командирами танковых взводов нашей роты. Кадровые офицеры – народ грамотный. Находим общий язык, несмотря на то что я нахожусь на срочной службе. Как-то так сложилось, что кадровые офицеры приняли меня. В общем, служба идет, время движется вперед. Весна в разгаре. Редко, но хожу по городу Вологда, замечаю девушек, но не знакомлюсь поближе, поскольку основное внимание уделяю учебе. Еще несколько месяцев, и придется сдавать экзамен в вуз.

18 мая 1964 г.

К сожалению, я не получил ответа на мое письмо в МГИМО. Думаю, что подожду еще несколько дней и вновь пошлю письмо в этот учебный вуз, хотя уже нет надежды, что мне ответят. Видимо, в МГИМО не так просто поступить. И хотя я знал об этом, но думал, что ответят на мое письмо, хотя бы отрицательно. Нет, обязательно пошлю в приемную комиссию письмо.

11 июня 1964 г.

Поскольку из МГИМО нет ответа, то передо мной встает одна проблема. Если я не поступлю в вуз, то, может быть, сложится такая ситуация, когда меня оставят в армии, поскольку я кончал танковое училище. Двое солдат из полка, с которыми я познакомился, решили поступать в ЛГУ. Поскольку в Ленинграде живет моя тетя, то, быть может, и мне поступить в ленинградский университет? Во всяком случае, я узнал, какие экзамены мне сдавать при поступлении в ЛГУ. Оказалось, что при приеме на философский факультет будут экзамены по истории, русскому языку и сочинению. Не будет экзаменов по иностранному языку,

и, следовательно, я смогу усиленно готовиться в оставшееся время по тем дисциплинам, которые придется сдавать.

29 июня 1964 г.

Я послал письмо в приемную комиссию философского факультета ЛГУ. Получил ответ и понял, что я могу с документами приезжать для сдачи вступительных экзаменов. Но если я не поступлю в ЛГУ, то придется вернуться в часть, а это может быть связано с проблемой, что меня могут не демобилизовать. Поэтому я решил подстраховаться. Сходил в вологодский педагогический институт, поговорил с приемной комиссией. Буду сдавать вступительные экзамены в этот вуз. Представил необходимые справки, только аттестат об окончании школы рабочей молодежи отдал дубликат, поскольку оригинал аттестата надо будет представить в ЛГУ. Не знаю, как удалось, но документы приняли в вологодский педагогический институт. Итак, буду сдавать вступительные экзамены в два вуза.

30 июля 1964 г.

Экзамены в вологодский педагогический институт сдал. Теперь, чтобы стать студентом данного вуза, мне стоит отдать в приемную комиссию оригинал аттестата зрелости. Но поскольку я буду сдавать приемные экзамены в ЛГУ, то мне понадобятся все документы, и пока я держу их при себе. С этими документами я поеду в Ленинград через несколько дней, когда получу официальное разрешение у командования армии.

25 августа 1964 г.

Итак, я сдал все вступительные экзамены на философский факультет. Из 15 баллов я набрал 13, что явилось проходным баллом, в результате чего я стал студентом ЛГУ. Ура! В армию не надо возвращаться.

Удивительно, что в общежитии мы – абитуриенты, мужчины из армии – подружились с девушками из соседней комнаты. Нас было 7 человек, и девушек, окончившись школу, тоже было 7 человек. А вот сдали вступительные экзамены мужчины из армии 5 человек, а девушки – всего двое. После экзаменов мужчины-воины объединились с девушками и отметили свое поступление в ЛГУ.

Начинается новая жизнь. Мне, как студенту, дали общежитие в старом Петергофе. Это примерно 40–45 минут от Ленинграда электричкой, потом автобус и, наконец, философский факультет ЛГУ. Конечно, далековато, но студент есть студент, и он на все готов ради обретения знаний.

Впереди пять лет учебы. Буду постигать премудрости философии, хотя, если честно говорить, я не думал заниматься именно этим. Посмотрим, что получится.

Часть III
Родители и дети

Дневник отца (Москва, 1974–1976 гг.)

31 июля 1974 г.

Человек – одна из величайших загадок природы. С момента рождения он вступает в неведомый ему мир, который вызывает у него амбивалентное (двойственное) отношение. С одной стороны, появившееся на свет человеческое существо тянется навстречу тому миру, в котором ему предстоит жить, любить, созидать. С другой стороны, этот мир оказывается для него подчас таким равнодушным, пугающим и враждебным, что он, оказавшись во власти всевозможных тревог и страхов, начинает испытывать различного рода лишения и страдания.

Выйдя на свет из материнского лона и оторвавшись от пуповины матери, ребенок нуждается в ее постоянной заботе и ласке. Если его мать является доброжелательной, внимательной к запросам ребенка и уделяющей ему достаточное внимание, то становление его личностью может сопровождаться таким восприятием окружающего мира, которое будет способствовать благоприятному развертыванию всех его жизненных сил и задатков. Однако если мать оказывается безразличной к своему ребенку или тревожной, вызывающей страх у младенца, то его дальнейшее развитие может оказаться ущербным, не способствующим приобщению к радости бытия.

То же самое относится и к отцу, отношение которого к ребенку не проходит бесследно для развития последнего.

Постепенно открывая для себя все новые и новые горизонты огромного, таинственного, манящего бытия, человек устремляется вперед навстречу своему будущему. С первых шагов своей жизни и до самой последней черты заката он находится в мире, который стремится познать, а подчас и преобразовать.

На каком-то отрезке своего развития человек обнаруживает, что помимо внешнего мира имеется его собственный внутренний мир, самобытность и непостижимость которого оказывается для него еще большей тайной, чем все то, что его окружает. Это таинство и вызывающая любопытство загадка существования самого себя остаются той «святая святых», которая привлекает к себе внимание наиболее пытливых умов, пытающихся постичь неуловимую связь между внешним и внутренним мирами.

Что представляет собой человек в круговороте природного бытия?

Как превращается он из хрупкого, беззащитного и слабого младенца в крепкого, защищающего других и самого себя, сильного человека, способного на абстрактные размышления,

конкретные дела и утонченные переживания?

В чем состоит его предназначение в жизни, и в чем состоит смысл самой этой жизни?

Исчезает ли он бесследно, переступив свою черту заката и погрузившись со своей смертью в пучину небытия, или оставляет после себя какие-то следы, отпечатки на карте того мира, в котором он родился, жил, вершил великие или малые дела, любил, переживал, сомневался, страдал, надеялся, мечтал?

Является ли он ничтожной песчинкой в этом мире, затерявшемся среди других миров Вселенной, или его существование знаменует собой величие и венец разумной части природы?

Какими качествами он наделен от природы?

Появляется ли он на свет исключительно добрым, злым или потенциально содержит в себе всевозможные задатки, включая предрасположенность как к добру, так и злу?

Обречен ли человек на пассивное, потребительское приспособление к окружающему его миру, включая природные силы и социальные институты, или в нем заложено активное, творческое начало, благодаря которому он способен на изменение, преобразование не только внешнего мира, но и самого себя?

Что представляет собой его собственный внутренний мир, и какие движущие силы пробуждают его желания, удовлетворение которых требует определенных усилий, способностей, инициативы?

Как, каким образом и на основе чего возникают у него потребности и запросы, требующие своего удовлетворения?

Руководствуется ли человек в своем мышлении и поведении и исключительно сознанием или его мысли и действия предопределены бессознательным, которое для него самого является чем-то загадочным и непостижимым?

Что скрывается за фасадом созданных им самим рационализаций, и какие внутренние драмы, трагедии разыгрываются в глубочайших слоях его психики?

Все эти и многие другие вопросы существенны и важны для понимания человека, который, будучи единственным вопрошателем в мире, является одновременно как объектом, так и субъектом познания.

Не случайно на протяжении многих столетий наиболее пытливые умы, включая различных философов, ученых и интеллектуально-любознательных представителей человеческого рода, неоднократно пытались ответить по-своему на вопросы, касающиеся природы и предназначения человека.

Не последняя роль в этом насущном познании человека принадлежит наблюдению за рождением и развитием конкретного индивида, позволяющему описывать его черты характера и поведенческие реакции. Подобное наблюдение может осуществляться как беспристрастными исследователями, так и включенными в жизнь ребенка специалистами, будь то воспитатели, учителя, врачи.

Есть и еще одна возможность наблюдения за ребенком. Оно осуществляется родителями, непосредственно участвующими в процессе зарождения новой жизни и являющимися свидетелями первоначальных проявлений жизнедеятельности младенца.

И хотя в последнем случае трудно, практически невозможно избежать каких-либо личностно-окрашенных восприятий и субъективных оценок, тем не менее именно родители могут открывать порой такие важные, но скрытые от посторонних глаз особенности грудного и подросткового развития, тонкости и нюансы жизненных переживаний ребенка, которые невозможно выявить никакими другими методами изучения человека. Во всяком случае, наблюдения за ребенком со стороны родителей могут служить важным источником обнаружения того материала, который способен стать дополнительной информацией к размышлению о природе человека.

Разумеется, наблюдения и размышления над фактами рождения и развития одного ребенка не дадут исчерпывающих ответов на все вопросы о таинстве человеческого бытия. Было бы наивно ожидать и получение ответов на большинство вопросов, связанных с пониманием существа переживаний, имеющих место как у ребенка, так и у его родителей в первые дни и месяцы жизни младенца.

Но даже то малое, те крупицы знаний о человеческой жизни, которые при благоприятном стечении обстоятельств удастся извлечь из этого опыта, могут послужить дальнейшему лучшему пониманию человека. Это питает вдохновение и дает надежду на преодоление неминуемых трудностей, с которыми придется столкнуться в процессе данного кропотливого и в то же время увлекательного труда, связанного с ведением дневника отца, пребывающего в эйфории от рождения дочери.

Остается только приступить к нему и попытаться по возможности подробно и обстоятельно излагать материал личных наблюдений, эмоциональных переживаний и сопутствующих размышлений, которые так или иначе будут присутствовать в дневнике, что вполне естественно и объяснимо.

31 июля 1974 г.

Сегодня утром родилась дочь. Разумеется, она не осознает еще наступления нового периода – перехода из утробного состояния в чреве матери в неизвестный до сих пор мир. Не понимает того перехода, который ей пришлось совершить в силу определенных законов природы.

Не только она, что вполне понятно, но и я не могу постичь пока факт рождения нового человечка. Он уже кричит, привлекает внимание медсестер, но до меня этот крик не доходит, и, видимо, пока я не услышу его сам, ощущение реальности новой жизни будет трудно осознаваемым. Наступает какой-то временной пробел.

Несколько дней тому назад я мог ощущать беспокойные движения, производимые ребенком в животе матери. Сейчас я остался один. Гала с дочкой лежат в родильном доме, и кажется, что нас разделяет вечность.

Гала уже видела нашу дочь, а до этого всем телом ощущала момент появления на свет крошечного младенца. Я же обречен жить ожиданием будущего, ближайшего будущего, когда впервые увижу свою дочь и по-настоящему пойму, что действительно стал отцом. Это должно произойти через несколько дней, а пока я остаюсь в положении нетерпеливо ожидающего папаши, чье сознание еще не заполнено реальным образом дочери.

Многие мужчины хотят иметь сыновей, а некоторые из них никак не могут смириться с фактом рождения дочери. Для ряда мужчин только сын является истинным воплощением отцовства и надеждой на продолжение семейного рода, отмеченного печатью главного носителя фамилии.

Судя по всему, подобное мнение мужчин является отражением той древней традиции, согласно которой рождение дочери является менее почетным и даже ущербным, по сравнению с рождением сына. Можно подумать, что дочь – а по прошествии времени и мать – не играет никакой роли в продолжении человеческого рода! Абсурд, хотя и разделяемый приверженцами «мужской психологии», как в обыденном сознании, так и в лоне всевозможных рационализаций.

Что касается меня, то я страстно хотел, чтобы у нас с женой родилась дочь. Задолго до рождения мы вместе дали даже имя своему еще не родившемуся ребенку. Мы ждали дочь, которую хотели назвать Мариной.

Разумеется, мы понимали, что одного желания мало и наши ожидания не обязательно должны совпадать с законами природы. Но нам так хотелось иметь дочь! Не случайно за несколько дней до рождения ребенка я попытался выразить свое настроение и наши с женой ожидания в стихотворной форме, посвященной еще

не появившейся на свет дочери. В этих виршах преобладала фантазия, перемежающаяся с фрагментами чувственного и интеллектуального восприятия прошлого, настоящего и будущего.

Некоторое время спустя жизнь оправдала наши чаяния и надежды. Стихи, носящие отголосок философских размышлений и отражающие накопившиеся в душе отцовские чувства, послужили как бы прелюдией к рождению нашей дочери.

Появилась дочь в июле.
Как же девочку назвать?
Раз в июле – значит Юля,
Что тут голову ломать.

Но задолго до рожденья,
Отогнав сомненья прочь,
Было принято решенье
Величать Мариной дочь.

Ну а если сын родиться?
Трудно ведь предугадать!
Нет, надежды должны сбыться,
Остается только ждать.

Не всегда закон природы
Согласуется с желаньем.
Иногда проходят годы
В безнадежном ожиданье.

Но свершилось, наконец,
То, о чем они мечтали.
Радуются мать, отец:
Дочь Мариною назвали.

От восторга, счастья млея,
Поправляя бигуди,
Мать, от робости немея,
Прижимает дочь к груди.

И с блаженною улыбкой,
Застеснявшись, как юнец,
Виноватый, робкий, пылкий
Рад до чертиков отец.

Зноем с улицы пахнуло,
Аист заиграл крылом,
Солнце ставни распахнуло,
Счастье прилетело в дом.

Радость в комнату стучится,
Обнимает мать, отца.
Нежность теплотой струится
Без начала и конца.

Запрокинутые лица,
Взгляд заботливый на дочке,
А Марине что-то снится,
Розовыми стали щечки.

Губы бантиком сложила
И, раскинувшись свободно,
Мир улыбкой озарила
Современная Джоконда.

Меркнут луврские творенья,
Леонардовский портрет.
Маленький шедевр рожденья
Затмевает целый свет.

Для родителей нет краше
Первой дочери своей.
Шепчут нежно: «Счастье наше
Всех дороже и милей!»

А в груди священный трепет
Перед тайной бытия.
Несравненный детский лепет
Умиляет их сердца.

Очарованный загадкой,
Смысл рожденья постигая,
Перед детскою кроваткой
Каждый голову склоняет.

Душу точит червь сомненья,
Гложет мыслью дерзновенной:
Неужели факт рожденья
Так ничтожен во Вселенной?

Человек, по Протагору,
Это – мера всех вещей.
Страх, согласно Кьеркегору,
Его спутник, казначей.

Для Камю, Марселя, Сартра
Сущность жизни – уж поверьте —
Не прогулка по Монмартру,
А одно стремленье к смерти.

Все бессмысленно ничтожно,
Отчужденье – корень зла,
Жить на свете невозможно,
Жизнь – абсурд и тошнота.

Расщепленное сознание —
Трещина, осколок мифа,
Жалкое существование,
Деятельность – труд Сизифа.

Так в порыве откровения
Пишут экзистенциалисты.
Свои мрачные сомнения
Изливают пессимисты.

Но взгляните на ребенка,
Чье сердечко тихо бьется.
Как задористо он, звонко,
Жизнерадостно смеется!

Незабвенная картина!
Лучше всех мирских наград.
Кто из вас рожденью сына
Или дочери не рад?

Кто поддастся искушенью
Факт рожденья отменить,
Отстранится от решенья
Жизни быть или не быть?

Человек – творец природы
И ее продукт, дитя,
Через радости, невзгоды

Носит тайну бытия.

Грудью матери вскормленный,
Подрастая без забот,
Он, любовью окруженный,
Продолжает жизни род.

А со временем, шагая
По стопам Адама, Евы
И рассудок свой теряя,
Слышит он любви напевы.

Миг восторга, наслажденья,
Чувственный, пьянящий бег,
Счастье нового рожденья —
Все приемлет человек.

Перед ним простор Вселенной,
Путь тернистый бытия,
Поиск тайны сокровенной,
Смысла и значенья Я.

В глубине руин познанья
Через толщу лет, веков
Принцип миросозиданья
Он постичь, понять готов.

Наделенной жизнью бренной,
Что дана ему от века,
Человек – венец вселенной,
Так возвысьте Человека! …

Появилась дочь в июле,
К свету тянется ручонка.
Жизнь родители вдохнули
В ясноглазого ребенка.

Мы с Галой долго ждали этого дня. Врачи предполагали, что ребенок должен появиться на свет в середине июля, примерно 15–18 числа. И действительно, в ночь на 13 начались первые незначительные схватки или нечто похожее на них. Гала назвала их «ложными», так как они были непродолжительными и слабыми. Затем в течение нескольких дней все было спокойно.

Гала переносила беременность легко. Достаточно сказать, что даже на девятом месяце беременности она могла наклоняться и сама застегивать туфли, когда в этом была необходимость. Никаких особенно бросающихся в глаза изменений не произошло. По крайней мере, многие из наших знакомых до последнего момента даже не подозревали о беременности жены.

Тем не менее мы начали волноваться, так как последние две недели плод не прибавлял в весе. 29 июля Гала пошла на прием в женскую консультацию. Врачи выразили беспокойство, связанное с задержкой предстоящих родов. Они пришли к решению, что если в ближайшие дни моя жена не разрешится от бремени, то 1 августа ее госпитализируют.

В последние дни беременности у Галы был хороший сон. Схватки не повторялись, и мы перестали надеяться, что она разрешится от бремени в июле-месяце. Однако в ночь на 31-е, около трех часов ночи Гала почувствовала отхождение вод.

Можно было вызвать скорую помощь, однако, несмотря на мое беспокойство, Гала решила ехать сама в ту больницу, которая в то время считалась одной из лучших в Москве.

Мы спешно собрались и пошли на стоянку такси, находящуюся напротив нашего дома. Но, как это часто бывает, именно в нужный момент на месте не оказалось ни одной машины. Я даже не сообразил, что ночью таксисты могут отдыхать.

К счастью, мимо проезжала грузовая машина, на борту которой была надпись «Хлеб». Пришлось остановить ее и уговорить водителя подвезти нас до больницы. Водитель вошел в наше положение и довез нас до родильного отделения Пироговской больницы. Галу тут же приняли, а меня попросили оставить ее, не мешать медицинскому персоналу и идти домой. На часах было четыре часа утра.

Вернувшись домой, я попытался заснуть. Но это оказалось выше моих сил, поскольку ни физически, ни психически я уже не мог отключиться от всего пережитого за эту ночь.

Чтобы отвлечься от нахлынувших на меня переживаний, я не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к чтению работы «Мысли» Блеза Паскаля, которую штудировал в последнее время.

Поразительное сочинение! В своих размышлениях Паскаль обращается к феномену человека, стремится понять смысл его бытия, ставит вопрос о том, представляет ли человек из себя некое величие или ничтожество.

Так велик человек или же он ничтожен?

Паскаль против крайностей и абсолютизации конкретного. Ответ на поставленный им вопрос у него диалектичен: человек –

и величие, и ничтожество.

Человек осознает свое жалкое положение в мире, и это осознание делает его великим. Делает его великим потому, что он сознает себя жалким.

Паскаль рассматривает проблемы собственного бытия человека и в своих рассуждениях высказывает такие мысли, которые сегодня можно найти в объемистых трудах экзистенциалистов.

В XIX веке датский философ Сёрен Кьеркегор обратился к проблематике смерти, ничтожности жизни и бессмысленности существования. В чем, спрашивал он, заключается цель жизни? Мы будем не далеки от истины, отвечал он на поставленный вопрос, если скажем, что цель жизни – умирать.

Кьеркегор считается предтечей современного экзистенциализма.

Но вот что пишет Паскаль, размышляющий о положении людей в мире: все они осуждены на смерть; различие между ними состоит лишь в том, что одних ежедневно умерщвляют на глазах у других, в то время как последние, оставаясь пока в живых, покорно ожидают своего смертного часа.

Под этим сегодня мог бы подписаться любой экзистенциалист, хотя эти мысли были высказаны Паскалем почти за два столетия до аналогичных рассуждений Кьеркегора.

До десяти часов утра читал тексты Паскаля. Все это время где-то в глубине души росли тревога и беспокойство. Телефонные звонки в родильное отделение Пироговской больницы не дали результата – никто не отвечал.

Подгоняемый чувством тревоги и оставив на столе «Мысли» Паскаля, поехал в больницу. То, что услышал от медицинской сестры, не сразу дошло до сознания: родилась девочка, ее вес 3,5 кг, рост 52 см.

Только во второй половине дня, когда приехал снова в больницу и получил письмо от Галы, узнал некоторые подробности, связанные с рождением дочери.

Дочь родилась в 9 часов 30 минут. При первом же вздохе она начала плакать, громогласно возвещая окружающих, включая ее мать, о своем появлении на свет.

В перерыве между утренним и дневным посещением больницы, находясь под впечатлением от нахлынувших на меня чувств, написал свое первое письмо молодой маме. Вместе с продуктами передал его через медицинскую сестру в палату № 8, где Гала находилась после родов.

Письмо в роддом

Гала, Галочка, Галинка!
Как здоровье? Как Маринка?
Знаю рост ее и вес,
Счастлив прямо до небес.
Мама Тоня, Илля Вась
Не нарадуются всласть.

Приготовили пеленки,
Одеяла, распашонки,
Ленту алую купили,
В целофанчик положили,
Есть немецкая коляска,
Соска, белая повязка.

Куплены конверт, носочки,
Разноцветные платочки.
Встретить малыша готовы.
Будьте веселы, здоровы!
Обнимаем вас, целуем,
Ждем обеих и тоскуем.

От себя скажу два слова:
Поправляйся, будь здорова!
По часам корми Маринку, —
Фруктов принесу корзинку, —
Пей побольше молока,
Чтобы дочь была крепка!

Хоть до чертиков я рад, —
Дочь мне выше всех наград, —
Но вина не пригублю,
Потому что вас люблю.
Без конца целую в щёчку
Молодую мать и дочку.

Милые мои женщины!

Как я вам рад! Очень волнуюсь и с нетерпением жду встречи.

Добро пожаловать, Мариночка, в этот далеко не худший из всех миров наш мир! Пройдет много лет, прежде чем ты сама

ощутишь все прелести и мрачные стороны жизни, испытаешь радости и огорчения, надежды и разочарования, все хорошее и плохое, что может сопровождать тебя в этой жизни. Все это будет потом, а сейчас твои первые часы существования ощутимы не столько для тебя, сколько для нас, любящих тебя родителей. Нам также предстоит испытать радости и огорчения в процессе твоего развития и становления Человеком. Но первое, что мы сейчас ощущаем, – это безграничное счастье и радость, связанные с твоим рождением.

Итак, с днем рождения, Мариночка! С вступлением в новую жизнь!

2 августа 1974 г.

Каждый день прихожу в Пироговскую больницу, в родильном отделении которой сбываются чьи-то надежды, появляются на свет новорожденные младенцы, отдыхают после родов усталые, но довольные молодые мамы, с умилением рассматривающие своего самого лучшего, самого красивого, самого неповторимого ребенка.

А отцы? Они выстаивают под окнами родильного отделения с надеждой увидеть через оконное стекло тех единственных и дорогих для них женщин-матерей, которые подарили им ребенка. Если повезет, то они даже могут поговорить со своими любимыми и расспросить их о малыше, которого пока не имеют возможности увидеть воочию.

Где-то в глубине родильного отделения больницы лежит моя дочь Маринка.

Моя!?!

Моя мать, моя жена – это привычно и понятно. Но «моя» дочь – это что-то новое и не вполне осознанное.

Мариночке уже больше двух дней. Она живет, плачет, спит после грудного кормления. Но я ничего этого еще не видел. Тем не менее я называю девочку своей дочерью, любовь к которой зародилась задолго до того, как она впервые стала плакать.

Рождение новой жизни и плач ребенка!

Едва появляется на свет маленький человечек, как мир является свидетелем его плача и крика. Быть может, тем самым он выражает свою скорбь по поводу выхода из чрева матери, где ему было так тепло, уютно, беззаботно и безопасно? Или это непроизвольный протест против не зависящего от него вхождения в новый мир?

Не является ли плач новорожденного символическим выражением последующих страданий, бессмысленности существования и абсурдности жизни, о чем так красочно пишут

экзистенциалисты, предупреждающие о бренности нашего бытия?

Такое толкование вполне допустимо, и я не смог бы его опровергнуть, несмотря на то что не разделяю подобного взгляда.

Точно так же никто не может доказать, что в реальности с новорожденным все происходит именно так, а не иначе.

Но, быть может, плач ребенка символизирует собой радость, скрытый восторг и готовность к новой жизни?

Разве мы, взрослые, не плачем порой от радости? Разве мы не знаем, что в жизни случается смех сквозь слезы и слезы сквозь смех?

Кто возьмется утверждать обратное?

И если даже найдется такой человек, который отдаст предпочтение первой трактовке и отвергнет вторую, то это будет его сугубо личная позиция, которую он не сможет ничем доказать.

Единственный, кто мог бы дать исчерпывающий ответ, – так это сам новорожденный. Но он не только не способен говорить о своих реакциях, но и не осознает их.

Предположим, что каким-то непостижимым образом новорожденный мог бы недвусмысленно выражать свои эмоции, давая понять другим людям о своем состоянии в момент рождения. Но где гарантия того, что взрослые люди, будь то медицинские сестры, врачи или матери младенца, адекватно понимают то, что выражает ребенок.

Не целесообразнее ли признать, что в противоположных утверждениях по поводу плача появившегося на свет ребенка содержатся крупицы той истины, которая пока нам неведома?

Быть может, плач входящего в новый мир ребенка означает символическое выражение первоначальной радости и первоначального огорчения, то есть тех чувств, которые позднее станут постоянным спутником человека на протяжении всей его последующей жизни.

Сегодняшнее посещение родильного отделения больницы доставило истинное удовольствие, так как оно сопровождалось получением приятных новостей. Через Галу я узнал новые подробности о первых двух днях жизни дочери.

Передав через сестру письмо и ожидая ответа от Галы, я попытался произвести некоторые подсчеты веса и роста новорожденных, данные о которых постоянно вывешиваются в комнате для родных и близких, навещающих молодых матерей.

В настоящий момент в родильном отделении 54 матери разрешились от бремени. Из 54 родившихся малышей 28 девочек и 26 мальчиков. Наименьший вес ребенка 1,750 кг, рост – 44 см. Наибольшие показатели соответственно 4,600 кг и 56 см.

По сравнению с этими данными параметры Маринки больше средних (вес – 3,400 кг, рост – 52 см).

Однако все эти цифры довольно относительны и отражают картину данного родильного отделения на 2 августа 1974 года.

По этим показателям Мариночка занимает следующее положение на шкале оценок новорожденных: у 23 младенцев показатели по весу и росту выше, а у 30 младенцев ниже. Но если принять во внимание, что 1 августа в родильном отделении находился ребенок-гигант (вес 5,400 кг, рост 58 см), то средние показатели будут несколько другими: вес усредненного новорожденного составит 3,575 кг, рост – 52 см. В этом случае вес Маринки окажется меньше среднего.

Но, видимо, рождение таких крупных детей не типичный случай, и поэтому Мариночку можно считать обычным, как раз именно «средним» ребенком в отношении ее физических данных. Этот факт представляется мне по-своему важным, так как позволяет делать все дальнейшие наблюдения именно над типичным ребенком, не имеющим в момент рождения каких-либо отклонений.

Вскоре после произведенных мною подсчетов я получил от Галы письмо, в котором она описала свое первое свидание с дочерью:

«Вчера в 13.00 впервые принесли покормить малышку. Пока грудь вырабатывает только молозиво, а настоящее молоко должно появиться немного позже. Врач педиатр сказал, что сейчас ребенку полезно именно молозиво.

Конечно, для каждой матери нет ничего дороже и ближе, чем собственный ребенок. Марина произвела на меня приятное впечатление. Особенно мне понравились ее хорошо очерченные губки, которыми она активно прильнула к груди и стала жадно сосать. Волосы на голове темные, глазки тоже темные, но пока еще неопределенного цвета. Об остальном судить трудно. Что у девочки от мамы, а что от папы, сказать не решаюсь. Ведь малыши растут и меняются очень быстро. Одно могу с уверенностью констатировать: щечки мамины, то есть мои. Марина вела себя спокойно во время кормления. Никакого крика не было. Врач сказал, что девочка ведет себя хорошо и никаких отклонений со стороны здоровья у нее нет. Все нормально. Я получила хорошую консультацию от врача и теперь за Марину абсолютно спокойна.

У нас в палате лежат 11 человек. Но не всем молодым мамам принесли покормить детей. Некоторые новорожденные еще слабые и нуждаются в дополнительном покое. Детские врачи здесь внимательные и делают все, чтобы дети развивались

нормально. Родившимся крохам уже пришлось испытать первые необходимые инъекции.

Сегодня принесли кормить малышку в 6 часов 30 минут утра. Я начинаю привыкать к этому маленькому смешному человечку. Женщины по палате говорят, что девочка во многом походит на меня. Мне самой трудно что-либо сказать на этот счет. Как говорят, поживем – увидим».

Таковы первые впечатления о ребенке, сообщенные мне Галой. Маринка находится под непосредственным наблюдением со стороны врачей, которые разрешают только непродолжительные свидания матери с ребенком. Но даже в эти короткие мгновения «просыпается» извечное материнское чувство любви к своему ребенку, которое с каждым днем должно нарастать все сильнее и сильнее.

Пройдет еще несколько дней, и я смогу не только увидеть, но и рассмотреть свою дочь. Смогу познакомиться с этим еще незнакомым, но уже родным и дорогим человечком.

До скорой встречи, Мариночка! Чертовски рад тебе!

Не беспокой свою маму! Ей нужно хорошо отдохнуть. Она у нас молодец: не только мужественно перенесла все волнения, связанные с твоим появлением на свет, но даже не издала ни единого звука во время родового процесса.

Я бесконечно благодарен твоей маме и думаю, что ты ее так же полюбишь, как и я.

Будь такой же выносливой, терпеливой, ласковой и нежной, как твоя мама! Хотелось бы, чтобы в этом, а также во многом другом ты переняла лучшие качества своей матери.

10 августа 1974 г.

Два дня тому назад, 8 числа, молодую маму и дочь выписали из больницы.

К 17.00 я подъехал на такси к больнице, передал медицинской сестре вещи Галы и приобретенный к тому времени комплект новорожденного. В нетерпеливом ожидании внутренне готовился к долгожданной встрече.

Через 20 минут двери больницы распахнулись, выпуская в жизнь маленького человечка.

Приняв дочь на руки, я тем самым как бы утвердился в новом для себя статусе отца, который отныне должен заботиться не только о поддержании жизни появившегося на свет еще одного гражданина Вселенной, но и о внутреннем развитии ребенка, а со временем и вполне сознательного, сформировавшегося Человека.

Так состоялось мое первое знакомство со своей дочерью, которая в это время уже успела успокоиться от незнакомого

ощущения неудобств, связанных с пеленанием перед отправкой домой.

Впадая в глубокий сон, Мариночка даже не подозревала, что впервые в своей еще короткой жизни покоится на руках того, кого через некоторое время будет называть папой.

Если бы она только могла видеть минутную растерянность и неописуемую радость на лице своего отца! Но она уже спала, смешно шевеля губками, и не чувствовала пытливого и приветливого взора отца, обращенного всецело на нее.

Какие переживания были у меня в тот момент? Какие мысли промелькнули в помутневшей от радости голове?

Трудно передать все ощущения, испытанные мною именно тогда, когда впервые представилась возможность взять на руки крохотное, беспомощное существо, отныне называемое моей дочерью.

Пытался ли я узреть с первого взгляда черты лица дочери, ища в нем сходство с собой, как это непроизвольно делают многие молодые папаши?

Пожалуй, что нет. Ведь впереди было достаточно времени, чтобы не только внимательно рассмотреть это маленькое чудо природы, но и сделать какие-то сравнения, сопоставления с реальными и воображаемыми чертами бабушек, матери и себя самого.

Даже приехав домой, я не сразу попытался установить неуловимые внешние сходства, а быть может, и отличия ребенка от родителей.

Окружающие меня близкие люди реагировали по-разному, обращая внимание то на папин нос, то на мамины губы. Я же не обнаружил ни того, ни другого. Как это ни странно, но я не нашел никаких ярко выраженных сходств или отличий.

Единственное, что я увидел, – девочка вполне здорова, без каких-либо, по крайней мере внешних, травм, которые подчас возникают при рождении. Это самое главное, а сходства с матерью или отцом, что многих так часто волнует, выявятся в процессе дальнейшего развития ребенка.

Разумеется, каждому родителю приятно обнаружить те или иные собственные черты на лице ребенка. Но не каждый в состоянии понять, что кроме внешних сходств или различий имеются внутренние, требующие своего развертывания потенциальные способности и задатки, которые могут передаваться ребенку от родителей. Их невозможно выявить, всматриваясь в личико младенца, но они составляют тот базис, на котором фактически основывается не только психическая организация ребенка и взрослого человека, но и вся его

последующая жизнь. И это более важно, чем внешние сходства или отличия.

О чертах лица дочери могу сказать лишь следующее.

Губки, как и говорила Галя, действительно хорошо очерченные, словно тщательно вырезанные резцом. Нос несколько расширенный в середине. Бровки и реснички отчетливо просматриваются на фоне розовато окрашенного лица и не совсем черных, но все же темноватых глаз. Щечки пухленькие, выделяющиеся своей приятной округлостью. Между губками и полуовальным подбородком имеется премиленькая ямочка, окаймленная с боков припухлостью щёчек. Ушки небольшие, правильной формы. Чуть вытянутая к затылку головка покрыта не очень темными волосиками. Пальчики на руках и на ногах очень тонкие и длинные. Тельце покрыто лоскутками кожи, напоминая то состояние, когда после длительного лежания под солнцем у взрослого человека начинает «сходить» кожа.

Первый день в домашних условиях девочка вела себя прекрасно. После кормления, во время которого она жадно сосала материнскую грудь, сразу же засыпала. Ночью не плакала, хотя, как оказалось, какое-то время лежала мокренькая. Стоит отметить, что у этого маленького человечка материнское молоко настолько быстро усваивается, что, не задерживаясь, превращается в переработанные продукты, после чего приходится менять пеленки. Это происходит непосредственно в процессе каждого акта кормления. Так продолжалось два дня.

В родильном отделении больницы кормление младенца было установлено шесть раз в день, причем строго по часам: в 6.30, 9.30, 13.00, 16.30, 19.30 и 22.30. Мы попытались поддерживать этот распорядок и дома. Однако на вторую ночь, около 3 часов, Маринка проснулась и своим властным, требовательным, настойчивым и в то же время каким-то жалобным плачем потребовала внести изменение в установленный порядок кормления. Пришлось кормить грудью среди ночи.

Фактически потребовался новый график кормления ребенка. Пришлось кормить его через каждые три часа. Это привело к тому, что ночь для нас стала разрываться как бы пополам, так как кормление грудью одновременно сопровождалось пачканием пеленок, и, следовательно, необходимо было их чаще менять. Стало очевидно, что нам с женой предстоят бессонные ночи, так как малейший шорох ребенка, не говоря уже о плаче, заставляет моментально просыпаться.

У меня и до этого редко был глубокий сон даже при нормальных условиях. Теперь же пришлось окончательно расстаться с мыслью, что удастся выспаться, как следует, в

ближайшее время.

Интересна такая деталь. Гала никогда не жаловалась на сон. До нашей совместной жизни она могла так крепко спать, что даже будильник не способен был ее разбудить. С моим вторжением в ее жизнь сон у нее стал более чутким. С появлением же дочери материнские чувства заботы о малышке настолько обострились, что в первую же ночь дома стоило только Маринке пошевелиться, как жена моментально проснулась и бросилась к детской кроватке.

Судя по всему, материнский инстинкт тревоги за своего ребенка настолько коренится в бессознательном, что сразу же после рождения первенца у матери «вырабатывается» внутренняя готовность, своего рода ответная реакция на малейшие проявления не только беспокойства малыша, но и его жизнедеятельности как таковой.

И это вполне понятно. Кто, как не мать, больше всех беспокоится о ребенке?

Материнские чувства волнения и тревоги, особенно в первые дни и месяцы жизни первенца, предельно обострены. Причем у любящей и заботливой матери они могут сохраниться на всю оставшуюся жизнь. В этих чувствах заложена, по сути дела, природная способность к проявлению заботы, со временем перерастающая в потребность бескорыстно и самозабвенно любить своего беззащитного и дорогого для каждой матери ребенка.

Исключение составляют, пожалуй, лишь те женщины, которые в силу различных причин не испытывают потребности в материнстве. Но отсутствие такой способности относится скорее не к норме, а патологии.

13 августа 1974 г.

Маринка плачет редко, как правило, только перед самым кормлением. Днем это как-то совершенно незаметно, но ночью даже ее непродолжительный плач ощущается во всей своей остроте. В предшествующую ночь удалось поспать буквально урывками, от 0.30 до 2.30 и от 3.30 до 5.40.

В перерывах между этими часами пришлось кормить, подмывать и пеленать ребенка. Оказывается, Маринка не любит особенно то, когда ее пеленают. Она всячески сопротивляется этому. Приходится долго уговаривать ее, постепенно вытягивать ручки вдоль тела и распрямлять ножки, чтобы как следует завернуть девочку в чистые пеленки. При этом Маринка морщится, дергает ножками, пытается засунуть свои пальчики рук в рот и никак не хочет расставаться с той свободой, которая

предоставляется ей в промежутке между пеленанием.

Сегодня Мариночке пошел четырнадцатый день со дня ее рождения. Она довольно быстро реагирует на внешние звуки.

Три дня тому назад я попытался печатать на пишущей машинке, причем очень осторожно. На каждый стук машинки малышка реагирует подергиванием век или открывает глазенки. Во время бодрствования она смотрит перед собой, и создается впечатление, что она не только что-то видит, но и, быть может, даже различает. Правда, скорее всего, это лишь мое впечатление, причем ошибочное, поскольку вряд ли речь может идти о каком-то различении одиннадцатидневным младенцем окружающих предметов.

Другое дело, что когда я начинаю разговаривать с Маринкой, то она замирает, слушает и смотрит на меня.

Два дня тому назад девочке дали соску, которая не пришлась ей по вкусу. На следующий день вновь дали ей соску, но уже немного смоченную материнским молоком. Какое-то незначительное время она стала ее сосать, но потом выплюнула.

Пока девочка не поддается на обман, не принимает соску в качестве иллюзорного удовлетворения. Каждые три часа она властно требует материнскую грудь, которую сосет так жадно, что даже захлебывается материнским молоком.

Для нее сосание груди является напряженным трудом, после чего требуется отдых. Насколько тяжела эта работа, можно судить хотя бы потому, что у Маринки на нижней губе образовалась «трудовая мозоль». Она напоминает собой мозоли на руках взрослого человека, который трудится не покладая рук.

Каждый вечер купаем ребенка в теплой воде. Трудно сказать, что Маринка испытывает при этом. Ясно только одно: процедура купания ей не противна. Девочка совершенно не плачет и спокойно переносит все манипуляции над собой.

Кстати, оказалось, что ни теща, ни жена не рискнули опустить грудного ребенка в воду. Страх не удержать девочку на руках настолько овладел ими, что мне пришлось брать ответственность на себя. И хотя я не имел навыка купания грудных детей, тем не менее вроде бы вполне справился с этой задачей. Во всяком случае, какое-то время именно мне пришлось купать Маринку.

Сегодня первый раз мы помыли с мылом головку девочки. Купание несколько затянулось, но зато после того, как Маринку вытерли полотенцем, она, немного пососав грудь матери, моментально заснула, так и не насытившись грудным молоком до конца. Видимо, те два часа бодрствования перед купанием, когда мы распеленали ее и любовались смешными, но милыми

движениями ребенка, а также сам процесс купания настолько утомили Маринку, что она сразу же впала в глубокий сон.

На второй день после выписки из родильного отделения больницы, то есть 10 августа, мы вывезли Маринку на свежий воздух. Погода стояла хорошая, и было около 20 градусов тепла. Учитывая это, первая прогулка на свежем воздухе была продолжительностью около одного часа. На следующий день пребывание ребенка на свежем воздухе было увеличено до трех часов: полтора часа до обеда и столько же после обеда.

Этот распорядок дня сохраняется до сегодняшнего дня. Видимо, постепенно можно увеличить продолжительность прогулок с ребенком, тем более что средняя температура воздуха к полудню в последние дни приблизилась к 25 градусам.

Во время прогулок на свежем воздухе Маринка, как правило, спит. Надо сказать, что в общем она ведет себя очень спокойно, и если такое же спокойствие сохранится в дальнейшем, то это будет прекрасно.

Единственно, что беспокоит нас, так это ее глазки, которые часто приходится протирать материнским молоком, поскольку наблюдается небольшое «нагноение». Говорят, что это естественное явление, которое в скором времени должно пройти. Хочется верить, что все само собой образуется.

16 августа 1974 г.

Время отсчитывает свою мерную поступь, а вместе с ним растет и младенец. Для семнадцатидневного ребенка время еще не существует. Оно длится сплошным потоком, разрываясь только в часы кормления материнской грудью.

Для ребенка не существует и событий, обрамленных канвой ощутимых изменений, осмысленных переживаний, внутренних треволнений.

Словом, для ребенка еще не прекратилась пора безвременного и бессобытийного существования.

Другое дело родители. Для них время сопровождается нарастающим напряжением бессонных ночей, подчас проведенных у изголовья ребенка. Малейшее изменение в поведении маленького человечка, обусловленное не всегда понятными для взрослых детскими болезнями, заметно отражается на самочувствии родителей, переживающих за здоровье своего ребенка.

Недельное спокойствие Маринки неожиданно прервалось ее окрепшим, пронзительным, истошно-щемящим, разносившимся по квартире в течение двух последних дней криком. Продолжавшийся несколько часов подряд этот крик-плач

свидетельствовал о каких-то внутренних болезненных процессах, происходящих в еще не окрепшем организме младенца.

Внешние проявления этих процессов также не замедлили сказаться. Появились ярко и отчетливо обозначенные признаки «потницы» в виде выступивших красноватых пятен на ручках, шее и тельце дочери.

Вызванный на дом врач выписал первые лекарства, снижающие температуру и устраняющие последствия «потницы». От использования предложенных врачом таблеток мы с женой сразу же отказались. Думаю, нет никакой необходимости вводить в организм ребенка какие-либо лекарства, тем более что нет ничего серьезного.

Любое принимаемое вовнутрь лекарство может иметь самые неожиданные последствия, которые, надо полагать, неизвестны даже самой современной медицине. Поэтому следует по возможности избегать всевозможных лекарств, применяемых при лечении человеческого организма, тем более неокрепшего организма ребенка.

В дополнение к «потнице» обнаружились также первые признаки перестройки кишечника у девочки. Стул стал реже – два-три раза в день. Незначительные запоры, характерные, по всей вероятности, для этого возраста, сказались на общем самочувствии Маринки. Если раньше она плакала только в момент пеленания, то последние два дня она часто кричит своим звонким голоском, успокаиваясь лишь на руках матери или отца.

Посторонний, побыв с ребенком эти два дня, заключил бы, что девочка крайне беспокойная. Но в действительности ее беспокойство является результатом тех болезненных перестроечных процессов в организме, которые, видимо, неизбежны у каждого ребенка в начале своего первого месяца пребывания в этом мире.

На протяжении последующих месяцев, лет организм ребенка будет все время приспосабливаться к окружающим условиям, бороться с различными болезнями и остро реагировать на внешние изменения среды. По существу, вся жизнь – это бесконечная борьба живого организма за свое существование, непрекращающаяся борьба между жизнью и смертью, бытием и небытием.

В первые месяцы существования маленького человечка эта борьба протекает подчас незримо для окружающих, которые не всегда понимают, почему младенец плачет или кричит. Однако для находящихся всегда начеку родителей стремление младенца к проявлению жизнедеятельности столь очевидно, что не вызывает сомнений на этот счет.

Отчаянный и надрывно-требовательный плач Маринки в последние два дня есть не что иное, как внешнее проявление той внутренней борьбы организма младенца, которая ведется им с окружающей средой.

18 августа 1974 г.

Сегодня впервые фотографировали Маринку. Ей всего девятнадцать дней со дня рождения. Жалею, что не смог сфотографировать ее раньше.

Хотелось бы запечатлеть дочь с самого первого появления на свет. К сожалению, подобная процедура у нас не принята, и меня никто бы не пустил в больничную палату, где находятся роженицы. Жаль, что не догадался передать Галине фотоаппарат. Возможно, она смогла бы сфотографировать Маринку тогда, когда девочку принесли ей на первое кормление. Хотя, скорее всего, врачи не разрешили бы ей это сделать.

Заснял всю пленку. Фотографировал Маринку в комнате в различных видах, в том числе и голенькую на столе, на котором стояла ваза с цветами. Девочка у нас «закаленная» и не мерзнет без пеленок, если незначительное время держать ее раскрытой. Воздушные ванны просто необходимы малышке.

Несколько снимков сделал во время ее сна в коляске, при потягивании на кроватке, в процессе кормления, а также на прогулке. Как смешно Маринка причмокивает губками, когда сосет грудь матери! Когда фотографировал ее в этом положении, то поймал себя на мысли, что запечатленная картинка может служить образом истинного материнства.

Как было бы здорово, если бы фотографии получились качественными! Во всяком случае, надеюсь на лучший исход. Ведь когда-то в юношеские годы я увлекался фотографией. С тех пор у меня сохранился старенький фотоаппарат «Смена–3», который оказался вполне пригодным для любительских фотосъемок.

21 августа 1974 г.

В отличие от плача, который можно услышать с первого мгновения появления ребенка на свет, улыбка и смех младенца имеют место позднее.

Когда ребенок начинает улыбаться, смеяться, и чем вызван его первый смех?

Временной интервал со дня рождения до первого проявления улыбки и смеха, разумеется, различен и индивидуален для всех детей. Повод, по которому младенец начинает улыбаться и даже смеяться, может быть самым неожиданным. Больше того, в

первом проявлении улыбки и смеха нет, судя по всему, никаких побудительных внешних причин. Первая улыбка и тем более первый смех непроизвольны и бессознательны.

По крайней мере, у Маринки улыбка и смех проявились самым неожиданным образом. Так, два дня спустя после выписки из родительного отделения больницы я впервые обнаружил, что порой Маринка непроизвольно улыбается. Это произошло во время ее бодрствования после кормления, на одиннадцатом дне ее жизни.

Но только сегодня, когда ей исполнилось двадцать два дня от роду, она по-настоящему громко рассмеялась.

Мы с Галой смотрели телевизор. Мариночка покоилась на руках мамы. Ее взор блуждал в пространстве, а широко раскрытые глаза смотрели как-то по-взрослому серьезно. Оторвавшись от телевизора и посмотрев на дочь, я что-то сказал в шутливой форме по поводу ее вида.

Разумеется, Маринка не могла осознавать не только мои слова, но и сам факт обращения к ней. Однако совершенно неожиданно для нас она вдруг громко рассмеялась. Смех был коротким, непродолжительным и явно без всякого повода, по крайней мере понятного нам. И тем не менее это был первый настоящий смех дочери, который прозвучал около 22.00 вечера.

В тот день Маринка часто плакала и была не совсем здорова, так как днем раньше во время прогулки на сильном ветру «схватила» насморк. Остаток дня она тяжело дышала и сопела своим маленьким носиком. И вдруг мы услышали ее смех, который было трудно объяснить.

Видимо, разумного объяснения просто нет. Мы, взрослые, порой пытаемся подойти к скрытому и непонятному для нас миру ребенка со своими разумными мерками и не всегда способны осознать, что непроизвольные выражения на лице младенца и поступки подросших детей обусловлены их собственными внутренними тенденциями, которые не поддаются расшифровке при помощи логического ключа-сознания взрослого. Поэтому, исходя из сознательных критериев, невозможно понять причину и смысл первого смеха грудного младенца.

Смех младенца имеет бессознательные истоки. Единственное, что я, как отец, могу сделать, – так это констатировать сам факт смеха, зафиксировав день, час и обстановку, когда у Мариночки произошло первое проявление его.

27 августа 1974 г.

Через несколько дней Маринке исполнится ровно месяц со дня рождения. За это время она заметно подросла и окрепла.

Регулярно через каждые три-четыре часа она требует материнскую грудь, которую сосет с каким-то упоением. Создается впечатление, что Мариночка вечно голодная. Даже после очередного кормления она готова тут же вновь прильнуть к груди. Не соблюдает никакой меры в питании.

Трудно сказать, хорошо это или плохо. Разумеется, хорошо, что Маринка не испытывает вялости при еде и не нужно специально напоминать ей об очередном кормлении.

Но необходима ли какая-то мера в употреблении пищи младенцем, в насыщении его грудным молоком?

Видимо, пока Маринка набирается сил, такое «безмерное питание» ей не повредит. Во всяком случае, сегодняшнее взвешивание на весах в поликлинике (первый раз ходили туда для того, чтобы врачи осмотрели ребенка и дали необходимые советы) показало, что девочка хорошо прибавляет в весе.

4,500 кг – таков вес дочери на 28-м дне жизни. Прибавка в весе со дня рождения составила 1,100 кг. Если у Маринки будет такой повышенный аппетит и в дальнейшем, то придется, скорее всего, ввести некоторые ограничения. Но значительно позднее, возможно на втором-третьем году жизни. Пока же можно радоваться, что девочка не страдает от недоедания.

Прибавка в весе сказывается на состоянии здоровья ребенка. У Маринки щечки чуть розоватые, цвет лица хороший. Она стала настолько сильной, что порой ее трудно держать на руках. Девочка делает очень резкие движения не только ручками и ножками, но и всем телом.

Головка ребенка тоже начинает постепенно вписываться в привычные для взрослых представления. Если раньше Маринка совершенно не могла поддерживать головку, то теперь намечаются некоторые сдвиги в этом отношении. Появились первые признаки того, что в скором времени она сможет сама удерживать головку в нужном ей положении.

28 августа 1974 г.

Когда всматриваешься в глаза Маринки, то иногда создается впечатление, что ее зрачки фиксируют какие-то предметы. По крайней мере, если в ее поле зрения попадаю я, то она внимательно смотрит, прислушивается к моим, еще не понятным для нее словам. Но это происходит только в том случае, когда я сам подпадаю под ее взгляд, поскольку она еще не может сознательно поворачивать головку или «вести» взглядом.

Интересно, что порой глаза Маринки способны смотреть в разные стороны. Это – своеобразное косоглазие, которое присуще, видимо, всем детям в этом возрасте и которое впоследствии

пройдет.

Когда Маринка начнет четко реагировать на окружающие ее предметы и фиксировать свой взгляд на них? Когда она начнет различать цвета?

Пока ни того, ни другого не наблюдается.

Сегодня купили детскую игрушку, состоящую из разноцветных шариков. Ее можно повесить над коляской. Пусть наиболее яркие и сочные разноцветные предметы постепенно входят в поле ее зрительного восприятия!

31 августа 1974 г.

Прошел ровно месяц со дня рождения Маринки. Значит, сегодня первый ее юбилей – «одномесячье». Она отметила его по-своему.

Прежде всего Маринка напомнила родителям о своем существовании тем, что ночью бодрствовала и тем самым не дала им поспать.

Все началось с того, что какой-то вежливый, хотя и сумасшедший субъект позвонил по телефону в два часа ночи. После этого звонка трудно было заснуть, а в 3.30 Маринка напомнила о себе, призывно требуя грудь.

На протяжении последнего времени установилась такая практика, что ночью Маринка обязательно должна получить свою порцию молока. В противном случае она никак не засыпает.

Вот и сегодня она потребовала свое ночное кормление. Однако на этот раз она долго не успокаивалась, капризничала, не спала. Маринка заснула только под утро, а в 7.30 снова потребовала материнское молоко. Так девочка отпраздновала свое одномесячье.

Появились первые попытки поднятия головки. Пока не удается поднять головку полностью, но некоторые сдвиги в этом отношении уже налицо. Маринка начинает активно поворачивать головку, особенно в тот момент, когда мы ее купаем или оставляем распелёнутой.

Еще ни разу Маринка не плакала в процессе купания. Правда, когда ее берешь голенькую на руки и поднимаешь для того, чтобы поместить в ванночку, Маринка проявляет беспокойство, напоминающее какие-то боязливые, судорожные подергивания ручками и ножками. Но стоит только опустить ее в воду, как она сразу успокаивается.

В последние дни девочка умудряется сделать в ванночке что-то вроде «мостика». Вообще, чувствуется, что формируется подвижный человечек, в отличие от того новорожденного, которого мы видели в первые дни.

Если до сегодняшнего дня Маринку называли новорожденной, то с данного момента ее следует называть грудным ребенком. Наступило своеобразное «совершенномесячье». Теперь мы имеем дело не с новорожденным, а с грудным ребенком.

Мариночка! От души поздравляю тебя с этой торжественной датой и надеюсь, что в следующие месячные даты и годовщины ты будешь приносить родителям больше радости, чем ночных бдений и забот! С «совершенномесячьем» тебя, Мариночка!

1 октября 1974 г.

Дней десять тому назад Маринка по-своему начала «говорить». До этого она издавала редко какие-то возгласы, особенно во время смеха.

Когда с ней разговариваешь, она внимательно слушает и наблюдает за говорящим человеком.

Однажды я попробовал произнести отчетливо отдельные звуки, обращенные к Маринке. Она тут же начала подражать. Правда, ее имитация звуков пока ограничивается звуком «А-а-а». На любое мое звукосочетание она откликается отрывистым или протяжным «А…».

У нас уже выработался свой собственный язык и проявляется первое взаимопонимание. В последние два-три дня мы «разговариваем» с Маринкой по нескольку раз в день. Каждый такой разговор длится 10–15 минут.

Маринка охотно поддерживает своеобразную беседу, которая доставляет ей огромную радость: она улыбается, а ее лицо светится каким-то внутренним светом. Головка чуть приподнимается, губки вытягиваются, а сама девочка тянется вперед навстречу тем звукам, которые долетают до нее.

Маринка пытается что-то выразить, как бы «сказать» и все свое желание воплощает в единственно доступный ей пока звук «А…», который содержит в себе всю гамму человеческих звуков и все разнообразие смысловых оттенков. Так мы и разговариваем с Маринкой.

В отличие от взрослого, если, разумеется, он не страдает психическими расстройствами, у ребенка происходит очень быстрая смена настроения. Только что Маринка плакала, что называется навзрыд, и вдруг появляется улыбка, а лицо, искривленное гримасой минуту тому назад, обретает вдруг радостное выражение.

Такая смена настроения просто поразительна и, что самое удивительное, совершенно необъяснима, так как с точки зрения взрослой логики трудно понять, почему вызваны плач и улыбка

ребенка.

Изредка, как правило до кормления, переворачиваем Маринку на животик. Первое время она просто «тыкалась» лицом в матрасик коляски. Приходилось переворачивать ее и класть на спинку. Сейчас же девочка в состоянии несколько приподнять головку. Поэтому можно чаще класть ее на животик. Это – своеобразная гимнастика, необходимая для физического развития ребенка.

Сейчас Маринке два месяца. Мы придерживаемся следующего распорядка дня.

В 6.00 (минус 10–15 минут) первое кормление. До 9 часов утра Маринка находится, как правило, в коляске и спит. В 9.00, а иногда и в 8.30, когда Галине приходится идти в университет, – второе кормление. С 9.30 до 12.00 прогулка на улице, во время которой девочка спит. В 12.00–третье кормление. Затем вновь прогулка до 15.00–15.30, после чего кормление и снова прогулка. В 19.00–пятое кормление, бодрствование до 22.00. Наконец, принятие ванны, а точнее купание, шестое кормление и ночной сон.

Такой распорядок стал соблюдаться в течение последнего месяца. Конечно, было бы хорошо, если бы и в дальнейшем удалось придерживаться установленных часов кормления и сна. Но, к сожалению, это, видимо, не удастся осуществить по целому ряду обстоятельств.

Пока моя мама гостила у нас, она способствовала поддержанию установленного распорядка дня. Как только она уедет к себе домой, кое-что придется изменить. Просто не представится такой возможности столько времени быть с Маринкой на воздухе. Галине надо заниматься, чтобы завершить обучение в МГУ, а мне – работать в академическом институте. Что касается сна, то Маринка сама внесет, судя по всему, свои коррективы в распорядок дня и ночи.

У девочки отличный аппетит. В процессе каждого кормления она выпивает по 150 г молока. Так как у Галы много молока, то никаких подкармливающих смесей не требуется.

Когда Гала находится в университете, я кормлю Маринку из бутылочки, куда сцеживается материнское молоко. Это бывает один раз в день, но иногда и два раза.

В последнее время стала наблюдаться любопытная картина. Несколько раз Маринка, начав жадно сосать грудь, вдруг начинала плакать и отказываться от молока. Оказывается, не всякое молоко приходится ей по вкусу.

Мы уже заметили, что стоит поесть матери сливы, виноград или помидоры, как в следующее кормление Маринка начинает

«бунтовать». Аналогичная картина наблюдалась и после того, как Гала поела гранаты. Теперь все это приходится учитывать. Самое лучшее – это соблюдать молочную «диету», точнее больше употреблять в пищу молочные продукты.

Сейчас вес Маринки составляет примерно 6,5 кг. Девочка вполне здорова. Единственное, что беспокоит, так это глаза. После того как она поплачет, накапливается гной. Для лечения врачи прописали 30 %-ный альбуцид. Несколько дней закапывали в глаза это лекарство, но оно не помогло.

Ходили в больницу АН СССР, куда я прикреплен. Врачи прописали другое лекарство-антибиотик левомицетин. Если через две недели не будет положительных результатов, придется показать Маринку другим специалистам. Нагноение глаз что-то затянулось.

Все остальное не вызывает пока особых беспокойств. Стул у Маринки нормальный, без каких-либо отклонений. Сон хороший, настроение более или менее ровное.

Правда, в последние дни Маринка капризничает, что происходит обычно с 21.00 до 22.00. Не понятно, то ли девочка хочет спать, то ли есть какая-то иная причина. В остальное же время ее поведение вполне сносное. Маринка играет ручками, наблюдает за окружающим миром, включая нас, родителей, или спит.

Девочка не любит оставаться одна. Во время ужина нам приходится закатывать коляску на кухню. Маринка спокойно лежит и слушает наши разговоры. Но стоит оставить ее одну, как она начинает плакать.

Маринке не нравится, когда ей начинают одевать шапочку, перед тем как выходить на прогулку. Она громко выражает свой протест.

Пожалуй, это пока все беспокойства, которые девочка причиняет родителям. Любоваться же ею – одно удовольствие.

8 октября 1974 г.

Переворачивание Маринки на животик постепенно входит в норму ежедневных упражнений.

Сперва девочка «тыкалась» носом, но через несколько дней привыкла к новому положению.

Сегодня, будучи положенной на животик, Маринка вполне самостоятельно держала головку. Она попыталась даже дергать ножками, имитируя ползанье по кровати. Вероятно, в ближайшее время она действительно начнет ползать.

В обед девочка выпила 200 г молока. Пожалуй, для двухмесячного ребенка это многовато. Правда, Маринка выглядит

довольно крупным ребенком, и, возможно, организм требует свое.

У девочки такой большой аппетит, что ее маме приходится тратить много времени на то, чтобы сцедить достаточную порцию молока на очередное кормление, перед тем как идти на занятия в университет.

Два раза в неделю приходится запасаться грудным молоком на два кормления, так как у Галы начались семинарские занятия, присутствие на которых обязательно. Это значит, что приходится сцеживать 400 г молока, чтобы быть уверенным, что Маринка не останется голодной.

Разумеется, у нас с Галой много забот и трудностей. У нее остается не так много времени для занятий. И все же необходимо попытаться по возможности с минимальными потерями завершить начатые дела: Галине закончить МГУ и получить диплом о высшем образовании, а мне – завершить написание монографии, которая дамокловым мечом висит над моей головой.

15 ноября 1974 г.

Со дня последней записи прошло больше месяца. За это время не произошло каких-либо существенных изменений.

Маринка продолжает расти и прибавлять в весе.

Сегодня были у врача, который сказал, что девочка довольно крупная для своего возраста и что по виду ее можно принять за пятимесячного ребенка. Ее вес составляет 7,5 кг.

Маринка уже выросла из пеленок. Ее уже невозможно завертывать в них. Впрочем, в этом уже нет никакой необходимости.

Правда, девочка еще не научилась спать со свободными ручками. Днем она умудряется поспать два часа или один час, не просыпаясь, но ночью пока приходится пеленать ее. Скорее всего, это последние дни, когда она будет спать запеленованная. На днях переходим окончательно к ползункам.

Маринка очень любит произносить различные звуки. С самым серьезным видом она может следить за губами взрослых и вслед за ними произносить некоторые звуки. Доходит до того, что во время кормления она неожиданно может остановиться и, отпрянув от груди, начать свой «разговор». Причем она делает это так старательно, так вытягивает губки, что трудно удержаться от улыбки.

Иногда Маринка смеется, что называется, взахлеб. В этих случаях волей-неволей сам начинаешь смеяться.

У девочки щечки пухленькие, ножки выписывают какие-то замысловатые движения. Все это очень трогательно и забавно.

Словом, человечек растет, набирается сил, постепенно учится овладевать своим телом, внутренне ощущает потребность что-то делать. У него вырабатываются первые привычки, стереотипы.

Вечером около 21 часа Маринку тянет ко сну. Мы пытаемся развлекать ее до 22.00, так как по установленному распорядку именно в это время мы купаем девочку. Правда, не всегда удается выдержать этот режим, поскольку иногда она засыпает на 30–40 минут. Поэтому бывают случаи, когда после купания Маринка засыпает не сразу, даже получив определенную порцию молока.

Девочку купаем каждый день. После купания заворачиваем ее в простыню-полотенце, после чего я начинаю растирать девочку. Этот своеобразный массаж пришелся ей по вкусу: Маринка молча лежит и позволяет делать все необходимое для массажа.

Растерев Маринку как следует, я выливаю воду из ванночки, а Гала одевает дочь во все сухое и чистое. Затем девочка сосет грудь. Молока более чем достаточно. Маринка выпивает столько молока, сколько позволяют ее пока ограниченные возможности.

До сих пор ничем не прикармливаем дочку, так как в этом нет необходимости. Грудное молоко – это лучший продукт питания для младенца. Кроме того, судя по набираемому девочкой весу, она в дополнительном питании не нуждается.

После вечернего кормления – сон. Сейчас Маринка спит, не требуя молока, до 6–7 часов утра. По крайней мере, если даже и просыпается ночью, что бывает довольно редко, то через некоторое время снова засыпает.

Когда моя мама была с нами, она, давая возможность нам отдохнуть, находилась с Мариной в другой комнате. При необходимости ночью, если девочка просыпалась, моя мама покачивала коляску. Мы же очень редко качаем коляску, считая, что девочка должна засыпать сама.

Несколько дней подряд Маринка не просыпалась ночью и спала до 7 часов утра. В это время или чуть раньше начинается ее первый завтрак. Часто после этого кормления она снова засыпает на один час или на полтора часа. Около 10 часов у нее второй завтрак, после которого Гала бежит на занятия в МГУ, а я сижу с Маринкой.

Со вторника по четверг я, как правило, занят тем, что до обеда нахожусь с дочерью: меняю ей пеленки или подгузники, кормлю из бутылочки, содержащей сцеженное материнское молоко. Маринка может выдержать уже 4 часа без кормления.

Однажды я не стал будить спящую дочь, когда пришло время очередного кормления, и она не ела 6 часов. Это был своего рода эксперимент, проверка ее выносливости. Эксперимент показал, что девочка может не есть не только привычные 4 часа, но и

значительно дольше.

Разумеется, такие большие перерывы в кормлении (6 часов) ребенка не должны быть пока регулярными, и обычно следует соблюдать установленный распорядок дня. В то же время нет ничего страшного в том, что в случае, когда ребенок не требует есть и мирно посапывает, не стоит его будить ради соблюдения режима. Думается, что соблюдение режима не должно исключать гибкого подхода к жизнедеятельности ребенка.

С 13.00 до 22.00 Маринка пьет материнское молоко еще два раза. Таковы рацион и периодичность кормления нашей девочки.

Что касается прогулок и гимнастики, то они, к сожалению, не так продолжительны, как хотелось бы. Как правило, удается побыть с дочерью на свежем воздухе не более 2–3 часов в день, но иногда прогулки просто срываются. То дождливая погода, то занятия и работа не позволяют выйти на прогулку. Видимо, надо предпринять что-то в этом отношении, чтобы как минимум 3–4 часа быть с дочерью на свежем воздухе.

Гимнастика сводится к переворачиванию Маринки на животик. Во время этой процедуры девочка «мотает» головкой, пыхтит и пытается сдвинуться с места. Пока все ее попытки оказываются безуспешными. Что касается ее головки, то она уже держит ее. Во всяком случае, девочка способна поднимать свою готовку и держать ее какое-то время приподнятой.

До купания Маринка лежит на животике и принимает воздушные ванны, так как мы оставляем ее на несколько минут голенькой или полуголенькой. Таковы первые процедуры закаливания.

Мы стараемся девочку не кутать и одеваем ее в сравнительно легкую одежду. Она вполне здоровая, в меру подвижная и не плакса. Единственное, что она не любит, – так это оставаться одна во время бодрствования.

Ребенок требует внимания и хочет, чтобы рядом с ним находились родители. Причем не только находились, но и разговаривали с ним.

Маринка прислушивается к нашему говорению. Создается впечатление, что она что-то «переваривает» в себе, как бы «обдумывает». По крайней мере, именно так кажется на первый взгляд, хотя умом понимаешь, что до действительного обдумывания еще дело не доходит.

20 ноября 1974 г.

С сегодняшнего дня перешли на пятиразовое кормление, так как Маринка выдерживает 4 часа без молока. Быть может, стоило раньше пойти на этот шаг. Бенджамин Спок, например, считает,

что на пятиразовое кормление можно переходить в более раннем возрасте ребенка. Но, видимо, подход к каждому конкретному ребенку сугубо индивидуален, и все рекомендации врачей носят относительный характер. Родители сами должны чувствовать и решать, когда следует менять режим кормления ребенка, так как они лучше кого-либо другого знают особенности развития и привычки своего малыша.

Маринка потребляет материнское молоко всегда с большой охотой и – что главное – довольно часто сосет пальчики и кулачки. Из этого следует, что она не всегда удовлетворяет сосательный рефлекс, хотя до сих пор кормление осуществлялось, за исключением ночного времени, через каждые 3 часа. Поскольку вес Маринки через 3,5 месяца (за прошедшее время мы только два раза взвешивали девочку) оказался даже чуть больше нормы и поскольку она хорошо переносит четырехчасовой перерыв, то, приняв во внимание эти факты, мы и перешли на пятиразовое кормление.

Кстати, в первые месяцы жизни ребенка считается нормальным прибавление в весе до 1 кг. Однако «норма» – понятие относительное и может варьировать в довольно широких пределах в зависимости от первоначального веса новорожденного и его дальнейшего самочувствия.

Отныне график кормления Маринки стал следующим: 7.00, 9.45, так как в 10 часов утра Гала уходит на занятия, 14.00, 18.00, 22.00.

Составляя этот график, мы исходили не только из того, как лучше для ребенка, но и как удобнее нам с учетом необходимости учебы и работы родителей. Едва ли целесообразно целиком и полностью приспосабливаться к потребностям ребенка. Лучше все-таки, чтобы процесс приспособления был обоюдным, тем более что время родителей ограничено рамками учебы, работы и т. д.

Распорядок кормления ребенка можно составить (без особых усилий и, разумеется, без ущерба для него самого) таким образом, чтобы он если не совпадал полностью, то, по крайней мере, был приемлемым для родителей. Поэтому составление графика кормления ребенка в каждой семье является делом индивидуальным. В этом деле не может быть каких-либо раз и навсегда утвержденных канонов. Конечно, имеются врачебные рекомендации относительно часов кормления ребенка, но последнее слово остается все-таки за родителями, которые составляют соответствующий график, исходя из потребностей ребенка и своих реальных возможностей по уходу за ним.

Недавно в продаже появились апельсины первого урожая

этого года. Поскольку мы еще ничего не даем девочке в качестве дополнительного питания, то пока не можем узнать ее реакцию на апельсины. Тем не менее через материнское молоко Маринка вобрала в себя переработанный продукт апельсинов. Поскольку для нее это был новый «витамин», то через некоторое время проявилась реакция в виде более частого хождения по-большому со специфически желтоватым цветом. Это произошло в тот же день, когда Гала поела апельсины.

Через несколько дней желудок Маринки адаптировался к новому вкусу и составу материнского молока, и ее стул стал опять нормальным. Видимо, по мере усвоения новых продуктов, попадающих в организм девочки через материнское молоко, подобные реакции будут повторяться неоднократно и в дальнейшем. Еще в большей степени они проявятся, по всей вероятности, тогда, когда Маринка станет есть сама все то, что со временем ей будет предлагаться в качестве питания.

Еще один штрих.

В первые месяцы у девочки наблюдалось сильное нагноение глаз. В качестве лечения использовались различные средства. Постепенно нагноение глаз прошло. Уже около двадцати дней все в порядке, и в настоящее время все болезненные симптомы исчезли.

Кстати, Маринка переносила мужественно процедуру закапывания ей в глаза капель. Хотя это было ей неприятно – девочка вертела головкой, – тем не менее она не плакала и буквально через 2–3 минуты после данной процедуры снова могла улыбаться.

Такое стойкое отношение Маринки к подобным процедурам просто похвально. Не каждый взрослый переносит подобное лечение спокойно и легко.

Помню, что аналогичные процедуры доставляли мне неудобство, и ничего приятного в этом не было. Разумеется, во время таких процедур я вел себя спокойно, хотя и ощущал резь, боль и даже внутреннее раздражение.

Быть может, Маринка еще не ощущает ничего подобного? Хотя я неоднократно замечал, что девочка реагирует на иные раздражители.

Можно предположить, что реакция Маринки на те или иные симптомы более избирательная, чем у взрослых. Точный ответ могут дать только соответствующие эксперименты и наблюдения. Экспериментировать в этом плане я, конечно, не собираюсь, но наблюдения можно продолжить.

24 ноября 1974 г.

Обладает ли трех-четырех месячный ребенок сознанием? Может ли он сознательно относиться к чему-то и осознанно совершать определенные действия?

Или, быть может, все его действия являются бессознательными и носят чисто подражательный характер?

В этом возрасте Маринка способна уже «разговаривать» сама с собой, повторять за мной некоторые звуки. Она может вдруг испугаться чего-то и неожиданно расплакаться или засмеяться, увидев, как с ней играют родители. Девочка может улыбаться сама себе.

Разумеется, многие ее действия бессознательны. Но я бы не сказал, что бессознательными являются все ее действия без исключения. Судя по всему, Маринка осознает кое-что, но это «кое-что» настолько относительно и неопределенно, что в большинстве случаев просто невозможно провести грань между бессознательными и сознательными процессами.

Если у взрослого человека сознательные и бессознательные процессы могут быть вычленены и зафиксированы, что, впрочем, не так-то просто осуществить практически, хотя и возможно в принципе, то у ребенка эти процессы фактически неразличимы. Это положение неоднократно отмечалось психологами, физиологами и другими учеными.

Видимо, прав Зигмунд Фрейд, который в «Психологии детских неврозов» замечал, что различие между сознательными и бессознательными психическими процессами у ребенка почти недоступно нам, так как часто просто не решаешься сказать, что следовало бы считать сознательным, а что – бессознательным.

Когда Маринка следит глазами за мной или матерью, когда она радостно улыбается в ответ на мою улыбку, то следует ли расценивать ее действия как бессознательные?

А сколько серьезности, затаенной осмысленности в ее глазах!

Подчас ее глаза приобретают такое хитровато-осмысленное выражение, что просто удивляешься способности этого маленького человечка по-своему «переосмысливать» нечто новое, неизбежно входящее в его повседневную жизнь: то в виде новых игрушек, то в лице новых людей, то в форме новых отношений со стороны родителей.

Сегодня наблюдал следующую картину.

До очередного кормления Маринки оставалось около часа. Она начала причмокивать губками, брать в рот свои кулачки. Чувствуется, что девочка хочет есть. Я дал ей соску, которую она схватила с жадностью.

Через некоторое время Маринка уцепилась ручонками за соску и вытащила ее изо рта. Играя соской, она попыталась взять

ее вновь в рот. После некоторых проб и ошибок, когда соска несколько раз тыкалась то в нос, то в щеку, Маринке удалось поднести ее ко рту. Пососав соску, девочка вновь вынула ее изо рта. Снова долгое время она не могла попасть соской в рот, и после нескольких неудачных попыток соска выпала из рук девочки. Поскольку Маринка не могла поднять соску сама, то мне пришлось вложить ее в руки девочки.

Игра с соской продолжилась. Маринка всовывала соску в рот, вынимала ее и вновь пыталась поймать ротиком. Надо сказать, что Маринке было чрезвычайно трудно «поймать» соску. В большинстве случаев она не могла вложить ее в рот. Лежа в коляске, ей удавалось все же изредка схватить руками соску и подтолкнуть ее ко рту.

Самое главное, пожалуй, состояло в том, что Маринка действовала целенаправленно: ее движения были предопределены конкретной целью. Другое дело, что координация движений была неточной. Строго говоря, наблюдалось отсутствие координации, несоответствие между желанием и его реализацией.

Так можно ли в данном наблюдаемом случае расценивать движения девочки как сознательные или бессознательные?

Скорее всего, правильный ответ может быть таковым. Комплекс желаний и действий ребенка включал в себя как сознательные, так и бессознательные моменты, которые настолько тесно переплетены между собой, что выделение их в чистом виде практически невозможно.

В последнее время Маринка часто грызет кулачки, одеяло, рубашку, все то, что попадает в поле ее зрения и что она может схватить и приблизить ко рту. Вероятно, начинают прорезаться зубки.

Конечно, до появления настоящих зубов еще далеко, но этот процесс, по-моему, начался.

Маринка испытывает постоянную потребность что-то грызть. Когда ей удается схватить какой-либо предмет (соска, резиновое кольцо, кулачки), она сильно причмокивает губками. Скорее всего, раздражаются десны. Требуется определенная работа, чтобы погасить тот зуд, который, по всей вероятности, раздражает девочку.

Впрочем, слово «раздражает» не совсем точно отражает положение вещей. Девочка не проявляет заметного беспокойства. Она не плачет, не капризничает, за исключением незначительных случаев, которые не связаны непосредственно с данной ситуацией, т. е. с прорезыванием зубов.

Пока трудно сказать, как Маринка будет реагировать в

дальнейшем. Наблюдения покажут, насколько легко или, быть может, напротив, тяжело девочка будет переносить процесс начала роста зубов.

27 декабря 1974 г.

6 дней тому назад, т. е. 21 декабря Маринка впервые самостоятельно перевернулась со спины на живот. До этого времени она часто пыталась перевернуться, но это ей никак не удавалось сделать без посторонней помощи.

Можно было наблюдать, как девочка прилагает все усилия, чтобы осуществить переворот тела: пытается, как бы с разгону, размахнувшись правой ручонкой, перевалиться на животик. Однако она ничего не могла поделать с левой ручкой, которая оказывалась помехой, и переворот никак не удавался.

Несколько раз Гала и я помогали Маринке перевернуться на животик. Наконец, 21 декабря она преодолела все преграды самостоятельно.

Теперь Мариночка легко переворачивается на животик, причем делает это с большой охотой. Она может долгое время лежать на животике и в этом новом для себя положении рассматривает окружающий ее мир. Даже ночью девочка стремится изменить свое положение: поворачивает головку, ложится на бок.

Пока еще Маринка не ползает, но предпринимает попытки к этому: дергает ножками, пыхтит, хватается ручками за все. Видимо, через некоторое время начнет ползать.

14 декабря, когда Маринке было 4,5 месяца, мы решили сфотографировать ее, сделав профессиональные снимки. Пригласили специалиста из фотоателье и засняли девочку в разных видах.

Сегодня получили фотографии. Некоторые из них оказались удачными. Маринка выглядит на фотографиях такой пухленькой, большеголовой. Просто прелесть!

В жизни она тоже довольно пухленькая, не рыхлая, а плотненькая. Девочка здоровая, хорошо упитанная, крупная для своих 4,5 месяца.

На днях ездили на физиотерапию. Дело в том, что Маринка родилась со сравнительно большим родимым пятном на спине, расположенном ближе к пояснице. Конечно, в этом нет ничего страшного, но все же мы решили удалить родимое пятно, так как, во-первых, где гарантия, что оно останется таким же, а не станет со временем значительно большим, во-вторых, в более зрелом возрасте девочка может испытывать неудобства от того, что родимое пятно увидят другие люди. Например, это пятно может

быть видно при купании, и девочка будет стесняться раздеться.

В Москве есть специализированная больница (Филатовская), в которой такие пятна удаляют. Мы взяли направление в эту больницу и повезли туда Мариночку.

Процедура прижигания длилась всего 2–3 секунды. К родимому пятну приложили сухой лед, и на этом завершилось первое лечение. Последующие два-три дня ребенка нельзя купать, после чего купание рекомендовано только с добавлением в воду марганцовки. Необходимо 20–25 раз в день смазывать больное место прокипяченным стерильным подсолнечным маслом.

Надо сказать, что во время первой процедуры, то есть когда Маринке приложили сухой лед к родимому пятну, она плакала. Однако, как я полагаю, этот плач не был связан с болью. Девочка только что проснулась и оказалась в непривычной для себя обстановке. К тому же она хотела есть, поскольку перед «операцией» ее не кормили, в результате чего режим кормления сдвинулся на 1,5 часа. Когда Маринку покормили после «операции» тут же в больнице, то она сразу же успокоилась.

В принципе, эту «операцию» следовало бы сделать раньше, а именно тогда, когда девочке было два месяца. Дело в том, что через месяц необходимо будет снова прийти на прием к врачу. В случае неуспешного предшествующего прижигания процедура будет повторена. «Операция» может продолжаться несколько раз, пока врач не добьется благоприятного исхода. Но поскольку ребенок подрастает, то каждая следующая операция будет переноситься им все тяжелее.

Нам остается только надеяться, что все будет хорошо и не придется несколько раз «мучить» ребенка.

8 января 1975 г.

Наступил Новый 1975 год.

Для нас, взрослых, это целое событие, поскольку подводятся итоги прожитого года и намечаются планы на будущий год, высказываются искренние пожелания успехов, счастья, здоровья и как бы вычеркиваются из памяти все печали и невзгоды, имевшие место в прошлом году, хотя, разумеется, их следы всегда остаются.

Для ребенка, особенно для грудного, понятие «Новый год» еще не существует. Он живет своей жизнью, не замечая подобных временных интервалов и перемен. Для него пока нет тех предновогодних приготовлений и новогодних событий, которыми, как правило, окрашена жизнь взрослых людей.

Мариночка еще не ощущает изменений, произошедших в нашем доме. Судя по ее поведению, наряженная ёлка с

зажженными огнями не произвела на нее никакого впечатления. Хотя, быть может, в бессознательных слоях психики зрительный образ ёлки все-таки зафиксировался. Другое дело, что мы, родители, не можем с уверенностью сказать, как и что именно могло зафиксироваться в психике ребенка.

Новогодний подарок также оказался не замеченным Маринкой. А вот для взрослых Новый год преподнес сюрприз: Дед Мороз занес в нашу семью … грипп, обыкновенный грипп, который свалил всех, кроме кормящей матери и ребенка.

Первые дни Нового года отмечены в Москве эпидемией гриппа. Врачи работают с полной нагрузкой.

В нашей семье уже целую неделю болеют четыре человека. В ночь с 31 декабря на 1 января многие из нас пережили «кризис». Температура тела поднималась до 39 градусов.

Сейчас всем лучше. Те, кто лежали, уже ходят. Но грипп пока не покинул нашу семью.

Врачи говорят, что в подобной обстановке грудной ребенок может заболеть, поскольку он тоже подвержен заболеванию. Значит, необходимо быть осторожным при общении с ним. Но, к сожалению, контакт с больными в одной квартире неизбежен, хотя мы стараемся свести его до минимума.

Мы – Гала, я и Маринка – располагаемся в одной комнате. У меня грипп, и Маринка, и Гала, дышат тем же воздухом, то есть микробы гриппа «носятся» прямо в воздухе.

Гала имеет постоянный контакт со мной (вместе спим, едим, разговариваем). Поэтому можно сказать, что условия для заболевания просто идеальные. Однако пока все хорошо: Гала и Маринка здоровы.

Как это можно объяснить?

Четыре взрослых человека заразили друг друга и болеют, а кормящая мать и ребенок не поддаются болезни и остаются здоровыми.

Случайность или какая-то скрытая закономерность?

Быть может, материнское молоко способствует предупреждению заболевания, предохраняет от гриппа и защищает от него?

Быть может, в организме кормящей матери активизируются какие-то защитные механизмы, которые во время грудного кормления защищают от инфекционной болезни как саму мать, так и ее ребенка?

Посмотрим, как будут развиваться дальнейшие события. Хотелось бы надеяться на лучшее. Хочется верить, что мать и малышка останутся здоровыми, несмотря на то что грипп подкосил остальных взрослых в нашей семье, включая меня и

мою маму, которая приехала к нам на Новый год, а также мать и отца Галины.

22 января 1975 г.

Сегодня составили новый распорядок дня и перешли на новый режим кормления Маринки, включающий в себя четырехразовое кормление: в 7.00, 12.00, 17.00 и 21.00.

Ночью Маринка не беспокоит нас и легко выдерживает девять часов без кормления. Поэтому решили укладывать ее спать на ночь не в 22.30, как это имело место до сих пор, а в 21.00 или в 21.30.

Перед этим переходом на новый режим дня несколько раз мы купали девочку в 21.00 и сразу же укладывали спать ее. То, что она на час раньше ложится спать, пока не влияет на время ее пробуждения, которое остается неизменным – около семи часов утра.

Если и в дальнейшем девочка не будет просыпаться раньше семи часов утра, данный режим можно будет сохранить или даже укладывать Маринку раньше 21.00. Дальнейшие наблюдения покажут, как целесообразнее построить распорядок дня.

Двадцать дней тому назад начали давать Маринке яблочный и морковный сок без добавления в него сахара. Девочка ест это новое для нее питание с большим удовольствием.

На днях стали использовать более разнообразное дополнительное питание: днем даем Маринке жидкую манную кашу, а также кефир, творог, которые берем на молочной кухне.

Творог пришелся Маринке не по вкусу, а вот кашу она есть с удовольствием. Причем приучаем есть кашу с ложечки.

Таким образом, постепенно рацион питания ребенка расширяется, и не далек тот день, когда девочка начнет есть твердую пищу.

Прошло двадцать пять дней с момента «проникновения» гриппа в нашу квартиру. За исключением меня, все взрослые в данный момент здоровы. Я нахожусь на стадии излечения: грипп как таковой прошел, но наблюдается непонятная картина, когда симптомом болезни нет, а температура держится на протяжении двух недель в рамках 37–37,3. Врачи не могут поставить точный диагноз, говорят о «неясной этиологии» и необходимости сдачи различных анализов.

В данном случае более важно то, что ни Гала, ни Маринка не заболели, хотя две недели они находились в квартире со взрослыми людьми, заболевшими гриппом.

Не могу сказать, что мы принимали какие-то особые меры, чтобы изолировать мать и ребенка от больных. Более того, в силу

вынужденных обстоятельств я находился постоянно в контакте с женой и дочерью, что создавало все предпосылки для возможного, хотя, разумеется, не желательного их заболевания. Тем не менее как мать, так и ребенок оказались стойкими по отношению к заболеваемости гриппом.

Разумеется, это лишь единичный случай, и из того факта, что Гала и Маринка не заболели, было бы преждевременно делать слишком широкие обобщения и выводы типа «мать и ребенок во время грудного кормления не подвержены инфекционным заболеваниям».

Данный случай может оказаться совершенно нетипичным. Возможно, существуют какие-то другие причины, объясняющие то, почему Гала и Маринка не заболели, находясь в «гриппозной атмосфере». Я лишь зафиксировал действительный факт, который может навести на определенные размышления.

Что касается конечных выводов, то вполне очевидна необходимость в более масштабном наблюдении и проведении исследований на массовом уровне, прежде чем утверждать что-либо категорически.

Действительно ли в организме кормящей матери активизируются противовирусные защитные механизмы, которые выполняют функцию сохранения потомства? Действенны ли они именно у той матери, которая безумно любит своего первенца, или присущи всем кормящим матерям как таковым?

Ответы на эти вопросы могут дать только научные исследования, предполагающие статистическую обработку экспериментальных данных, полученных в ходе масштабных наблюдений за кормящими материями и грудными младенцами в условиях инфекционных эпидемий.

Разумеется, на основе единичного наблюдения можно выдвигать лишь гипотезы относительно активизации защитных механизмов у кормящих матерей в кризисных ситуациях жизни. Нет необходимости абсолютизировать конкретное, что может привести к ошибочным заключениям.

Отмеченный выше случай – лишь необходимый материал для выдвижения соответствующей гипотезы с целью ее дальнейшей проверки на предмет подтверждения или опровержения.

Но факт остается фактом. В «идеальной гриппозной обстановке» кормящая мать и грудной ребенок оказались жизнестойкими по отношению к гриппу, который свалил четырех взрослых людей.

Кстати, эпидемия гриппа охватила многих людей в Москве. Достаточно сказать, что на период гриппа детские консультационные центры и больницы отменили все посещения

грудных детей.

Мы должны были везти Маринку на физиотерапию, точнее осмотр результатов прижигания родимого пятна, но соответствующее посещение больницы было отменено до снятия «карантина».

13 февраля 1975 г.

Почему у одних людей правая рука сильнее, чем левая, а у других людей все наоборот?

Почему развитие человеческого организма идет именно в таком направлении, когда большая нагрузка, большая степень функционирования приходится именно на одну руку, а не на другую?

Почему в одних странах, включая нашу, значительное количество людей являются «правшами», а в других странах, например США, – «левшами»?

Является ли это результатом научения, тренировки, приобретения навыков в процессе постепенного развития ребенка, или имеется врожденная предрасположенность к более развитом функционированию правой или левой руки, обусловленное генетически наследственной структурой человеческой организации, вобравшей в себя эволюционные изменения всех предшествующих поколений?

Было бы наивным полагать, что наблюдения над одним конкретным ребенком смогут дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Тем не менее мне интересно наблюдать, как происходит развитие Маринки в плане развития координации ее движений, в том числе ее рук.

Когда Маринка делала свои первые попытки перевернуться со спины на животик, то ее действия все время были однонаправленными. Не было случая, чтобы она стремилась перевернуться через правое плечо. Все ее попытки сводились к тому, что, сделав размах правой рукой, она прилагала усилия к перевороту через левое плечо. При этом левая рука оказывалась более пассивной и даже мешала осуществлению переворота на животик.

Со временем Маринка без особого труда стала перевертываться на животик. Уже несколько месяцев такие движения и перевороты доставляют ей удовольствие. Но даже сейчас, когда она свободно и без заметных усилий переворачивается на животик, это действие осуществляется исключительно через левое плечо.

Никто не учил Маринку переворачиваться на животик именно таким образом. Более того, мы неоднократно помогали ей

переворачиваться через правое плечо. Но последнее действие она осуществляла только с нашей помощью. Самостоятельно девочка переворачивается только через левое плечо, размахнувшись правой ручкой. К противоположному перевороту она даже не стремится.

Чем объясняется такое однонаправленное действие, когда более активные усилия возлагаются на правую ручку ребенка?

Если учесть, что условия для действия правой и левой руками у ребенка одинаковые, а со стороны взрослых не предпринимались специальные попытки научения и привития определенных навыков для совершения действий по переворачиванию девочки со спины на животик, то придется, видимо, признать, что развитие функций обеих рук ребенка предопределено собственной деятельностью маленького человечка.

История развития человеческого рода, а вместе с ней и история развития отдельного индивида вбирает в себя все целесообразное, способствующее выживанию человеческого организма. Дифференциация функций органов ребенка идет, как и шла на протяжении многих тысячелетий, именно в этом направлении.

Отсюда – специфическое развитие левой и правой рук у каждого индивида с преобладанием функционирующей деятельности той руки, которая в силу каких-то причин (наследственность, культурные особенности, особые обстоятельства?) оказывается более развитой.

Кстати сказать, у меня более сильной является правая рука, в то время как у Галины и правая, и левая. Вместе с тем с детства я был «правшой», в то время как Гала – «левшой», и ее мама переучивала свою дочь делать все правой рукой, считая, что у нее могут быть проблемы в школе.

Ровно в шесть месяцев у Маринки прорезался первый нижний зуб. Перед этим событием несколько дней девочка вела себя беспокойно, но после появления зубика она вновь стала веселой и спокойной.

Через некоторое время у Маринки появился второй нижний зуб. Теперь она грызет все, что попадается ей под руку. Девочка переворачивает соску обратным концом и с большим удовольствием грызет кольцо.

Борта коляски становятся постоянным объектом внимания девочки. Маринка все время тянется к ним и начинает их грызть. Словом, зубки девочки начинают оставлять следы на внешних предметах.

Гала также стала ощущать на себе наличие у Маринки

зубиков, так как во время грудного кормления девочка невольно причиняет боль маме.

22 мая 1975 г.

Прошло чуть более трех месяцев со дня последней записи в дневнике.

Этот временной разрыв обусловлен тем, что в последнее время пришлось много сидеть за печатной машинкой, так как к 20 мая я должен был сдать рукопись книги о психоанализе и неофрейдизме в «Политиздат».

С большим трудом удалось завершить в срок данную работу, хотя, видимо, придется обращаться еще не раз к рукописи, прежде чем она превратится в публикацию книги, что, быть может, произойдет в 1977 году.

За эти три прошедших месяца Маринка подросла. Она так и не научилась ползать, зато месяца два тому назад начала вставать, держась за кроватку, на ножки. Теперь девочка вовсю бегает по кроватке, перебирая ручками по ее ограждению.

Во время прогулки уже нельзя оставлять Маринку одну, без присмотра. Девочка «выпрыгивает» из коляски, встает на ножки и прыгает на месте. Она любит, уцепившись за верх коляски, стоять в ней и смотреть по ходу движения. При этом Маринка улыбается, что-то бормочет и издает радостные возгласы.

Если раньше во время прогулки девочка большей частью спала, то теперь она спит крайне редко, особенно в послеобеденный период, и старается все внимательно рассмотреть, будь то прохожие, деревья, дома или другие предметы, попадающиеся в ее поле зрения.

Как все дети, Маринка крайне любопытна, любознательна. Ей хочется все потрогать своими ручками, попробовать на язык, погрызть зубками. Это приводит нередко к непредвиденным последствиям.

Так, недавно Маринка стала «жертвой» своих собственных действий. Она пострадала на почве любви к искусству.

Несколько раз мы пододвигали ее кроватку к пианино так, чтобы, встав на ножки, она могла дотянуться пальчиками до клавиш и «поиграть». Это занятие отвлекало ее, и она с большим удовольствием «играла» на пианино.

Но однажды, играя одной ручкой, она потянула на себя крышку пианино другой ручкой и, естественно, сильно ударила крышкой по своим пальчикам. В результате удара образовалась ранка между большим и указательным пальчиками.

К счастью, все обошлось благополучно, без каких-либо серьезных последствий. Тем не менее ранка долго не заживала,

поскольку Маринка срывала бинт с поврежденного места. Ей хотелось двигаться, и ее ручки приходили в постоянное движение.

Таковы бывают непредсказуемые последствия человеческих деяний.

В данном случае Маринка действовала спонтанно, пытаясь удовлетворить свое любопытство и тем самым познать окружающий ее мир.

Мы, родители, хотели сделать как лучше, то есть приобщить Маринку к миру музыки. Но, к сожалению, не предусмотрели того, что могут быть непредвиденные последствия в виде возможной травмы, которую может нанести себе ребенок в силу отсутствия опыта обращения с теми или иными предметами.

Аналогичная картина может иметь место в целом ряде случаев не только в жизни маленького ребенка, но и в действиях взрослых людей, которые, казалось бы, должны предвидеть не только позитивные, но и негативные последствия своих решений. Нередко приходится сталкиваться с тем, что направленные в нужное русло практические действия человека неожиданно приводят к совершенно противоположным результатам.

Типичным примером в этом отношении могут служить решения и действия, принятые и осуществленные в одной из стран мира. Чтобы избавиться от воробьев, уничтожавших посевы риса, в Китае решили избавиться от этих пернатых. Их сгоняли с насиженных мест, производя неимоверный шум. Эта кампания проводилась одновременно по всей стране, в результате чего бедные воробьи частично погибли, не имея возможности отдохнуть от перелета, а частично улетели за пределы страны.

Казалось, было найдено верное решение по спасению урожая риса. Однако в результате подобных действий урожаю риса был нанесен еще больший ущерб. Дело в том, что воробьи уничтожали личинки насекомых, но поскольку их «изгнали» за пределы страны, то насекомые расплодились в таком количестве, что в буквальном смысле «сожрали» все посевы риса. Негативные последствия ранее принятых сознательных решений оказались совершенно непредвиденными и катастрофическими для этой страны.

Случай с Маринкой не идет, разумеется, ни в какое сравнение по масштабности последствий с тем, что произошло в Китае. Да и приведенный здесь исторический факт – всего лишь иллюстрация того, как трудно предвидеть все последствия наших действий, тем более что, как правило, человек нацелен на получение позитивных результатов и не хочет или не может предусмотреть возможность возникновения негативных

последствий своих действий.

В случае с Маринкой мы, родители, пережили тревожные минуты и часы, сопряженные с беспокойством за исход тех ее действий, которые мы не смогли предусмотреть. Ведь в том, что произошло с девочкой, виновата не она сама, а мы, взрослые люди, оказавшиеся столь недальновидными в своем стремлении приобщить ребенка к музыке таким способом, который обернулся для нее травмой.

31 июля 1975 г.

Сегодня у Маринки День рождения. Ей исполнился один год. Целый год жизни маленького человечка.

Разумеется, эта дата не фиксируется в сознании ребенка, не воспринимается им. Для него время исчисляется промежутками от кормления до прогулки и снова до кормления. Причем даже этот поток времени не фиксируется с достаточной четкостью и очевидностью.

По крайней мере, подобное восприятие времени особенно характерно для Маринки.

Довольно часто, как только приближается время кормления, многие дети начинают испытывать нетерпение. Они становятся беспокойными, капризными, хнычут и плачут.

Маринка же не реагирует на определенный час кормления, не реагирует даже тогда, когда в это время кто-нибудь из нас находится рядом с ней. Практически она не просит есть и не капризничает даже в том случае, когда по каким-либо причинам нарушается установленный распорядок дня.

В то же время Маринка охотно ест, если ей предлагают питание, и редко отказывается от какой-либо пищи. Так что поток времени, разбиение его на интервалы мало ощутимы для нее, за исключением того периода, когда девочке хочется спать.

С июля-месяца мы обитаем на даче, правда, не на своей, поскольку как таковой ее нет у нас.

Для Маринки отдых на даче прекрасный. Она разъезжает в коляске по окрестным местам, переступает своими ножками по тропинкам, знакомится с ранее неизвестным ей миром природы, срывает цветы, травинки, листочки.

Погода стоит теплая, и девочка гуляет в маечке и трусиках, принимает солнечные ванны.

Солнце мало воздействует на ее кожу. Девочка по-прежнему беленькая, отчасти даже бледненькая. На фоне других загорелых малышей Маринка выглядит такой нежной, интеллигентно-бледной, как будто совсем не бывает на воздухе.

Судя по всему, девочка унаследовала цвет кожи от папы, который никогда не отличался румянцем.

Однако, несмотря на то что внешне Маринка выглядит бледной, свежий воздух на даче оздоровительно действует на нее. Она быстро засыпает, всегда пребывает в хорошем настроении, не страдает отсутствием аппетита. А это, пожалуй, самое главное для ребенка, тем более что в летние месяцы есть возможность предоставлять ему натуральные витамины, содержащиеся в моркови, репке, свекле, различных ягодах.

В общем, отдых на даче способствует укреплению здоровья ребенка, и если есть такая возможность, то надо использовать ее как можно чаще.

К сожалению, у нас нет своей дачи. Правда, обстоятельства сложились так, что в этот летний сезон мы обеспечены свежим воздухом и дачным отдыхом.

У Галы много грудного молока, хотя сама она худенькая и стройная. Начиная с мая-месяца она кормит грудным молоком еще одну девочку, то есть является молочной мамой для другого малыша. Поскольку летом нецелесообразно отрывать ребенка от груди и лишать его материнского молока, то нас всей семьей пригласили на дачу, чтобы сочетать приятное с полезным.

Трудно подсчитать, сколько грудного молока выпивает Маринка. Если учесть, что для другой девочки Гала сцеживает ежедневно от 200 до 400 граммов молока, то приходится констатировать, что у нее очень много материнского молока.

Это не такое уж частое явление в наше время. У большинства матерей молоко пропадает в первые полгода.

У некоторых молодых матерей оно «перегорает» через несколько месяцев, что может быть вызвано или неправильным сцеживанием, или неправильным режимом питания, или физиологическими особенностями организма кормящей матери, или какими-либо другими причинами, связанными, например, с

пережитым стрессом.

У других матерей «пропажа» грудного молока связана с установкой молодой матери на свободу от режима кормления, на «сохранение» красивой формы груди.

Кстати, две последние установки являются, на мой взгляд, иллюзорными, ошибочными. Они формируются в сознании молодой матери только потому, что она не до конца оценивает всю значимость грудного кормления для ребенка и имеет неадекватное представление о «свободе от», при котором не учитывается такой важный момент, как «свобода для».

С одной стороны, освобождаясь от кормления грудью и переходя на искусственное питание ребенка, мать тем не менее не освобождается от приготовления пиши для малыша, на что требуется даже больше времени. «Освобождение» происходит только в том отношении, что мать может снимать с себя обязанности по приготовлению пищи и перекладывать их на плечи других людей – бабушек, дедушек и иных помощников.

Но, «освобождаясь» таким образом от ребенка, молодая мать освобождает себя от непосредственного процесса воспитания малыша. Ведь кормление ребенка – это не только физиологический акт принятия пищи, но и воспитание, в процессе которого формируются поведенческие установки маленького человечка. В этом процессе воспитания мать должна, обязана принимать активное участие, тем более что она лишается такой возможности, когда ребенка отдают в ясли, детский сад.

С другой стороны, страх утраты красивой формы груди в процессе длительного кормления ребенка грудным молоком основывается на предвзятом мнении о прямолинейной зависимости между этими составляющими, не говоря уже о том эгоизме, который может присутствовать у матери, готовой ради сохранения прежней формы груди пожертвовать здоровьем своего ребенка.

Но сохранение красивой формы груди – а это, разумеется, важно как для молодой матери, так и для любой женщины – зависит не от того, перестала ли мать кормить своего ребенка грудью через несколько дней или несколько месяцев после рождения малыша. Это зависит, скорее, от того, насколько правильно и умело она производит сцеживание оставшегося от кормления молока и следит за гигиеной тела.

Здесь на помощь молодой матери должны прийти медицинские, косметические консультации, если у нее не срабатывает материнский инстинкт или он оказывается преломленным через призму каким-либо образом сформированного предвзятого мнения.

Красота и здоровье матери – важные моменты в жизни не только самой матери, но и ее ребенка. Многое зависит от того, насколько молодая мать подготовлена к материнству.

Если молодая мать придерживается установки, согласно которой кормление грудью ребенка приводит к утрате красоты ее груди, то на первом месте у нее окажется не ее ребенок, а собственная грудь, в результате чего она предпримет все для того, чтобы перейти на искусственное кормление ребенка.

Если молодая мать имеет верное понимание функций кормления, возможностей сохранения и обеспечения красоты тела, эстетического восприятия прекрасного, то она не станет искусственно прерывать грудное кормление ребенка ради своего собственного комфорта.

К сожалению, в нашей литературе мало внимания обращается на эту важную подготовку девушек и молодых женщин к материнству.

19 августа 1975 г.

Маринка с удовольствием бегает по траве, срывая травинки и пробуя их на язык. Ей непременно хочется схватить что-то, сорвать и запихнуть себе в рот. Причем она проделывает это с большой радостью.

Стоит только освободить девочку от ремешков коляски и опустить на землю, как тут же она пытается бежать и останавливается только тогда, когда хочет подобрать что-то с земли.

Маринка начала ходить как-то незаметно. Сейчас трудно даже определить день, когда она сделала свои первые шаги, тем более побежала.

Пожалуй, ее первые, связанные с попытками ходьбы опыты начались в конце девятого – начале десятого месяца жизни.

Будучи еще в Москве, а не на даче, в конце девятого месяца Маринка сделала свой первый самостоятельный шаг. Через несколько дней она уже могла делать пять-шесть небольших шажков.

Отталкиваясь спиной от дивана, Маринка тянулась ко мне, а я, отступив от нее и протянув руки, как бы подталкивал ее к проявлению самостоятельности. Так девочка стала делать пять-шесть шажков, прежде чем дотягивалась до моих рук.

Это занятие ей очень понравилось, и она могла уже делать несколько самостоятельных шажков без помощи взрослых, перебирая ножками от дивана к стулу, кроватке и обратно.

Однако однажды Гала или ее мама недосмотрели за Маринкой, и она, видимо, сильно ударилась обо что-то. В

результате этого инцидента девочка стала испытывать страх и не решалась на самостоятельное хождение, если даже кто-нибудь из взрослых пытался ее «подтолкнуть» к подобным действиям.

Испытывая удовольствие и смеясь, Маринка могла не только шагать, но и бегать по квартире, правда, только в том случае, если ее держали за одну ручку. Все попытки взрослых освободить свою руку и вынудить девочку к свершению самостоятельного хождения завершались неудачей. Маринка судорожно цеплялась своими ручками за руки взрослых или их одежду и даже начинала плакать. Держась же за что-нибудь или за кого-нибудь, она могла перебирать своими ножками и шагать долгое время.

Так продолжалось несколько месяцев. И только на даче Маринка обрела вновь уверенность и, позабыв прежние страхи, стала не только шагать, но и бегать.

Незадолго до дня рождения дочери Гала гуляла с ней по асфальтовой дорожке и не успела подхватить ее во время, в результате чего девочка упала, стукнувшись лицом об асфальт. Мариночка разбила себе нос и лоб настолько сильно, что пошла кровь.

След от этого происшествия долго оставался на лице девочки. Ребенок опять стал испытывать чувство страха и не решался на самостоятельное хождение.

Долгое время Маринка боялась остаться одна, без опоры на чью-либо руку. Даже тогда, когда я специально ставил ее на ноги и отходил от нее, девочка начинала плакать. Мне приходилось легко подталкивать дочь вперед, чтобы она стала самостоятельно ходить. Все это происходило, разумеется, не на асфальте, а на траве.

Первое время, плача и ища поддержку, Маринка осторожно и нехотя перебирала ножками. Затем через какое-то время ее страхи остались позади, и она снова стала бегать. Правда, перед этим несколько вечеров перед сном во время прогулки мне приходилось прилагать все усилия к тому, чтобы Маринка смогла преодолеть тот закономерный страх перед самостоятельным хождением, который возник у нее в результате полученной травмы, причинившей ей боль.

К середине августа-месяца девочка делала уже 150–200 шагов, прежде чем теряла равновесие, оступалась и падала или останавливалась в нерешительности. Постепенно ее самостоятельное хождение становилось все более продолжительным и приятным занятием как для нее самой, так и для нас – родителей.

После такой работы (для Маринки самостоятельное хождение было приятным занятием, но в то же время тяжелым трудом)

девочка моментально засыпала. Судя по всему, физическая нагрузка для нее была столь большой, что после продолжительного самостоятельного хождения ее организм требовал отдыха. Поэтому, особенно в первые месяцы ее самостоятельного хождения, мы позволяли дочери делать это, как правило, во время вечерних прогулок, что способствовало ее хорошему сну.

10 сентября 1975 г.

Дачный сезон закончился. Два летних месяца, на протяжении которых мы были на даче, пролетели незаметно. Погода стояла неплохая, и Гала с Маринкой хорошо отдохнули.

Разумеется, полноценный отдых был лишь у Маринки, которая, не осознавая того, дышала свежим воздухом и питалась витаминами.

В середине августа несколько дней выдались холодными. Ночная температура воздуха опускалась до 5 градусов тепла. Так как мы жили в мансарде, которая не отапливалась, то нам пришлось пережить несколько холодных дней и особенно ночей.

Маринка вела себя молодцом, хотя ей приходилось спать при температуре всего лишь 9 градусов тепла.

Казалось бы, годовалого ребенка нельзя держать в таких условиях, так как простуды и болезни легко могут овладеть не приспособленным к холоду организмом.

К середине ночи и к утру действительно было холодно. Утром, часов в пять, приходилось брать Маринку из ее кроватки и класть к себе в постель, чтобы согреть девочку.

И тем не менее «испытание» на стойкость и выносливость Маринка выдержала. Она не хныкала и не заболела. Единственное, что дало знать о себе, – так это более частая, по сравнению с теплым временем, смена штанишек.

Если к середине лета девочка научилась проситься по-маленькому, что обычно сопровождалось призывным звуком «Бу-у-у!», то в холодные ночи Марина мочила штанишки 2–3 раза без всякого предупреждения.

Такое поведение девочки было вполне естественным, так как холод вызывает более частое хождение детей по-маленькому.

Думаю, что Маринка сумела выдержать закалку холодом по двум причинам.

Во-первых, мы никогда не кутали девочку. Скорее, напротив, стремились одевать ее как можно легче, так что на фоне других малышей, чересчур заботливо опекаемых мамами и бабушками, она выглядела всегда легко одетой.

Во-вторых, девочка по-прежнему с большой охотой сосет

грудь мамы, и во время холодов мы давали ей грудного молока больше, чем в обычные дни. Ведь грудное молоко является, как мне думается, лучшим лекарством от всех болезней простудного характера. Причем оно может рассматриваться не только как лекарство, но и в качестве средства защиты, предохранения от возникновения различных болезней.

Все это способствовало тому, что холодные дни и ночи не отразились на здоровье ребенка.

Поэтому, пережив несколько холодных дней и ночей (чуть больше недели), с наступлением теплой погоды Мариночка вновь играла и бегала среди деревьев, радовалась простору и возможности самостоятельно ходить, рвать цветы и даже валяться в траве.

Где-то к восьми месяцам мы научили Маринку проситься как по-маленькому, так и по-большому.

Обычно родители берут на руки своих детей или сажают их на горшок и, говоря «пис-пис», пытаются заставить ребенка сходить по-маленькому. Ребенок приучается реагировать на определенные звуки, что со временем перерастает в привычку.

Мы решили отказаться от привычного «пис-пис». Было замечено, что после того, как девочка писала в штанишки (колготки), она, часто осматривая результаты сделанного, говорила «Бу-у-у!». Эти звуки стали использовать и мы.

Задача состояла в том, чтобы приучить девочку говорить «Бу-у-у!» до, а не после совершения определенного акта.

Вскоре это удалось, и теперь, прежде чем сделать в штанишки, Маринка говорила «Бу-у-у!», тем самым давая нам знать, что она хочет писать.

В результате подобного научения к середине лета, то есть примерно в годовалом возрасте ребенка, мы добились того, что за целый день Маринка ни разу не мочила штанишки. Разумеется, это намного облегчало наш труд по уходу за девочкой.

Правда, во время холодных дней и ночей этот процесс, вернее порядок, несколько нарушился. Однако с наступлением погожей погоды все вошло в свою норму.

Чтобы ночью Маринка оставалась сухой, мы стали прибегать к следующим действиям.

В 20.00 девочку укладываем спать, что, как правило, делает мама. Затем в 22.00–22.30 берем ее из кроватки на руки и тихо говорим: «Бу-у-у!» Девочка, не открывая глазки, освобождается от излишней жидкости и затем спокойно продолжает спать до утра. Так постепенно Маринка стала приучаться к порядку.

Бросается в глаза одна любопытная деталь, связанная с поведением девочки. Маринка стала понимать, что, как только

она произносит «Бу-у-у!», то есть просится по– маленькому, ее сразу же берут на руки и помогают освободиться от соответствующей нагрузки и напряжения. И через какое-то время девочка начала пользоваться приобретенными «знаниями».

Если ей надоело играть одной и хочется, чтобы ее взяли на руки, она тут же говорит «Бу-у-у!», тем самым призывая к себе родителей. Таким обманным путем Маринка добивается того, чтобы на нее обратили внимание.

Поскольку мы стараемся брать ее на руки как можно меньше, если в этом нет никакой необходимости, и считаем, что ребенок не должен попадать в излишнюю зависимость от родителей, то приходится внимательно следить за тем, когда Маринка хочет действительно по-маленькому, а когда прибегает к своеобразной детской хитрости.

Во всяком случае, подобное поведение дочери свидетельствует о том, что годовалый ребенок способен делать какие-то определенные, хотя и неосознаваемые «выводы». Он подмечает, что родители подходят к нему на привычный звук, и произносит его не только тогда, когда должна произойти определенная реакция организма, но и тогда, когда ему просто хочется видеть родителей или оказаться на их руках.

В головке маленького человечка уже совершаются умственные операции, своеобразные умозаключения, когда он не просто кричит, призывая к себе родителей, а издает именно тот звук (он может быть произнесен им тихо, негромко), на который родители откликаются. И ребенок знает, что именно на этот звук родители должны подойти к нему.

23 сентября 1975 г.

То, что годовалый ребенок реагирует на слова и жесты родителей, не вызывает сомнений. Причем его сообразительность распространяется значительно дальше простого зова родителей, когда ребенок хочет, чтобы взрослые обратили на него внимание.

Недавно мы провели своеобразный эксперимент. Марина знает, что такое ботинки, ее туфли. Она называет их особым словосочетанием. На ее языке ботинки – это «бап-пы». Подчас это звучание можно спутать с тем, когда она говорит «па-па», хотя мы уже научились понимать оттенки ее слов, и когда она произносит «бап-пы», это означает, что речь идет именно о ботинках, а не о чем-то ином.

Мариночка находилась в комнате вместе с нами. Здесь же, в уголке, стояли ее ботиночки. Кто-то из нас сказал: «Мариночка, принеси ботиночки!» Она посмотрела на нас, повернулась, побежала туда, где стояли ее ботиночки, взяла их в ручки и

принесла нам.

В то время девочке было 10,5 месяца.

Несколько позднее, примерно в один год и один месяц, Маринка смогла выполнить более сложное задание.

Девочка находилась в одной комнате, а ботинки – в другой комнате. Она захотела взять в руки какую-то игрушку. Но ей сказали: «Принеси ботиночки, и тогда можешь взять игрушку». Маринка побежала в коридор, затем в комнату, где лежали ботиночки, и, взяв их в ручки, принесла нам, после чего взяла игрушку.

В последнем случае реакция на слово «ботиночки» и на нашу просьбу принести их сопровождалась более сложным действием.

Можно ли сказать, что в головке девочки родилось вполне осознанное умозаключение («если принесу ботиночки, то получу игрушку»), предопределившее ее последующие действия? Как бы там ни было, но факт остается фактом: девочка выполнила то, о чем ее попросили.

1 октября 1975 г.

В возрасте одного года и двух месяцев мы были вынуждены отдать Мариночку в детские ясли. Конечно, не хотелось делать этого, но у нас не было другого выхода.

Большинство детей, как правило, заболевают, побывав в детских яслях всего лишь несколько дней. Мы это понимали, однако, к сожалению, начиная с сентября-месяца у нас не было возможности находиться с Маринкой все дни.

Гала завершает последний год учебы в МГУ, ей предстоит написать диплом и подготовиться к сдаче государственных экзаменов. Я продолжаю свою работу в одном из институтов Академии наук, что отнимает много времени. В такой ситуации мы решили попробовать отдать Мариночку в ясли-сад, находящийся в подчинении Академии наук, тем более что он расположен в том же доме, в котором мы живем.

Почему многие дети, если почти не все, заболевают в яслях?

Причин, конечно, много: и недостаточность общего физического развития, и неподготовленность ребенка к новой жизни, и резкая смена психологического климата от индивидуальной опеки к групповому присмотру, и разно контактная среда, способствующая распространению инфекций. Но главное – это, если так можно выразиться, «наследственная отягощенность» подобных детских заведений.

Предположим, что в ясельную группу поступило 15–17 вполне здоровых детей, что как раз и имело место в данном академическом ясли-саде. Через некоторое время по тем или

иным причинам заболевает один ребенок, причем он может простудиться или подхватить какую-либо инфекцию на стороне, то есть в домашних условиях или на прогулке в выходные дни, когда находился вне яслей. Причем сама болезнь активно проявилась и стала заметной взрослым, скажем, на второй день, хотя ребенок был уже вирусоносителем в предыдущий день.

Заболев, данный ребенок не посещает ясли, но простудное или иное заболевание незаметно уже коснулось других детей. Началась цепная реакция, и образовался замкнутый круг.

Выздоровев, ребенок приходит снова в ясли, но тут же может оказаться подверженным заболеванию, поскольку, несмотря на все старания врачей, в ясельной группе создается и поддерживается нездоровый климат. Я не говорю уже о том, что, к сожалению, некоторые воспитатели сознательно идут на то, чтобы, прибегнув к определенным методам, уменьшить количество детей в своих группах и тем самым облегчить себе жизнь.

Известен такой случай, когда одна молодая воспитательница жаловалась старшей, пожилой воспитательнице на то, что в ее группе слишком много детей и она едва справляется со своими обязанностями. В свою очередь последняя сказала первой, что у нее нет особых проблем, поскольку в ее группе меньше детей. Тогда первая воспитательница с недоумением спросила, как так, поскольку по количеству детей обе группы примерно равны. На это старшая воспитательница пояснила, что она открывает форточку в спальне детей именно тогда, когда они пробуждаются после дневного сна, и, следовательно, еще тепленькие оказываются на легком ветру, в результате чего на следующий день не все приходят в ясли.

Мне эту историю рассказывали несколько лет тому назад. Правда, я был уверен, что, в отличие от районных садиков, подобная ситуация невозможна в академическом детском учреждении.

При этом я исходил из того, что каждый ребенок обязательно должен переболеть, прежде чем в его организме сформируются защитные механизмы, способствующие его адаптации к новой окружающей среде. Исключение составляет небольшой процент детей, организм которых от природы оказывается более устойчивым к подобным сменам жизненной среды обитания.

Когда впервые мы привели Мариночку в ясли, то стало ясно, что она может заболеть, и притом в ближайшее время. У некоторых детей были остаточные явления насморка. Судя по всему, они только что перенесли простуду.

Но нам ничего не оставалось делать, как только надеяться на

лучшее. Тем более что мне с большим трудом удалось добиться места в яслях для Маринки, поскольку в академическом детском саде была большая очередь, в которой я уже стоял какое-то время.

Когда Гала и я уходили из яслей и оставляли Маринку там, она не плакала. Напротив, девочка с радостью пошла к новым игрушкам и другим детям, с которыми ей предстояло общаться.

В первый день Мариночка оставалась в яслях всего несколько часов, с утра и до обеда.

Известно, что далеко не все дети быстро привыкают к новой для них обстановке и далеко не все являются настолько общительными, чтобы, расставшись с родителями, с первых же часов пребывания в новом коллективе «забыть» об их существовании. Говорят даже о том, что ребенок может быть «ясельным» и «неясельным».

Маринка оказалась «ясельным» ребенком. Воспитательница сказала, что в первый же день девочка чувствовала себя прекрасно. Она хорошо ела, не плакала, была общительной с другими детьми, ни разу не намочила штанишки. «Ребенка можно приводить на целый день», – подвела итог воспитательница.

Так состоялось первое «вхождение» Маринки в новую для нее среду. Судя по словам воспитательницы, коммуникационных или каких-либо других сложностей не предвидится. Девочка действительно общительная, быстро сходится с другими детьми и увлеченно играет с ними, легко идет на руки к воспитательнице и приветливо улыбается.

Кстати сказать, такое поведение Маринки заставляет взрослых обращать на нее внимание, так как невозможно оставаться равнодушным, когда ребенок улыбается тебе и машет из коляски ручкой.

Быть может, такая общительность девочки является наследственной, поскольку мама Галы говорит, что в детстве ее дочь была настолько общительным ребенком, что разговаривала с любым незнакомым человеком и была рада всем, кто бы не взял ее на руки.

Посмотрим, что будет с Маринкой, когда она подрастет, и сохранит ли она в подростковом возрасте подобную общительность.

4 октября 1975 г.

Первые три дня пребывания Маринки в яслях прошли благополучно. Она веселая, жизнерадостная, и, судя по всему, ей понравилась новая обстановка. Воспитательницы довольны своей подопечной и даже ставят ее в пример другим детям: Маринка за три дня ни разу не намочила штанишки. Девочка спокойно играет

с игрушками, правда, иногда отбирает понравившиеся ей игрушки у других малышей.

Как и все дети, Маринка любит играть. Наблюдая за ней, можно сказать, что есть определенные виды игровой деятельности, которые особенно нравятся девочке.

Два-три месяца тому назад Маринка стала брать куклы в руки и не просто «таскать» их за собой или перекладывать с места на место, а «осмысленно» манипулировать ими. Она берет куклу или какую-либо другую игрушку, будь то резиновая собачка, кошка или слоник, кладет ее на ручки и начинает укачивать, говоря «А-а-а!». Видимо, слыша, как мама укачивает ее иногда, девочка начинает подражать ей и, таким образом, научается исполнению материнских функций.

Эта игровая деятельность нравится девочке, и она охотно выполняет ее даже в том случае, когда ее специально просят об этом.

Другое любимое, быть может, самое любимое занятие – рассматривание картинок в детских книжках.

Мы дали Маринке три небольшие книжки на немецком языке (за неимением других, таких же красочных). Девочка часто берет эти книжки в руки, перелистывает их, подходит к маме и папе, просит их почитать.

Она любит, когда кто-нибудь из нас рассказывает ей о картинках. При этом Мариночка сама перелистывает книжки, что-то говорит и показывает пальчиком на рисунки.

Еще одна склонность девочки – улавливание музыкальных мелодий и совершение ритмичных движений.

Когда Маринке было пять-шесть месяцев, мы заметили, что она любит слушать музыку. Несколько позднее она не только слушала музыку, но и, сидя в кроватке, раскачивалась, словно хотела попасть в такт. Девочка качала головкой в такт музыки, поворачивала корпус тела, делала полувращательные движения кистями рук.

В возрасте около года Маринка делала неглубокие приседания в такт музыки, поднимала ручки, иногда что-то напевала. В один год и один месяц она начала кружиться под музыку.

Сейчас стоит лишь включить радио, телевизор или стереопроигрыватель, как тут же, услышав мелодию, Маринка начинает танцевать.

Можно предположить, что у девочки есть музыкальный слух, чувство такта, так как она довольно правильно и ритмично совершает определенные покачивания корпусом тела, а также понравившиеся ей движения ножками и особенно ручками.

Несколько раз давали Маринке карандаш и бумагу. Вначале (до годика) она бросала карандаш или играла им. В годик девочка начала водить карандашом по бумаге, но совершала действия совершенно спонтанно, без какой-либо системы, в результате чего происходили просто взмахи карандашом.

В год и два месяца, видя, как взрослые рисуют, Маринка попыталась оставить след на бумаге (у Галы хорошо получаются портреты, хотя в силу занятости она редко обращается к этому занятию; наиболее удачно удается ей схватить выражение глаз).

Маринка с интересом наблюдает за действиями мамы, но пока не находит какого-либо удовольствия в «рисовании». Правда, недавно она водила карандашом по бумаге 15–20 минут. Причем сперва она водила по бумаге обратной стороной карандаша, но через некоторое время перевернула его и стала проводить черточки, удивляясь тому, что на бумаге остаются какие-то замысловатые следы ее деятельности.

На сегодняшний день все же самыми любимыми занятиями Маринки остаются танцы и рассматривание картинок, если не принимать во внимание ее страсть к открыванию шкафов на кухне и возню с кастрюлями.

Девочке нравится брать кастрюли в руки, поднимать их, запрокидывать к голове и имитировать, что она поет. При этом она выражает свой восторг радостным звуком «А-а-а!» точно так же, как взрослый человек выражает свое удовлетворение после выпитого стакана хорошего напитка.

Как и большинство детей ее возраста, Маринка поднимает с пола или ковра все маленькие предметы (ниточки, обрывки бумаги, лоскутки). Причем не просто поднимает их, а непременно берет в рот, так что, помимо наведения чистоты и порядка в доме, нам приходится следить за девочкой, останавливать ее, если все-таки что-то попадает в ее ручки, и говорить: «Покажи, что взяла в рот!» Увы, но при всех наших стараниях уследить за ней практически невозможно.

Маринка уже начинает что-то по-своему осмысливать. Когда к ней подходишь и говоришь «покажи, что взяла в рот», она стремится убежать от нас и куда-нибудь спрятаться.

21 октября 1975 г.

После четырех дней пребывания в яслях Маринка заболела. У нее высокая температура (39,5 градуса), насморк, кашель.

На второй день болезни пришлось вызывать врача, который не обнаружил ничего серьезного, но предупредил, что в ближайшие дни девочка не выздоровеет, так как организм ребенка только начал бороться с простудой.

Действительно, четыре ночи девочка очень страдала. К двум часам ночи она просыпалась от своего собственного кашля и долго не могла успокоиться. Пришлось несколько раз за ночь кормить Маринку грудным молоком, иначе кашель не проходил и девочка не засыпала.

Три дня Маринка не притрагивалась ни к какой еде, и только грудное молоко поддерживало ее.

Хорошо, что у Галы до сих пор сохранилось молоко. После дачи, когда ей приходилось кормить сразу двух девочек, мы решили сократить приток молока. Гала старалась пить как можно меньше, давала Маринке грудное молоко только на ночь.

Через полтора месяца с грудным кормлением все обстояло благополучно. Гала не страдала больше от избытка молока.

Однако с болезнью Маринки пришлось нарушить установившийся порядок. Девочка стала больше пить грудного молока, так как другую пищу совсем не принимала.

С одной стороны, это было к лучшему, поскольку девочка принимала как бы «естественное лекарство», но, с другой стороны, нарушился режим питания и, как следствие, даже после выздоровления Маринка стала просыпаться ночью и требовать грудь.

На пятый день болезни девочке стала лучше. Во многом помогли горчичники, так как после троекратной процедуры кашель уменьшился. Маринка начала понемногу есть, играть, бегать. Впрочем, несмотря на то что в первые дни болезни у Маринки была высокая температура, она не хотела лежать в постели и порывалась бегать.

Взрослый человек понимает, что во время болезни необходим постельный режим. Ребенок же не осознает этого, и его трудно удержать в кроватке.

Нам приходилось брать Маринку на руки, лишь бы она не бегала по квартире.

Постепенно девочка повеселела, стала меньше капризничать, хотя по ночам постоянно требовала грудное молоко. Через неделю Маринка выздоровела, и можно было отводить ее в ясли.

Однако случилось непредвиденное. Я вернулся с работы домой и почувствовал что-то неладное. В квартире никого не было, хотя после болезни мы еще не выходили с Маринкой на воздух. Игрушки разбросаны, на письменном столе лежит вата.

Предчувствие не обмануло. Через час Гала с Маринкой пришли домой, и выяснилось следующее.

Гала готовила ужин, а дочь играла на кухне. Не успела мама отвернуться, как раздался грохот и крик Маринки. Оказывается, девочка уронила табуретку, которая придавила ей средний

пальчик на левой руке.

У ребенка такая нежная кожа, что от удара табуретки на пальчике разошлась, лопнула ткань кожи, обнажив кость. Пошла кровь, которую невозможно было остановить. Хорошо, что Гала не растерялась. Она позвала соседку, и совместными усилиями им с большим трудом удалось остановить кровотечение.

Затем Гала с Маринкой сели в такси (стоянка такси как раз напротив нашего дома) и поехали в специализированную детскую больницу, поскольку в районной больнице, куда Гала первоначально обратилась, не взялись за операцию, связанную с зашиванием ранки на пальце девочки.

В детской больнице Маринке зашили рану на ее пальчике. В перевязанном виде девочка и предстала передо мной, когда мама принесла ее домой.

Маринка была спокойной, но, как говорит Гала, и во время данного несчастного случая, и во время операции девочка громко плакала. В этом (громком плаче ребенка) нет ничего из ряда вон выходящего, поскольку даже для взрослого человека подобная операция происходит далеко не безболезненно.

Маринке не везет с ручками. Это уже второй случай, когда она разбивает свои ручки.

Первый раз она опустила крышку рояля на правую руку, в результате чего была глубокая ранка между большим и указательным пальчиками. Хорошо, что к настоящему времени ранка зажила так, что не осталось заметного следа.

В результате нового повреждения пальчика Маринка была вынуждена оставаться дома, так как врачи рекомендовали держать девочку под постоянным наблюдением, чтобы она не срывала повязку и не касалась образовавшегося шва. Предполагалось, что повязку можно будет снять только через неделю.

Очевидно, что мы не могли отдать Маринку в ясли, где воспитатели не смогли бы уследить за ее действиями. Так девочке пришлось оставаться дома довольно длительное время.

27 октября 1975 г.

Маринка говорит уже несколько слов, которые вполне можно понять. Наряду с такими словами, как «мама», «папа», «баба», которые она произносит довольно ясно и четко давно, в ее языковом багаже теперь появились слова типа «откой», «титай», «чай». Особенно часто девочка произносит слова «откой» и «титай».

Первое слово («откой») означает – открой дверь, кухонный шкаф, книжный шкаф, то есть открой все, что в принципе можно

открыть. Как только девочка приходит на кухню, она тут же подбегает к кухонному шкафу и немедленно требует «откой!». При этом она подходит к взрослым, тащит их за руку к кухонному шкафу.

Второе слово («титай») означает «читай». Стоит только сесть за стол с какой-либо книгой, Маринка тут же подбегает и просит почитать ей. Она сама начинает перелистывать книгу, что-то говорит.

Когда я печатаю на машинке, девочка просится ко мне на руки, садится на мои колени, с тем чтобы иметь возможность постучать по клавишам. Это занятие доставляет ей огромное удовольствие.

Если не обращаешь внимания на просьбы дочери, то она начинает капризничать и проявлять свой характер: тянет за рукав, требовательно кричит и даже бьет ручкой.

Однажды Маринка ударилась о шкаф и заплакала. Для того чтобы успокоить девочку, находящаяся рядом с ней в тот момент бабушка (мама Галы) сделала следующее.

Она взяла Маринку на руки, стала говорить, какой шкаф плохой, мы накажем его, и при этом стала ударять шкаф рукой, приговаривая: «Вот тебе, вот!»

На мой взгляд, это были необдуманные действия со стороны бабушки и не лучшая воспитательная мера. Ребенок моментально схватывает и усваивает все поступки, жесты, слова и интонацию взрослых. Он не только усваивает их, но и, начиная подражать взрослым, пытается повторить за ними все то, что они делают.

Теперь, когда Маринке что-то не нравится или кто-то из взрослых не выполняет ее требования, не реагирует на ее призывы, она может ударить своей ручкой, независимо от того, идет ли речь о каком-то предмете или человеке.

Эти же действия нередко переносятся на бабушку. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Мы пытаемся отучить Маринку от этой «дурной» привычки, но осуществить это не так-то легко. Ребенок значительно быстрее научается чему-то, как хорошему, так и плохому, чем отучивается от «дурных» привычек.

Взрослым, родителям необходимо тщательно продумывать каждый свой шаг, жест, интонацию разговорной речи, обращение с ребенком и друг с другом, чтобы не породить нежелательные реакции с его стороны.

Лучше предупреждать возникновение «дурных» привычек, чем исправлять их потом. Причиной же их возникновения, особенно в раннем возрасте, являются, как правило, непродуманные слова и действия взрослых.

Порой мы, взрослые, не придаем многому значение в обиходе, в обыденной жизни, но наши слова и поступки оказывают решающее воздействие на формирование словарного запаса ребенка, его реакций, жизненных ориентиров. Ребенку свойственно подражание, и прежде всего подражание всему тому, что оказывается в поле его зрения, а это прежде всего мы, взрослые, наша разговорная речь, наши поступки и действия.

12 ноября 1975 г.

Постепенно Маринка приобщается к домашнему труду. Она наблюдает за тем, как мы подметаем и моем пол, и пытается путем подражания внести свою лепту в уборку квартиры.

Девочка берет метелку и начинает подметать, то есть водит ею по полу и что-то бормочет.

Это уже не просто игра, а игра-работа, которая доставляет Маринке удовольствие. Девочка старательно подражает нам, приобретая первые навыки трудовой деятельности.

Правда, Маринка и раньше выполняла кое-какие трудовые функции.

Как только дочь начала ходить, я довольно часто просил ее катить свою коляску, и она с охотой делала это. Она могла везти свою коляску по асфальту, по песчаным дорожкам. Упираясь своими ручками в корпус коляски, она двигала ее вперед.

Более того, иногда мы подходили к другим колясками, в которых сидели маленькие дети, общались с ними и их родителями. Стоило только Маринку попросить покатать, скажем, маленькую девочку, как она тут же откликалась на эту просьбу.

Причем Маринка оказалась довольно сильной для своего возраста. Она могла катать ребенка долгое время, а свою коляску пыталась везти даже в горку.

Дома девочка выполняет целый ряд наших просьб. Она охотно приносит различные вещи, подает мне газету и иные бумаги.

Сейчас Маринка приглашает нас к столу. Стоит только накрыть на стол и попросить девочку позвать обедать или ужинать всех, она бежит в комнату, зовет всех на кухню, тянет за рукав, хлопает по стулу и говорит: «Тадись!»

За столом девочка помогает нам: кладет сахар в чашку, из которой пьет бабушка, пытается навести свой порядок на столе.

Конечно, после ее стараний приходится наводить порядок вновь, в том числе отодвигать от нее посуду, чтобы она не разбила ее нечаянно. Но ее старания похвальны, и мы поощряем ее трудовую деятельность.

Иногда можно видеть, как Маринка берет тряпку и

старательно вытирает пол. Причем она делает это не только потому, что на полу вода или он грязный. Девочка подражает нам, водит тряпкой по полу, всем своим видом показывает усердие и прилежание.

Таковы первые трудовые порывы у маленькой девочки.

21 ноября 1975 г.

13 ноября Гала перестала кормить грудью Маринку, хотя молока у нее по-прежнему много.

Дело в том, что в последнее время девочка часто капризничала по ночам и, проснувшись, каждый раз тянулась к материнской груди. Она не успокаивалась до тех пор, пока не получала определенную порцию молока.

Это началось во время болезни Маринки, когда она ничего не ела, предпочитая материнское молоко. Постепенно ночное кормление стало переходить в привычку, в результате чего, даже будучи здоровой, проснувшись ночью, девочка начинала плакать и требовать грудь. Не оставалось ничего другого, как попытаться «отлучить», отучить Маринку от груди.

Конечно, можно было бы выйти из создавшегося положения каким-то иным образом. Например, не реагировать на требования девочки, и, вероятно, после трех-четырех беспокойных для нас ночей Маринка смирилась бы с тем, что ей не дают грудь ночью.

Но в данном случае в этом не было необходимости, так как девочка давно может обходиться без грудного молока. То есть наступил такой период в ее жизни, когда без каких-либо последствий Маринку можно перевести на иное кормление. Именно из этого мы и исходили, принимая решение прекратить грудное кормление девочки.

Но как отучить ребенка от груди?

Многие дети ни за что не хотят расставаться с теплым, вкусным материнским молоком. Бывают случаи, когда даже трехлетние дети «тайком» сосут грудь матери. Правда, некоторые дети сравнительно легко отучаются от груди, особенно в тех случаях, если период кормления материнским молоком был непродолжительным и в силу необходимости приходилось «забывать» о таком питании.

Маринка же настолько привыкла к груди, что не засыпала до тех пор, пока не напьется теплого грудного молока.

Говорят, что для того, чтобы отучить ребенка от груди, можно намазать соски горчицей, и ребенок, попробовав столь горький продукт, больше не захочет прикасаться к груди.

Может быть, этот способ действительно эффективен. Но давать ребенку горчицу даже в незначительном количестве – все

же не лучшее средство для «отлучения» от груди.

Мы пошли по другому пути, который, кстати говоря, был подсказан моей мамой.

Гала обвязала грудь, закрепив на ней мягкую щетку – обычную одежную щетку, предварительно тщательно вымытую и высушенную.

Проснувшись ночью, Маринка потянулась по привычке к груди и … слегка укололась, наткнувшись на щетку. Показав на щетку, Гала сказала: «Бо-бо!»

Девочка произносит именно этот звук, когда ей больно. Подчас, придавив пальчик, она подходит к маме или ко мне, показывает пальчик, говорит «бо-бо!» и просит пожалеть ее, то есть подуть на пальчик или поцеловать его.

В ту ночь, когда Гала использовала щетку, Марина больше не притрагивалась к груди. На другой день Гала несколько раз показывала дочери привязанную к груди щетку и говорила: «Бо-бо!»

Теперь, даже если мама сама прижимала девочку к груди, та отстранялась от нее, вырывалась и каждый раз повторяла: «Бо-бо!» Ни на вторую, ни на третью ночь Маринка не только не просила материнскую грудь, но, напротив, отворачивалась от нее, стоило ей лишь увидеть щетку. С этого времени грудное кормление прекратилось.

Итак, Маринка питалась грудным молоком в течение одного года и трех с половиной месяцев.

На протяжении четырех с половиной месяцев Гала кормила своим грудным молоком одновременно и другую девочку, родители которой жили в нашем подъезде, но мать которой в силу некоторых обстоятельств и ради сохранения «красивой» формы груди отказалась от кормления своей дочери грудью. Причем каждый день ей приходилось сцеживать до 200–300 граммов, а иногда и до 400 граммов молока для другой девочки.

У Галы было много грудного молока. Часто она даже страдала от его избытка, в результате чего приходилось или перевязывать грудь, или накладывать компрессы.

С 13 ноября, то есть с того времени, когда мы решили прекратить кормление дочери грудью, пришлось перевязать грудь на несколько дней, чтобы молоко «перегорело» и чтобы не было болей.

Первые дни Гала еще сцеживала грудное молоко, постепенно сокращая сроки сцеживания и количество «сбрасываемого» молока. Через несколько дней отпала необходимость и в этом, хотя молоко еще сохранялось в материнской груди.

Видимо, через некоторое время грудное молоко перестанет

вырабатываться, тем более что на протяжении нескольких прошедших дней Гала резко сократила употребление жидкости.

Так Маринка распрощалась с материнским молоком.

1 декабря 1975 г.

Маринка снова ходит в ясли. Кажется, ее организм приспособился к ясельным условиям, в результате чего, переболев однажды, когда температура доходила до 39 градусов, и второй раз, когда температура была уже чуть больше 37 градусов, девочка вполне освоилась с детским микроклиматом.

Правда, долгое время у девочки был кашель, но ножные горчичные ванночки, которые мы делали на протяжении нескольких дней, способствовали смягчению кашля.

В яслях Маринка чувствует себя хорошо. Утром она идет в ясли-сад с охотой, не капризничает, в отличие от других детей, спокойно расстается с родителями и весь день играет с игрушками и общается с малышами. Воспитатели говорят, что девочка очень спокойная, хорошо ест и спит.

Для Маринки характерно то, что она крайне редко бывает мокренькой. Как правило, ей даже не приходится менять штанишки в течение дня. Это результат того, что еще до яслей мы приучили ее проситься как по-маленькому, так и по-большому.

Воспитатели говорят, что это редкий случай в их практике, так как большинство детей ясельного возраста часто мочат штанишки. Маринка же заранее предупреждает о своих естественных потребностях. Она говорит «бу-у!» и тянет за рукав.

Дома, пока девочка не ходила в ясли, мы не приучали ее ходить на горшок, так как было еще рано и Маринка едва ли могла научиться садиться на горшок, хотя она всегда, или по крайней мере в большинстве случаев, давала знать о том, что она собирается сделать.

В яслях же Маринку, как и других детей, стали сажать на горшок. Теперь девочка сама просится на горшок и зовет на помощь взрослых, чтобы ей расстегнули штанишки.

Недавно наблюдал такую картину. Маринка взяла кресло-горшок, села на него, затем встала, походила и вновь села. Судя по всему, ей хотелось сходить по-большому. Но она не могла, да и не пыталась снять штанишки. Тем не менее девочка понимала, видимо, что в штанишки делать не полагается.

Если бы у девочки был только инстинкт или соответствующая заученная реакция на горшок, то она, проделав всю процедуру, то есть достав горшок и сев на него, сходила бы по-большому. Но она не сделала этого.

Несколько раз сев на горшок, девочка в конце концов встала,

посмотрела на меня и сказала: «Бу-у!» По-большому же она сходила только после того, как я снял с нее штанишки и дал возможность сесть на горшок вновь.

Все это свидетельствует не только и не столько о действиях девочки, предопределенных инстинктивной реакцией или приобретенным навыком, сколько о сознательности и разумности ребенка в возрасте одного года и четырех месяцев.

С каждым прожитым месяцем ребенок становится все разумнее. Он оказывается способным совершать более сложные действия, чем это могло иметь место в более раннем возрасте.

14 декабря 1975 г.

Последние пятнадцать дней Маринка настолько «вжилась» в свой «первичный» коллектив младшей группы детских яслей, что совершенно не болела и чувствовала себя прекрасно. Она охотно шла в ясли утром и не плакала при расставании с нами, в отличие от тех малышей, которые хныкали, просились на руки к мамам и не желали оставаться в яслях.

Вообще, девочка отличается ровным характером. Я не помню, чтобы она была не в настроении, когда мы ее оставляем в яслях. Нянечки довольны ее поведением, поскольку она не капризничает, не мочит штанишки, хорошо ест и спит.

Видимо, все это послужило причиной того, что с 15 декабря Маринку решили перевести в среднюю группу.

Обычно в среднюю группу переводят малышей в возрасте одного года и шести месяцев. Маринка должна была бы ходить в младшую группу еще полтора месяца, но в силу ее хорошего поведения и быстрой сообразительности, как отметили воспитатели и нянечки, ее вполне можно перевести в более взрослую группу детишек.

Все это, конечно, хорошо, но такой переход в среднюю группу сопряжен с новыми трудностями и беспокойствами. Дело в том, что если дети младшей группы весь день находятся в помещении, то с детьми средней группы ежедневно совершают полуторачасовые прогулки.

С одной стороны, такие прогулки несомненно полезны и необходимы. Новый распорядок дня, когда ребенок спит не два раза в день, а только один раз, идет на пользу, так как ночной сон малыша становится крепче.

С другой стороны, эти прогулки чреваты возможными негативными последствиями, поскольку ребенок может простудиться и заболеть.

Группа детишек – около 20 человек. Нянечка должна всех одеть, причем так, чтобы дети не простудились, вывести всех на

прогулку и в течение полутора часов гулять с ними.

Но разве можно уследить за всеми малышами, тем более что все дети разные и по характеру, и по состоянию здоровья?

Необходимы особая любовь и проявление заботы о детях, а это, к сожалению, не всегда наблюдается у нянечек, которые едва справляются со своими обязанностями.

Нет ничего удивительного в том, что многие родители проявляют беспокойство по поводу того, что может происходить с их детьми в яслях и детских садах. Ведь действительно некоторые нянечки оказываются нечуткими, невнимательными, что может быть обусловлено как характером человека, так и неудовлетворительными условиями работы (столкновение с администрацией, переполненные группы, небольшая зарплата и т. д.).

Ребенку простудиться недолго, тем более зимой, когда его переводят на новый распорядок дня, включающий полуторачасовые прогулки. Малыш едва переступает ножками в зимней обуви и одежде. Он чаще стоит, так как его движения стеснены валенками. И если недосмотреть, то простуда обеспечена, поскольку пока в помещении одевают последних малышей из группы, первые, уже одетые, успевают вспотеть, а затем на минусовой температуре на воздухе начинают замерзать.

Поэтому мы с Галой ждем результатов перевода Маринки в новую группу с тревогой. Не исключаем, что в ближайшее время девочка может переболеть снова, прежде чем адаптируется к новому распорядку дня и к новому коллективу.

22 декабря 1975 г.

Тревога за Маринку была обоснованной. Девочка проходила два дня в новую группу и … заболела. Правда, нет ничего серьезного и температура небольшая, но простуда налицо. Врач прописал домашний режим.

Ситуация обычная. Ребенок должен пройти стадию адаптации к новым условиям пребывания в средней группе, привыкнуть к новому распорядку дня, включая зимние прогулки.

Первые два дня в средней группе Маринка вела себя хорошо. Новые нянечки констатируют, что девочка спокойная, нормально ест и спит, охотно играет с другими детьми. Правда, они, как, впрочем, и другие, обращают внимание на то, что она бледненькая.

Действительно, на фоне других розовощеких, пухлых, упитанных детей Маринка выглядит бледненькой, «прозрачной». Но откуда ей быть розовощекой?

На мой взгляд, Маринка вполне соответствует пропорциям

нормального, здорового ребенка. Она не толстенькая, но и не худая. Ее тельце не настолько плотное, как обычно бывает у мальчиков, но и не рыхлое. Ест и спит вполне хорошо, но вот с прогулками дело обстоит значительно хуже в данный момент времени.

Если летом большую часть дня Маринка была на воздухе, то начиная с октября-месяца, то есть когда пошла в ясли, ее прогулки резко сократились. Во время простудных заболеваний пришлось держать девочку дома. Сейчас уже неделю девочка вновь сидит дома. Отсюда и бледность, хотя, как мне думается, в этом отношении, то есть в смысле бледности, Марина пошла в папу, который с виду бледен и худ.

Дочь становится все более самостоятельной. Если раньше ее приходилось кормить из бутылочки, а затем из тарелки, то теперь она сама просит ложку, называя ее «ло», и пытается ею набрать кашу или суп. Девочка старается донести ложку до рта самостоятельно. Если начинаешь помогать дочери, то она сердится и отвергает помощь со стороны взрослых.

«Я сама!», «я сам!» – этот принцип является, по всей видимости, излюбленным у всех детей определенного возраста.

Маринка еще не говорит «я сама!», но без слов понятно, что она стремится воплотить данный принцип в жизнь. Результат, как правило, комичный: вместо рта еда попадает на одежду и на стол. Однако самостоятельность, как говорится, превыше всего.

Пусть девочка будет активной в своих действиях, поступках. Но пока, дав ей возможность проявить свою самостоятельность, нам приходится кормить ее с ложечки, не прибегая к каким-либо излишним нажимам.

Примечательно то, что при кормлении Маринки приходится использовать две ложки. Одну ложку держит она, другую – мама или папа. Девочка ест поочередно из двух ложек. Правда, пока она сама поднесет ложку ко рту, мы успеваем ей дать три-четыре ложки пищи.

Такая процедура кормления дочери имеет место в последние пятнадцать – двадцать дней. Вероятно, это результат того навыка, который она начинает приобретать в яслях.

Иногда можно наблюдать такую картину.

Девочку зовут есть. Она бежит и просит посадить ее на стул, на котором сидит кто-либо из взрослых. Потом, видимо, вспомнив, начинает тянуть за рукав и показывает на фартучек, который всегда висит на определенном месте.

Получив фартучек, девочка пытается завязать его на шее. Конечно, пока из этого ничего не получается. Тогда Маринка начинает сердиться, хныкать и звать на помощь взрослых.

После того как ей повяжут фартучек, девочка тянется к тарелке и пытается зачерпнуть содержимое на тарелке ложкой. Но когда она особенно хочет есть, то тянет маму или папу за рукав, чтобы мы быстрее взяли ложку и начали ее кормить. Мы даем ей хлеб, сыр и при этом приговариваем: «Жуй, Мариночка, лучше, жуй!» Девочка кивает головой и старательно жует.

Когда Маринка не болеет, она ест охотно и много. За один присест может съесть целую тарелку рисовой, манной или гречневой каши на молоке, кусочек хлеба с маслом, а также выпить 100–200 граммов чая или молока.

Интересно наблюдать, как девочка ест хлеб с маслом. Намажешь маслом бутерброд, но она слижет масло, оставит хлеб и снова просит «ма», то есть масло.

Если девочке хочется что-либо еще, то она так и говорит: «Еще!» Подчас только и слышишь: «Еще, еще!»

Слово «еще» Маринка выговаривает довольно четко. Оно звучит в ее устах то требовательно, то вопрошающе, то недоуменно, мол, так хочется, а не дают. По звучанию получается нечто среднее между «еще» и «ешо».

Как только девочка наедается, она говорит: «Все». Спрашиваешь ее: «Мариночка, еще или все?» «Все», – отвечает она, причем по звучанию «в» и «с» как-то смазываются, в результате чего произносимое ею слово получается более коротким, но вполне понятным.

Как правило, мы сидим за столом все вместе. Нельзя сказать, что, находясь с нами, Маринка отличается примерным поведением. Ее любимое занятие – что-нибудь схватить со стола, например ложку, и стукнуть ею.

Когда говоришь Маринке, что так делать нельзя и что это нехорошо, девочка внимательно слушает. Но, судя по всему, она еще или не понимает до конца, что означает слово «нехорошо», или включается в своего рода игру. Во всяком случае, чуть не досмотришь, как девочка моментально что-нибудь «набедокурит».

Маринка особенно сердится, когда ей не дают именно то, что едят взрослые. Ведь всегда так получается, что хочется отведать того, чего нельзя.

Ситуация, напоминающая библейский сюжет из жизни Адама и Евы, которые тянулись к запретному плоду, зная, что его нельзя вкусить и это запрещено делать. Отличие лишь в том, что Адам и Ева знали об этом, а ребенок остается пока в полном неведении, что ему можно есть, а что нет.

Пройдет еще какое-то время, и, повзрослев, Маринка начнет многое осознавать. Начнет осознавать и то, что относится к кулинарии, хотя это не будет означать, что она не потянется к

тому, чего нельзя есть иногда. Ведь и взрослый человек подчас нарушает некоторые запреты, наложенные врачами в силу недостаточного здоровья своего подопечного.

В силу какого-то заболевания человеку нельзя есть острую пищу, но иногда так хочется именно остренького, что, он, заранее зная, что через некоторое время пострадает от этого, вопреки всему – голосу разума, советам врача – все-таки вкушает запретное блюдо. И хотя поддавшийся своему желанию человек, быть может, потом раскаивается в совершенном деянии, тем не менее в тот момент он никак не может преодолеть тягу к остренькому.

Такова дилемма между рациональным и иррациональным, сознательным и бессознательным, разумом и желаниями человека, которая дает знать о себе даже в такой «обыденно-прозаической» сфере, как употребление пищи.

5 января 1976 г.

Маринка вступила в Новый 1976 год. Она по-своему отметила это событие.

Мы встречали Новый год дома в семейном кругу. Около 21 часа Маринку, как обычно, уложили спать. Набегавшись за день, она быстро уснула.

В это время мы приготовили новогодний ужин, накрыли на стол и в начале двенадцатого сели за него, чтобы проводить старый год, принесший и радости, и тревоги, но в общем прошедший неплохо. Выпили за здоровье дедушки – Лыткина Василия Ильича, известного в писательской среде под именем Илля Вась.

28 декабря ему исполнилось 80 лет. К этой юбилейной дате пришло бесчисленное количество теплых поздравительных телеграмм, открыток и писем. Интересно, что первые два дня те, кто приносили телеграммы, звонили в дверь, ждали расписки на квитанциях. Но поздравлений было столько, что вскоре всю корреспонденцию стали опускать в почтовый ящик, тем более что, не выдержав такого наплыва поздравлений, мы были вынуждены вывесить записку: «Поздравительные телеграммы опускайте в ящик».

Поздравления приходили от друзей, ученых из различных стран, академических и учебных заведений, включая Президиум Академии наук. Были и две правительственные телеграммы, в которых сообщалось о награждении орденом Дружбы. Все отмечали заслуги дедушки Маринки в развитии лингвистики и желали ему творческих сил, здоровья, дальнейших успехов.

В газетах, литературных и научных журналах были

опубликованы статьи, в которых чествовали юбиляра. Действительно, он внес значительный вклад в развитие финно-угроведения. Им опубликовано 11 монографий и более 200 научных статей. Он является автором ряда литературных очерков, сборников стихов, детских книжек. Он – старейший член Союза писателей, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и культуры РСФСР, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР, лауреат Государственной премии Коми АССР, отличник народного просвещения РСФСР, заграничный член Финской Академии наук, почетный член Финно-угорского общества (Хельсинки), почетный член Общества родного языка (Таллин).

Как отмечалось в журнале «Советское финно-угроведение», «деятельность В. И. Лыткина – это целая эпоха в истории советского финно-угорского языкознания».

Когда Маринка подрастет и прочитает эти строки, она поймет, кто был ее дедушка. Остается только добавить, что 80-летний юбиляр отличается завидным оптимизмом, обладает чувством юмора и никогда не унывает. Он всегда бодр и весел, по-прежнему продолжает свою научную деятельность, хотя и находится на заслуженном отдыхе.

Итак, мы выпили за здоровье Василия Ильича и пожелали ему всех благ. Время приближалось к двенадцати, и вдруг … Маринка проснулась, стала звать нас к себе и, несмотря на все наши старания, никак не хотела оставаться одна. Можно было подумать, что она, как и взрослые, хочет встретить Новый год вместе с нами. В конечном счете пришлось посадить девочку за праздничный стол. В нарушение установленного режима Маринка сидела с нами около часа.

Когда в 24.00 с боем курантов мы, открыв шампанское, поздравляли друг друга с Новым годом, Маринка умудрилась взять у кого-то из взрослых бокал и отхлебнуть из него искрящийся напиток. Мы заметили это только после того, как она сделала несколько глотков.

Отняв у девочки бокал, мы спросили: «Ты выпила шампанское?» Она тут же ответила «да!» и добавила «еще!». Разумеется, мы не дали ей больше шампанского, заменили его чаем, который девочка выпила с удовольствием. Она поела немного и попробовала доступные ей блюда, которые были на праздничном столе.

Маринка была довольна. Она сидела у меня на коленях, смотрела телевизор, хлопала в ладоши, когда слушала музыку, рассматривала стоящую на телевизоре елочку.

Так вместе с нами девочка отпраздновала свой первый Новый

год (в прошлом году она в это время спала в гордом одиночестве). Вероятно, эта встреча Нового года не сохранится в ее памяти, и лишь эти записи через 15–20 лет смогут помочь уже взрослой девушке воспроизвести картину неосмысленного празднования наступления 1976 года.

18 января 1976 г.

На днях обнаружили любопытный штрих в развитии девочки.

До сих пор Маринка называла окружающие ее предметы своими именами. Услышав от нас название предмета или какой-либо вещи, она стремилась воспроизвести звуки, правильно произнося лишь начальные. Так, она говорит «ё…ё», то есть ёлка, и тянет нас к наряженной ёлке, которая ей очень понравилась, особенно зажженные огоньки. Произносит «га…га», показывая на изображение журавлей в книге, «со…» – солнце (тоже по книге), «мы…» – мыться, «я…» – ящичек с игрушками, который мы ей часто даем, чтобы она могла поиграть, «ка…тя» – Катя, то есть кукла, причем не какая-то определенная, а любая, какая попадается в руки, «бай-бай» – надо идти спать, «со…» – соска, с которой девочка засыпает.

Девочка отчетливо произносит такие слова, как «ма-ма», «па-па», «ба-ба». Она знает многие предметы и, когда мы спрашиваем о них, показывает их.

Однажды произошел такой случай. Мы достали кружку, и Маринка стала играть с нею. Через некоторое время она, положив ее в какое-то место, увлеклась чем-то другим. Когда же мы стали искать кружку и, не обнаружив ее, спросили девочку, она тут же потащила нас за рукав на кухню, открыла шкафчик, достала кастрюлю и, открыв крышку, достала кружку.

Это свидетельствует о наличии активной памяти. Здесь не было предварительных навыков, повторяющихся эпизодов. Ситуация была совершенно новой. Тем не менее девочка вспомнила, где она оставила кружку.

Маринка помнит устойчивые, повторяющиеся картины и правильно реагирует на них. Если она видит на картинке собачку, то говорит «гав-гав», девочку – «де…», мальчика – «ма…», корову – «му…», кошку – «ки…». Больше того, если девочку спросить, какие звуки произносят корова, собака или кошка, то она точно воспроизводит их. Наконец, если спросить, где Маринка, она сразу же показывает пальчиком на себя.

Новый поворот событий заключается в следующем.

До недавнего времени девочка относилась к самой себе как личному существу, то есть, подобно взрослым, воспринимала саму себя как бы в первом лице: «Я сама», «мне», «моё», хотя и не

всегда могла сказать членораздельно.

Теперь же она стала говорить «маи…», то есть «Маринке»: кому дать попить? – «маи…», кто это сделал? – «маи…».

Восприятие самой себя осуществляется девочкой уже в третьем лице.

Как это объяснить? Почему произошел такой сдвиг?

Дома мы обращались к девочке по имени, тем не менее она относилась к себе как к первому лицу. Однако в яслях ее отношение к своему Я изменилось. Находясь среди других детей, имя «Марина» стало для нее тем отличительным признаком, благодаря которому она выделялась среди других.

Кроме того, видимо, нянечки постоянно говорили: «Эта игрушка для Марины», «Как у нас есть Марина?» и тому подобное. Точно так же они говорили и тогда, когда обращались к другим детям. Это привело к тому, что Маринка стала воспринимать себя как «отличительный предмет», «другое лицо», выражающее то, что раньше было «Я».

В последние дни подобное восприятие девочкой себя через «Маи…» стало преобладающим. «Маи…» заменило «Я».

Сколько же потребуется времени, и как долго будет продолжаться период данной замены, когда на смену «Маи…» вновь придет «Я»?

Разумеется, с познавательной точки зрения интересно было бы точно зафиксировать этот момент.

В данном случае важно подчеркнуть следующее.

Первоначальным осознанным восприятием девочкой самой себя было именно «Я», что отчетливо проявлялось и в поступках Маринки, и в ее попытках дать те или иные обозначения предметов от имени «Я». Затем на смену описанной установки пришла другая, заключающаяся в том, что восприятие самой себя, предметов, действий уже осуществляется девочкой через призму «Маи…» («Маи…» сделала «бу», «Маи …» хочет «Катю», дайте все «Маи…»).

В дальнейшем должна произойти обратная смена установки, возвращение от «Маи…» к «Я», но, скорее всего, уже на каком-то новом, качественно отличном уровне. Таково наглядное проявление диалектики и того закона отрицания отрицания, который был открыт Гегелем.

9 февраля 1976 г.

С сегодняшнего дня я в отпуске.

Решили на некоторое время оставить Маринку дома, так как в последние дни она начала кашлять. В новой группе девочка легко прижилась, но ясли есть ясли, и периодически приходится

подлечивать Маринку домашними средствами.

Если учесть, что погода довольно изменчива – то морозы до 20 градусов, то оттепель и сырость, – станет понятно, почему условия для заболевания ребенка более чем благодатные. Даже взрослые – и то не выдерживают.

В домашних условиях ребенок, конечно, будет чувствовать себя значительно лучше, чем в яслях.

Поэтому попытаемся два месяца не водить девочку в ясли, тем более что моя мама собирается приехать к нам на какое-то время и помочь по хозяйству.

Маринка становится все взрослее. Она начинает кое-что осмысливать, пытается рассуждать и строить «домики».

Мама купила девочке разноцветные кубики, и теперь Маринка ставит их друг на друга и говорит: «Дом».

Поставив три, четыре кубика друг на друга, Маринка завет к себе взрослых, чтобы те посмотрели на ее работу. Затем взмах руки – и кубики разлетаются в разные стороны. При этом девочка радостно смеется, повторяет вновь ту же самую процедуру и довольная собирает кубики.

Я попробовал, чтобы Маринка приносила мне кубики определенного цвета. Но пока ей это не удается. Она еще не различает цвета настолько, чтобы в точности выполнить то, что я прошу. Говорю: «Марина, дай мне, пожалуйста, синий кубик!» Но девочка дает красный кубик. Ещё раз прошу: «Мариночка, это – красный кубик, это – синий. Дай мне красный кубик!»

Иногда девочка дает то, что я прошу, но, как правило, это происходит чисто случайно.

Интересно было бы проследить, когда девочка действительно начнет различать цвет предметов.

Что касается величины, размера предметов, то тут Маринка понимает, что к чему. Она различает предметы «ма-ленькие» и «бо-льшие».

Быть может, это связано с тем, что мы показывали ей часто различные предметы, называя их соответственно размерам.

Так, одно время Маринка любила перебирать репчатый лук, который лежал в ящичке на кухне. Ее привлекало то, что можно было покатать лук по полу, потрогать его шелуху.

Наблюдая за девочкой, мы часто говорили: «Это – маленький лук, а это – большой». Потом мы спрашивали: «Мариночка, где маленький лук?» Или просили: «Дай большой лук!»

Девочка довольно быстро усвоила, что значит «маленький», а что «большой», и вскоре безошибочно давала нам именно то, что мы просили. При этом в последнее время она стала говорить «ма-е-кий», «бо-шой».

Характерен звуковой тон, с которым Маринка произносит эти слова. Первое слово – в смягченном тоне, второе – можно сказать своеобразным басом. Этому девочка научилась у бабушки, которая почему-то именно так и произносила данные слова, чтобы дать почувствовать внучке ту разницу, которая имеется между размерами предметов.

Вообще надо сказать, что Маринка быстро схватывает интонацию голоса и старается подражать взрослым в произношении слов. И во многом ей это удается.

18 февраля 1976 г.

Пять дней тому назад, 13 февраля произошло ЧП. Вернувшись с работы домой около 20.00, мама жены пошла с Маринкой на кухню наливать себе чай в стакан и, недосмотрев, облила девочку кипятком. Вернее, по ее собственным словам, она налила кипяток в стакан, а девочка потянула этот стакан на себя, в результате чего вылила горячую воду на себя.

Конечно, был душераздирающий крик. Когда мы с Галой прибежали на кухню, то застали кричащую дочь и взволнованную, растерянную бабушку.

К сожалению, бабушка не догадалась снять с Маринки кофточку. Видимо, она не знала о том, что при ожоге одежда усугубляет положение дел.

Когда я снял с Маринки кофточку, то на ее теле было уже не только покраснение, но и отделились полоски кожи. Словом, вся правая сторона лица, шеи и грудной клетки, вплоть до животика, оказались обожженными.

С большим трудом удалось успокоить девочку. Я попытался вызвать скорую помощь по телефону, но получил ответ, что по такому случаю скорая помощь приехать не может и что нам самим надо отвозить дочь в специализированную детскую больницу.

Мы с Галой взяли такси и поехали с Мариночкой в больницу. Маринка успокоилась и даже заснула в такси, тем более что по времени она должна была укладываться спать.

В больнице пришлось ждать минут сорок, так как там находились пострадавшие и все врачи были заняты ими.

Гала боялась прикоснуться к Маринке. Зрелище действительно было ужасное, так как у девочки появились пузыри, кожа сморщилась, лицо, ухо и шея сильно покраснели.

Я помогал врачу делать перевязку и видел, в каком состоянии была Маринка.

Надо отдать должное тому, что девочка мужественно переносила все страдания и только жалостно-вопрошающе

смотрела на взрослых.

Диагноз врача – ожог второй степени. Правда, нас заверили, что месяца через два все заживет и даже не останется никаких следов.

Но, конечно, мы с Галой очень волновались и переживали за Маринку. Вернулись домой из больницы поздно вечером, около 23.00. По дороге домой Маринка спала.

Дома мы напоили девочку водичкой, и она продолжила свой беспокойный сон. Сон был действительно беспокойным, так как Маринке стало трудно переворачиваться, и она не могла лечь на животик. Сон был беспокойный и потому, что внутренний жар вызвал жажду и не способствовал успокоению ребенка.

Так тягостно, тревожно и грустно закончился для всех нас этот злосчастный день 13 февраля.

4 апреля 1976 г.

Конец февраля и весь март Маринка находилась дома и проходила курс лечения по устранению последствий ожога. Мы посещали даже специальную больницу, где проходили определенные процедуры.

На протяжении двух недель девочка была вся забинтована, особенно грудь и часть лица. В поликлинике несколько раз делали перевязки и меняли бинты.

Постепенно ожог начал проходить. Сейчас Маринка чувствует себя хорошо и снова пошла в ясли.

Девочка любит рисовать. Она просит взрослых, чтобы они нарисовали дом, зайчика, ребенка и т. д. Затем Маринка пытается нарисовать то же самое. И хотя трудно понять, что она рисует, тем не менее подчас у нее выходит нечто похожее на то, что должно быть в действительности.

Так, Маринка знает, что у девочки должны быть волосики на голове, глаза, нос, ротик, ручки, ножки и платье. Причем она уже понимает, что глаза и рот относятся к лицу, платье же одевается на тело. Поэтому, когда дочь показывает нам свой рисунок, на котором изображена «Катя», например, без волосиков на голове, мы ее спрашиваем: «А где же у Кати волосики?» Маринка тут же проводит черточку или делает несколько штрихов поверх головы девочки, изображенной на рисунке. «А где же пуговки?» – спрашиваем мы вновь. Маринка берет карандаш и ставит точки именно на том месте, где должно быть платье.

К сожалению, мы как-то не собирали и не сохранили «рисунки» ребенка. Остался один рисунок «Катя» от 14 марта 1976 года. На нем изображены круг (голова), внутри его еще один круг, волосики в виде нескольких штрихов, глаза, рот и то ли

шея, то ли платье (Маринка говорит, что это платье с пуговками).

Таковы первые художества девочки, находящейся в возрасте одного года и шести – восеми месяцев.

9 июня 1976 г.

Это лето придется провести в Москве.

Гала заканчивает учебу в Университете. Предстоит устройство на работу, что представляется делом довольно трудным.

Идти в какой-то «почтовый ящик» – а именно это предлагают в Университете – и делать технические переводы с немецкого языка – не слишком блестящая и приемлемая для молодой мамы перспектива.

Придется искать что-либо более подходящее, не связанное с такой работой, на которой, как в «почтовом ящике», весь день расписан по времени, то есть приходить на работу точно в 9.00 утра, а уходить домой в 18.00 вечера.

Видимо, все летние месяцы уйдут на поиск такой работы, которая по времени бы позволяла быть подольше дома с ребенком.

Думаю, в хорошую погоду будем выезжать с Маринкой на лоно природы, хорошо бы к какому-нибудь водоему.

Маринке очень нравится гулять с мамой и папой.

Когда мы приходим за девочкой в ясли, она обнимает нас, целует и радуется. Маринка довольно ласковая и сама требует ласки от нас.

Это естественно и понятно. В любом возрасте, особенно в таком, в каком находится девочка, ребенок нуждается в заботе, нежности, ласке. Он чутко реагирует как на выражение лица родителей, так и на их действия.

Поэтому мы стараемся быть с Маринкой ласковыми, внимательными, ровными в своем поведении. Даже если девочка капризничает и ведет себя не так, как хотелось бы, мы не срываемся и не повышаем голос.

Иногда приходится наказывать Маринку. Но это происходит спокойно. Обычно мы отводим девочку в комнату, говорим, чтобы она постояла и подумала, как плохо она ведет себя. Сами же уходим в другую комнату.

Девочка плачет, подчас закатывает небольшие сцены, но, в конце концов, сама подходит к нам и говорит: «Больше не буду». Прощая ее, мы обязательно «миримся», целуем, говорим, почему так нельзя вести себя и что надо делать, чтобы стать хорошей девочкой. Идет обучение «азам» хорошего поведения в семье, обществе.

Часть IV
Рассказы (1976–1978)

Стрелец

Они гнались по пятам. Многоликие, бесноватые, жаждущие крови. Орущие во все горло, выкрикивающие непонятные возгласы и упрямо молчащие, крепко стиснувшие зубы. Свирепые, с перекошенными от злобы лицами, и зловеще улыбающиеся, предвкушающие сладостные издевательства над своими будущими жертвами. Длинноногие, размахивающие костлявыми руками и упитанные коротышки, стремящиеся не отстать от худосочных, чтобы в нужный момент вовремя оказаться на месте расправы.

Он бежал, не оглядываясь, лишь чувствуя, что с каждым шагом преследователи догоняют его. Дыхание сбилось, сердце вот-вот вырвется из груди. В голове стоял невообразимый гул от топота сотен ног преследователей. Тело сковала усталость. Из горла выливались хрипы. Полуоткрытым ртом он жадно и спешно хватал воздух, который был так горяч и сух, что скорее затруднял, нежели облегчал клокотавшее дыхание.

Состояние было ужасное. Он давно бы прекратил этот затянувшийся, изнурительный бег и отдал бы себя в руки преследователей. Но рядом бежали такие же, как он, испуганные, задыхающиеся, из последних сил борющиеся за жизнь. Некоторые из них не выдерживали. Останавливались, в изнеможении падали на землю и исчезали из поля зрения, раздавленные пробегающей по их телам обезумевшей толпой. Другие незаметно отставали и вскоре оказывались в рядах преследователей. Стремясь искупить свою вину, они начинали орать изо всех сил и представляли для преследуемых не меньшую угрозу, нежели те, к которым только что примкнули. Остальные продолжали бежать, подбадривая друг друга и надеясь на спасение. Они полагали, что еще немного – и преследователи отстанут. Можно будет перевести дух. Все образуется, вернется на круги своя. Снова наступит мир и покой.

Испытывая страшные мучения, он продолжал бежать. Его покачивало от головокружительной тошноты, вызванной безумным бегом. Но не только физические страдания давили всей тяжестью на ноги, не позволяя оторваться от преследователей. Сознание пронзительными молниями врывалось в его полуобморочное состояние духа, высвечивая проблески мысли, пульсирующей искорками сомнений в необходимости и целесообразности продолжения бега. Как и многие другие, он первоначально поддался панике массового бегства. И теперь бежал по инерции, плохо соображая, стоило ли вообще ускорять свой бег, предварительно не разобравшись в том, что хотят от

него преследователи.

Неожиданно в нем произошла какая-то перемена. То ли кто-то подставил ему ногу, то ли он сам споткнулся о незамеченное препятствие. Теряя равновесие и нелепо взмахивая руками, он невероятным усилием воли старался выпрямиться и чуть было не распластался на земле. Только в последнее мгновение чудом устоял на ногах. И в это самое время у него открылось второе дыхание. Тело стало легким, стремительным, способным вынести любые испытания. Он почувствовал необычайный прилив сил и с изумлением заметил, что стал обгонять впереди бегущих. На душе стало радостно и спокойно. Он дышал порывисто, но не задыхался, как прежде. Тяжесть, ранее сказывавшаяся на ногах, исчезла. Опасность миновала. Он летел, как стрела, выпущенная из лука сильной, уверенной и крепкой рукой. Сознание прояснилось, и … именно оно отдало четкий приказ: «Одумайся! Остановись! Куда и зачем ты бежишь в этой толпе безумцев, не имеющей ни четкой цели, ни выстраданных идеалов? Довольно! Хватит! Ты же не зверь, спасающийся бегством только потому, что рядом с тобой бегут другие, до смерти напуганные неизвестно чем! Освободись от страха! Будь самим собой! Прими верное решение и достойно предстань перед своей Судьбой!» И он замедлил бег, перешел на шаг, остановился. Голос разума возобладал над инстинктами, заставившими ранее примкнуть к толпе преследуемых.

Остановившись и переведя дыхание, он отступил немного в сторону, чтобы не оказаться раздавленным под ногами преследователей, которые сломя голову неслись во весь дух вперед, ничего не замечая и сокрушая все, что попадалось на их пути. Расплющенные и удлиненные лица промелькнули в стремительном беге, оставив за собой лишь облако пыли, постепенно оседавшее на зеленую траву.

А кругом благоухала природа, пряными запахами дурманя голову и сводя с ума. В каком-то неописуемом восторге он опустился на колени, провел дрожащей рукой по шелковой траве, коснулся пересохшими губами изумрудных росинок, окропивших его усталое лицо, обрамленное бородой. Душа ликовала, хотелось громко петь, и лишь жажда заставила осмотреться вокруг в поисках источника живительной воды.

Метрах в десяти от того места, где он стоял на коленях, сверкая в лучах по-утреннему ласкового солнца, бежал, извиваясь змейкой, ручей, манящий к себе прозрачной, прохладной влагой. Подойдя к ручью, путник благословенно воздел руки к солнцу и спустя мгновение окунул в воду свою распаленную голову. Жадно напившись и несколько раз погрузившись лицом в колючие

струйки, бьющие из песчаного дна, он наконец приподнял голову и встряхнул мокрыми кудрями, разбрызгивая бисерные капли, разлетевшиеся в разные стороны. Запрокинув голову навстречу солнечным лучам и переведя дух, он ощутил в своем теле бодрость, как будто и не было того сумасшедшего бега, неизвестно сколько длившегося и неизвестно чем закончившегося, если бы он вовремя не одумался и не остановился.

Немного передохнув и пожевав сочную, необычайно приятную на вкус травинку, он встал на ноги, стряхнул с себя пыль, осевшую на его одежду во время бега, и спокойно пошел вперед, не выбирая дороги и только радуясь тому, что все былые страхи позади. Вскоре ему встретились люди, которые были заняты своими делами и не обращали никакого внимания на него. Он огляделся. Местность была незнакомая. Не очень живописная и не особо восторгающая душу. Это лишь в первый момент, когда он перевел дух от утомительного бега, все показалось ему в розовом свете. Сейчас же, придя в себя и внимательно присмотревшись, он понял, что не зря встретившиеся на пути люди так усердно трудились, напрягаясь изо всех сил. Многое еще требовалось переделать, чтобы тот край, куда он попал волею Судьбы, стал именно таким, каким он его первоначально воспринял, благоговейно опустившись на колени.

Шагая дальше, он стал прислушиваться к тому, что говорили люди. Кое-что ему удалось разобрать, ибо они общались между собой на том языке, который он не совсем понимал. Наиболее часто употреблялись «свобода» и «демократия». И тут до него дошло, что преследующие его с перекошенными от натуги лицами все громко и яростно выкрикивали те же самые слова. Только из-за топота сотни ног эти слова сливались в неразличимый рев, от чего он не мог разобрать их, понять и осмыслить. Теперь же, наблюдая за людьми, ритмично работающими в едином восторженном порыве, он понял, что эти слова являются для них символами будущего, олицетворяющими собой красоту и поэзию совместного созидательного труда, благодаря которому они хотели добиться преобразования и расцвета того края, в котором жили.

Большинство людей отличались доброжелательностью и приветливостью. Они накормили путника и охотно объяснили, что делают в настоящий момент и каким хотели бы видеть в будущем свой край. Ему понравились их замыслы и планы. Он лишь с недоумением подумал, зачем и почему бежал, поддавшись панике. Хотел еще раз внимательно присмотреться к работающим людям, чтобы понять, что и как они делают. Но тут откуда-то

сзади налетел один из тех, кто преследовал бегущую толпу. Видимо, по какой-то причине он задержался и теперь, увидев пришельца, пришел в ярость. Лихорадочно и злобно сверкая глазами, он схватил пришельца за шиворот, резко встряхнул его и во все горло рявкнул:

– Отвечай, каналья! Ты зачем убегал от нас? Тебе что, не нравится наша свобода и демократия?

Недоуменно взглянув на невесть откуда взявшегося преследователя, путник растерянно переминался с ноги на ногу, собираясь с мыслями. Уже хотел было ответить, что бежал по недоразумению и вполне разделяет ценности свободы и демократии, более того – всю свою жизнь борется за них. Но промедление с ответом было достаточно для того, чтобы его втолкнули в группу людей, состоящую из нескольких человек, понуро стоящих в пыли на дороге и охраняющих воинственного типа стражниками, непрестанно кричащими: «Да здравствует свобода и демократия!» Вскоре всю группу повели по направлению к серому, мрачному зданию, стоящему в отдалении от домов, в которых жили те, кто радостно и самозабвенно трудился во имя процветания края, куда попал путник.

В течение нескольких дней путник находился среди тех, кого бросили в нежилую, темную и сырую комнату с единственным узким оконцем, через которое едва пробивался тусклый свет, давая смутное представление о смене дня и ночи. Это были такие же, как он, бедолаги, попавшие в руки преследователей. Никто толком не знал, что их ожидает. Ходили разные слухи. Одни говорили, что рано или поздно их всех неминуемо растерзают, ибо преследователи отличаются крайней жестокостью и беспощадностью. Другие полагали, что их должны вызвать на Великий Суд, где каждому будет дана возможность оправдаться и, если понадобится, искупить свою вину. Третьи считали, что произошло какое-то недоразумение и их непременно отпустят на свободу, так как они ни в чем не виноваты. Кто-то напутал или ошибся, приняв их совсем за других людей. Возможно, они сидят здесь только потому, что Правители этого края не знают об их мытарствах, а преследователи явно превысили свою власть. Надо немного потерпеть. Правители во всем разберутся и накажут преследователей, самовольно совершивших неправый суд над невинными людьми и заточивших их в эту ужасную комнату, лишенную элементарных житейских удобств.

Путник особо не переживал. Он сам сделал свой выбор, когда, ощутив новый прилив сил, дававший возможность оторваться от своих преследователей, решительно остановился, прекратив бессмысленный бег. Но почему бессмысленный? Да

потому, что случайно оказался в толпе бегущих, толком не разобравшихся ни в той обстановке, в которую он попал волею Судеб, ни в самом себе. Ему необходимо было понять, что случилось, что произошло в этом странном мире. Найти свое место в нем, определиться в жизни, чтобы с уверенностью смотреть в будущее. А для этого он должен знать, что делать и как жить дальше, кому и чему верить и за что бороться. Поэтому-то он и остановился, преодолев безотчетный страх. Остановился, чтобы сознательно разобраться во всем и действовать так, как подскажет его разум и совесть.

На третий день их пребывания в зловонной комнате, вызвавшей раздражение и отвращение, кое-что прояснилось. Оказалось, что все обитатели предстанут перед Великим Судом. Поговаривали, что это формальная процедура очищения души, перед тем как вступить в новую жизнь. Вызывают по три-четыре человека, задают ни к чему не обязывающие вопросы, на которые следует ответить правдиво, искренне и честно. Главное, что требовалось, – так это определиться по отношению к святыням, высоко чтимым в здешнем краю.

И действительно, вскоре их начали вызывать. Первые три человека ушли. Остальные стали ждать их возвращения, надеясь узнать подробности очищения души на Великом Суде. Но прошел день. Никто не возвратился. Оставшиеся забеспокоились. Что бы это могло значить? Неужели их все-таки растерзали? А может быть, им даровали жизнь, обратив в свою веру и отпустив на волю? Хуже нет неизвестности! Скорее бы наступил черед каждого!

Через день вызвали еще трех человек. Никто из них тоже не вернулся. Оставшиеся не знали, что и думать. Терялись в догадках, ломали себе голову, делились друг с другом своими домыслами и предположениями. Неопределенность гнетуще действовала на каждого, хотя далеко не все подавали вид, что они обескуражены, растеряны, пали духом. Некоторые же не были столь подавлены, что, казалось, еще немного – и они начнут бросаться на стенку. Любой стук в наглухо закрытую дверь приводил их в смятение, кидал в дрожь. Они боялись Великого Суда и заранее трепетали перед ним.

Путник был спокоен, сосредоточен. Он не видел причин бояться Великого Суда. Напротив, полагал, что очищение души, о котором так много говорили здесь, поможет ему разобраться в самом себе. Поэтому, когда в числе других его вызвали на Великий Суд, он с радостью и каким-то облегчением воспринял это известие и, распрощавшись с остальными, с легким сердцем двинулся за одним из стражников, который сопровождал их

процессию.

Они долго шли по лабиринту тускло освещенных коридоров, петляя по бесконечным закоулкам. Стены каземата были мрачными, гнетущими, невольно вызывающими беспокойство и безотчетное чувство настороженности. Кругом – ни души. Путник не оглядывался по сторонам, стараясь не поддаться эмоциям, подсознательно давившим на него при виде глухих, безучастных ко всему стен, готовых вот-вот зажать в каменные тиски. Дорога назад заказана, следовало идти только вперед, надеясь на скорейшее окончание пути.

После долгого блуждания впотьмах они, наконец, вышли в освещенное помещение и остановились перед массивной дверью, на которой было изображено что-то непонятное, но вроде бы знакомое, заставляющее напрячь память путника. Сопровождающий их стражник приказал ждать, а сам скрылся за дверью. Трое оставшихся переглянулись между собой, как бы подбадривая друг друга. Странник прислонился к стене и молча уставился на дверь, ожидая своего часа. Через некоторое время дверь отворилась. На пороге появился человек, одетый во все черное. Он внимательно посмотрел на стоящих людей и молча ткнул пальцем в одного из них, приглашая следовать за собой. Дверь бесшумно, но тяжело закрылась за ним.

Путник остался стоять, ощущая спиной холод от безмолвной стены. Он вновь взглянул на дверь. «Странно, – подумал он, – что-то знакомое просматривается в этом нелепом изображении на двери. Но вот что это?» Вроде бы он никогда не видел этот рисунок. Четыре лапы с когтями, как бы царапающие воздух и устремленные ввысь. Покрытое густой шерстью тело с изгибом внизу. С левой стороны тело завершается хвостом, изогнутым дугой по направлению к середине рисунка. Хвост переходит в голову то ли змеи, то ли дракона с разинутой пастью и высунутым языком-жалом. Правая часть туловища напоминает собой перевернутое изображение человека, держащего в руках лук с натянутой тетивой, впечатление такое, что этот перевернутый человек стремится поразить дракона, а тот в свою очередь собирается проглотить смельчака. И все это соединено вместе, как бы олицетворяя союз животного и человека, готовых нанести смертельный удар друг другу. «Что за странный символ! – невольно подумал путник. – Интересно, что бы он мог означать?»

Оторвав свой взгляд от двери, путник прикрыл глаза. Постоял немного, как бы отрешаясь от увиденного. Потом вновь взглянул на изображение. Нет, он незнаком с этим рисунком. Но какие-то детали ему до боли напоминают нечто такое, что он где-

то уже видел. Дракон, человек, общая для них верхняя часть с четырьмя лапами. «Постой, постой, – воскликнул он про себя! – Да это же копия грузинской миниатюры XI века под названием “Стрелец”. Ну да, конечно. Только почему-то перевернутая. И как он сразу не догадался. Однако не понятно, зачем надо было переворачивать все изображение. Бред какой-то. А может быть, это эмблема Великого Суда, имеющая свой скрытый смысл?! Но какой? В чем смысл данной эмблемы? И что отсюда вытекает?»

Он терялся в догадках, размышляя над столь необычным изображением. Пытался объяснить себе, что это значит, но ничего не мог понять. Да ему и не дали подумать. Дверь неожиданно открылась, и тот же самый человек в черном, который выходил в первый раз, взглянул на путника, ткнул в него палец и повел за собой.

Просторная комната, куда вошел путник, являла собой необычайное зрелище. Слева горел огромный камин, напоминающий гигантский костер времен Инквизиции, на котором некогда сжигали еретиков, ведьм, инакомыслящих. Справа на полу зияло отверстие, похожее на пропасть, словно здесь совершался древний обряд жертвоприношения во имя ублажения и задабривания разгневанных богов. В глубине комнаты, у стены стоял длинный, массивный стол. За ним в молчаливой, торжественной, но непринужденной позе сидело двенадцать Вершителей Судеб. Над их головами красовалось точно такое же изображение, которое спутник видел на входной двери. Одетые в черное одеяние Вершители Судеб добродушно смотрели на вновь входящего, будто приглашая его к откровенному, дружескому разговору.

Путника вывели на середину этой странной комнаты. Предложили ему стать на колени так, что левая сторона его лица оказалась освещенной языками пламени, а правая находилась в тени. Между коленями путника, как раз посередине, будто его расчленили на две части, оказалась белая линия. Левая щека оказалась объятая жаром, исходящим от камина, в то время как правая щека продувалась холодными струями воздуха, идущего из отверстия-пропасти, леденящими душу.

Путник приподнял голову и только тут заметил, что он находится в центре круга, разделенного белой линией на две равные половины. На одной из них, что находилась слева от него, большими буквами было написано непонятное ему слово «ОЛЗ». На правой половине круга было начертано «ОРБОД». Впереди его, пересекая белую линию, проступали еще два незнакомых и странных слова «АДОБОВС» и «ЯИТАРКОМЕД». И наконец, на торце стола, за которым восседали Вершители Судеб, красовалась

замысловатая надпись: «ОТК ЕН С ИМАН, ТОТ ВИТОРП САН». Путник ничего не понял из написанного, обратив внимание лишь на рифму «ИМАН» – «САН» и предположив, что это какое-то мудрое изречение, являющееся девизом Великого Суда.

Один из Вершителей Судеб, занимавший центральное место за столом, весьма представительный, с седеющими висками, довольно неопределенного возраста, хотя и не старый, поднял лежащий перед ним молоток и ударил им по большому медному блюду. Раздался громкий звук, глухо отозвавшийся во всех углах комнаты.

– Великий Суд готов выслушать тебя, незнакомец, – торжественно произнес обладатель молотка. – Мы, Вершители Судеб, хотим знать Правду и только Правду. Будь честным и искренним в своих ответах на наши вопросы. Но сперва скажи, с открытым ли сердцем и чистой душой ты предстаешь перед Великим Судом?

– Да, мое сердце открыто, и душа чиста.

– Хорошо, незнакомец. Итак, наш справедливый Суд начинается, – возвестил Главный Вершитель Судеб, как про себя назвал его стоящий на коленях путник.

– Твое имя, незнакомец? – спросил один из сидящих за столом, скрестив пальцы рук и чуть откинув назад голову.

– Сусии Сотсирх, – отчетливо произнес вопрошаемый, кротко, но с достоинством посмотрев на Вершителей Судеб.

Те с интересом и неподдельным любопытством рассматривали незнакомца, мучительно ловя себя на мысли, что где-то они уже видели этого бледного, со впалыми щеками человека. Овал лица, очертания бороды, спокойные и ясные глаза, незримая печать страдания и гордости, муки любви к ближнему – все это говорило о неистребимой силе духа далеко не простого смертного, смиренно, но не раболепно стоящего на коленях.

– Сусии Сотсирх? – переспросил Главный Вершитель Судеб, нараспев произнеся необычное имя и вслушиваясь в красоту и мелодичность его звучания. И тут же, не дожидаясь ответа, добавил:

– Весьма, весьма любопытно. Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, то можно надеяться, что наш Суд будет недолгим, и ты сможешь примкнуть к тем, кто самозабвенно трудится на нашей благодатной земле.

Наступило молчание. Вершители Судеб удовлетворенно поглядывали друг на друга. Некоторые из них приветливо улыбнулись, сбросив с себя маску официального высокомерия, и как бы дружески подбадривали все еще стоящего перед ними на коленях, но уже не разделенного от них барьером предвзятого

недоверия и подозрительности человека. На их лицах можно было отчетливо прочесть: «Не волнуйся, Сусии Сотсирх, все будет в порядке. Если мы зададим тебе несколько вопросов, то это пустая формальность. Того требуют наши обычаи, и мы лишь выполняем долг, предписанный нам Правителями этой земли».

– Почему ты бежал в толпе безумцев? – мягко и ненавязчиво задал вопрос один из Вершителей Судеб, особенно благосклонно и доброжелательно глядевший на ясного бородача, будившего у него какие-то смутные, далекие воспоминания.

– Я не знаю.

– Зачем же ты бежал?

– Многие бежали, и я, не заметив того, оказался среди них.

– И что же было дальше? – спросил крайний слева старец, теребивший в руках незнакомую Сусии Сотсирх вещь, напоминающую чётки. – Тебя схватили?

– Нет, я сам остановился.

– Выбился из сил? – вскинул голову тучный, обрюзгший, но не лишенный остатков былого лоска Вершитель Судеб, молчавший до сих пор.

– Нет, напротив, именно в то время у меня появилось второе дыхание.

– Почему же ты остановился? – прозвучал несколько хрипловатый голос длинношеего Вершителя Судеб, на целую голову возвышающегося над всеми остальными.

– Я прекратил свой бег, так как осознал, что не знаю, куда и зачем бегу.

Вершители Судеб переглянулись между собой. Они были довольны ответами человека, оправдавшего их ожидания и надежды.

– Мы верим тебе. Ты был искренним в своих ответах, – подытожил первую часть процедуры Великого Суда Главный Вершитель Судеб.

Сусии Сотсирх понял, что Вершители Судеб не столько верят ему, сколько знают, что с ним приключилось. Видимо, они были хорошо осведомлены о жизни и поведении тех, кого вызывали на Великий Суд.

– А теперь ты сам должен сделать свой выбор. Всякие сомнения исключаются. Ты находишься в середине круга. Тебе предстоит перейти на одну из его половинок, разделенных чертой. На размышления отводится три минуты.

Сусии Сотсирх посмотрел налево. Непонятное слово «ОЗЛ» ничего не говорило ему. Надпись «ОРБОД», начертанная справа, тоже не могла подсказать ему решения. Он пытался понять, на какую сторону следует перейти. Слепой выбор его никак не

устраивал. Тогда, чтобы выиграть время, он задал вопрос:

– Уважаемые Вершители Судеб! Что означают слова «ОЛЗ» и «ОРБОД»?

– Это не обязательно знать, – торжественно произнес Главный Вершитель Судеб. – Знание может зародить сомнение. Только спасительная Вера поможет правильно выбрать Судьбу. Веруй, и ты не ошибешься. У тебя осталось две минуты.

«Вера – это хорошо, – подумал про себя Сусии Сотсирх. – Вся загвоздка в том, во что я должен верить и во что могу поверить».

Ему нужна была не слепая Вера, а убежденность, основанная на знании и подкрепленная верой. Поэтому он стремился понять, что представляют собой обе половинки круга. Лихорадочно соображая, призывая на помощь всю интуицию, он невольно взглянул на Вершителей Судеб. Скользнул взором по изображению, находящемуся над их головами. Опять эта странная перевернутая картина! И тут его поразила догадка. Перевернутая миниатюра XI века. Именно перевернутая. Поставленная с ног на голову. Видимо, не случайно. А может быть, в этом все дело? Ну, конечно. Быстрее смотри надписи! «ОЛЗ». Перевернем в обратном порядке. Так и есть – «ЗЛО». Тогда «ОРБОД» означает «ДОБРО». Все ясно. Не мешкая ни секунды, Сусии Сотсирх вскочил на ноги и решительно шагнул на сторону Добра.

Вершители Судеб удовлетворенно и радостно закивали головами, одобряя сделанный выбор. Сусии Сотсирх стоял во весь рост, расправив плечи, и гордость распирала его от сознания того, что он все-таки понял игру, которая велась на Великом Суде. Теперь можно расшифровать и другие надписи, с тем чтобы определить свою линию поведения в дальнейшем. «АДОБОВС» – конечно же «СБОВОДА», а «ЯИТАРКОМЕД» – «ДЕМОКРАТИЯ». Именно так, то есть те символы, которые почитаются в этом неведомом ему крае. А надпись на торце стола? Сразу и не сообразишь. Медленно читаем. Что получается? Первое слово вовсе не ОТК, а КТО. Идем дальше, постепенно, до конца. Итак, «КТО НЕ С НИМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС». Что за чертовщина! Какой-то дремучий и настораживающий девиз, отдающий нафталинным духом непримиримой воинственности. Очень странно. Надо быть начеку.

– Вы достойно выдержали испытание, – прервал размышления Сусии Сотсирха Главный Вершитель Судеб, переходя с Ты на Вы. – От души поздравляем Вас и надеемся, что наши символы жизни вдохновят Вас на ратный, созидательный труд.

Последовало молчание. Судя по всему, Сусии Сотсирх должен был поблагодарить Великий Суд за оказанное ему доверие. Но

вместо этого он спросил:

– Прошу великодушно извинить меня, уважаемые Вершители Судеб. Я не понимаю тех надписей, что здесь начертаны. Не сомневаюсь, что это великие изречения. И все же хотелось бы знать, каковы символы той жизни, к которой Вы зовете.

Вершители Судеб недоуменно взглянули на человека, только что выдержавшего испытание. В глазах Главного появились злые огоньки, точно он хотел сказать: «Ты еще не отбросил свои сомнения, безумец! Разве тебе мало Веры, которая помогла тебе сделать правильный выбор!» Но он притушил злость и с мягкой, обволакивающей улыбкой ровным голосом произнес:

– Наши символы жизни – Свобода и Демократия. Высочайшие повелители этого края выдвинули их как программу преобразования нашей благословенной земли. И каждый, кто примет их, становится борцом за праведное дело, искореняет Зло и творит Добро.

Сусии Сотсирх вспомнил приветливых, доброжелательных людей, которые повстречались ему на пути и которые трудились во имя процветания их края. Они тоже говорили о Свободе и Демократии. И он с открытой душой готов был немедленно присоединиться к ним. Но эта страшная комната, где Вершители Судеб творили Великий Суд, почему-то не внушала ему доверия. Зачем и для чего в качестве символа Суда взята грузинская миниатюра XI века, к тому же перевернутая с ног на голову? Почему Добро и Зло, Свобода и Демократия закодированы таким образом, что сразу и не поймешь, что к чему? Зачем все это понадобилось Вершителям Судеб? Почему на торце стола написаны столь зловещие слова, свидетельствующие о непримиримости Вершителей Судеб к инакомыслящим? Почему они говорят вслух о Свободе и Демократии, в то время как молчаливые надписи перевернуты до неузнаваемости? Если они вывернули наизнанку Добро и Зло, то вовсе не исключено, что они перевернули и смысл этих понятий. Говорят о Добре, а вершат Зло. Призывают к Свободе и Демократии, а в действительности выступают против них.

Размышляя над всем этим, Сусии Сотсирх вдруг с ужасом подумал, что он стоит не на стороне Добра, как полагал до сих пор, а на стороне Зла. Ведь здесь все перевернуто вверх ногами. И Вершители Судеб улыбались ему только потому, что он, не ведая того, перешел на их сторону. Неужели они подбивают его на совершение Зла? Неужели они хотят сделать его пособником Дьявола? Знают ли Высочайшие Покровители этого края, что Вершители Судеб – скрытые, хорошо замаскированные злодеи, всячески препятствующие утверждению Свободы и Демократии?

Или, быть может, они заодно с Вершителями Судеб и только выполняют их волю, тщательно скрывая от простых людей? О, ужас! Что же я наделал?

Все эти мысли поразительной догадкой промелькнули в голове Сусии Сотсирха, и он растерянно посмотрел на Вершителей Судеб. Те, словно догадавшись, о чем думает этот с виду покорный, но в глубине души сомневающийся человек, в упор сверлили его своими вопрошающими глазами.

– Я вижу, – сердито промолвил Главный Вершитель Судеб, вновь переходя на Ты, – сомнения по-прежнему одолевают тебя. Значит, одной Веры тебе недостаточно. Это очень прискорбно и может плохо кончиться для тебя. Ты сомневаешься в наших святых символах и ценностях жизни?

– Нет, я верю, что Свобода и Демократия необходимы для процветания этого края.

– Тогда отбрось все свои сомнения и иди за нами.

– Я готов отдать все свои силы во имя достижения Свободы и Демократии. Но мне хотелось бы знать, что конкретно я буду делать, если последую за Вами.

– Для чего тебе это знание?

– Для того, чтобы творить Добро и не оказаться невольным пособником Зла.

– Верь нам и подчиняйся нашим указаниям. Большего от тебя не требуется.

– Но я обязан знать, что, следуя Вашим указаниям, буду творить Добро, – тихо, но твердо произнес Сусии Сотсирх.

Тягостное молчание повисло в комнате, где вершился Великий Суд. Языки пламени в огромном камине вспыхивали и вырывались, словно хотели добраться до человека, перешедшего на половину круга, освященного словом «ОРБОД». Холодные, пронзительные потоки воздуха, вырывавшиеся из отверстия-пропасти, словно кто-то перекрыл заслонку. Вершители Судеб угрюмо, чего-то выжидая, смотрели на Сусии Сотсирха. Наконец, Главный из них сурово сказал:

– Выбирай же, несчастный! Или ты идешь за нами, уверовав в наше дело, или остаешься со своими сомнениями, но тогда пеняй на себя. Отойди на три шага правее. Так. Хорошо. А теперь мы ждем твоего решения. От тебя требуется лишь одно. Скажи нам «Да». Молчание будет расцениваться как отказ. Смотри внимательнее. Вот песочные часы. Они рассчитаны ровно на одну минуту. Как только я их переверну и начнет сыпаться песок, знай, что идет твое время. Решай и выбирай свою Судьбу. С последней упавшей песчинкой она придет к тебе сама.

С этими словами Главный Вершитель Судеб перевернул

песочные часы, и все находящиеся в комнате застыли в молчании.

Сусии Сотсирха прошиб пот. Так и хотелось тут же громко крикнуть «Да» и прекратить этот безумный спектакль. Однако он словно онемел. Какое-то внутреннее чувство подсказало, что, сказав «Да», он автоматически становится пособником Зла. Он не мог объяснить, откуда и почему возникло это чувство. Но вся эта перевернутая с ног на голову символика не только настораживала его, но и неотвратимо убеждала в том, что он оказался втянутым в чудовищную игру, которая могла завершиться не фарсом, не комедией, а трагедией. Неотступно и навязчиво в сознание врывалась всполохом одна мысль: еще немного – и его бы одурачили. Он встал на сторону Добра, сделав правильный, как ему казалось, выбор, а очутился в ловко расставленных сетях Зла. По иронии судьбы Зло оказалось в Добре, а Добро во Зле. Где-то люди самозабвенно трудятся со словами на устах, а здесь в казематах Великого Суда творятся черные дела, о которых даже не ведают простые смертные. Однако еще не поздно отвратить беду. Во всяком случае, он не станет послушным орудием в руках Вершителей Судеб. Не даст одурачить себя окончательно.

С этими мыслями он посмотрел на песочные часы и отметил про себя, что отпущенное время скоро оборвется. Скользнул взглядом по перевернутому изображению «Стрельца». И вдруг ему показалось, что он увидел нечто странное. Он вспомнил, что на грузинской миниатюре XI века в руках человека был лук с натянутой тетивой, но отсутствовала стрела. Символика простая и в то же время мудрая. Дракон или змея не могли дотянуться до человека, тот же не мог поразить чудовище, ибо у него не было стрелы. Человек и зверь сидели в одном существе, противостояли друг другу, но их поединок не мог быть завершен сиюминутной победой стрельца. Ему еще предстояло победить и изыскать способы борьбы, укрощающие чудовище. Здесь же в казематах Великого Суда в изображении этой картины что-то неуловимо изменилось. Да, она перевернута. Но дело не только в этом. О, боже! Какой подлог! Какая неслыханная подлость! В руках стрельца находится остро заточенная стрела. Еле различимая из-за своего перевернутого изображения. Но она видна, если хорошенько присмотреться. Так вот в чем подлинный смысл Великого Суда! Вот чему поклоняются Вершители Судеб, начертавшие лозунг «Кто не с нами, тот против нас»!. А он-то, доверчивый, чуть было не поверил этим оборотням, перевернувшим все по-своему усмотрению. Еще немного – и он пошел бы за ними, ничего не подозревая и ни о чем не догадываясь. Пошел бы, помогая вершить Зло. Не ведая того и думая о Добре.

Бросив брезгливый и презрительный взгляд на Вершителей Судеб, Сусии Сотсирх в упор посмотрел в их бегающие, злые глаза. Они тоже поняли, что этот непреклонный человек, только что стоявший на коленях и, казалось, покорный своей Судьбе, разгадал их тайные мысли. Главный Вершитель Судеб не изменился в лице, но оно приобрело холодное, отчужденное выражение, не предвещающее ничего хорошего. Сусии Сотсирх не знал, как теперь поступят с ним. Но, что бы ни произошло, он не отступится от своего твердого решения. Выбор сделан. Им, этим жалким перевертышам, никогда не вырвать из него желанного им «Да». «Нет» и еще раз «Нет». Он не станет на сторону Зла. Не будет Иудой. Не перейдет в лагерь Сатаны. Останется гордым и независимым, даже если придется расстаться с жизнью.

Последняя песчинка опустилась на горку песка в нижней части часов, стоящих на столе. Время оборвалось. И не успел Сусии Сотсирх бросить в лицо Вершителей Судеб свое последнее «Нет», как под ним разверзлась бездна, и он полетел куда-то вниз. Лишь в последнюю секунду подумалось: «Так вот почему его заставили сделать три шага вправо. Там было отверстие-пропасть. Только невидимый механизм предварительно перекрыл это отверстие, и он фактически стоял на крышке люка». Но эта запоздалая мысль не имела уже никакого смысла.

Переворачиваясь, кувыркаясь в воздухе и нелепо размахивая в сторону руками, Сусии Сотсирх стремительно летел вниз, напоминая собой чуть деформированное распятие. Проблески сознания еще вспыхивали в его воспаленной голове. И с языка срывалось громогласное «Нет», переходящее в сплошной яростно-бунтующий крик. Сердце же разрывалось на части, готовое выпрыгнуть из груди. Руки и ноги дергались в предсмертных судорогах. Ярко вспыхнула молния, обожгла, опалила обмякшее тело, и из него вылетела душа, издавая еле слышный мелодично-трогательный, победно-печальный звон, которому вторили глухо звенящие и вызывающие скорбь колокола …

В ужасе проснувшись, бородатый молодой человек отрешенно и безмолвно лежал на измятой кровати. Чуть приоткрыв заспанные глаза и совершенно не понимая, где он находится и что с ним происходит. Приглушенно и навязчиво, но настойчиво и неотступно верещал электрический будильник, напоминая о том, что пора вставать и возвращаться из объятий Морфея в будничную реальность со всеми ее заботами, неизбежно возникающими повседневными проблемами, постоянными мелочами жизни. Молодой человек нажал на кнопку электрического будильника, привычно сел на кровать, плохо соображая, жив он или находится в небытии. И только через

некоторое время сообразил, что он находится дома и что ему приснился кошмарный, до сих пор вызывающий дрожь сон. Ужас, да и только! Чертовщина какая-то! И надо же такому присниться!

Он встряхнул с себя остатки сна и того кошмара, от которого еще не отошел. Поднял с пола упавшие со стула джинсы и просунул в них свои длинные ноги. Решительно направился в ванную, открыл кран с холодной водой, подставил под тугую струю голову и несколько минут фыркал, отдуваясь и разбрасывая брызги, пока не пришел в себя. Выйдя из ванной, небрежно бросил полотенце на стул, сделал упражнения с гантелями, несколько раз отжался от пола – и только тогда почувствовал себя нормальным человеком, готовым, как всегда, взвалить на себя крест обыденности и повседневности.

Спеша на работу, молодой человек совсем не думал о сне. Лишь одно имя, увиденное во сне, вызывало у него странное ощущение. Сусии Сотсирх врезалось ему в память. Но молодой человек так и не понял, что если прочитать в обратном порядке, это имя означает Иисус Христос.

Катастрофа

Разорванное острыми вершинами горных хребтов, прочертивших изломанную гряду вплотную нависших над ними грозовых туч, огненно-кровавое солнце внезапно скрылось за горизонтом, и темнота поглотила переливающиеся осенним золотом деревья, мелькающие по обочинам асфальтовой ленты, серпантином спадающей с оставшегося позади перевала. Включив фары ближнего света, брызнувшего снопом цепляющихся за крутые повороты лучей, Кондрашов уверенно вел светло-голубые жигули, приобретенные два года тому назад и сменившие потрепанный жизнью москвич, долгое время служивший верой и правдой своему хозяину. Собственно говоря, разлад в семье как раз и начался в то время, когда светло-голубой красавец, сверкающий отполированными боками и отражающий горделиво-степенное выражение лица его счастливого обладателя, вызвал неожиданную реакцию у жены.

– Купил все-таки. Я так и знала.

Ограничившись этими словами, не выражавшими особого восторга по поводу новой покупки, она скользнула безличным взглядом по машине, как-то странно посмотрела на мужа и, круто повернувшись, застучала босоножками, отбивающими с первыми шагами такт мелодии, удручающе прозвучавшей в тишине зеленого двора.

– Постой, Лариса! Ты что, не рада? Посмотри, какой красавец перед тобой! Новые жигули, только что с завода. Или, быть может, тебе не нравится цвет машины?

– Цвет изумительный, – остановившись и повернув голову в сторону мужа, безразлично ответила жена. – Поздравляю! Только думается мне, Вадим, теперь у тебя не останется времени для нас с Галкой. Ну, да бог с тобой! Об одном тебя прошу. Не соблазняй дочь дорожными путешествиями. Хватит с нее того печального случая.

Негромко, но твердо произнеся эти слова, Лариса отвернулась от мужа и направилась к подъезду девятиэтажного дома. Вытаскивая на ходу ключи от квартиры, она даже не обратила никакого внимания на пенсионеров, лениво стучащих костяшками домино по щербатому, покосившемуся столу, примостившемуся под густым каштановым деревом, разветвленная крона которого накрывала своей тенью безмятежно проводящих время людей. Кондрашов растерянно стоял возле машины, провожая недоуменным взглядом спину жены, наполовину успевшую скрыться в дверном проеме подъезда.

Он помнил, конечно, как более трех лет тому назад ему каким-то чудом удалось избежать автомобильной катастрофы. Тогда все обошлось сравнительно благополучно. Опоздай он на секунду, и его старый москвич непременно врезался бы в самосвал, неожиданно вынырнувший из переулка. Мгновенно среагировав не непредвиденную ситуацию, Кондрашов резко вывернул руль и, боковой дверью царапнув бампер самосвала, проскочил вперед, напряженно сжимая кисти вспотевших рук. Жена и дочь, до этого оживленно болтавшие о предстоящем купании в море, испуганно молчали. Лариса растирала колено, ушибленное в момент смертельно опасного виража. Галка старалась остановить кровь тыльной стороной ладони, которая медленно стекала по лицу из пряди волос, рассыпавшихся от столкновения с полиэтиленовой сумкой, в которой бултыхались остатки чая, вылившегося из разбитого термоса.

Человеческая память далеко не всегда сохраняет следы далекого или недавнего прошлого с предельной ясностью событий, некогда имевших место в жизни каждого человека. Но Кондрашов до сих пор не смог забыть отрешенные, побелевшие от испуга лица жены и дочери. Они не раз всплывали перед ним, стоило лишь Ларисе напомнить о том несчастном и, как оказалось, счастливом случае, ибо он мог закончиться весьма печально, если бы не олимпийское спокойствие и с годами выработанная выдержка Вадима. Вот и сейчас, когда послушная машина выписывала привычные зигзаги по извилистому серпантину горной дороги, с каждой минутой приближаясь к дому, Кондрашов вновь как бы наяву увидел съежившиеся плечи своей дочери и ее расширенные от пережитого ужаса зрачки, беспомощно обращенные к нему из-под непроизвольно подергивающихся ресниц.

Это воспоминание продолжалось и целиком овладело сознанием Кондрашова, оттеснив все другие жизненные переживания на задний план. Он отрешенно следил за дорогой, автоматически отмечая знакомые ему приметы, безошибочно подсказывающие о приближении очередного поворота. И лишь крутой вираж заставлял его внутренне собраться и сосредоточить внимание на впереди идущей машине, лихо обогнавшей его на одном из коротких отрезков дороги, но закрученной в замысловатую спираль. В другое время Кондрашов не позволил бы какой-то машине обойти себя. Спортивный азарт гонщика глубоко сидел в его своенравной душе. Но сегодня мучительные воспоминания всполохом грозовых молний врезались в его сознание, они притупляли спортивный азарт и ярко напоминали о прошлом, которое по мере приближения к дому раскручивалось

в обратном порядке, вызывая щемящее чувство тоски и боли.

Это сейчас, когда минувшие события последовательно нанизываются на нить воспоминаний, можно докопаться до истоков разлома в семейной жизни. Поэтому-то невольно в сознание врываются, как живые, картины того памятного происшествия, которое подталкивало к размышлениям о незавидной судьбе, так незаслуженно обрушившегося на человека, до недавнего времени считавшегося удачливым, счастливым и благополучным во всех отношениях.

Нет, разлад в семье начался не с покупки Кондрашовым жигулей, а значительно раньше. Странная и непонятная реакция Ларисы на машину была лишь одним из звеньев, постепенно ломавшихся в пятнадцатилетней цепи их совместного проживания. Трудно, пожалуй, даже невозможно объяснить, как, когда, а главное – почему произошло то, что они стали чужими людьми. Только в последние годы Кондрашов стал замечать проявление отрешенности, замкнутости и отчуждения Ларисы, как это имело место в случае покупки нового автомобиля.

Правда, между ними уже давно не было светлой радости от не столь частных интимных отношений, которые заставляли позабыть все на свете в первые годы их совместной жизни, когда они страстно мечтали о ребенке и с волнующей тело и душу нежностью относились друг к другу. Но как-то само собой постепенно они втянулись в повседневные заботы, и оказалось, что между ними не так много общего, способствующего внутреннему горению и порождающему необходимое для семейного очага тепло. Даже рождение дочери не способствовало поддержанию пламени, ранее бушевавшему в их душах. Скорее напротив, как это ни странно, но оно только ускорило процесс молчаливого ухода каждого в себя. Лариса стала жить исключительно тревогами и заботами о маленькой дочери, родившейся болезненной и требующей постоянного внимания. Она все делала сама, не доверяя Вадиму ребенка. А он, видя свою беспомощность и бесполезность в деле медицинского ухода за дочерью, оставался в стороне. Кондрашов отличался завидным здоровьем и никогда в своей жизни не обращался к врачам, поскольку не питал к ним особого доверия. Поэтому он не понимал свою жену, полностью погруженную в тревоги за дочь, и большую часть своего свободного от работы времени с удовольствием копался в моторе и запчастях москвича.

Позднее, когда Галка превратилась из болезненного, вечно плачущего грудного ребенка в довольно пухленькую и веселую девчушку, в семейной жизни супругов не произошло каких-либо существенных изменений. Лариса по-прежнему занималась

дочерью, обращая все меньше внимания на своего мужа. Вадим же с головой ушел в свою работу и, став программистом высокого класса, постоянно находился в разъездах, отлаживая сложные программы для компьютеров, чьи хозяева ничего не смыслили в технике. Если он и бывал дома, то чаще всего застревал в гараже, где неизменно находил себе какое-либо дело. Даже совместные поездки к морю, что, впрочем, случалось крайне редко, не могли уже растопить тот лед отчуждения, который как-то незаметно проник в их отношения.

Долгое время Вадим вообще не задумывался над своей семейной жизнью. Все его знакомые находились примерно в таком же положении. Работа, увлечение машиной или дачей, дом, жена, ребенок – так жили многие мужчины, не делающие никакой трагедии из того, что большая любовь, о которой мечтает каждый в молодые годы, оказывается чем-то недосягаемым. В повседневной суете любовь проходит, тускнеет, увядает, оборачивается привычкой видеть перед собой до мелочи знакомое лицо жены. Былые ощущения уже не вызывают душевных волнений, и страсть постепенно угасает, подпадает под пресс тех неотложных проблем, которые возникают в жизни.

Это не означает, что большая любовь полностью исключается из жизни некоторых людей. Кондрашов был свидетелем того, как кое-кто из его знакомых продолжал, как и в молодости, любить ту женщину, с которой связал свою судьбу. Взять хотя бы отличного мужика Иннокентия Владимировича, с которым Кондрашов познакомился во время своей очередной командировки, а позднее с удовольствием приходил к нему домой в гости каждый раз, как только служебные дела вновь забрасывали его в тот неизвестно чем понравившийся ему городишко. Стоило только взглянуть на Иннокентия Владимировича и его миловидную жену, сохранившую, несмотря на свой уже немолодой возраст, по-домашнему скромную, оттененную серебряными прядями волос красоту и какую-то неиссякаемую жизненную энергию, как сразу же бросалось в глаза то явно проступающее между ними, но не поддающееся стороннему объяснению чувство глубочайшего взаимопонимания, обожания, нежной привязанности и чего-то глубоко-неуловимого, что называется большой любовью между мужчиной и женщиной.

Пожалуй, лишь после знакомства с этой удивительной счастливой семьей, в которой столь редкостная по своей красоте и неувядаемости любовь между представителями старшего поколения наложила свой отпечаток на отношения между родителями, детьми и внуками, Вадим как бы другими глазами взглянул на свою собственную семейную жизнь. Вот тогда-то

впервые за многие годы он вдруг ощутил утрату чего-то крайне важного, жизненно необходимого, без чего пропадал смысл его бытия как мужчины, да что там мужчины, как человека, наделенного страстями, желанием и разумом. Та жизнь, которая до сих пор воспринималась им как вполне соответствующая понятию нормальной семьи, в действительности оказалась лишенной основного стержня, скрепляющего не только союз между мужчиной и женщиной, но и все другие связи с миром.

Вадим ужаснулся от того, что так долго не понимал простой истины. Ведь жизнь без любви – это не более чем беспросветное существование, подчиненное необходимости обыденной и повседневной суеты со всеми вытекающими последствиями, окрашенными то в радужные, то в мрачные тона в зависимости от вызывающих гордость побед и щемящих сердце поражений, которые нам приходится испытывать постоянно, вращаясь в круговороте нескончаемых дел.

Пришедшее к нему понимание утраты глубинной связи с миром омрачило душу и привело к сумятице всех чувств. Но это продолжалось недолго. Повседневная жизнь с ее извечной спешкой не давала возможности окунуться в преисподнюю самоанализа, нутром почувствовать масштабы и глубину внутренней катастрофы, так неожиданно обрушившейся на его голову. По-прежнему занимаясь хитроумными комбинациями, связанными с построениями совершенных компьютерных программ и приобретением дефицитных запчастей для потрепанного москвича, Кондрашову некогда было осмысливать то прозрение, которое пришло к нему.

Правда, время от времени в его сознание врывалась шальная мысль. То о собственной вине перед женой и дочерью. То о необъяснимых капризах Ларисы, не желающей понять психологию мужчины и принять ее всем сердцем как нечто данное, с чем приходится считаться, коль скоро состоялась семья, пусть и не совсем идеальная, как того хотелось бы. Но Вадим не собирался быть ни обвинителем, сваливающим на хрупкие плечи жены все грехи несостоявшейся большой любви, ни обвиняемым, раскаивающимся в своем бессилии изменить что-либо к лучшему и пытающимся возродить из пепла некогда полыхающее пламя взаимной любовной привязанности друг к другу. Не осознавая того, он всячески отгонял от себя тревожные мысли, стараясь с головой окунуться в беспокойную работу и забыться в лихой езде по горным дорогам. Дорогам, где на крутых виражах душа замирала от восторга, а сердце готово было выпрыгнуть из груди навстречу обжигающему ветру.

Во время езды на автомобиле он забывал обо всем. Она

приносила ему несказанную радость, являясь, по сути дела, компенсацией за ту нереализованную, загнанную вовнутрь потребность в большой любви. Той любви, о которой Вадим мечтал в безмятежные, полные надежд и очарований молодые годы.

Конечно, не надо было отмахиваться от разговоров с женой в то, увы, минувшее время, когда она еще пыталась выяснить его отношение к ней, чуть смущенно спрашивая, любит ли он ее, как прежде, в первые годы их совместной жизни. Но это почему-то угнетало Вадима, и он предпочитал отшучиваться, бодро отвечая, что, разумеется, любит, и в доказательство того неизменно целовал Ларису, которая доверчиво тянулась к нему, обвивала его шею, что, как правило, вызывало дрожь в ее молодом теле, требующем страстной любви до мурашек. Он даже не заметил, когда жена перестала обращаться к нему с этим наивным вопросом. А Лариса женским безошибочным чутьем почувствовала образующуюся между ними пустоту. Сперва замкнулась в себе, излив все свои нерастраченные чувства на маленькую дочь. Затем увлеклась изучением французского языка и чтением художественной литературы на языке оригинала, постепенно перестав интересоваться делами Вадима, оставив его в покое и не досаждая щекотливыми вопросами, относящимися к его личным переживаниям.

Так и повелось в их семейной жизни, что каждый был как бы сам по себе. И только маленькая дочь своим неподражаемым щебетанием и сказочно-прелестной улыбкой поддерживала атмосферу сердечной привязанности и служила шатким мостом, перекинутым через невидимо разрушаемые берега семейной идиллии, подмываемые бурлящим потоком неутоленной любви. Позднее, когда Галка пошла в школу и у нее появились свои, скрываемые от родителей тайны, привязанности и интересы, этот шаткий мостик уже не мог связывать между собой подмытые берега. Те берега, которые безучастно, молчаливо и обреченно смотрели в омуты и водовороты, засасывающие в свои темные глубины песок и камни, срывающиеся с обнаженной и незащищенной крутизны.

Уезжая в командировку, Вадим не задумывался над тем, как и с кем проводила вечера его жена. Почему-то он был уверен, что Ларису ничего не волнует, кроме здоровья их дочери. Иногда, укладываясь спать в гостиничном номере, перед ним всплывала одна и та же картина: сладко спящая дочь, обнимающая любимую игрушку, и Лариса, устроившаяся в кресле возле вишневого цвета торшера и читающая новый французский роман.

Для Вадима было полной загадкой то, откуда его жена

доставала художественные французские книги. Однако он никогда не спрашивал ее об этом, лишь порой подшучивая над ее увлечением и полагая, что именно таким образом Лариса компенсирует свои девичьи мечты о сказочном принце, увозящем ее в далекие экзотические страны. Если бы кто-то сказал ему, что его жена способна увлечься не героем французского романа, а коллегой по работе или незнакомым мужчиной, случайно встретившимся на улице, то он бы только посмеялся над этой неудачной шуткой. Да, между ними нет большой любви, делающей женщину самым счастливым человеком на свете. Но нет и тех разъедающих душу ссор, которые часто происходят в иных, с виду добропорядочных семьях и нередко отравляют жизнь раздраженных супружеских пар, вечно недовольных друг другом.

Сам Вадим не был аскетом. Нельзя сказать, чтобы он волочился за прекрасным полом. Напротив, его не обуревали любовные страсти, ради удовлетворения которых он мог бы потерять голову. Порвать со своей семьей и начать совершенно иную жизнь с одной из молодых, привлекательных девушек, обожавших его на работе и неоднократно оказывающих ему недвусмысленные знаки внимания. Тем не менее Вадим иногда позволял себе иметь такие отношения с женщинами, о которых его жена ничего не знала. Но сам он не испытывал большого удовольствия от кратковременных встреч, никогда не искал их, а если ему приходилось оказываться в объятиях какой-нибудь женщины, то инициатива, как правило, исходила не от него.

Несмотря на то что между ними с Ларисой давно сложились не то чтобы ровные, но какие-то отрешенно-безразличные отношения, притупившие чувство восхищения и восторга, возникавшие лишь в первые месяцы после его женитьбы, Вадим по-своему был привязан к жене. Знакомство с Иннокентием Владимировичем вызвало удивленную радость от того, что все же есть счастливые люди на свете, хотя сам он при этом испытывал чувство досады за свою жизнь, не наполненную сокровенным смыслом бытия. И все же он не допускал даже мысли, что каким-то образом необходимо разорвать семейные узы, оказавшиеся не столь притягательными, но и не настолько обременительными, чтобы лишить себя привычного уклада жизни. Поэтому для него было совершенно неожиданным, когда однажды вечером Лариса без малейшего волнения в голосе обратилась к нему. Отложив книгу в сторону и повернувшись к телевизору, где муж смотрел какую-то передачу, она со свойственной ей прямотой спокойно сказала:

– Извини, Вадим, но я решала уйти от тебя. Так будет лучше.

– Для кого лучше? – не отрываясь от телевизора, переспросил

он, еще не осознавая происходящего и обращаясь к жене с вопросом скорее по привычке, чтобы создать видимость поддержки разговора, вовсе его не интересовавшего.

– Для меня и для тебя. Ведь мы оба давно не любим друг друга, и ты это прекрасно знаешь.

– Постой, о чем ты говоришь? – переспросил муж, до которого наконец-то дошел смысл слов, сказанных женой. – Ты что, действительно собираешься уйти из семьи? И что это на тебя нашло?

Вадим приглушил звук телевизора и, повернувшись к Ларисе, с недоумением посмотрел на ее немного утомленное и побледневшее лицо. Только теперь он понял, что его жена серьезна как никогда, а начатый ею разговор внутренне выстрадан и неотвратимо подводит к той последней черте их многолетних отношений, за которыми стоит пропасть отторжения и отчуждения.

– Эх, Вадим! Да разве у нас есть семья? Ты сам по себе. У нас с Галкой своя жизнь, которая тебя мало интересует.

– Это не так, вернее не совсем так, Лариса.

– Нет, дорогой Вадим, именно так. И тебе это хорошо известно. Впрочем, сейчас уже не имеет смысла об этом говорить. Я действительно ухожу от тебя.

Лариса машинально поправила прядь волос, выбившуюся из-под заколки, слегка прикрыла глаза, а затем, словно справившись с минутной слабостью, навеянной каким-то далеким воспоминанием, вздернула вверх ресницы и внимательно посмотрела на мужа.

– Если тебя действительно интересует, как давно я пришла к данному решению, то могу сказать одно. Последние годы мне было особенно тяжело. Я поняла, что у меня нет больше сил делать вид, будто у нас с тобой все прекрасно. Но вот решиться на последний шаг все никак не хватало духу. И все же рано или поздно это должно было случиться. Так что не будем делать из этого ни трагедии, ни комедии. Завтра я уезжаю в другой город, где уже договорилась с работой. Надеюсь, это тебя не огорчит. Я просто уверена, что ты даже будешь рад моему отъезду. В самом деле, довольно притворяться. Как это ни прискорбно, но, несмотря на пятнадцать совместно прожитых лет, мы с тобой так и не стали близкими людьми, не способными жить друг без друга.

Вадим понимал, что его жена в чем-то глубоко права, хотя и не мог до конца осознать случившееся. Он все еще не мог поверить в то, что Лариса так запросто может уйти из дома, оставив его одного. А как же он будет жить? Неужели лишится дочери? Останется один-одинешенек в этой квартире, являвшейся

немым свидетелем исподволь происходящей, точнее уже происшедшей ломки их семейной жизни?

Посмотрев в глаза мужу и тотчас догадавшись о его мыслях, Лариса спокойно заметила:

– Я уже говорила с дочерью. Она будет жить со мной. Надеюсь, будучи свободным и не обремененным семьей, ты еще сможешь найти свое счастье в жизни. А теперь давай спать. Завтра у нас с Галкой будет много хлопот, связанных с отъездом. Надо успеть собрать необходимые вещи и уладить некоторые формальности на работе. Спокойной ночи, Вадим! Да, если сможешь, подвези нас в пять часов вечера к вокзалу.

Прошло полгода с того памятного разговора Вадима с женой. Он проводил Ларису и дочь на вокзал, помог им сесть в вагон поезда. Давал какие-то советы, как лучше устроиться в купе, пытался шутить, говоря о том, что пусть посмотрят достопримечательности прекрасного города на Неве и возвращаются домой. Старался выглядеть бодрым, энергичным, неунывающим. Однако в глубине души ощущал гнетущую пустоту, тошнотворным комом подкатывающую к горлу и обжигающую ледяным дыханием предстоящего одиночества.

Только когда отошедший от перрона поезд, вильнув виновато хвостом, скрылся за поворотом убегающих в даль рельс, а смахивающие украдкой слезы или возбужденно радостные лица провожавших довольно быстро разошлись по своим неотложным делам, Вадим по-настоящему осознал непоправимость того положения, в котором оказался. И тут впервые в жизни он почувствовал неизвестную ему ранее боль, как будто острые, раскаленные на горячих углях иглы вонзились в растревоженное сердце, от чего внезапно потемнело в глазах и тело свело судорогой, будто через него пропустили электрический ток.

Вот и сейчас, вспоминая прощание на вокзале со своей женой и дочерью, Вадим ощутил глухие внутренние толчки в области сердца, поднимавшие волны смутного беспокойства. Беспокойства, перерастающего в чувство отчаяния от того одиночества, которое одолевает последние полгода и особенно остро дает знать о себе дома в вечерние часы, когда от нечего делать он сидит, уткнувшись в экран телевизора, и нет-нет да бросает свой отрешенно-тоскливый взгляд на пустующее кресло ушедшей от него жены.

Как бы отвечая на эти внутренние толчки, исходящие из глубины человеческой души, светло-голубые жигули взвизгнули потертыми шинами колес, миновав последний крутой поворот, и, вырвавшись на простор прямой асфальтовой ленты, помчались навстречу мерцающим огням приближающегося города. Еще

минут пятнадцать езды – и машина остановится у девятиэтажного дома, в котором на фоне ярко освещенных окон лишь два окна будут печально смотреть своими темными глазницами на рассыпанные по небу звезды, словно безмолвно жалуясь на свою судьбу.

Черный шарик

Шел 1988 год. Электричка плавно отошла от перрона, набирая скорость, затем неожиданно дернулась и резко остановилась. Лопатки Виктора уперлись в спинку жесткого сиденья, а плюхнувшийся напротив его пожилой грузный мужчина, по инерции подавшийся всем телом вперед, неловко взмахнул руками и наступил на ногу, причинив нестерпимую боль.

– Извините, – хрипло пробасил мужчина, отодвигаясь назад.

Виктор ничего не сказал, хотя на языке вертелось замысловатое ругательство. «Старый хрен, – произнес он про себя. – Козел безрогий. Отрастил брюхо, наел харю, а удержаться не может». И хотя он понимал, что добродушно улыбающийся мужчина не виноват, тем не менее испорченное ранее настроение, усиленное болью в отдавленной ноге, поднимало волну душевного гнева и возмущения.

Под сиденьем что-то заурчало. Вагон задрожал, и электричка рванулась вперед, оставляя позади себя Ленинградский вокзал. За окном промелькнули привокзальные строения, в сгущающихся сумерках забрезжили огни однообразно тянувшихся высотных коробок. Виктор хмуро и тупо смотрел в окно на привычный безликий городской пейзаж, невольно задержав взгляд лишь на проплывающей мимо него Останкинской башне, взметнувшейся ввысь к облакам и, словно в документальном кино, проплывшей мимо него.

Устроившись поудобнее, втянув голову в плечи и привалившись к спинке сиденья, Виктор закрыл глаза, чтобы не видеть ни ерзавшего напротив мужчину, ни остальных пассажиров. Однако успокоения не пришло. Скорее наоборот, беспокойные, тревожные мысли стали усиленно бомбардировать сознание, выбивая из него языки пламени, обжигающие все внутри и вызывающие подкатившую к горлу тошноту, как будто угарным дымом заполнило легкие.

До чего же муторно на душе! И надо же было так фраернуться! Черт дернул идти в тот магазин! Сейчас бы не мучился и не переживал. И деньги были бы целы, и домой бы ехал в приподнятом настроении. А теперь, что он скажет Нинке? Да, она его загрызет, как только узнает, что он не только ничего не купил из заказанного ею, но и остался без денег. Всю жизнь будет пилить за эти несчастные двести пятьдесят рублей. Будь они трижды прокляты! Нет, надо что-то придумать. Иначе от попреков жены житья не будет.

Промелькнувшие в голове мысли вызвали тягостное чувство вины, нарастающее по мере того, как Виктор представлял картину своего возвращения домой. Нинка в замызганном халате, с бигудями на голове, сидящая на краю измятой постели. Ее срывающийся на крик писклявый голос, наводящий беспросветную тоску. Опять будет давить на психику и попрекать его почем зря. Не зря, конечно. Двести пятьдесят рублей не валяются на дороге. За них надо горбатиться целый месяц. А тут были денежки, и нет их. В один миг испарились неизвестно куда. Ну как объяснить это Нинке? Рассказать ей все, как было? Не поймет. Только еще сильнее начнет психовать. Может быть, сказать, что потерял? Запричитает, заругается, непременно обзовет растяпой, а то и пустит четырехэтажным матом. Это у нее здорово получается, особенно когда войдет в раж. А если рассвирепеет, то лучше не подходи. Запустит тем, что под руку попадется. Злющая становится, стерва, когда речь заходит о деньгах. Потерял!? Легко сказать. А что будет потом? Нет, знаю я Нинку, как облупленную. Лучше об этом не заикаться. Себе дороже. Вот жена Кешки поняла бы. Во всяком случае, не стала бы кидаться, словно разъяренная тигрица. Скорее пожалела бы, успокоила. Не то что Нинка, вот шебутная баба! Заводится с полуоборота. Только заикнись об исчезнувших деньгах. Такой хай поднимет, хоть из дома беги.

Виктор поежился. Услышав неожиданно поднявшийся в вагоне шум, приоткрыл глаза. В проходе маячили контролеры. Один из них повышенным голосом требовал уплатить штраф за безбилетный проезд. Суетливая толстушка, в синей куртке и в шапочке с желтым помпоном, пыталась объяснить контролеру, что, опаздывая на электричку, не успела купить билет. А следующая электричка идет только через час. Давайте, говорила толстушка, я вам сейчас заплачу за проезд. Поспешно достала из сумочки мелочь и все пыталась всучить ее старшему контролеру. Но тот неумолимо стоял над душой. Виктору достаточно было взглянуть на непреклонное лицо контролера, чтобы уяснить себе возникшую ситуацию. Влипла толстушка, не отделаться мелочью, придется выкладывать три рубля.

Порывшись в кармане, Виктор извлек из него помятый билет и протянул его высокому худощавому парню с красной повязкой на рукаве. Тот повертел билет, пробил на нем дырку и вернул назад. Хорошо еще, подумал Виктор, что утром он взял билет сразу в оба конца. Иначе сейчас бы крутился, как толстушка. В кармане осталась мелочишка, копеек тридцать, не больше, но этого не хватит на билет. Вот был бы хорош! Мало того, что лишился кровных, честно и с трудом заработанных денег. Еще и

штрафанули бы. А так как раз в кармане пусто, наверняка поволокли бы в милицию, накатали бы бумагу на работу. Это точно. С долговязым парнем можно было бы и договориться. Старший же контролер – типичный монстр. Такой ни за что не отцепится. Сдерет три шкуры, а своего добьется.

Вынудив толстушку уплатить штраф, контролеры перешли в другой вагон. Виктор машинально скомкал билет, хотел выбросить под сиденье, но затем передумал и сунул в карман. Береженого бог бережет, подумал он. Лучше от греха подальше. Кто знает, вдруг, дойдя до конца состава, контролеры сделают второй заход в поисках новых зайцев. И такое бывает. С них станется. Может быть, они план выполняют. Как-никак, конец месяца. Пошерстят народишко, дачников и иногородних, глядишь – и премию отхватят за бдительность. Премия! Вроде бы тоже должны дать на работе. Бригадир обещал. А он слово держит, тем более что не подвели его, сделали все, как полагается. Только эта премия пойдет теперь на покрытие улетучившихся двухсот пятидесяти рублей.

Виктору стало плохо при одной только мысли о деньгах. Он опять закрыл глаза, отгоняя от себя все то, что терзало его последние два часа. Попытался вздремнуть. Но воспоминания о так бесславно завершившемся субботнем дне опять захватили в свой плен. Перед его мысленным взором бешено закрутился маленький черный шарик, до сих пор завораживающий и притягивающий к себе. Он маячил, дразнил, завлекал, не отпуская ни на минуту. Надо же напасть какая! Это все он виноват, злодей. Если бы не этот черный шарик, деньги бы остались в целости и сохранности. Вот змей! Обчистил до нитки. И как это случилось, черт возьми? Уму непостижимо!

В который уже раз Виктор начинал раскручивать перед собой ленту воспоминаний, стараясь до мелочей воспроизвести прошедший день, особенно последние часы, в течение которых лежащие в кармане двести пятьдесят рублей уплыли в чужие руки. С чего же все началось?

Еще вчера вечером он договорился с Нинкой, что в субботу утром поедет в Москву. Хотел приобрести кое-какие детали для мотоцикла, прицениться к новому магнитофону, купить батарейки для электронных часов. Разумеется, Нинка тут же надавала всяческих заказов, особенно продуктовых. Скрепя сердце выделила двести семьдесят рублей. Вдруг попадется что-нибудь стоящее. Просила посмотреть приличные женские сапожки. Он, конечно, на все соглашался. Сапожки, так сапожки. Хотя стоят будь здоров – рублей сто тридцать, не меньше. Ну, да черт с ними! Хочется Нинке пофорсить. Можно и уважить, лишь

бы отвязалась. Зато подобреет, лишний раз не будет скупердяйничать и лезть в бутылку из-за потраченных на пиво и сигареты трех – пяти рублей.

Погода выдалась отменная. По-осеннему ласковое солнце доставляло радость, отогревая душу от той муторной нервотрепки, которая начиналась с раннего утра, стоило лишь Нинке стать не с той ноги. Правда, на этот раз жена придерживала свой длинный змеиный язык. Понимала, что может остаться без сапог, если слишком переусердствует. И все же, напутствуя на дорогу, не удержалась, язва. Береги деньги, говорит, не трать по пустякам. Поэтому настроение несколько подпортилось, омрачилось. Но бодрый воздух и солнечные лучи сделали свое дело. Все домашние заботы и дрязги остались за порогом квартиры.

Суматошная Москва обрушилась на Виктора, втянула его в свою столичную круговерть, как только напирающая сзади толпа вытолкнула его на перрон из переполненной электрички. Совсем другая жизнь здесь. Только поспевай. Многие приезжие жалуются: давка, толчея, спешка, того и гляди оттопчут ноги или толкнут, что забудешь мать родную. Сумки, авоськи, оторванные пуговицы от пальто, неприветливые, полные нетерпения лица людей, стоящих в длинных очередях и переругивающихся друг с другом, – все это устрашающе действует на многих приезжих, привыкших к тишине и неторопливому ритму провинциальных городишек. Виктор же, напротив, ощущал прилив сил и энергии в себе, чувствовал рвущуюся наружу напористость, как только попадал в мясорубку столичного столпотворения с его беготней по магазинам, мясорубку, перемалывающую кости тем, кто не может приспособиться к бешеным скоростям. Он с удовольствием рвался в самую гущу людей, проталкиваясь к всевозможным прилавкам, чтобы успеть схватить то, что ему было нужно и что можно достать только в столице.

Нырнув в метро на Комсомольской площади после посещения Московского универмага, где он почти ничего не купил, Виктор сразу же поехал в ГУМ. За пару часов пробежался по магазинам, расположенным на Калининском проспекте. Заскочил на Арбат, чтобы мельком взглянуть на столичную богему, ошивающуюся там по выходным дням. Перекусил на ходу в каком-то небольшом кафе, съев пару бутербродов с колбасой и запив их томатным соком. Наконец, поехал в сторону Ленинского проспекта, намереваясь приобрести в фирменном магазине «Электроника» батарейки для часов и для микрокалькулятора, о чем его просил старый приятель, с которым он столкнулся по дороге, когда утром спешил на электричку.

Как-то один из знакомых корешей Виктора подсказал, что запасные части для мотоцикла можно приобрести в специальном магазине, расположенном на тихой улочке между Ленинским проспектом и Профсоюзной улицей. Этот магазин находился вдали от тех маршрутов, по которым обычно снуют приезжие. Однажды Виктор уже побывал там и поэтому предварительно наметил себе такой план хождения по Москве, чтобы, выскочив из метро «Академическая», сперва забежать в этот магазин, приютившийся на улице Ивана Бабушкина, а затем, доехав на трамвае до Ленинского проспекта, завершить весь маршрут посещением «Электроники», а оттуда уж двинуть на вокзал.

В магазине, где можно было приобрести необходимые ему запчасти для мотоцикла, Виктор долго не задержался. Народу было немного. Правда, найти все, что хотелось, не удалось. Кое-что по мелочи купил. Но в основном остался при своих интересах. Увы, наиболее ходовые запчасти – дефицит. Даже шустрые мужички, сновавшие между покупателями и предлагающие из-под полы некоторые запчасти, не смогли удовлетворить запросы Виктора. Один низкорослый, щербатый мужичок заломил такую цену за пустяковую, но редко поступающую в продажу деталь, что Виктор не удержался и послал его подальше. Вот наживаются, прохиндеи, подумал он. Ни пыльно, ни холодно. Два-три часа проторчал в магазине, посуетился немного, глядишь – и наскреб кругленькую сумму денег. Это же надо, проходимцы! Устроились – не бей лежачего! А тут вкалываешь в поте лица, все гонишь план, пожрать толком не успеваешь. Не даром говорят: у нас кто не работает, тот не есть, а кто работает, тому и поесть некогда. И после работы мотаешься туда-сюда. Чего-то достать, кого-то просишь, уговариваешь. Вот житуха! Этим и пользуются ловкачи вроде этого щербатого. Небось, стырил где-нибудь то, что предлагал по безбожной цене. Нашел лопуха. Пусть лучше двигает отсюда подальше. Как-нибудь перебьюсь. Не Рокфеллер сорить деньгами. Поищу сам то, что нужно. Пока не очень горит.

Мысленно выругавшись и плюнув на все, Виктор заспешил в магазин «Электроника». На Ленинском проспекте пришлось пропустить два троллейбуса, так как они были настолько переполнены, что при всех героических усилиях втиснуться в них не удавалось. Правда, когда на остановке в одном из этих троллейбусов перекошенная дверь осталась полуоткрытой, Виктор умудрился схватиться за поручень и повис, надеясь своей массой чуток потеснить плотно спрессованных пассажиров. Но выскочивший из троллейбуса водитель так понес на него, что пришлось отказаться от намерения воспользоваться этим транспортом. Только с третьей попытки удалось взять штурмом

подошедший автобус и кое-как доехать до магазина «Электроника».

К счастью, в магазине продавались батарейки для электронных часов. Виктор тут же приобрел их. Что касается батареек для микрокалькулятора, то на этот вопрос молодой, видимо, недавно приступивший к своим обязанностям, но уже поднаторевший в этом деле продавец, снисходительно улыбаясь, ответил: мол, заходите, бывает, что нужные вам батарейки скоро поступят в продажу. Вот остряк! Впрочем, его можно понять. Если на такой работе не шутить, то быстро нервишки расшатаешь. Поэтому Виктор не стал приставать к продавцу, уточнять, когда именно бывают батарейки к микрокалькулятору. Тем более что старый приятель, просивший посмотреть эти батарейки, все поймет, как надо, и не обидится на него.

Выйдя из магазина, Виктор хотел было направиться в сторону метро, раздумывая лишь над тем, на какую станцию ориентироваться, на «Юго-Западную» или на «Вернадского». Но, увидев прохожего, тащившего книжную полку, он вспомнил, что совсем рядом находится большой «Дом мебели». Решил заскочить в него просто так, поглядеть на разные гарнитуры. Все одно по дороге, если добираться до метро «Юго-Западная». Вот это-то необдуманное решение и привело к печальным последствиям.

Дело было так. Виктор пробежал по магазину, кое-что взял себе на заметку, чтобы дома рассказать Нинке о шикарных импортных спальных гарнитурах, рассчитанных на просторные хоромы, а не на те клетушки вроде их комнатенки, где с трудом умещаются полуторная кровать и небольшой шифоньер. Вышел из «Дома мебели» и тут же натолкнулся на толпу людей, которых раньше не было, но которые сейчас полукругом стояли сбоку от входных дверей. Моментально протиснулся вперед и, еще толком не разбираясь, в чем дело, сразу же заметил его – маленький черный шарик, на который были устремлены десятки глаз. В глазах выражались страсть, восторг, возбуждение, сомнение, подозрительность, сожаление, зависть и целая гамма иных противоречивых чувств, как правило, отражающихся на лицах азартных игроков и не менее азартных зрителей, с затаенным дыханием следящих за счастливчиками, поймавшими за хвост удачу.

Шла азартная, захватывающая дух игра. Виктор не видел ничего подобного раньше. Серый картон бумаги, лежащий прямо на асфальте у ног любопытных зрителей и игроков. Небольшого роста коренастый парень в серенькой куртке и обычных джинсах, присев на корточки, ловко переставляет три маленьких, с виду позолоченных наперстка. Приподняв один из них, показывает

всем крохотный черный шарик, затем накрывает его наперстком и начинает двумя руками быстро перемещать все три наперстка. После того как прекращается движение рук, наперстки замирают на картоне. Играющий должен угадать, под каким из трех наперстков находится черный шарик. Первоначальная ставка – пятьдесят рублей. Отгадал – получи свой выигрыш. Не отгадал – расставайся с пятьюдесятью рублями. Если кто-то проиграл, приподняв один из наперстков, под которым не оказалось черного шарика, для остальных, желающих испытать свое счастье, ставка удваивается. Стоит лишь угадать, под каким из двух оставшихся наперстков скрывается черный шарик, как сразу же коренастый парень отваливает тебе сто рублей.

– Следите за шариком, – торопит ловкач и быстрым движением рук двигает напёрстки по каким-то замысловатым траекториям. – Кто видел? Ну, решайтесь!

Один из стоящих срывается с места, нетерпеливо поднимает наперсток. Угадал! Черный шарик спокойно лежит на картоне, вызывая у счастливчика радостную улыбку. Многие зрители с завистью смотрят на него, сопровождая загоревшимся взглядом пятьдесят рублей, переходящих из рук коренастого крепыша в карман выигравшего. Снова мелькание ловких рук, перемешивающих наперстки, и зазывающий голос:

– Готово. Есть желающие, а то мне пора уходить?

Никто не решается рискнуть. Руки коренастого мелькали настолько быстро, что многие зрители не успели заметить, где же находится шарик. Происходит заминка.

– Вроде бы вот там, показывает на средний наперсток один из игроков, зажавший в руке несколько полусотенных бумажек.

– Нет, шарик слева, – подсказывает кто-то из зрителей.

– Была не была, решается долговязый парень, протягивая две бумажки по двадцать пять рублей и поднимая средний шарик.

Увы, пусто. Коренастый забирает деньги, приговаривая:

– Сто рублей. Кто знает, где шарик?

– По-моему слева, раздумывает один из играющих, до этого несколько раз выигравший по пятьдесят рублей.

– Точно, слева, – подтверждает стоящий рядом с ним парень.

– Рискнешь?

– Рискнул бы, да осталось пятьдесят рублей.

– Скинемся?

– Давай.

Сложившись по пятьдесят рублей, они вместе наклоняются, и один из них неторопливо поднимает наперсток.

– Я же говорил тебе, – возбужденно хлопает по плечу поднявшего наперсток его компаньон. – Вот он, миленький, тут

как тут.

Оба умиленно смотрят на шарик, забирают свой выигрыш и делят его между собой. Виктор завороженно глядит на сотню, осевшую в карманах счастливчиков. Игра продолжается. Пятидесятирублевые и сотенные купюры переходят из рук в руки. Пять или шесть человек внимательно смотрят за происходящим, для того чтобы схватить наперсток, поднять его и увидеть тот блестящий черный шарик, который приносит удачу, а вместе с ней и немалые деньги. Следя за руками коренастого парня, с ловкостью фокусника переставляющего наперстки, Виктор поймал себя на том, что уже несколько раз мысленно правильно угадывал, где находится черный шарик. Каждый раз после этого он с завистью и сожалением сопровождал напряженным взглядом деньги, проплывающие мимо него. Эх! Надо было включиться в игру. Сейчас бы уже выиграл сто пятьдесят рублей, не меньше. Заманчиво, ничего не скажешь. Считанные минуты – и приличная сумма в кармане. А тут еще сбоку кто-то подначивает. Рискнуть или не рискнуть?

Где-то в глубине сознания Виктор понимал, что этот коренастый ловкач просто так за здорово живешь не будет разбрасываться деньгами. Не иначе как срывает приличный куш, имеет определенный навар. Тут любого подвоха можно ожидать. Но вид денег, спокойно перекочевывающих от одного игрока к другому, манил к себе, завораживал. Черный шарик неотступно стоял перед глазами, суля принести в случае удачи немалые денежки.

– Последний раз играем, предупредил коренастый, хотя ранее уже несколько раз говорил об этом. – Кто видел, где шарик!

Какая-то невиданная сила подтолкнула Виктора. Достав заранее приготовленные две бумажки по двадцать пять рублей, он быстро наклонился и поднял крайний справа наперсток. Слава аллаху! Интуиция не подвела его. Черный шарик опалил глаза шальной радостью, и Виктор судорожно сжал в руке сунутую ему пятидесятирублевую купюру, все еще не до конца веря в свою удачу.

И понеслось. В считанные минуты Виктор то получал выигрыш, и тогда душа ликовала от выпавшего на его долю счастья, то отдавал свои деньги, испытывая досаду на то, что не сумел уследить за быстрыми движениями коренастого крепыша. Спохватился лишь тогда, когда на картоне стояли два наперстка, и он был уверен в том, что точно знает, где находится черный шарик, но ставка была сто рублей, а из зажатого кулака выглядывала лишь одна помятая пятидесятирублевая купюра.

Виктор лихорадочно сунул руку в карман и, к своему

изумлению, обнаружил, что там, кроме мелочи, ничего больше нет. Никакого сожаления не успел испытать. Находясь во власти внезапно вспыхнувшей страсти и всепожирающего азарта, он в отчаянии подумал про себя: «Эх! Еще бы пятьдесят рублей, и выигрыш был бы обеспечен». Стоящий рядом с ним парень, время от времени подзуживающий его, перехватил блуждающий взгляд Виктора. Словно догадываясь, в каком положении тот находится, он напористо предложил:

– Скинемся. Ты точно видел, где шарик?

– Давай, – не задумываясь ответил Виктор и, передав последнюю купюру, нагнулся, чтобы поднять наперсток, под которым должен был быть черный шарик.

Черного шарика не было. Виктор растерянно стоял, не понимая, что произошло. Ведь точно он видел своими глазами, как коренастый крутил именно этот наперсток, накрыв им маленький шарик. Неужели глаза подвели и интуиция не помогла?

А игра продолжалась как ни в чем не бывало. Деньги сновали из рук в руки. Черный шарик, словно магнит, по-прежнему притягивал к себе взоры любопытных, проталкивающихся сквозь толпу и протискивающихся к игрокам.

– Последний раз, и ухожу, снова прокричал коренастый парень, давая еще одну возможность игрокам поймать ускользающую от них удачу.

Ошарашенный проигрышем, но еще не остывший от охватившего его азарта, Виктор машинально сунул руку в карман и, ощутив холод от соприкосновения с несколько одиноко застрявшими монетами, только тогда пришел в себя. Вот это да! Двухсот пятидесяти рублей как не бывало! Все оборвалось внутри. Жгучее чувство досады и бессилия разлилось по обмякшему телу. Понуро опустив голову и ни на кого не глядя, Виктор вышел из сомкнувшегося за его спиной полукруга людей и, плохо соображая, медленно поплелся к остановке троллейбуса, чтобы оттуда добраться до метро «Юго-Западная».

Неприятный, хватающий за душу скрежет движущихся с большой скоростью вагонов в метро вывел Виктора из шокового состояния. Постепенно анализируя свои действия, он начал осознавать, что коренастый парень, затеявший эту ошеломляющую, колдовскую игру, был не один. Раньше во время игры, когда маленький черный шарик мелькал перед глазами, не было времени задумываться и оглядеться по сторонам. А ведь тот сосед, который его подзуживал, наверняка был заодно с коренастым парнем. И как он попался на эту удочку, рассчитанную на лопухов! Облапошили, как маленького! А может

быть, просто не повезло? Ведь не всем же везет в жизни! Нет, пожалуй, тут орудовали тертые парни, хорошо знающие свою дело и ловко выуживающие деньги у простачков.

Вот и сейчас, когда колеса электрички мерно отстукивали привычный занудный ритм, убаюкивающий уставших до чертиков, набегавшихся за день пассажиров, Виктор все больше и больше склонялся к тому, что его просто надули. Черный маленький шарик, завлекший его в свои ловко расставленные сети, сделал свое черное дело. Ужасно жаль кровно заработанных денег, так внезапно уплывших в чужие цепкие руки. Но теперь что пенять, коль сам виноват. Как ни переживай, двести пятьдесят рублей не вернуть. Теперь надо думать, как выкрутиться из этого глупого, дурацкого и вместе с тем сложного положения, чтобы дотянуть до следующей получки.

Виктор открыл глаза, посмотрел на часы. Скоро его станция. Не проехать бы в расстроенных чувствах. Что-то будет теперь дома? И ему явственно представилась Нинка, встречающая его на пороге квартиры. Вот она оценивает взглядом все его покупки, недоверчиво слушает невразумительные объяснения и, наконец, нервно протягивает руку к обломанной колотушке, вот-вот готовой обрушиться на его несчастную голову, чтобы разом вышибить из него все шарики, так предательски подведшие его под монастырь.

Лифтер и скорая помощь

– Алло! Диспетчерская? Это из третьего подъезда. Снова лифт застрял. Нет, на этот раз без людей. Хорошо. Будем ждать.

Разумовский опустил трубку на рычаг, отодвинул от себя телефонный аппарат и, достав из-под вороха газет литературный журнал, хотел было открыть его. Но настроение было не то.

Вот уже семь месяцев, как Разумовский работает лифтером. И никак не может привыкнуть к тому, что довольно часто какой-нибудь из двух старых лифтов застревает между этажами. Это происходит не каждую смену. И все же постоянно приходится быть начеку. Конечно, эти лифты изрядно поизносились. Как-никак, лет двадцать пять они натружено бегают вверх и вниз. Пора бы и заменить трудяг. Но, увы. Судя по всему, им еще долго придется нести свой крест. Дом кооперативный. С каждым годом все больше требуется ремонта. Средств не хватает, и о замене старых лифтов на новые говорить не приходится.

Нет, разговоры ведутся среди жильцов постоянно. Все давно сетуют на плохую работу лифтов. Да и как тут не сетовать! Буквально в прошлую смену, когда утром Разумовский сменил Прасковью Яковлевну, ему пришлось выслушать немало упреков. Правда, он не был виноват. Один лифт заклинило поздно вечером, когда дежурила Прасковья Яковлевна. Сдавая смену, она сообщила, что в диспетчерской знают об этом. Там, конечно, решили, что ночью нормальные жильцы спят и ничего страшного не случится, если дежурный механик придет утром, тем более что второй лифт работает. Прошло два часа, как Разумовский сменил Прасковью Яковлевну. Он тоже звонил в диспетчерскую и напомнил о поломке лифта. Но механик все не приходил. И тут произошло то, что обычно случается, когда закономерности работы изношенной техники в сочетании с халатным отношением к ее ремонту оборачиваются «закономерзостями», отражающимися на жизни человека.

Разумовский сидел в своей небольшой комнате, предназначенной для лифтеров. Приняв смену, он уже успел разнести почту. Обычные утренние газеты, и только одно письмо литературному критику Гальперину, проживавшему на пятом этаже. Не только в подъезде внизу, но и на каждом этаже у дверей имеются почтовые ящики для удобства жильцов. Так делают во многих домах, конечно, по договоренности и где есть лифтеры.

Разумовский обычно начинал с верхнего этажа. Процедура не занимала много времени. На двенадцатый этаж он поднимался на лифте, затем пешком спускался на нижние этажи, опуская

корреспонденцию в почтовые ящики.

В этот раз все было, как обычно. Разнеся почту по квартирам, Разумовский вернулся к себе в комнатушку, приоткрыл дверь, чтобы можно было здороваться с жильцами, спешившими утром по своим делам. Со многими из них он уже познакомился и часто поддерживал с ними разговоры, если они сами заглядывали к нему с какой-либо просьбой или желанием перемолвиться словом. Большинство жильцов были приветливыми, интеллигентными людьми. В доме жили литераторы, режиссеры, преподаватели, которые были не прочь подчас поговорить по душам, высказать свои умные мысли о жизни. Возвращаясь домой поздно вечером, некоторые из них задерживались еще какое-то время в подъезде и под настроение, в минуты какого-то необъяснимого откровения, когда им требовался внимательный и доброжелательный слушатель, заводили разговоры с лифтером.

Вот прошел высокий сухопарый Сергей Антонович Любимов, как всегда, поприветствовав легким кивком головы и сделав неопределенные движения черным с блестящими замками дипломатом. Видимо, пошел на лекцию в свой институт, где он преподает то ли историю западной литературы, то ли какой-то другой предмет.

– Доброе утро! – приветливо и ласково произнесла Ксения Марковна, неторопливо вышедшая из лифта с полиэтиленовым пакетом. Чуть шаркая по полу, она направилась к выходу, собираясь, по всей видимости, зайти в булочную. Благообразного вида, совсем седая, она время от времени выходит из своей квартиры, хотя эти хождения даются ей с большим трудом. Ей где-то под восемьдесят лет, живет с сыном, известным режиссером, часто разъезжающим по командировкам и оставляющим старушку-мать совсем одну.

– Здравствуйте! – на ходу бросила подвижная, невысокая женщина лет тридцати пяти, державшая в одной руке вместительную сумку. За другую руку цеплялся Борька – четырехлетний чернявый сын, резво переступающий ножками и поправляющий неумело сбившийся на бок желтый шарфик. Чуть позади них спешила шестилетняя Катя, задержавшаяся в лифте и, догоняя мать, старавшаяся застегнуть нижнюю пуговицу ярко-красной куртки. Марина Андреевна – мать троих симпатичных малышей, гордость подъезда, восхищавшая всех жильцов своей жизнерадостностью и позитивным настроем. Сейчас она отведет детей в садик и побежит по своим делам, скорее всего по магазинам, чтобы закупить провизию на весь день для своей большой семьи.

– Гав-гав! – это подает свой голос вислоухий Джерри,

радостно выскакивая из лифта. За ним, держа собаку на поводке, вышел степенный, дородный Павел Афанасьевич Каримов. Он – поэт, опубликовавший несколько сборников стихов. Каждое утро он прогуливается со своей собакой, которая с неизменным лаем подбегает к комнатушке лифтера и только потом рвется на улицу. Обычно Каримов выходит из дома на прогулку рано, но что-то, видимо, помешало ему на этот раз.

Не успела за ним захлопнуться в подъезде дверь, как тут же она с грохотом вновь открылась, и спешным шагом к лифту подошли двое: среднего возраста мужчина в полураскрытом пальто, из-под которого выбился белый халат, и молоденькая девушка, сопровождавшая его. Разумовский безошибочно определил – к кому-то вызвали врача. Хотел было встать и вызвать лифт, но вошедшие опередили его, открыв дверь кабины. Видно по всему, что они торопились. А так как ни врач, ни сестра даже не спросили, на каком этаже находится квартира, куда они направлялись, то Разумовский предположил, что им уже доводилось бывать в этом подъезде.

Дверь лифта звучно захлопнулась. Чуть поскрипывая и подергиваясь, кабинка двинулась вверх. Машинально встав из-за стола, Разумовский вышел из своей комнаты и непроизвольно бросил взгляд на круглое окошечко в дверце шахты, расположенной на высоте человеческого роста. В глубине узкой шахты трос внезапно замер, и Разумовский на глаз определил: лифт остановился на девятом этаже. «К кому же вызывали врача? – подумал он. – В 476 квартиру к Инге Максимовне, грузной вдове, недавно похоронившей мужа и заметно сдавшей за последнее время? Или в 479 квартиру к тихому и всегда угрюмому, замкнутому и какому-то отрешенному от жизни старику Воскобойникову, с которым так и не удалось познакомиться поближе?»

От раздумий отвлек телефонный звонок, резко и требовательно прозвучавший в тишине подъезда. Разумовский вернулся в комнату и, неловко задев телефонный аппарат, снял трубку:

– Слушаю, – негромко сказал он, неизвестно почему переходя на шепот.

– Механик приходил? – спросил бесцветный женский голос, принадлежащий диспетчеру.

– Нет, – автоматически ответил Разумовский, прильнув к треснувшей и поэтому немного дребезжащей телефонной трубке.

– Придет – скажите, чтобы срочно зашел в пятый подъезд или позвонил в диспетчерскую.

Не успел Разумовский спросить, когда же ждать механика,

как в трубке раздался щелчок, и зазвучали прерывистые монотонные гудки. Вот так всегда, машинально подумал он. Диспетчер разыскивает механика, тот где-то бегает, а все волнения и тревоги выпадают на долю лифтера. Конечно, если заело защелку в дверце кабинки старого образца, – а именно такими лифтами были оборудованы все подъезды в этом старом кирпичном доме, построенном в конце 50-х годов, – то лифтер сам может устранить неисправность. И устраняет, используя свою смекалку и те незначительные навыки, которые передаются от лифтера к лифтеру. Ведь каждый лифт обладает своим норовом, и, проработав какое-то время, лифтер начинает разбираться в характере вверенной ему техники. Но часто он оказывается бессильным, не может привести в движение старый лифт. Тогда приходится обращаться в диспетчерскую, вызывать механика или, в крайнем случае, звонить в аварийную службу. Однако механики – такой народ, что далеко не всегда оперативно реагируют на вызовы лифтеров. То их просто нет на месте, то забивают козла в диспетчерской и пока не наиграются костяшками вдоволь, не сдвинутся с места.

Прошло минут десять – пятнадцать. Механика все не было. Не слыша шума работающего лифта, Разумовский вышел из своей комнаты, но тут опять зазвонил телефон, и он вынужден был вернуться, даже не сообразив, что к чему.

– Слушаю вас, – сказал он, едва удерживая в руке трубку.

– Это из 497 квартиры, я – медсестра. Там у подъезда стоит скорая помощь. Попросите шофера, чтобы он как можно быстрее поднялся к нам. И пусть захватит с собой носилки. Пожалуйста, поспешите!

Разумовский сообразил, что каким-то чудом медработникам удалось все же выбраться из первого лифта и оказаться в квартире 497. Он спешно положил трубку и бросился к входной двери. Рядом с подъездом, въехав на тротуар, стояла скорая помощь. Открыв дверцу кабины, Разумовский передал телефонный разговор шоферу, помог ему вытащить из машины носилки, и они вместе вошли в подъезд. Красный глазок лифта смотрел на них как-то печально и тревожно.

– Так и есть, – вырвалось у Разумовского. – И второй лифт, кажется, застрял. Не глядя на шофера, спустившего на пол носилки, он тут же подумал про себя, что «закономерзости» проявляются там и тогда, где и когда их меньше всего ожидаешь. Вот так всегда. Стоит случиться беде, как тут же, словно дожидаясь ее, возникают различного рода осложнения, выстраиваясь в цепочку замысловатых сочетаний и непредвиденных обстоятельств, опутывающих и связывающих по

рукам человека, пытавшегося по возможности быстрее разрешить возникшие перед ним проблемы.

– А что, не работают оба лифта? – угрюмо спросил шофер.

– Да вот не успели починить один из них, – как бы оправдываясь, пробормотал Разумовский. – Видимо, и со вторым что-то случилось.

– На каком этаже врачи? – сердито буркнул шофер, заранее обвиняя лифтера во всех грехах.

– На девятом, – смущенно и виновато ответил Разумовский.

Шофер ничего не сказал, но было видно по всему, что он готов выругаться последними словами и послать лифтера куда-нибудь подальше. Он еще несколько раз нажал на кнопку вызова того и другого лифта и, вздохнув тяжело и надсадно, поднял носилки, крепко ухватив их правой рукой. Потом посмотрел по сторонам, увидев дверь, ведущую к лестнице, и решительно направился к ней, бросив на ходу:

– И за что только вам деньги платят, дармоеды!

По лестнице застучали его спешные шаги, а Разумовский, проглотив незаслуженный упрек, еще раз позвонил в диспетчерскую. Но там разыскивали механика, который как в воду канул. Пришлось вызывать аварийку.

Обеспокоенный, чувствующий смутную вину за собой, Разумовский стал подниматься по лестнице, пока не обнаружил, что еще утром работавший второй лифт застрял между пятым и шестым этажами. Подергав за ручку и убедившись, что без механика тут не обойтись, он бросился на девятый этаж, готовый оказать любую помощь, которая потребуется от него. Запыхавшись, вышел на лестничную площадку девятого этажа. Дверь 479-й квартиры была раскрыта. Растрепанная и заплаканная жена Воскобойникова, выглядевшая удивительно молодой на фоне своего мужа, который был старше ее не менее чем на пятнадцать лет, растерянно стояла в коридоре, слушая участливый голос врача.

– Нет, вашего мужа никак нельзя оставлять дома, – с убежденностью говорил врач, незаметно поглядывая на часы. – Немедленно отправляем его в больницу. Вы можете его сопровождать.

– Иван Кириллович, – тронул врача за халат шофер. – Там лифт не работает. Опять придется выносить на руках, как в прошлый раз. И когда же это кончится! Форменное безобразие.

Ему, видимо, не раз приходилось сталкиваться с тем, что в респектабельных с виду домах именно в экстренных случаях, когда надо было срочно госпитализировать заболевших людей, лифтеры оказывались не на высоте. Лифты не работали, да и

сами лифтеры где-то прохлаждались. Впрочем, во многих домах лифтеров вообще не было. С пятиэтажками понятно. В них лифты не предусмотрены. Не экономично. Когда их строили, из этого как раз и исходили. Подумаешь, пятый этаж! Важно было быстрее дать людям жилье. Время было такое, послевоенное. Чтобы иметь отдельную квартиру, побежишь и на пятый этаж. Люди только радовались, возбужденно глядя на быстро строящиеся пятиэтажки. А сегодня, когда жизнь наладилась, да и многие из того поколения заметно состарились, все труднее пожилым людям, подорвавшим свое здоровье за лихие голодные годы войны, взбираться на пятый этаж. Шофер это знал по себе. Он сам жил в пятиэтажке, правда, на четвертом этаже. И хотя сам он был еще крепким и мог без одышки взбираться с поклажей к себе домой, тем не менее, работая на скорой помощи, ему не раз приходилось браться за носилки, на которых клали больных людей. Так что он знал, как тяжело приходится человеку, оказавшемуся беспомощным и не способным не только подняться на пятый этаж, но даже спуститься с него. А ведь многим престарелым людям приходится по нескольку раз в день совершать свои спуски и восхождения, направляясь в магазины, аптеки, поликлиники, а затем возвращаться домой.

Как шофер он мог спокойно сидеть в своей машине. Никто его не заставлял браться за носилки, рвать жилы и без того натруженных рук. Более того, он должен был сохранять спокойствие и беречь свои силы, чтобы быть всегда в форме и уверенно крутить баранку в суматошном городе, где постоянно случаются автомобильные аварии. От его спокойствия и умелых действий зависела жизнь больных людей, которых необходимо было срочно доставить в больницу. Так что в его прямые обязанности не входила переноска больных, тем более транспортировка их по крутым лестничным проемам, да еще с девятого этажа. Но он никогда не отказывался, если от него требовалась помощь такого рода. Как всегда, молча, понимая, что без него просто не обойтись, он брался за носилки и вместе с врачом выполнял свой долг. Хотя подчас чувствовал такую дрожь в руках, что, садясь в машину, должен был усилием воли взяться за баранку и мысленно приказывал себе найти все силы, чтобы доехать до больницы.

Однажды он чуть не поплатился за свое усердие. Это было два года тому назад. Скорая помощь подъехала к десятиэтажному дому по вызову. Перед самым подъездом в темных комьях грязной, размытой от прошедшего дождя земли зияла довольно широкая траншея, через которую были перекинуты две неровные, шатающиеся доски. Тусклый свет фонаря, стоящего недалеко от

подъезда, бросал удлиненные расплывчатые тени. В самом же подъезде света не было, хотя сумерки давно опустились на землю. Лифт не работал. Вечернее безмолвие безучастно встретило врачей, которым предстояло взбираться на восьмой этаж, где проживал некто, ожидавший скорую помощь. У грузного мужчины лет пятидесяти был инфаркт. Пришлось срочно опускать его вниз. Вот тогда-то Никитич, как звали шофера все врачи, изрядно попотел. Носилки прогибались под тяжестью больного. У Никитича кисти рук занемели, пальцы одеревенели. Из последних сил он держался как мог, осторожно переступая через выщербленные ступеньки. На последнем лестничном пролете Никитич неосторожно задел костяшками пальцев за шершавую стенку, почувствовав резкую боль. Выйдя из подъезда, он и врач осторожно опустили носилки на стоящую рядом плоскую скамейку, оказавшуюся как раз кстати. Передохнув минуту, снова взялись за носилки и с большим трудом преодолели расстояние по скользким подозрительно поскрипывающим доскам.

Только включив мотор и взявшись за баранку, Никитич с недоумением увидел, как по его ладони медленно стекает густая кровь. Но он никому не сказал об этом, считая, что необходимо сперва доставить больного человека в стационар, а уж потом позаботиться о себе. И вот, когда он почти доехал до цели, из переулка неожиданно выскочило такси. Затормозив и резко повернув в сторону, скорая помощь остановилась. Ноющая рука перестала реагировать на возможные опасности. Лихач-таксист даже не остановился. Обдав грязью, такси нырнуло между домов и скрылось из вида. Никитич выругался. С трудом разжав кисть оцепеневшей руки, только тогда он осознал, что ему каким-то чудом удалось избежать неминуемой аварии. Смахнув со лба холодный пот, Никитич попробовал пошевелить пальцами травмированной руки. Вид крови вновь напомнил о себе, заставив его поморщиться от боли. Но шок уже прошел. Успокоившись, он плавно тронулся с места и через пять минут был уже у здания больницы.

Впоследствии Никитич часто вспоминал этот случай и благодарил судьбу за то, что так легко отделался. В первое время у него даже мелькнула мысль никогда больше не связываться с носилками и не взваливать на себя непосильные нагрузки. Но эта мысль сама собой оказалась вытесненной из сознания Никитича, который и потом неоднократно выполнял роль санитара, если к тому вынуждали обстоятельства. Он сам, по собственной воле брался за носилки, позволяя себе лишь высказать упреки в адрес тех нерадивых людей, кто был ответствен за работу лифтов в высотных домах, да про себя размышлял о печальной участи

стариков, живущих в пятиэтажках.

– Так что, Иван Кириллович, – снова то ли спрашивая, то ли утверждая, обратился он к врачу, – кладем на носилки!

– Сейчас, Никитич, отозвался врач. – Машенька, позвоните в стационар и предупредите их о нашем приезде!

Укладывая в сумку инструменты, медицинская сестра сказала, что уже сообщила об этом.

– Ну и хорошо, – спокойно ответил врач. – Жди нас, Машенька, в машине. Подготовь все, а мы начнем спускаться. Пойдем, Никитич!

Они прошли вглубь квартиры. Жена Воскобойникова поспешила за ними, что-то спрашивая на ходу. Застегивая сумочку и одергивая кофточку, свернувшуюся гармошкой под халатом, медицинская сестра вышла на лестничную площадку, и ее чуть стоптанные каблучки застучали мелкой дробью по холодным ступенькам лестницы.

Разумовский постоял в нерешительности и, немного отдышавшись, сделал несколько шагов по направлению к квартире 479. В это время слегка приоткрытая дверь распахнулась, и на пороге показался шофер, сжимающий в руках видавшие виды ручки носилок, на которых в неудобной напряженной позе, скорчившись и чуть завалившись на бок, лежал Воскобойников. Сзади, вцепившись в ручки носилок, отдуваясь и покраснев от натуги, находился врач. По всему было видно, что ему нелегко, и только врачебный долг заставляет его оказывать необходимую помощь больному.

– Я вам сейчас помогу, – обратился к идущим Разумовский.

Шофер смерил его недобрым взглядом и ничего не сказал. Затем, сделав два шага вперед, он остановился и кивком головы предложил взяться за носилки сзади. Мгновенно оценив обстановку, он уже понял, что эта помощь своевременна, поскольку два часа назад заступивший на работу Иван Кириллович как раз жаловался на плохое самочувствие. Без посторонней помощи они вдвоем едва ли бы справились с больным. Хотя лежащий на носилках старичок не отличался полнотой, скорее напротив, был худ, тем не менее осторожно опустить его с девятого этажа на первый – задача не из легких.

Никитич не беспокоился за себя. Выдюжит! Так надо! А вот Иван Кириллович сегодня не работник.

Что-то выбило его из привычной колеи. Может быть, дома неприятности. Поговаривали, будто в последнее время семейная жизнь врача дала трещину. Вроде бы нелады с женой. Но Никитич не прислушивался к сплетням, которые ненароком доносились до него во время разговоров медсестер между собой. Семейная

жизнь – штука сложная, и о ней нельзя судить со стороны. Ивана Кирилловича Никитич уважал. Хороший врач, толковый и душевный. Не то что некоторые, готовые поскорее избавиться от больного человека и снять с себя всякую ответственность.

Приходилось работать и с такими. Как-то довелось ему попасть в одну смену с Колобком, как за глаза называли врача Федоркина за его живот и округлость во всем теле. Тот бы ни за что не взялся за носилки, узнав, что надо спускаться с больным с девятого этажа. В тот раз необходимо было доставить женщину в больницу. Никитич и Колобок несли ее на руках до машины. И всего-то два этажа. Так Колобок долго потом ворчал, что он не носильщик и надо было вызвать санитаров по телефону. И если бы не Любочка, молоденькая и очень хорошенькая медсестра, к которой Колобок был неравнодушен, так и сидела бы та женщина в своей квартире, пока бы за ней не приехали санитары. При Любочке Колобок не мог не быть джентльменом. В общем, неприятный врач, и слава богу, что больше не довелось вместе работать.

Иван Кириллович – совсем другое дело. Никогда не пожалуется, что ему тяжело. А ведь он не мальчик. Да и отнюдь не богатырского здоровья. Вот и сегодня он всю дорогу тяжело вздыхал. А может быть, дело вовсе не в семье! Может же врач заболеть! Он же тоже человек и, как и все, подвержен инфекциям, тем более что по городу вновь разносится какой-то особый грипп. Странная ситуация! Каждый год врачи борются с гриппом, а он как ни в чем не бывало выбивает сотни, тысячи людей из колеи, заставляя медиков изыскивать разные способы борьбы с ним. Но увы, больших успехов в этом деле что-то не видно.

Никитич подождал, пока Разумовский взялся за одну из ручек носилок. Врач благодарно взглянул на помощника, смущенно улыбнулся и сказал:

– Пошли, что ли! Только не торопитесь. А мы с товарищем, – простите, не знаю, как вас величать, – будем поддерживать за одежду нашего подопечного.

Лестница была достаточно просторная, но не настолько, чтобы кто-то мог идти сбоку носилок. Поэтому жена Воскобойникова, пытавшаяся вначале поддержать и поправить свесившуюся руку своего мужа, была вынуждена отказаться от этого. Чтобы не мешать, она отошла назад и спускалась последней, беспокойно поглядывая на мужа, лежащего с закрытыми глазами. На одном из пролетов, где была открыта дверь, ведущая на лестничную площадку, жена Воскобойникова зачем-то обогнала носилки и пошла впереди шофера, как бы указывая ему дорогу, хотя в этом не было никакой

необходимости. По всему было видно, что она не находила себе места и все время хотела что-то предпринять.

Между четвертым и третьим этажами пришлось остановиться. Врач и Разумовский свободными руками могли поддерживать Воскобойникова за одежду, не позволяя ему съехать вниз, так как, несмотря на старания держать носилки горизонтально, они все равно сильно наклонялись вперед при спуске. С каждым шагом все труднее было удержать Воскобойникова. Сказывалась усталость. Особенно трудно было шоферу, который не мог ни поменять руки, ни смахнуть пот, струйками стекавший по его лицу. А тут еще соскользнула нога больного и стала задевать за стенку, мешая движению. Врач внутренне напрягся и дал команду остановиться. На промежуточной между этажами площадке процессия задержалась. Одним краем носилки коснулись перил, что помогало удерживать больного, превратившись в дополнительную опору. Проскользнувшая каким-то боком жена Воскобойникова поправила свесившуюся ногу мужа. Вынужденная остановка дала отдых шоферу, который, выпятив вперед губу, каким-то образом умудрился сдуть с носа капельки пота. Он не мог оторвать рук от носилок. Опора на перила помогла ему снять излишнее напряжение. Жена Воскобойникова вновь пошла вперед. Все в полном молчании двинулись дальше, пока не дошли до первого этажа.

Медсестра держала распахнутую входную дверь наготове. Разумовский не удивился, ибо в предыдущую смену, намучившись с верхней защелкой, когда ему пришлось долго возиться со второй половиной двери, которую пришлось открывать, чтобы пронести приобретенный кем-то из жильцов холодильник, он решил не закрывать эту защелку до упора. Сейчас Разумовский лишь подумал, что нет худа без добра. Иначе пришлось бы возиться с защелкой в такой неподходящий момент, когда, быть может, дорога каждая минута. Он только укорил себя за то, что не догадался открыть вторую створку двери раньше, когда поднимался на девятый этаж. Мог бы и предусмотреть. Ну да ладно, что теперь-то сетовать! Как правило, мы всегда умны задним умом. Хорошо, что все обошлось без осложнений.

Последним усилием носилки с Воскобойниковым были втащены в машину скорой помощи. Медсестра поправила откинутую назад голову больного. Жена Воскобойникова приложила к своим глазам женский розовый платочек, обдав всех запахом духов, и села возле мужа. Дверь машины закрылась.

– Большое спасибо вам, – сказал на прощание врач, обращаясь к Разумовскому.

Он с чувством пожал руку и направился в кабину. Шофер

вытер пот с лица. Из-подо лба, но уже не так сердито взглянул на Разумовского. Потом посмотрел почему-то в сторону и как бы нехотя пробурчал:

– А за лифтами надо внимательнее смотреть и вовремя чинить. Скорая помощь – это не шутки. А у вас тут непорядок.

Шофер устало махнул рукой и, открыв дверцу машины, стал устраиваться на сиденье поудобнее.

Заверещал мотор, пахнуло бензином. Выехав с тротуара на проезжую часть дороги, машина скорой помощи, набирая скорость и пронзительно завывая, помчалась по улице и вскоре скрылась из глаз, завернув за угол.

Разумовский немного постоял, вдыхая полной грудью холодный воздух. Разгоряченный, с дрожащими руками и подгибающимися коленями, он вдруг почувствовал озноб от налетевшего ветра. Втянул голову в свитер, вошел в коридор и направился к своей комнатушке. Затем, вспомнив что-то, вернулся, надавил одной рукой на створку входной двери, а второй приподнял защелку так, чтобы она вошла в паз, но не до конца. Закрыв за собой дверь, он не спеша пошел по коридору. По привычке взглянул на лифты, отметил красное свечение глазков и, войдя в комнатушку, устало опустился на стул.

«Да, работенка у врачей тяжелая! – подумал он. – Не позавидуешь, если так каждый день, то запросто можно отдать богу душу. Раньше как-то не задумывался над этим. Теперь же на своем горбу испытал, почем фунт лиха. До сих пор чертики пляшут перед глазами. И руки стали словно каменные, налились свинцом. Как же выдержал врач? Богатырем его никак не назовешь. И шоферу тоже досталось. Он ведь шел впереди носилок, и ему, судя по всему, было не сладко. Крепкий мужик. Ничего не скажешь. И поделом он упрекал меня. И хотя в общем-то моей вины вроде бы и нет, все-таки чувствую себя неловко. Стыдно людям в глаза смотреть. И надо же такому случиться! Заболел человек, вызвали скорую помощь, а тут, как назло, оба лифта вышли из строя. И в диспетчерской хороши. Совсем не чешутся!»

Обычно аварийная служба работает четко. Но на этот раз случился какой-то сбой. Поэтому Разумовский еще раз позвонил в диспетчерскую. Услышав в ответ, что механик пять минут назад пошел в третий подъезд, он сокрушенно качал головой и задумался. Потом, стряхнув с себя навалившийся на него дурман, стал ждать механика, который действительно вскоре пришел со своим напарником. Они провозились два часа, прежде чем оба лифта стали плавно двигаться в обоих направлениях.

Так было в прошлую смену. Теперь же Разумовский вновь

ждал механика, вспоминая минувшие события с щемящим чувством безысходности и одновременно неосознанной глубинной вины, выворачивающей душу наизнанку.

Овощная база

В семь часов утра Прохоров был на ногах. Разогрев чайник, наскоро перекусил, съев два бутерброда с сыром. Натянул на себя с вечера приготовленный свитер, одернул помятые джинсы, специально предназначенные для работы, застегнул молнию теплой куртки и вышел из квартиры. Особенно не спешил, но шел все-таки быстро, так как на дорогу уходило часа полтора. Овощная база была расположена на другом конце города, и Прохоров рассчитывал, что, как обычно, дойдет на метро, сделает пересадку на другую линию, а затем, подождав автобуса, доехав на нем до конечной остановки и прошагав еще минут десять, без четверти девять будет на месте. Дорога накатанная, маршрут за многие годы отработанный. И действительно, около девяти часов он был на территории овощной базы. Через несколько минут стоял перед складом на территории базы, на котором обычно собирались сотрудники научно-исследовательского института.

Вообще-то первая смена работы на базе начиналась вроде бы в восемь часов утра. Но Прохоров не был в этом уверен. Во всяком случае, с годами сложилась такая практика, что раньше девяти часов никто из сотрудников института не приходил. Опыт показал, что пришедший раньше девяти всегда оказывался в дураках. Работники склада сами опаздывали, и часто приходилось стоять и мерзнуть, дожидаясь их. Как-то был случай, когда Прохоров со своими коллегами слонялся по территории овощной базы чуть ли не до одиннадцати часов. Не пришел начальник склада, у которого находились ключи от холодильных камер. Да и потом работы не было. Собрали ломаные ящики, подмели мусор и через час разошлись по домам. После этого Прохоров старался приходить к девяти часам, когда начиналось какое-то оживление среди работников овощной базы.

И на этот раз он оказался едва ли не в одиночестве. На площадке около склада стояли два человека, присланные из какой-то организации. Они что-то обсуждали между собой, вовсю дымя сигаретами. Завидев Прохорова, спросили:

– Это девятый склад?

– Девятый, – ответил Прохоров и тут же в свою очередь спросил: – Первый раз здесь?

– Ну! – невнятно поцедил сквозь зубы тот, что был поменьше ростом. Затем вынул сигарету изо рта и добавил, обращаясь к своему напарнику: – Эх! Я же говорил тебе, Васек. Не надо было тащиться сюда в такую рань. Везде одно и то же. Кому ты тут нужен с утра спозаранку! Они здесь сами дурью маются. А чего

им чесаться? Нагонят студентов, пришлют интеллигентов-очкариков. Не жизнь, а лафа!

– Это точно, – глубокомысленно заметил высокий. – Дармовая рабочая сила. Мало будет – еще пришлют. Нас же с тобой, Петруха, вытащили из конторы. Поди, здесь и доктора наук ошиваются. Помнишь кино «Гараж»? Доктор там один разошелся. Его на картошку поставили, а он хлесть – и достает из кармана свою визитку, то бишь карточку со своей фамилией, и аккуратно так кладет в пакет с картошкой. Мол, знай наших, мы тут трудились. Эти профессора такое отчебучить могут! Отсталый народ. Не знают жизни. Их бы в нашу контору, сразу бы поняли, что к чему.

Высокий на минутку умолк, выплевывая докуренную сигарету. Порывшись в карманах, достал смятую пачку, вытащил новую сигарету, прикурил и как бы нехотя добавил:

– Ты прав, Петруха. Маху мы дали. Можно было загорать в общаге. Придавили бы часок-другой. Да ведь кто знал, что так быстро доскочим до этой базы. Ладно. Впредь умнее будем. Впрочем, не горюй. Денежки идут. По среднему все равно получим. Стой себе потихоньку и смоли. Не вкалывать же ты сюда пришел. Мы не профессора, с нас много не возьмешь. Где сядешь, там и слезешь. Подвернулась бы непыльная работенка, и ладушки. Все путем. Время идет. Глядишь, и обед не за горами. Пошамкаем, и пузо кверху. Не бей лежачего. Так что, Петруха, держи хвост пистолетом.

– Точно, Васек. Хорошо стоим. Так бы всю смену. А еще лучше завалиться куда-нибудь и вздремнуть минут шестьдесят. Башка трещит после вчерашнего. Просто жуть. Здорово врезали. Надрались, что надо. Я прилично забалдел. Даже не помню, куда Верка делась. Слиняла видно. Вот стерва!

– Разве так забалдеешь! Досталось-то с гулькин нос. А ты, брат, после второго стакана вроде бы отрубился. Мы же еще посидели, покайфовали. Правда, калган тоже трещит. Сбегать бы куда, да ведь закрыто. Не грех бы пропустить по стопарику. Может быть, у местных работяг разживемся. У меня где-то десятка завалялась.

– Не трави, Васек, душу. И так муторно. Дотянуть бы до перекусончика! А пока завалиться бы все же в какой-нибудь закуток.

– Знаю, куда ты не прочь завалиться. Вот придет сейчас пухленькая бабёнка со склада, и тогда подваливай к ней. Глядишь, и перекантуемся.

Высокий глубоко затянулся, покусывая сигарету, и они с Петрухой стали вспоминать, как вчера после работы закадрили

двух тёлок. Перемешивая свою речь словечками, не содержащимися в словаре Даля, они над чем-то загоготали, выпуская сизоватые облака дыма и смачно сплевывая на настил.

Прохоров отошел в сторону и стал ждать своих. Постепенно около склада собирались люди. Вынесли журнал, в который обычно пришедшие на работу вписывали свои фамилии. Кто-то потянулся за ручкой. Прохоров подождал, еще раз окинул взглядом пространство возле склада и, не обнаружив своих коллег, решил расписаться в журнале. Написав название научно-исследовательского института и подчеркнув жирной линией, он поставил свою фамилию под номером один, а затем, немного подумав, написал еще несколько номеров подряд.

– Нужны женщины и двое мужчин, – обратилась к собравшимся вышедшая из дверей склада пожилая работница базы. Она была в серой, с грязными пятнами фуфайке, разорванной на рукаве.

– Что делать? – спросила одна из пришедших, в вязаной шапочке, элегантно облегающей фигуру импортной куртке и зеленоватых в полоску брюках, заправленных в модные высокие, хотя далеко не новые сапоги.

– Пойдем фасовать лук.

– Это можно, – заметила вязаная шапочка и, обратившись к стоящим рядом подругам, добавила: – А что, девочки, пошли! Все равно стоять холодно. Поговорить и там сможем. Лишь бы лук не был гнилым, а то наплачемся, да и запашок будет еще тот.

Нашлись и двое мужчин, которые с охотой присоединились к группе женщин. Пожилая работница базы отобрала одиннадцать человек, и они пошли вглубь склада. Остальные двадцать человек остались стоять у дверей. Разбившиеся на небольшие группы, они переговаривались межу собой, покуривали и не проявляли ни малейшей заинтересованности скорее получить работу. Большинство из них знало, что как бы усердно они ни трудились, их вряд ли отпустят раньше положенного времени. Поэтому не имело никакого смысла самим напрашиваться на какой-либо труд. Тем более что сами работники базы отнюдь не стремились показать пример в этом отношении. Многие из них слонялись без дела, ожидая того момента, когда временных работников расставят по местам.

Прохоров решил дождаться своих коллег по научно-исследовательскому институту. Должны были подойти еще несколько человек из его отдела. И действительно, вскоре подошли трое – Белявский Николай Сергеевич, Крылов Володя и Логинов Вадим. Первый из них был доктором наук, второй – кандидатом наук, третий – младшим научным сотрудником без

степени. Все работали в одном секторе вместе с Прохоровым. Чуть позднее подошел четвертый – старший научный сотрудник Борисов, недавно влившийся в коллектив и пока никак не проявивший себя на работе. Во всяком случае, Прохоров почти не знал его, так как тот был зачислен в штат другого сектора. На заседаниях отдела его почему-то никогда не было. Поговаривали, что он является племянником какого-то высокопоставленного лица. Штатная единица на него была спущена непосредственно из дирекции института.

– Здравствуйте, Николай Сергеевич, – поздоровался Прохоров со вновь прибывшими. – Володя, привет! Здорово, Вадим! Запишитесь в журнал. Я там оставил место.

– Еще не приглашают работать? – с некоторым хрипом в голосе спросил Крылов.

– Уже распределяют, ответил Прохоров. – А ты что, простудился?

– Есть немного. Вчера вечером прихватило горло.

– Так зачем же Вы вышли на базу? – недоуменно спросил Николай Сергеевич. – Надо было остаться дома.

– Не хотелось подводить секретаря. Он и так с большим трудом уговорил людей поехать на базу. Рассчитывали на шесть человек, а записались только четверо. В прошлый раз мы тоже не добрали полагавшееся нам количество выходов на базу. Кто в командировке, кто болен. А некоторых разве сагитируешь! Вот и приходится выручать. Если уж члены партбюро не откликнутся, то что можно ожидать от других сотрудников!

Крылов махнул рукой, зябко втянул голову в плечи и пошел записывать в журнал всех прибывших.

– И все-таки не дело, – заметил Николай Сергеевич, обращавшийся к остальным. – Неужели у нас в отделе некем заменить заболевшего товарища? Мне всегда казалось, что у нас дружный коллектив.

– Да что там говорить, Николай Сергеевич! – запальчиво ответил Вадим. – У нас вечно одна и та же история. Почти тридцать сотрудников в отделе, а на базе отдуваются за всех от силы четырнадцать – шестнадцать человек. Возьмите хотя бы Уварова и Сикорского. Достали где-то медицинские справки и принципиально не ходят на базу. Как в командировку ехать, так это пожалуйста. Сикорский просто не вылезает из этих командировок. Здесь он здоров и ему никакие переезды и перелеты нипочем. А как на базу идти – так больной. Совести у людей нет, вот что я вам скажу. У кого есть совесть, на том и выезжают.

– Вадим, не обобщай, не надо, – остановил говорящего

Белявский. – Разве мы имеем право обвинять людей в том, что у них есть справки, освобождающие их от работы на базе?! А если человек действительно серьезно болен? Насколько я знаю, у нас в отделе почти все члены партии ходят на базу.

– Так-то оно так, – не унимался Вадим. – Только что с того. Ведь если бы я захотел, то в два счета получил бы такую же справку. Да и любой из вас. В наше время получить подобную медицинскую справку – раз плюнуть. У каждого при желании можно найти какое-нибудь хроническое заболевание. Я же говорю не о том, – продолжал он возбужденно, взмахом руки как бы отстраняя от себя что-то ему мешавшее. – Разнарядка спускается на отдел независимо о того, болен кто-то или нет. Просто один болеет за отдел. Ему стыдно перед товарищами, если он будет «болеть», отсиживаться дома, в то время как многие вкалывают. Другой же думает о своих собственных интересах. Ему наплевать на остальных. Более того, такой «больной» в душе даже насмехается над теми, кто ходит на базу. Мол, давайте, если вы такие сознательные, а я уж как-нибудь займусь своим делом. Вот такая философия жизни.

Закончив свою тираду, Вадим посмотрел на Белявского, как бы подзадоривая его. А ну, уважаемый профессор, попробуй опровергни меня! Здесь не институтский митинг с партийными призывами. Оставь свою пропагандистскую риторику при себе! Отвечай честно, как думаешь! Вот я, беспартийный, весь перед тобой, как на духу. Меня-то агитировать не надо. Я, как видишь, на базе. Хотя все надоело до чертиков. Ну, сколько можно отрывать от непосредственной работы в научно-исследовательском институте? То посылают в совхоз на уборочную, то рекомендуют идти на стройку, то приказывают спешить на овощную базу. И я хожу только потому, что жаль вас, стоящих в руководстве отдела. Вижу, как приходится вам крутиться, словно белка в колесе. Не одобряете вынужденное хождение на базу. Но сделать-то не можете ничего. Как же – райком обязал! Надо соблюдать партийную дисциплину. Вот и вкалываете на базе. Другое дело я, беспартийный. Могу и не отозваться на ваши призывы. Да если бы не товарищи, за спины которых прятаться не то чтобы не резон, а просто совестно, а так послал бы эту овощную базу куда-нибудь подальше. Эх ты, профессор! Неужели не понимаешь таких простых вещей!

Белявский хотел сказать что-то Логинову, но в это время вернулся Крылов. Споткнувшись о валявшуюся доску, неловко взмахнув руками, но устояв на ногах, он бесстрастно пробормотал:

– Порядок. Всех записал в журнал. Кажется, вагоны с

картошкой нас дожидаются. Наверное, пошлют разгружать. Если в мешках, то грязноватая работа. И не легкая. Но ничего не поделаешь. Будем считать, что нам не повезло.

– Опять эта картошка, – без раздражения и в то же время угрюмо пробурчал неугомонный Вадим. – Везучий же я. В прошлый раз нагорбатился как ишак и перемазался как цуцик. До сих пор спина побаливает. Нет, ребята, давайте искать другую работенку. Желательно полегче и почище. Может, там яблоки надо перебрать или виноград. Так я готов. Хоть сейчас. А картошка – увольте. Что-то нет ни желания, ни настроения. Удовольствие не из приятных. Мешки попадаются здоровые, под завязку. Килограммов пятьдесят, не меньше. Потом не разогнешься. А мне сегодня вечером еще отчет писать.

– Надо было раньше думать, – упрекнул его Крылов. – Пришел бы до девяти и организовал бы непыльною работу.

– Ну, а ты чего опоздал? Ты же ответственный. Вот и приходил бы в восемь часов утра, – перешел в наступление Вадим, ехидно поглядывая на Крылова и ища поддержки у окружающих его сотрудников.

– Так я же сына отводил в детский сад. А там попросили переставить несколько шкафчиков. Они как вернулись с дачи, – продолжал Крылов, имея в виду обслуживающий персонал детсада, – так еще и не распаковались толком. Все никак не наведут порядок. Пока сдвинули шкафчики, пока относили столы – вот и опоздал.

– А ты бы сказал, что едешь на базу. Тебе бы дали малышей в подмогу, – не сдавался Вадим.

– Да ладно вам, ребята, – остановил спорящих Белявский. – Нашли место выяснять отношения. Картошка так картошка. Может быть, эти вагоны будут разгружать во вторую смену. Сейчас все выясним.

– Володя! – обратился к Крылову Прохоров. – Если все же придется разгружать картошку, ты бы попросил работу полегче. Все-таки простужен, и ни к чему лишняя нагрузка. Недавно группа женщин пошла фасовать лук. Можно пойти к ним. Поплачешь над луком, заодно и вылечишься. В самом деле, зачем рисковать!

– Конечно, – поддержал Белявский. – Хотите я поговорю с заведующим складом?

– Вот-вот, – вмешался Вадим. – Глядишь, и нам дадут работенку полегче.

– Нет, – решительно возразил Крылов. – Давайте работать вместе. Как-нибудь справимся. Если будут мешки с картошкой, то можно таскать их на пару.

Вскоре их позвали в помещение склада. Пройдя вглубь и сделав два поворота по тускло освещенному помещению, они вышли к железнодорожным путям, где стояли два вагона. Несколько человек уже работали, вытаскивая ящики и ставя их на поднос. Уже издали стало ясно: на этот раз повезло, не придется возиться с картофельными мешками. Наверное, яблоки завезли. Однако, подойдя поближе, Прохоров увидел, что ящики старые, ветхие, а в них находятся трехлитровые банки с какой-то мутной жидкостью. Шедший рядом Вадим опередил его и, вынув одну банку из верхнего ящика, громко прочитал:

– Березовый сок. Попьем, братцы. Только уж очень подозрительный напиток. Муть какая-то. Может быть, раньше тут хранились брага и бормотуха. Нашлись шустряки, сполоснули баночку и готово – получился напиток. Ясное дело – перестраиваются.

– Мужики, – раздался голос из вагона. – Давайте сюда. Значит, так. Берите ящики, но так, чтобы осторожно, а то побьем всю продукцию. Тара не ахти какая. Поддерживайте ящики снизу. Ставьте их на поддоны в связку по пять рядов. Все понятно? – спросил коренастый мужичок с обветренным лицом и опухшими глазами.

Судя потому, как он присматривал в вагоне за разгрузкой ящиков и что-то считал, шевеля надтреснутыми губами, можно было предположить, что этот коренастый мужичок сопровождал эти вагоны в дороге. Так и оказалось. Потом откуда-то вынырнул долговязый в сравнительно чистой фуфайке. Он отдавал распоряжение, то исчезая, то вновь внезапно появляясь перед вагонами, где шла разгрузка. Суетился, покрикивал на грузчиков, размахивал руками, показывая, как лучше ставить ящики на поддон. Здесь же находилась и молоденькая девушка-приемщик, которая огрызком карандаша записывала на замусоленный листок цифры, подсчитывая поддоны и сложенные на них ящики.

Как только Прохоров со своими коллегами включился в работу, все пришло в движение. До сих пор разгрузка ящиков шля вяло, ибо трое грузчиков, ранее орудовавших в вагоне, особенно не утруждались. Они больше покуривали и, только завидев долговязого, начинали шебуршиться, имитируя бурную деятельность. Теперь же работа пошла быстрее. Вскоре к вагону подошли еще пять человек. Казалось, не пройдет и двух часов, как вагон будет разгружен. Но тут выяснилось, что ритмично работать невозможно. Не хватало поддонов. Автокарщик поехал на склад и через некоторое время привез несколько поддонов, разгрузив их недалеко от вагона. После небольшого перекура работа возобновилась.

И все же разгрузка ящиков шла медленнее, чем ожидалось. Оказалось, что трое грузчиков – постоянных работников склада – покинули вагон. Двое из них пристроились около поддонов, один вообще куда-то исчез. Произошло разделение труда. Те, кто прибыл на работу на базу, складывали ящики с трехлитровыми банками на поддон, а профессиональные грузчики обрывками где-то найденной проволоки скрепляли верхние ящики между собой, чтобы они не упали во время последующей транспортировки. Подъехавший автокарщик ждал, пока грузчики медленными, неторопливыми движениями обмотают проволокой ящики, и затем, подцепив поддон, отвозил его на склад.

– Видал, обратился Вадим к Крылову, кивая на грузчиков. – Во дают! Уже сообразили. Вместо того чтобы работать наравне с нами и таскать ящики, филонят, как могут. Шустрые парни. Не надорвутся. А зачем им вкалывать? Кандидаты и доктора наук разгрузят вагон и без них. И так, наверное, каждый божий день. Хороши работнички. Сразу видно, что профессионалы.

Крылов посмотрел на Вадима, но, ничего не сказав, прошел по доскам, проложенным к вагону, потянул на себя очередной ящик, приподняв его немного, и, чуть согнувшись, понес груз по направлению, где лежал поддон. То ли ему не хотелось говорить вообще, то ли эта картина была настолько привычной, что он не видел смысла препираться или обсуждать этот вопрос. Вадима же так распирало желание поддеть и грузчиков, отлынивающих от работы, и своих товарищей по институту, молча таскающих ящики.

– Мужики, – сказал он, подходя к грузчикам и опуская ящик на поддон, – притомились, что ли? Связывать ящики проволокой мог бы и ваш долговязый. Не знаю, кладовщик он у вас или бригадир. Не рассыпался бы, поработав вместе с нами. Ведь сам ворчал, что вагоны простаивают, надо быстрее разгрузить их. А вы бы наравне с нами ящики таскали. Глядишь, и закончили бы в два счета. Получается как-то не того. Мы вроде бы пришли помочь вам, так как вы не справляетесь со своей работой. Но что-то не слышно от вас благодарности. Или хотите на нашем горбу выехать?

– Эх, милый! – хрипло пробасил один из грузчиков, уронив обрывок проволоки. Поддев его ногой и отшвырнув его в сторону, он повернулся лицом к Вадиму и добавил: – Ты бы повкалывал здесь каждый день, тогда бы и говорил. Работенка будь здоров. Это тебе не в бирюльки играть. Передохнуть совсем не грех. Тебе чего! Ты пришел, проваландался несколько часов и ушел. Немножко попотеешь, потаскав ящики, так это только на пользу. Лишний жирок сбросишь. А мы тут пупки надрываем годами. То

мешки, то ящики, то поддоны. Только успевай шевелиться. Усек? Ты вот небось у себя на работе завсегда при галстучке. Чистота, светло, и мухи не кусают. И наверняка в тепле, не мерзнешь. Сидишь себе за столом и поплевываешь в потолок. Не то что мы, бедолаги.

– Работай – и не замерзнешь, перебил его Вадим. – А так и окоченеть недолго. Смотри не простудись, а то и березовый сок не поможет. Не пробовал? Или уже успел заглотнуть, пока никто не видел?

– Попробовал, – ответил грузчик, не поняв подковырки. – Ерунда. Ни то, ни се. Даже вкус не разобрать. Как вода. Вот если бы покрепче!

– Ну, конечно, тогда бы и работалось веселее. Враз бы, видимо, разметал вагон с ящиками, будь там бормотуха.

– А чего! Запросто, – не задумываясь, прохрипел грузчик. – Еще не то бывало. Долбанешь, как следует, и вперед. Словно заводной. Ни тебе усталости, ни холода. Э-э, да чего там говорить. Было бы горючее, а работать мы умеем. Не чета некоторым, сидящим в конторках.

– То-то и оно. Работнички тут все, как я погляжу. Без опохмелки ходите как сонные мухи. Только тормозной жидкости вам и не достает.

– Ладно тебе, паря, будет языком-то молоть, – отмахнулся грузчик и, взяв новый обрывок проволоки, стал обматывать им трухлявый ящик, державшийся каким-то чудом на краю поддона. – Отдохни чуток, если умаялся. Нечего зря лясы точить. Выискался тоже умник. Сопи себе в две дырочки потихоньку и не мельтеши. Зарплата тебе идет на работе? Идет. Чего тебе еще нужно? Какого рожна? А мы тут сами как-нибудь разберемся, без сопливых. Учуял?

– Зарплата-то идет, – завелся Вадим. – Только дело стоит. Ты ведь за меня отчет писать не будешь. Профилонишь здесь смену, и будь здоров – свободен. Гуляй, сколько вздумается. И никаких тебе забот. Я же вот сейчас должен вкалывать за тебя. А потом, вечером придется делать то, что мог бы сделать за день в институте.

– Вот-вот, – встрял второй грузчик. – Все отчеты пописываете, бумагу мараете. А кому нужны ваши писульки? Взять да подтереться, и вся недолга. Ты бы лучше шел к нам на работу. Небось кишка тонка. А картошку поди уплетаешь так, что за ушами пищит. Думаешь, она сама в магазин прилетает? Нет, браток, сперва ее здесь разгрузить надо. Потом в магазины загрузить, чтобы ты в магазине, не замарав ручки, купил готовый пакет с картошкой. Вот и приходи сюда. Поразгружай вагончики.

Что, сразу и хвост трубой? Нема нынче желающих-то. Все институты позаканчивали. Образованными стали. И калачом никого сюда не заманишь. Сидят себе в конторах, бумажки перекладывают. Ждут, когда им все на блюдечке подадут. Да, пахать на вас, бугаях, надо. Почаще сюда присылать. Тогда узнаете, почем фунт лиха. Глядишь, и пользы будет больше. Так-то, браток, помолчал бы лучше! А то вы все молоть языком готовы. Работать только некому.

– Ты это брось, дядя, – запальчиво возразил Вадим. – Каждый должен работать на своем месте. Ты ведь сам сюда пришел, никто тебя не заставлял, не тащил за ворот. Вот и работай, как положено. Если бы все честно вкалывали на своем рабочем месте, не было бы необходимости гонять людей туда-сюда, отрывать их от дела. Лично я помочь не против, если в этом есть необходимость. Всегда готов. Бывают же прорывы, когда позарез нужно немедленно завершить работу. Но ведь здесь, на овощной базе налажена целая система. Из года в год одно и то же. Как будто специально работают по принципу: чем хуже, тем лучше. И действительно, дядя! Зачем тебе вкалывать, когда мы тут суетимся? Прислали десять человек. Вы кричите – мало, не успеваем разгружать вагоны. Присылают двадцать. А вам и на руку. Еще поплачетесь, и пятьдесят пришлют. Тогда вообще можно загорать.

Вадим хотел еще что-то сказать. Но потом, раздумав, пошел следом за Белявским, поставившим ящик на поддон и направлявшимся вглубь вагона. Наклонившись, он взял нижний ящик, лежавший на полу, приподнял его до пояса и, шагая вслед за Белявским, вернулся к поддону. Один за другим шли сотрудники института и представители других организаций, совершающие монотонную разгрузочную работу. И вновь произошла заминка. Опять кончились поддоны.

– Перекур, мужики, – возвестил один из грузчиков.

Оба грузчика задымили. Прохоров со своими коллегами вышел из вагона. Молодая учетчица спрятала карандаш и бумагу в карман ватника. Затем, окинув взглядом вагон, она торопливо направилась в складское помещение, поправляя на ходу съехавшую набок шапочку, из-под которой выбилась прядь черных волос.

Один из грузчиков посмотрел вслед маслеными глазами. Немного подождал. Когда учетчица скрылась за поворотом, он спешным шагом юркнул в вагон, о чем-то поговорил с мужичком, сопровождавшим ящики с березовым соком, и вскоре вышел, пряча под фуфайкой трехлитровую банку. Не говоря ни слова, он мелкими шагами засеменил вдоль вагонов, пересек площадку и

нырнул в какой-то боковой проход.

Минут через пять возвратилась учетчица. Вместе с ней шла женщина в черном халате. Шея ее была обмотана шарфом, на голове торчала рыжая лисья шапка. Она размахивала руками, что-то возбужденно говорила молоденькой учетчице. Они заглянули в вагон. Женщина покачала головой и недовольно сказала:

– Медленно разгружаете.

Прикинув что-то в уме, она постояла в раздумье и вышла из вагона. Потом, словно что-то вспомнив, вернулась назад, обменялась несколькими словами с мужичком, присевшим на край ящика, и взяла трехлитровую банку. Не пряча, на глазах у окружающих, она прижала банку к груди и пошла в складское помещение.

– Вот так, – отреагировал Вадим. – Средь бела дня, при честном народе уплывает березовый сок. Мы тут разгружаем, а они загружаются.

– Тебе что, больше всех надо, – угрюмо заметил грузчик, дожидавшийся своего напарника. – Хочешь, и тебе устроим скляночку.

– Да иди ты со своей скляночкой знаешь куда! Благодетель нашелся, тоже мне! Неплохо пристроились. Жалуются еще: работа тяжелая, пупки надрываем, мерзнем. Надорвался, наверное, домой таскать. Да тебя от этой базы за уши не оттащишь. А другие вкалывают за него. Небось, и приварок имеется. Чем не житуха! Не жизнь, а малина!

Вадим посмотрел на своих коллег и, уже обращаясь к ним, страстно произнес:

– Учитесь, уважаемые кандидаты и доктора наук, как надо жить! Наглядный урок. Перестройка в действии. В экономике перемены. Боремся с пьянством. Меньше выпускаем водки, больше сока. А психология осталась прежней. Как таскали раньше, так и теперь таскают. Все, что под руку попадется. Сок так сок. А вы, научные работнички, кумекайте, что дальше делать. Они тут будут потихоньку таскать. Вы же – только руками разводить и молчать. Более того, сами оказываетесь не только немыми свидетелями, но и невольными пособниками.

Белявский протестующе вскинул брови, но Вадим опередил его:

– Именно пособниками, Николай Сергеевич. Разве вы не находите, что мы способствуем тому, что на наших глазах происходит. Вот ведь получается какая штука. Мы собственными руками разгружаем вагон. Вас оторвали от основной работы, чтобы оказать помощь в заготовке овощей и фруктов на зиму. Обязали оказывать эту помощь в приказном порядке. И вы

помогаете. Вынуждены это делать. Надрываетесь, таскаете ящики. Несуну не надо даже рук прикладывать. Вы поставили ящик, а он, не утруждаясь, спокойно берет трехлитровую банку – и привет, только его и видели. А через несколько дней вас пошлют опять на базу. Будете перебирать гнилую морковь или лук. Тщательно все рассортируете. Гниль в сторону, хороший продукт в пакет или сетку. Потом уйдете домой и поздно вечером или ночью будете сидеть над отчетом, над статьей или монографией. А несун, даже не поблагодарив вас за работу, уходя с базы, прихватит с собой вами же рассортированные хорошие овощи или фрукты. А что, разве не так? Вот что я вам скажу. Уже одно то, что мы здесь, вместо того чтобы заниматься своим непосредственным делом, есть не что иное, как пособничество прочно сложившейся системе работать «за того парня» – не за того, который погиб на войне, а за того, который бьет баклуши и смотрит, где и что плохо лежит.

Переведя дух, Вадим вызывающе взглянул на Белявского. Тот уже собрался ему ответить, но вмешался Крылов:

– Перемены неизбежны. Недолго нам ходить на овощную базу. Во многих газетах справедливо писали, что посылать людей на базу, отрывая их от основной работы, не выход из положения. Да и на высшем уровне не раз ставился вопрос об этом, говорилось о необходимости прекращения подобной практики штопанья дыр. Другое дело, что с ходу здесь ничего не сделаешь. Необходимо время.

– Брось, Володя, свои проповеди. Газеты я читаю не хуже тебя, знаю, о чем пишут сегодня. Однако сдается мне, что не только тебе, но и твоему сыну придется еще вкалывать на овощной базе. Перестройка перестройкой, а вот на базу стали ходить чаще. И не только на базу. Недавно пришла разнарядка на стройку. Вроде бы исполком просит подсобить строителям. Как же, конец квартала, любой ценой надо план выполнять. Естественно, что руководство научно-исследовательского института не возражает. Вот теперь, помимо овощной базы, пойдем еще и на стройку. Самое удивительное то, что потом кто-то премию отхватит за вовремя сданный объект. Вот так, на чужом горбу в рай. Возможно, это все временно. Но нет ничего постоянного, как подобные временные мероприятия. Я понимаю, что все разом не отменишь. Видимо, требуется сперва рывок в экономике на магистральных направлениях. Лишь потом дойдут руки до наведения порядка в соответствующей организации на овощных базах. Хотя, если заметили, – продолжал возбужденно Вадим, – на этом складе стало как-то почище, по сравнению с прошлым годом. Может быть, поменяли заведующего складом или турнули заведующего базой. И все-таки, судя по всему, в

ближайшей перспективе мы вряд ли расстанемся со второй специальностью «грузчика», полученной за многие годы здесь. Пора бы повысить нам разряд. Скажем, такелажник пятого разряда. Звучит?!

– Ты все шутишь, – прервал нескончаемый поток речи возбужденного Вадима Белявский. – А ведь вопрос серьезный. Страна огромная. Перестройка только началась. Требуются значительные средства и организационные усилия. Почему до сих пор рассчитывали на шефскую помощь? Почему не вкладывали средства, необходимые для переоборудования овощных баз, оснащения их соответствующей прогрессивной техникой? Не было экономической заинтересованности.

Белявский откашлялся, вынул из кармана брюк большой носовой платок, вытер им рот:

– Да, экономической заинтересованности не было. В самом деле, зачем вкладывать значительные средства, необходимые для других отраслей экономики, если можно выйти из положения, привлекая для работ на овощных базах студентов и сотрудников научных учреждений? И привлекали. Из года в год. Из десятилетия к десятилетию. Сперва это была вынужденная необходимость. Понятно, война, разруха, восстановление народного хозяйства. А затем это вошло не то чтобы в привычку. Просто стало обыденным фактом жизни, основанным на изжившей себя установке все возлагать на массовый энтузиазм, не подкрепленный личной заинтересованностью. Конечно, легче в приказном порядке направить армию научных сотрудников на овощную базу, чем создавать себе излишние трудности и заботы по реорганизации и оснащению передовой техникой овощехранилища. Ответственности меньше, да и издержек почти никаких.

– Какие там издержки, – не удержался Вадим. – Одни выгоды. Что стоит здесь ваш труд, Николай Сергеевич? Вы разгрузите вагон, получите справку, что отработали смену. Между прочим, вам в справке напишут, что выполняли такую-то работу. Можно поставить двадцать или сто ящиков разгрузки. Кто проверит? Никто. И где гарантия, что вас не надули! Можно записать вам поменьше, зато кадровому грузчику, состоящему в штате базы, побольше. И опять же есть оправдание. Не поставь ему побольше – сбежит. С кем тогда прикажете работать? Вот этот работяга и филонит. Отхватывает же сверх того, что положено. При этом никто в накладе не остается. Все работники здесь получают свое. Не упустят. Иначе бы всех как ветром сдуло.

– Ну зачем ты так, – нахмурился Крылов. – Не все же подлецы. Есть и на базе честные люди. Непременно есть.

– А я разве говорю, что их нет, – не уступал Вадим. – Разумеется, сюда поступают на работу и честные трудяги. Только вот наше, отнюдь не добровольное шефство вольно или невольно способствует зарождению вполне определенных мыслей, толкающих на соответствующие поступки. Глядишь, поварился честный человек в этом котле, и нет его. Или, плюнув на все, сменил работу, ушел с овощной базы. Или же перестроился, не заметил, как стал несуном, филоном.

– Вообще-то, конечно, необходимо вводить механизм экономической заинтересованности, – медленно произнес Белявский. – Если бы за мою работу грузчика и причитающуюся мне сумму платила бы база, а не научно-исследовательский институт, то вряд ли здешнее руководство захотело бы иметь в распоряжении доктора наук. Или, во всяком случае, оно так бы организовало мой труд, чтобы не остаться внакладе. Нашлись бы и внутренние резервы, если бы рублем било по карману каждого руководителя. Я уж не говорю о том, что необходимо техническое переоборудование подобных баз. А то получается парадокс. Чем больше урожай в стране, тем больше мы несем потери. Не умеем сохранять сельскохозяйственную продукцию. Больно смотреть на то, сколько на этой базе гниет овощей и фруктов. Осуществляем настоящие битвы за урожай, а впоследствии отвозим гниль из наших хранилищ подальше с глаз людских. Не лучше ли, вместо того чтобы гнаться за перевыполнением плана по урожаю, добиваться снижения потерь при его хранении?

По проходу задребезжали колеса. Автокарщик привез поддоны. Сбросив их на настил, он развернулся и возвратился в складское помещение. После разгоряченной работы все немного остыли и были рады вновь взяться за разгрузку вагонов. Таская ящики с трехлитровыми банками, в которых бултыхался березовый сок, научные сотрудники еще какое-то время перебрасывались на ходу репликами, высказывая различные соображения по поводу возможных реорганизационных преобразований на овощной базе.

Все обошлось благополучно. Крылов положил справку в карман. Завтра он отдаст ее в партбюро научно-исследовательского института. Белявский стряхнул с мокрых брюк налипшую грязь, поскольку одна банка с березовым соком разбилась и залила колени доктору наук, кода он стоял с ящиком в руках и никак не мог сообразить, откуда на него стекает водопад. Вадим с горечью рассматривал порванный рукав куртки. Он даже не заметил, где и когда зацепился то ли за гвоздь, то ли за острие доски какого-нибудь ящика. Прохоров потирал ушибленное колено: он споткнулся о брошенный кем-то

сломанный поддон, сильно ударившись о настил. Все спешили домой, чтобы, переодевшись и отдохнув, вернуться к своим неотложным делам, связанным с научной деятельностью.

Прозрение

Прежде чем начать родительское собрание, Елена Георгиевна внимательно посмотрела на сидящих перед ней взрослых, автоматически отметив для себя, что сегодня собрались почти все папы и мамы ее учеников. Обращенные на нее взгляды были настороженными, тревожными.

Да, такое случается не часто в школе. Девятый «А», считавшийся благополучным во всех отношениях, неожиданно преподнес сюрприз. Произошел из ряда вон выходящий случай. До сих пор сложно поверить в то, что прилежные ученики оказались замешанными в таких неприглядных делах, о которых невозможно говорить без горечи и недоумения.

Заметив на лицах родителей симптомы рвущегося наружу нетерпения, Елена Георгиевна встала из-за стола, поправила чуть съехавшие на нос очки и, дождавшись полной тишины, негромко, но отчетливо произнесла:

– Итак, все, кажется, в сборе. Надеюсь, Вы знаете, почему я настоятельно просила быть на этом собрании.

Сделав паузу, Елена Георгиевна машинально взяла со стола журнал, который, будучи классным руководителем, обычно раскрывала перед собой, чтобы сообщить родителям об успехах их детей и требованиях, усиливающихся из года в год. Но сегодня в этом не было никакой необходимости, поскольку предстоял необычный разговор. Поэтому, отложив в сторону по привычке взятый журнал, Елена Георгиевна отошла от стола и ровным голосом, не выдавая волнения, добавила:

– Я еще сама до конца не знаю, как и почему произошло то, о чем даже стыдно говорить. Но мы все вместе должны разобраться в случившемся, и я рассчитываю на вашу помощь в этом непростом, запутанном вопросе.

В классе повисло тягостное молчание. Никто из родителей не высказывал желания начать разговор по душам. Все были подавлены, угнетены. Одни родителя надеялись, что неприятный, не укладывающийся в голове инцидент не имеет прямого отношения к их ребенку, неизменно приносящему в дневнике отличные и хорошие оценки. Другие родители недоуменно молчали, поскольку дошедшие до них слухи о безобразной драке между школьниками не вписывались в их представление о дружбе между детьми. Третьи родители сдерживали возмущение и негодование, сразу же возникшее после того, как они узнали о том, что двое девятиклассников оказались сильно избитыми, причем один из них до сих пор находится в больнице, а четверо

участников и свидетелей этого безобразия отказываются давать какие-либо вразумительные объяснения. Ни директор школы, ни классный руководитель девятого «А» класса не представляли, почему произошла драка между школьниками, кто является зачинщиком и кто виноват в случившемся.

Вернувшись к столу, Елена Георгиевна еще раз обвела всех родителей суровым взглядом:

– Скажу откровенно, дорогие родители. В этой школе я работаю уже четырнадцать лет. Однако не могу припомнить, чтобы в результате драки кто-то из школьников оказался в больнице. Разумеется, за эти годы я насмотрелось всякого. Были различные столкновения между учениками. Приходилось выслушивать и жалобы от родителей, когда их сын приходил домой с синяками или с разбитым носом, что редко, но все же случалось во время перемен в школе. Кто-то неосторожно толкнул или нечаянно задел ребенка, пробегая по коридору. Но чтобы так сознательно, я бы сказала, зверски избивать друг друга вплоть до сотрясения мозга, в результате чего Кожевникова Диму пришлось положить в больницу, ни разу не было на моей памяти. И главное, кто участники ужасной драки? Лучшие ученики – Панкратов Саша, Смирнов Олег. Кроме того, в этом инциденте, как выяснилось, замешаны и наши девочки – Слуцкая Катя, Борисова Оля, Приозерская Эля.

Елена Георгиевна тяжело вздохнула и горестно продолжала:

– Если бы мне кто-то сказал наделю назад, что наши мальчики и девочки способны на такое, я бы ни за что не поверила. До сих пор не могу прийти в себя. Хотя все это случилось не в школе, но я, как классный руководитель, несу полную ответственность за моих учеников. Саша Панкратов! Кто бы мог подумать, что он способен ударить своего товарища! Умный, серьезный, начитанный мальчик, внимательный и предупредительный по отношению к учителям и малышам. И вдруг бьет по лицу Кожевникова Диму. И не просто бьет. А с такой силой и жестокостью, что тот, падая, разбивает себе голову о батарею в подвале какого-то дома. А Смирнов Олег! Вместе того чтобы предотвратить драку, сам ввязывается в нее и теперь ходит с такими синяками, что страшно смотреть на его лицо.

– Простите, Елена Георгиевна, но мой сын ни при чем, – возбужденно вмешивается отец Смирнова Олега, перебивая классного руководителя. – Я разговаривал с ним, и он утверждает, что не участвовал в этой драке. Оказывается, Саша Панкратов, этот отъявленный хулиган, избил не только несчастного Диму Кожевникова, но и моего сына.

– Вот это нам и предстоит выяснить сейчас, – останавливает

возмущенного отца Елена Георгиевна. – Хотелось бы полностью восстановить картину происшедшего, чтобы не только разобраться в том, кто виноват в этой драке, но и понять, отчего такое могло произойти в нашем девятом классе, который до сих пор был на хорошем счету в школе.

– Нет, позвольте, – снова вмешался отец Смирнова Олега. – Необходимо прежде всего найти зачинщика драки, а не валить всех в одну кучу. А так получается, что моего сына избил хулиган, которому не место в школе. Надо в этом разобраться.

– И Вы уж позвольте, – не удержалась мама Панкратова Саши. – По какому праву Вы называете моего сына хулиганом? Да, произошла неприятная история. Но надо действительно разобраться во всем. Вы же слышали, что Елена Георгиевна сказала о Саше. Умный, серьезный мальчик. И это так. Я лично не верю, что мой сын способен ударить кого-то, тем более по лицу. Тут что-то не так. Дома Саша всегда спокойный, сдержанный.

– Ничего себе сдержанный, – возмутился отец Смирнова Олега. – Так спокойно отделал своего школьного товарища, что тот оказался в больнице. Посмотрите на маму Кожевникова Димы. На ней лица нет.

Сидящие в классе непроизвольно взглянули на бледную, с темными кругами под глазами женщину, отрешенно слушавшую возникшую между родителями перепалку. Она медленно подняла склоненную голову, словно сбрасывая с себя тяжелый груз оцепенения, и обратила лицо к говорящему. А тот, возмущенно размахивая руками, надрывисто и громко продолжал, повернувшись к маме Панкратова Саши:

– Возможно, Ваш сын – пай-мальчик у себя дома. И в школе на хорошем счету. Но как же прикажете расценивать его поведение на улице? Если это не хулиганство, то я просто не знаю, как квалифицировать такие действия, в результате которых один из учеников лежит в больнице, а другой ходит с синяками.

– Не будем делать преждевременные выводы, – остановила говорящего Елена Георгиевна. – Если кто-нибудь из Вас знает подробности этого ужасного происшествия, пусть поделится своими соображениями. Давайте разбираться по порядку.

– А чего тут разбираться, – довольно уверенно промолвила мама Борисовой Оли. – Все трое мальчиков участвовали в драке. Вот и пусть по всей строгости отвечают за это. А кто тут прав или виноват, разве выяснишь теперь?

– Извините, Нина Николаевна, – решительно вмешалась классный руководитель. – Но Ваша дочь была в одной компании с ними. Она несомненно все видела и не может не знать, из-за чего произошла драка и кто первый начал ее. Интересно, как это все

Оля объяснила Вам.

– А никак не объяснила. Вы думаете, Елена Георгиевна, если ученики ничего не говорят Вам, классному руководителю, то с нами, родителями, они более откровенны. Не знаю, как другие девочки, но моя молчит, словно воды в рот набрала. Я уж лупила ее и уговаривала по-всякому. Как бы не так! Ничего не видела, говорит, и все. Ну, что тут будешь делать!

– Неужели Вы действительно, как только что выразились, лупили свою дочь? – с недоумением и явным возмущением спросил один из родителей.

– А что с ними нянчиться! Уговаривать да гладить по головке! Был бы отец, так моя дочь заговорила бы, как миленькая. Небось, ремень быстро бы развязал язык. А так все миндальничаем с нашими детками. Вот и докатились. Один ученик в больнице, другой – с раскрашенной физиономией. А остальных затаскали со своими вопросами. Как, почему, из-за чего? А по мне так: заслужил – получи свое. Я и своей Ольге слепила по первое число. Пусть помнит на всю жизнь и не дружит, с кем попало!

– Что значит с кем попало? – не выдержала мама Слуцкой Кати. – Ваша дочь была с друзьями по классу, а не в какой-то случайной уличной компании.

– Ничего себе порядочная компания, – развела руками мама Борисовой Оли. – Вот если бы ваша Катя оказалась в больнице вместо Димы, тогда бы вы совсем по-другому запели. Между прочим, а что говорит ваша дочь? Она ведь, как и моя Ольга, была в том подвале и видела драку.

– К сожалению, моя дочь тоже молчит.

Мама Слуцкой Кати сокрушенно покачала головой и тихо добавила:

– Не знаю, что произошло с ней, но в последнее время она стала какой-то скрытной, замкнутой, как будто ее подменили. Катя всегда была такой веселой, жизнерадостной, общительной девочкой. И вдруг непонятная, необъяснимая меланхолия и апатия. Я ее спрашиваю, почему и зачем она пошла в злополучный подвал и что случилось там. Но она не отвечает. Твердит лишь одно: «Я ни в чем не виновата, мама. Поверь, я правду говорю». И вы знаете, я верю ей. Катя никогда не обманывала меня. Но раз она ничего не рассказывает и, как мне кажется, чего-то боится, значит, произошло нечто серьезное.

– Куда уж серьезней! – заметила одна из родительниц. – Чуть человека не убили.

– Нет, я не в этом смысле, – поспешно проговорила мама Кати Слуцкой. – Все это действительно ужасно. Просто кошмар какой-

то! Я только никак не могу понять, как и почему моя дочь оказалась замешанной в этой скверной истории?

– Никто не ожидал, что все так обернется, – подхватила мама Саши Панкратова. – Я спрашивала сына: «Саша, зачем ты дрался с Димой?» А он мне отвечает: «Не помню, возможно, Дима сам ударил меня». «Так кто же из вас двоих зачинщик драки?» – снова спрашиваю я. Но он молчит. Только повторяет: «Я не хотел драться. Сам не знаю, как все началось». Вот и попробуйте определить, чья тут вина! А то, не разобравшись, сразу же ярлык навешивают – хулиган мой сын.

– Однако в больницу попал не ваш сын, а Дима Кожевников, – мрачно пробубнил отец Смирнова Олега.

– Ну и что? Это ни о чем не говорит. Ваш Олег тоже мог так ударить моего Сашу, что он бы разбил себе голову о ту злосчастную батарею. Дело случая. Так уж получилось. Поймите меня правильно. Я нисколько не оправдываю своего сына. Но почему Вы взваливаете всю вину на него? Как будто Ваш собственный сын не был в подвале, не участвовал в драке или, по крайней мере, не предотвратил ее. Да, если хотите, мы пока не установили, кто из мальчиков первый начал драку. Может быть, именно Ваш Олег и является ее зачинщиком.

– Нечего валить с больной головы на здоровую! – вскочил со своего места отец Смирнова Олега. – Мой сын не способен на такое.

– Надо же, какая самоуверенность! – натянуто рассмеялась мама Саши Панкратова. Много Вы знаете о своем сыночке! Жаль, почему-то молчит мама Приозеровой Эли. Она бы могла рассказать, как Ваш примерный Олег отнимал деньги у малышей. Ее младший сын ходит в пятый класс, и я знаю, что он жаловался на Вашего Олега.

– Ну, знаете, это уже слишком, – возмутился отец Олега Смирнова. – Мы здесь собрались вовсе не для того, чтобы вспоминать старые грехи. Да, был такой прискорбный случай год тому назад. Действительно, как выяснилось, Олег однажды взял деньги у кого-то из малышей. Но потом он вернул их. И я строго наказал сына. Надеюсь, он надолго запомнил этот урок.

– Вот-вот, – встрепенулась мама Саши Панкратова. – Наказать-то наказали своего сына. Да, видимо, этот урок не пошел ему впрок.

– Товарищи! – не выдержала Елена Георгиевна. – Не будем обвинять друг друга. Так мы не разберемся в случившемся. Важно понять, что же произошло с нашими детьми. Конечно, виновники драки будут наказаны. В конце недели состоится педсовет, на котором будет обсужден данный инцидент и будет принято

соответствующее решение. Мы же собрались здесь для того, чтобы обменяться мнениями, выработать общую позицию и подумать над тем, чтобы подобные случаи не имели место в нашем классе больше никогда. Через два года Ваши дети закончат школу и вступят в самостоятельную жизнь. Как они подготовлены к этой жизни? Что смогут дать людям? Какова наша с Вами роль в воспитании полноценных членов общества? Вот над чем мы должны задуматься сейчас. Поэтому выявление виновников драки не самоцель, а необходимое условие для лучшего понимания образа мышления и действий Ваших детей.

В классе воцарилось молчание. Казалось, родители понимают смысл слов, только что произнесенных классным руководителем. В самом деле, зачем предвзято подходить друг к другу, защищать своего собственного ребенка и обвинять других детей в различных неблаговидных поступках? И все же Елена Георгиевна видела, что, несмотря не ее призывы к терпимому отношению друг к другу, некоторые родители не прочь искать виновников случившегося на стороне. На их лицах можно было прочитать: «Нет, мой ребенок ни в чем не виноват, он не имеет никакого отношения к этой безобразной драке».

Молчание затянулось. Елена Георгиевна хотела было еще раз напомнить как о своей собственной, так и о персональной со стороны каждого из родителей ответственности за случившееся, но тут неожиданно встала мама Кожевникова Димы и дрожащим голосом негромко произнесла:

– Это я виновата во всем.

Елена Георгиевна растерялась. Остальные родители недоуменно повернулись к хрупкой, сломленной горем женщине, чей сын лежал в больнице. Мать потерпевшего, и вдруг ее совершенно непонятное признание в какой-то вине. Абсурд! Нелепость! Сострадательные взгляды всех родителей были обращены на эту несчастную женщину, и, казалось, каждый из сидящих на этом собрании как бы успокаивал ее, говорил: «Ну, полно, не убивайтесь! Непременно найдем виновников драки, завершившейся так трагически. Найдем и обязательно накажем».

– Конечно, я виновата, – тихо повторила мама Кожевникова Димы. – Но разве я могла предположить, что это приведет к таким печальным последствиям.

– Успокойтесь, Марина Андреевна, – как можно мягче сказала классный руководитель. – Я вчера разговаривала с врачом. Он уверял, что самое страшное уже позади. Все обойдется, и вскоре Ваш сын снова сможет ходить в школу.

– Да-да, спасибо. Мне врач тоже говорил об этом. Вы уж простите меня, Елена Георгиевна. Надо было сразу все рассказать

Вам. Но я никак не решалась.

Мама Кожевникова Димы судорожно глотнула воздух, закашлялась и, достав из сумочки носовой платок, вытерла влажные, дрожащие губы. Затем, отчаянно тряхнув головой, с болью в голосе продолжала:

– Несколько месяцев тому назад я впервые заметила, что мой сын пришел домой в каком-то странном состоянии. Глаза неестественно блестели, движения рук были размашистыми, неуправляемыми. Глуповатая улыбка не сходила с его лица. Я, грешным делом, подумала, не выпил ли он на дне рождения у своего товарища, хотя этого раньше никогда за ним не замечала. Но от Димы не пахло вином. Позднее я еще несколько раз видела его в подобном состоянии. Никак не могла понять, то ли это от излишних учебных нагрузок в школе, то ли от общего переутомления, связанного с переходным возрастом. Хотела прийти к Вам, Елена Георгиевна, посоветоваться. Но вот не успела.

Слезы потекли по лицу скорбящей женщины, и она, вновь достав носовой платок, стала вытирать их, не обращая внимания на сидящих родителей. Немного успокоившись и взяв себя в руки, мама Кожевникова Димы заговорила, торопясь, как будто боялась передумать:

– Я должна, обязана все рассказать. Сегодня утром мне удалось поговорить с сыном в больнице. Нет, я его не расспрашивала о драке. Просто мы сидели в палате и смотрели друг на друга. Неожиданно Дима схватил мою руку, поцеловал ее и разрыдался. Я растерялась и стала успокаивать его, как могла. И тут он сказал мне такое, отчего до сих пор не могу прийти в себя. Это просто не укладывается в моем сознании. Оказывается, Дима вместе со своими школьными друзьями пристрастился к каким-то порошкам и травам. Я не знаю, как они называются, но они оказывают сильное воздействие на организм. Во всяком случае, Дима говорит, что от них он приходит в непонятное состояние, которое не может объяснить и которое у молодежи называется кайфом. В тот день, когда произошла эта дикая драка, мой сын с другими мальчиками и девочками прямо в подвале пробовали какое-то новое зелье. Не знаю, откуда они достали это проклятое средство, кто его им дал или продал. Но они всей компанией решили попробовать его действие. Потом, как говорит Дима, он уже ничего не помнил. Вроде сперва было очень весело, а затем наступило какое-то затмение.

Димина мама склонила голову, тяжело опустилась на свое место и, закрыв лицо руками, глухо добавила:

– Ведь я же видела, что с моим сыном что-то происходит.

Сердцем чувствовала неладное. Но вот не нашла времени прийти в школу, поделиться сомнениями. Может быть, мы вместе смогли бы отвратить беду от наших детей.

Потрясенные родители растерянно глядели друг на друга. Оказывается, их добрые, отзывчивые, послушные дети ведут свою, скрытую от взрослых жизнь, о которой они не имеют ни малейшего представления. Конечно, кое-что им приходилось слышать о наркомании, этом социальном зле, отравляющем юные души уличных ребят. Но чтобы это зло коснулось из собственных детей, которые постоянно ставились в пример другим в школе и вовсе не походили на трудных подростков, о чем часто можно услышать из уст людей, имеющих дело с неблагополучными семьями, такое никому из них не могло присниться даже в самом дурном сне.

Елена Георгиевна удрученно смотрела на родителей, находящихся в полном смятении и не знающих, что делать. Несколько минут тому назад они готовы были обвинять друг друга во всех грехах, сваливать вину на другого ребенка и всячески выгораживать своего сына или дочку. Но вот неожиданно они узнали горькую правду о своих детях. Еще не до конца осознали общую беду, неизвестно насколько затронувшую учеников девятого «А» класса и так распространенную в школе. И тут уже не до взаимных упреков и обвинений. Необходимо срочно что-то делать. Спасать всех детей, пока не поздно.

«О, Господи!» – подумала про себя классный руководитель. – Как же плохо, оказывается, я знаю своих учеников. И совсем не знаю их родителей!»

Часть V
Дедушка и внуки

Переписка дедушки с внучкой (Москва – Париж, сентябрь 2015–январь 2017 г.)

7 сентября 2015 г. Анютка! Приветик!

Как хорошо мы провели время! Ты такая милая, все время улыбаешься, когда смотришь на дедушку. А какое было море! Закачаешься! И ты вела себя вполне прилично, как парижанка. Эх! Когда же мы с тобой будем играть в теннис?

Да, скажи маме следующее.

Если полетите таким же самолетом, как мы с бабушкой, то вам подойдут места в 21 ряду. Эти места имеют большой проход, так как отделяются от бизнес-класса. При взлете и посадке все сумки и коляска кладутся на верхнюю полку. Но вот в полете пространство таково, что можно ставить коляску и укачивать Анютку. Возможно, стюардессы разрешат сделать это.

Передай привет папе.

Повезло тебе с родителями, да и бабушками и дедушками тоже.

И вот еще что.

Представляешь, через несколько часов мы с бабушкой пойдем смотреть еще одну внучку. Она совсем маленькая, седьмой или восьмой день пошел. А ты уже вот какая взрослая – почти 5 месяцев. А пройдет время, и вы сможете гулять вместе. А пока подрастай.

Целую в щечку.

Дедушка.

12 сентября 2015 г.

Привет, дедуля!

Письмо твое мама мне прочитала. Но она, смешная, все чего-то бегает по дому, чего-то делает и все никак не могла найти время, чтобы помочь мне с ответом. Сама-то я печатать на клавиатуре еще не умею: пальчики достают только до нижнего ряда букв. Так что пришлось попросить маму напечатать то, что я ей буду диктовать.

Итак, отвечаю.

Честно говоря, я не очень поняла, почему вы несколько дней подряд приходили в гости, а потом перестали. Мама мне объяснила, что вы уехали к себе домой, далеко, в другой город и даже другую страну (это очень далеко, да?) и что теперь мы сможем только по компьютеру общаться (я пока не очень

понимаю, как это, по компьютеру, но мама потом мне покажет). Мне стало немного грустно, что я больше не смогу с тобой играть. Уж очень нос у тебя забавный, красный. Ты меня здорово веселил. И бабушка меня все время развлекала, так что с вами мне было совсем не скучно. Приезжайте же почаще из этой вашей далекой страны ко мне в гости! Мне тоже очень понравилось то место, куда мы с вами ездили. Там было почему-то жарче, чем дома и чем в моем любимом парке, куда мы ходим каждый день гулять. А вот вода там, наоборот, холоднее, чем у меня в ванной. Зато вода эта цвета совершенно прекрасного. Как мамины глаза. И твои, кстати, тоже. А почему, интересно, у папы моего глаза другого цвета и у бабушки? Это они сами так решили? Папа просит меня оставить глазки как есть, не менять цвет. Ему очень нравится. А я и не знаю, как его поменять. Ладно, пусть остаются, мне не жалко.

Сегодня мы с мамой были все время вдвоем, папа уехал на какой-то остров (мама его называет туманным Альбионом) и вернется только завтра. День прошел прекрасно, к нам приходила в гости моя французская бабушка. Мы много разговаривали, играли, я устала и уснула. Кажется, приходил еще и дедушка, но я уже спала. А потом, когда они ушли, наши соседи стали очень шуметь (отмечали день рождения, соседка меня постарше, ей, должно быть, побольше месяцев, чем мне). Мама приоткрыла дверь, чтобы попросить их не так громко смеяться, и… дверь захлопнулась, а мама осталась снаружи, в чем была: в домашних штанах, в носках, без ключей, без мобильного телефона… А дверь у нас, сам знаешь, хитрая: если выйти и хлопнуть ею, то замок автоматически закрывается и войти обратно уже не возможно без ключа. И мама сильно испугалась. Я-то спала, хоть бы хны, и ничего не слышала. А мама, оказывается, бегала к консьержке, хотели вызывать пожарников, чтобы через окно попасть внутрь. Но потом мама вспомнила папин телефон, позвонила ему, и он со своего острова позвонил моей французской бабушке, которая с дедушкой на машине уже почти доехала до своего дома. Хорошо, что у них были ключи от нашей квартиры! Они тут же вернулись и открыли маме дверь. Уж не знаю, сколько времени мама просидела на лестничной клетке, но глаза у нее были заплаканные. И чего она так испугалась, я ведь здесь, никуда из кроватки не выпаду. Ну, в общем, все хорошо закончилось. А мама решила выучить наизусть мобильные номера всех родственников.

В остальном жизнь у нас размеренная: сплю, кушаю молочко, делаю зарядку, гуляю, играю, снова сплю и кушаю. Лафа! Правда,

на этой неделе было как-то странно: обычно папу я вижу рано утром и по вечерам, а тут в середине недели мама куда-то ушла на целый день и со мной был папа. Мы с ним здорово пообщались. А на следующий день мы втроем ходили в гости к тёте, которую я еще никогда не видела, но мне она понравилась. У нее красивая темная кожа, большие глаза, приятный голос. Мне у нее на ручках было очень комфортно, я даже прикорнула. Зовут ее Сильви. Мама говорит, что, может быть, мы с ней подружимся, и тогда я буду часто ходить к ней в гости. У нее самой трое детишек, но большие уже. Как у моей тети Марины: три мальчика. Я с ними еще не познакомилась. Наверное, у них много игрушек.

А ты, значит, уже видел мою двоюродную сестренку? «Ку-зи-на», – говорила мне мама, показывая фотографии какой-то маленькой девочки. Она такая маленькая, что ей впору мои пижамки, которые я аж четыре месяца назад носила. Сейчас-то я уже совсем большая – в воскресенье у меня пятый день рождения. Родители наверняка опять зажгут свечки на тортике и съедят его. Может, и мне дадут попробовать, ведь я уже почти взрослая, мама говорит, скоро буду есть «взрослую» еду. Только как же я буду ее есть, если я еще сидеть не умею? Мне опора под спину нужна. Знаешь, меня очень интригует большая коробка, которая стоит у нас в коридоре. Папа собирается из нее что-то в воскресенье достать и что-то собрать. Вроде как в подарок мне. Только вот что это может быть, ума не приложу.

Так ты передай привет моей ку-зи-не, когда снова ее увидишь. Мама говорит, я с ней тоже скоро познакомлюсь. Но что значит – скоро? И как же я с ней познакомлюсь, если она в компьютере? Я-то тут. Может, она ко мне в гости приедет? Только она же еще совсем крошечная, еще даже улыбаться не умеет, наверное. А я уже вовсю гогочу, особенно когда меня щекочут. Я вообще люблю смеяться, от этого так приятно во всем теле становится и все вокруг улыбаются.

Если бы я знала, как в письме можно улыбнуться, то обязательно улыбнулась бы тебе. Мама обещает меня пофотографировать и тебе послать. Как она это делает, я не знаю. И еще про какую-то скайпу она мне рассказывала. Она хоть вкусная, эта скайпа?

Ох, что-то притомилась я все это маме диктовать. Да и мама, вижу, уже клюет носом. У нас каждый день столько всего интересного происходит, что надо ночью высыпаться. Ведь завтра новый день и новые впечатления. Может, к нам еще кто в гости придет?

Дедушка, приснись мне, а? Как мы по бережку моря гуляем. За ручку с тобой, с бабушкой, с мамой и папой. Только у меня всего две ручки… Как же быть? Ладно, подумаю об этом завтра.

Бай.

Ваша Анюта.

12 сентября 2015 г.

Привет, Анюта.

Ну и приключения у твоей мамы! Второй раз проблема с дверью, где ты осталась в одиночестве. Переживает, волнуется, вспоминает телефоны. Стоит папе уехать, как возникают проблемы. Хорошо, что ты спала и не видела свою маму. Да, и французские дедушка и бабушка вернулись в квартиру, не доехав к себе домой.

Думаешь, мама теперь запомнит телефоны и все будет в порядке? Конечно, это хорошо и для тебя, и для успокоения других, включая папу. Но, может быть, маме оставить ключи в каком-то потайном месте в коридоре, как это имеет место в московской квартире? Как думаешь, Анюта, стоит это сделать? Ты уж передай маме об этом. А то проснешься, а мамы нет. А как же молоко мамы или в бутылочке? Придется делать первые шаги на кухню. Ты спроси, где есть молоко. В холодильнике. А как же подогреть его? Ух ты, сколько мыслей, вопросов. Придется скорее расти, чтобы мама не беспокоилась.

Если ты подружилась с новой тетей (ее, кажется, зовут няней – странное имя, не правда ли), то это хорошо. Анюта, ты оставалась на несколько часов с новой тетей? Что ты скажешь о ней? А как детишки, вроде взрослые? Да, спроси маму, как обстоят дела на новой работе, и сообщи, довольна ли она, как прошли занятия?

Хочу сказать, что мы с бабулей были у новой внучки. Всего один раз. Ты видела ролик? Эта девочка еще совсем кроха. Не то, что ты. Но, к сожалению, больше не ездили. У ее родителей проблема, как вывозить коляску из подъезда. У тебя приходится преодолевать порожек. А у ее родителей двери в подъезде такие тугие, что самой маме не справиться. Но они приспосабливаются. И мы не вмешиваемся.

Сейчас мы на даче. Есть такое место в России, куда многие старички и старушки ездят. Что это такое? Трудно объяснить маленькой парижанке, да и взрослым парижанам не все понятно. Вот через год приедешь, и тогда поймешь. Да, передай маме, что мы будем на даче целую неделю. Поэтому мама не сможет воспользоваться скайпом. Так и скажи ей.

Привет тебе от московской бабуленции.

Мы вспоминаем о тебе постоянно, о маме тоже. Надеемся, скоро увидим всех, включая папу, в Москве. Эх, была бы только сносная погода! А то в ближайшие дни обещают заморозки. Что это такое? Это когда холодно, не то что в Париже.

Целую тебя и твою маму,

бородатый московский дедушка.

13 сентября 2015 г.

Привет, дедушка!

У меня сегодня был день рождения. Я уже совсем большая: целых пять месяцев живу на белом свете. И признаюсь, пока мне все очень нравится.

Родителей я себе выбрала отличных, и бабушки-дедушки все очень добрые, веселые. Их у меня много, аж четверо. Еще мне мама рассказывает про моих дядь и тёть, двоюродных братьев и сестер, но я их совсем не вижу, поэтому ничего про них пока не могу сказать.

Мой папа наконец открыл большую коробку, которая стояла уже несколько дней у нас в коридоре, и потом что-то долго там собирал, разбирал, ругался и снова собирал. Пока не собрал высокую такую штуковину. Потом меня в нее посадили. Тесновато, никуда не перевернуться, но зато я могу ручками барабанить по столику. И мне сверху все очень хорошо видно, кто чем занимается. Мама почему-то этой штуковине очень обрадовалась. Уж не знаю, что она задумала. Ну, наверное, что-то хорошее. Она мне никогда ничего плохого не делает. А если случайно и делает, то потом извиняется, прощения просит. И я ее прощаю, так как знаю, что она не со зла, а по невнимательности. Рассеянная она бывает иногда. Папа над ней подтрунивает.

Ах, да, забыла: меня сегодня нарядили в красивое платье и много фотографировали. Хоть я одеваться и не люблю (уж очень сложные все эти одежки, была б моя воля, я бы голышком жила, без памперсов бы по ковру каталась), но сегодня был особенный день.

Еще мама сегодня пошла зачем-то в комнату, где я сплю, и вдруг вскрикнула, прибежала с выпученными глазами и что-то там стала папе говорить про «паука». Это, наверное, очень большой и страшный зверь, раз он так маму напугал. Папа вступил с ним в схватку и отважно победил. За что мама его поцеловала. Прямо в губы. Хи-хи.

А у вас на даче есть какие-нибудь звери?

Всё, понесли меня спать.

Пока!

Твоя внучка Аня.

14 сентября 2015 г.

Привет, Анюта!

Оказывается, время бежит быстро, и тебе уже 5 месяцев. Поздравляю и желаю расти большой, большой.

Посмотрел фотографию, где ты блаженно сидишь в том, что собрал папа. И торт. Вот бы и мне побывать в Париже, попробовать торт, ведь ты все равно столько не съешь. Или торт предназначен одному человеку, который празднует 5 месяцев. Ну, дай попробовать. Наверное, его, то есть торт, пекла мама. Она у тебя чудесная. Правда, боится пауков, бежит к папе, который храбро сражается с нечистью. Паук не такой страшный. Это не те пауки, которые есть на белом свете и пьют младенческую кровь. Есть хорошие пауки. Такие встречаются на нашей даче. Хотя тоже неприятные. Берешь его за шкирку и пускаешь на траву. Ой, тебе скажу. Психоаналитики (есть такие люди) думают, что паук имеет символическое значение. Это как мужской символ, так и женский. Как на то посмотреть. Все-таки странные психоаналитики. Хотя должен сказать, что маленькие детки видят пауков во сне и боятся их. Наверное, мама, которая увидела паука и испугалась, чего-то боится. Боится не только за себя, но и за тебя, Анютка. Интересно, что бы это значило! А так папа мужественно выполнил свою роль, за что и получил поцелуй. Да, на фотографии твои ножки не достают до той штучки, которую собрал папа. Наверное, есть варианты. Но папа поступил правильно, поскольку ты, Анютка, растешь не по дням, а по часам. Ну, как тебе нравится подарок? А что, и дедушка тоже мечтает о таком же подарке! По крайней мере, не упадешь со стула.

Мы тут с бабулей занимались садиком, пересаживали деревья. Да и ремонт небольшой начали. Все благодаря твоей маме. Устали так, что твой день рождения отложили на день. Вот я приехал в Москву по делам и сразу послал письмо. А то планшетник требует много сил, пока напишешь. Так что, Анюта, мы с бабушкой улыбаемся, смотрим на тебя. И платье у тебя красивое. Настоящий день рождения – тортик, зажженная свеча. Все, как у хороших людей.

Всего тебе хорошего! Будь послушной и не бойся пауков!

Целую,

московский дедушка.

16 сентября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Мы сидим с мамой в парке, рядом с фонтаном. Хорошо, что мама захватила с собой ноутбук. Правда, зарядки хватит

ненадолго. Надеюсь, успеем дописать тебе письмо.

У нас тут прямо удивительная погода: сегодня утром мы с мамой гуляли под сильным дождем. Не лучшая идея, но маме было непременно нужно сходить в магазин, что-то купить для «работы». Причем, как я поняла, в одном магазине она не нашла того, что нужно, и в другом не нашла, и в третьем. В итоге я уснула (приятно спать под звук дождика, который капает на защитную накидку на моей коляске). А мама, наверное, все же нашла то, что искала, потому что мы в итоге вернулись домой. Не знаю, как ее, а меня дождик совсем не намочил. Мама моя очень смешно выглядела: в одной руке коляска, в другой сумка, в третьей зонт, в четвертой багет. Ой, или у мамы только две руки, что-то я запуталась. Ну ладно. Мама потом грелась горячим чаем. А потом пришел папа, а мама ушла. И я ее увидела только к ужину. Так что обедом меня кормил папа (что редко бывает). У него груди нет, но зато есть бутылочка, которую мне удобно обхватывать ручками. Молоко в этой бутылочке не такое вкусное, как у мамы, но ничего. Зато его много, я потом сижу, долго перевариваю.

Дедушка, а что такое «работа», и почему мама туда ходит?

Да, я же про погоду не дорассказала. Вот мы с мамой после ужина вышли гулять (хотя обычно это у нас с папой традиционный вечерний променад), а на небе ни облачка! Странный это город, в котором мы живем. И как-то намного холоднее стало, чем когда вы с бабушкой тут были. Неужели теперь уже никогда не будет тепло? Мне понравилось гулять летом, кататься в коляске на животе, и море мне понравилось. И смотреть, как мама делает йогу в парке по утрам. А то что-то в последнее время мы уже давно с ней не ходили эту йогу делать.

Ой, дедушка, поплачусь в твою жилетку, можно? Вчера мы с родителями ходили в гости к одной тёте, которую, мне кажется, я уже видела, но точно не помню где. И вот эта тетя со мной разговаривала добрым голосом и при этом залезала мне то в нос, то в ухо, то в рот. Все что-то высматривала. Потом положила меня на стол, около какой-то деревянной штуки, и стала тянуть за ножку, и я ничего не могла сделать. Сказала: «Шестьдесят семь». Я не поняла, про что она. Это ей 67 лет? Да нет, вроде помоложе. Ну, короче, не понравилось мне это. А потом она раздела меня (даже памперс сняла с меня, это ж просто неприлично!) и положила на какую-то холодную белую штуку. Сказала: «Шесть семьсот». Опять не понятно, о чем она толкует. А потом что-то долго записывала в журнал. А потом, даже вспоминать страшно, положила меня на стол, обхватила и что-то стала делать с моей левой ручкой, с плечом, куда мне делали прививку (ой, может,

это она и делала??). Мне было очень больно и особенно обидно, что я никак не могла вырваться: она меня так крепко держала! И потом какую-то липучую штуку мне нацепила. Но потом она меня передала в руки маме, и у меня сразу все прошло (вот ведь какие волшебные мамины руки!). Я тут же все забыла и даже улыбнулась этой тёте на прощание. А родители мои вышли довольные, вроде как им эта тётя нравится. Ну, им виднее.

Родители у меня замечательные, часто меня обнимают, целуют. Иногда бывает, один чем-то не очень доволен, второй на эту тему пошутит, вместе посмеются, поцелуются. Приятно мне на них смотреть. И они на меня часто и подолгу смотрят. Я делаю вид, что не замечаю, занимаюсь своими делами (игрушки у меня очень интересные!), а сама слежу за ними. А когда мне весело (а весело мне часто, я тогда громко хохочу), то и у них появляются улыбки, и всем хорошо. Даже если до этого кто-то был мрачным.

Мама моя в последнее время какая-то напряженная, все о чем-то думает, звонит, разговаривает с разными тётями. И часто в разговоре с ними повторяет слово «контракт». Уж не знаю, вкусный он или нет, но маме он очень нужен. И папа вчера что-то в компьютере долго искал и потом дал маме почитать две бумажки. И они разговаривали про тётю, которая должна эти бумажки подписать. Или написать на них? Это я что-то не поняла. Тёти ведь, наверное, тоже памперсы носят? Дедушка, а ты носишь памперсы?

Вот вроде всё тебе про свою жизнь и рассказала. А у вас с бабушкой как дела? У вас много на даче деревьев? И все надо пересаживать?? Это ж так устать можно. Вы там не переусердствуйте.

Мы сейчас пойдем домой. Мама меня накормит теплым вкусным молочком, мы с ней почитаем книжку про пушки, и я буду спать. А то сегодня с папой как-то не удалось мне уснуть.

А ты каждый день спишь, дедушка?

И что такое «ремонт»?

Твоя внучка Аня.

17 сентября 2015 г.

Привет, Анютка!

Ну и жизнь у тебя! Сколько событий, переживаний. Не то, что старички, которые воспринимают все, что происходит, обыденно. Обыденно, т. е. почти равнодушно, привычно. И ничему не удивляются.

А у тебя каждый день какие-то переживания, которые происходят впервые. Каждое слово мамы и папы удивляет. И чего это взрослые хотят? Неужели они не понимают детей? То у них

масса рук, хотя у маленькой девочки всего две. То приводят к каким-то тетям, которые делают больно детям. Нет чтобы доставлять радость ребенку» То кормят из груди мамы, то из бутылочки папы. Запутаешься. Эти взрослые – чудные люди. Не как дети, которые все понимают и хотят одно лишь удовольствие.

Мама занимается тем, что почему-то называют йогой. Правда, смотреть из коляски на ее позы очень интересно. Но ведь и я делаю то же самое. Тереблю ручки и ножки. Даже могу поднять ножку и засунуть в рот. А вот мама вряд ли это сделает. Так что йогой занимаюсь я, а мама пытается мне подражать. Интересно, а почему папа не делает то же самое. Или кормление из бутылочки – это тоже вроде йоги?

Да, ты спрашиваешь о нашем саде, где растут деревья. Действительно, деревья не такие большие, как видела ты из коляски, когда вы с мамой и папой ходили в парк. Только ты могла смотреть на ветки деревьев, а вот мы в саду обрезаем их. Обрезаем – это как бы подстригаем те огромные ветки, которые загораживают солнце в саду. Причем каждый год приходится залезать на деревья и подстригать ветки. Мы с бабушкой замучились. И все это называется в России дача. Правда, у некоторых людей есть садовники, которые следят за растениями и деревьями. Но это у богатых людей. А вот мы сами работаем в саду. И не потому, что нет денег платить садовникам. Просто нам самим нравится наш сад, который сделан нашими с бабушкой ручками. Хотя и устаем, но получаем удовлетворение и радость. Да и вместо йоги вполне годится в качестве расслабухи.

Ой, ты не знаешь, что такое ремонт? Это катастрофа. Какие-то дяди что-то делают на даче, а мы каждый день убираем за ними мусор, пыль. Ведь дядям что? Выполняют свою работу, скажем сдирают кафель и кладут новый (примерно как делали в твоей квартире, когда ты, Анюта, еще не появилась на свет). Но в твоей квартире были специалисты, а у нас те работники, которые не занимаются эстетикой, т. е. красотой. И вот так уже всю неделю мучаемся. Может возникнуть вопрос: зачем мучаемся? Так ведь хочется, чтобы ты приехала и было удобно тебе и маме.

Так что приезжай. Нет, не в этот раз, когда будешь всего пять дней в Москве. А на следующий год, когда сможешь ходить.

Быстрее расти, а то нам с бабулей почти скучно. А вот ты приедешь на дачу и посмотришь, что к чему.

Большой привет маме и папе, которые, как и мы, любим тебя.

Московский дедок.

21 сентября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Спасибо тебе за письмо и за разъяснения. Столько всего необычного в мире взрослых, столько вопросов! Вот, например, почему для одних людей важна красота, эстетика, как ты говоришь, а для других нет?

Мама мне показала фотографию очень красивой женщины в платье и сказала, что это бабушка Галина. Я ее совсем не узнала, ведь моя московская бабушка обычно в бриджах и кепке ходит, а тут такая романтичная прекрасная дама! Только где же ты тогда? Неужели бабушка забыла тебя дома? Ты, наверное, так и сидел, элегантный, в костюме, ждал ее, да?

А мне пока все равно, во что я одета (я же сама себя не вижу! Иногда, правда, вижу в зеркале своего двойника, но это же не я, или я??). Лучше всего мне, конечно, без всего, без памперсов (мама меня так часто оставляет полежать, чтобы попа подышала). А вот маме моей важно, чтобы я была красиво одета, особенно если к нам кто-то в гости приходит. Только все эти одежки так сложно одеваются! Мне не нравятся все эти раздевания-переодевания. Куда интересней пальчики ножек пососать.

Моя мама тоже недавно наряжалась – они с папой ходили на концерт, пока я сидела со своими французскими бабушкой и дедушкой. Так вот мама моя надела красивое платье, сережки, накрасилась. Я тоже, когда вырасту, буду надевать всякие украшения. А пока мне даже волосы не надо ничем закалывать. Стоят сами «ирокезом», как папа выражается. Ты знаешь, что такое «ирокез»?

Мне тоже нравится стоять ирокезом – у меня уже очень хорошо это получается. Сначала ножки подкашивались с непривычки, а сейчас я уже совсем уверено стою на ножках (мама, правда, поддерживает меня за подмышки). Это так здорово: видеть мир вокруг с высоты, а не из лежачего положения. А еще иногда папа меня поднимает на руках совсем высоко, к потолку. Вот это да, столько всего сразу видно! Вот жирафам повезло. Да-да, я уже знаю, что такое жираф. Мне папа подарил книжку-марионетку (почему-то такие книжки в моей стране именно так называют), с головой жирафа, и мы ее иногда читаем, особенно когда мне скучно, а жираф этот меня очень смешит.

Знаешь, мне надоело все время лежать. Ну сколько можно, пять месяцев уже лежу. Я теперь при любой возможности качаю пресс, чтобы уже скоро сесть и самой листать книжки. Мне понравилось в высоком стульчике сидеть, только там меня держит деревянный обод, чтобы я не упала, а сама я пока еще так не умею равновесие держать. Так что буду накачивать мышцы.

Мама рассказывала мне, что у твоего сердца тоже есть помощник, на всякий случай, если оно выйдет из строя. Он тебе

верный друг, не подводит? О чем вы с ним разговариваете?

Ах, да, самое главное: вчера мама с папой торжественно посадили меня в этот стульчик и дали попробовать какую-то кашицу оранжевого цвета. Не из бутылочки, а из ложки, представляешь? Я еще такого никогда не пробовала. Сладенько, ничего. Сегодня я этой каши целых две ложки съела. Чуть не подавилась. Мамино молочко все-таки как-то привычнее. Хотя мне очень интересно, что мои родители едят. Каждый раз у них что-то новое в тарелках. Мама иногда дает мне разные кусочки понюхать и полизать. Некоторые мне прямо очень нравятся, а от других ворочу нос. Надеюсь, мне из ложки будут предлагать только вкуснятину.

Дедушка, а ты чем питаешься? В России тоже едят сыр и багет и запивают вином? А кофе в России пьют? Мой папа очень любит кофе. Каждый день утром его пьет. А потом убегает на работу. Ты мне, кстати, так и не объяснил, что такое «работа» и для чего люди туда ходят.

А ты тоже работаешь, дедушка? А бабушка? А кузина моя тоже работает? Ты с ней видишься? Какая она, расскажи!

Ой, еще забыла сказать мерси за книгу с очень сложным названием! (Мы получили наконец посылку из Москвы с кучей книжек от Леши и Насти.) Мама сказала, что большую тяжелую книжку, с лицом на обложке, ты написал. Это как ты умудрился столько букв напечатать??? Тут вот страничку напишешь, и в сон клонит. Ты молодец! А про что это книга?

Пойду-ка спать, а то мама уже обзевалась.

До нового письма. Пока.

Целую в бороду.

Твоя внучка Аня.

22 сентября 2015 г.

Привет, Анютка!

Так долго не было от тебя письма, что я подумал, ты забыла дедушку, который смешил тебя своим красным носом. Но оказалось, что все это время ты писала, в результате чего я получил б-о-л-ь-ш-о-е письмо. Эх, сколько у тебя мыслей и вопросов. Просто диву даешься. Диву – это когда удивляешься чему-то.

Кому-то нужны красота, эстетика. Он не может не получать удовольствия от этого, как, например, ты, когда пьешь молочко и смотришь в лицо улыбающейся маме. А кому-то все равно, есть молочко, и ладно, независимо от того, улыбается мама, хмурится или злится. Так и рабочие, которые выполняют задание хозяина и думают, как бы быстрее закончить работу, совершенно не

принимая в расчет эстетику и красоту.

Тут однажды появилась в квартире бабушка. В роскошном платье и блестящих туфлях. В общем, здорово. Правда, я сразу узнал эту женщину, поскольку с твоей бабушкой прожил 44 года. Она приобрела этот наряд, чтобы сходить на бал Екатерины Великой (есть такая историческая фигура и различные балы, где в роскошных нарядах люди танцуют). А я смотрел на бабуленцию и думал: «Правда, красиво. Только зачем и для чего? Показать другим людям свою фигуру». Представь себе, Анюта, твоей маме нравится, когда ты в нарядном платье, а тебе безразлично. Вот и я молча полюбовался светской дамой и остался дома не в элегантном костюме, а в том, что удобно и просто.

Интересно, а что ты видишь, когда смотришься в зеркале? Себя саму или двойника! Психоаналитики говорят, что только в промежуток от шести до восемнадцати месяцев ребенок научается отличать зеркальное отображение от Я. Это так называемая «стадия зеркала», где ребенок входит в мир других и обнаруживает свой мир. Кстати, в той книге, которою я послал маме, есть небольшой сюжет о «стадии зеркала».

Ой, Анютка! Мы так с тобой похожи. Ты любишь без памперсов, и я предпочитаю ходить голым по дому. Только ты не говори другим людям об этом. Пусть это будет нашей тайной.

Жирафам повезло. Они видят мир с высоты. Детям тоже везет, когда папа бросает их вверх в воздух. А вот в моем возрасте лучше оставаться на земле. Думаю, ты поймешь это, когда тебе будет 73 года. Так что пока наслаждайся тем, что есть. И стоять на ножках – удовольствие, а тем более ходить. У тебя все впереди, а в нашем возрасте старички впадают в детство, и хочется лежать. А у некоторых людей, как у меня, есть у сердца помощник. Он включается тогда, когда сердце останавливается. Во сне сердце тоже спит. И тогда действует помощник, чтобы я проснулся и смог увидеть твою фотографию.

Вкусная еда скоро у тебя будет. Пройдет несколько лет, и ты будешь есть, как мама и папа. И парижский сыр, и багет, а потом вино и кофе. В некоторых семьях в России тоже так едят и пьют, правда, не вино, а водку, т. е. огненную воду, очень крепкую, после которой не всегда стоишь на ногах. А вот с сыром проблема. Не всем нравятся те сорта сыра, которые продаются в парижских магазинах. У россиян все проще. Сыр как сыр, обычный, съедобный. Мы с бабушкой не пьем кофе по утрам и едим простой сыр с булочкой, а не багет.

Да, что такое работа? Это такой вид деятельности, который приносит, как правило, деньги, чтобы дети могли кушать и одеваться, а взрослые – жить хорошо. К сожалению, не всякая

работа приносит удовольствие, и многие люди мучаются, чтобы заработать деньги. Мы с бабушкой уже отработали все, что полагается. Бабушка на пенсии, т. е. нет необходимости ходить на работу. А я читаю лекции, выполняю свою работу, но не для того, чтобы получить деньги, а просто нравится смотреть особенно на студенток, которые учатся психологии, вернее психоанализу.

Что касается кузины, то она пока маленькая и не работает. Хотя ей тоже приходится трудиться. Это примерно как тебе, Анютка. Ты пьешь молоко, и пот проступает на голове во время кормления. Только взрослым людям платят за их работу, а маленьким детям деньги не дают. Потрудился – попил молочко. Натуральный обмен. Ничего, вот подрастешь немного, и у тебя появится своя работа – школа, институт и прочие заведения. Вот тогда поймешь, что труд – дело трудное, обременительное, и подчас хочется отдыхать, как в детстве.

Вот и у меня появились дела. Так что заканчиваю писать. Напишу в следующий раз, когда будет время, а то через несколько дней начинаются лекции для студентов. Маме и папе привет.

Целую,
московский дедушка.

8 октября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Ну, вроде я отоспалась. А то с этими перемещениями в пространстве так устала, что никак не могла успокоиться и родителям задала жару.

Мне у вас с бабушкой очень понравилось! Столько всего интересного: аквариум, дарбука, картины. И игрушек мне столько надарили, что маме придется сшить для них еще одну сумку.

Какая же хорошенькая моя кузина! Только почему она такая маленькая? Я, конечно, рада, что она носит мои одежки, ведь мне все уже мало. Сашуля ведь вырастет, да? А то как же мы с ней будем играть? Я вот уже почти сижу на попе, на ручках у папы так совсем удобно. А мама меня все время кладет на ковер, чтобы я переворачивалась на живот и ползала. У меня уже почти получается. А ты умеешь ползать, дедушка? Мама мне рассказывала, что ты умеешь делать лягушку. Это как? Научишь меня?

Я по вам с бабушкой уже скучаю. Вы меня все время смешили, и мне очень нравилось вас выгуливать. На свежем воздухе так хорошо спится! Когда я сплю дома, мама открывает окна. А папа норовит их все время закрыть, чтобы я не простудилась. Кто из них прав? Что значить простудиться? Я же

закаленная, ничего не боюсь.

Пойду кушать. Интересно, какое сегодня будет пюре?

Чмок.

Твоя внучка Анечка.

8 октября 2015 г.

Привет, Анютка!

Вот ты и дома, в Париже.

Ты была такая умница в Москве, и мы так восхищались тобой, твоей улыбке, что просто прелесть. Почти не плакала, смеялась, играла с собой, да и с нами. Умница. Правда, ты была не такая, как на Вавилова, когда увидела кузину. Видимо, смотрела на малютку и ревновала ко всем мамам, папам, дедушкам и бабушкам. А так Анюта вела себя на Вавилова, как дома в Париже.

О, ты уже ползаешь? Прекрасно, лучше, чем лежать на спине и даже на животе.

Ты спрашиваешь, умею ли я ползать. Когда-то лет 70 тому назад я тоже ползал, но потом стал ходить. Еще немножко, и ты, Анюта, начнешь ходить. Красота! А потом пройдет много-много лет, и в старости человек больше лежит. Вот и я еще немного – и начну ползать, почти как и ты.

Да, когда-то я делал лягушку. Простейшее упражнение, возможно я тебя научу, когда приедешь летом в Москву. Хотя, кто его знает. Смогу ли я делать лягушку – вот вопрос.

Закалка – дело хорошее. Скажи своей маме, что во время сна нужно открывать окно, в крайнем случае маленькую щелку для воздуха. Чем больше закаляешься, тем меньше шансов схватить простуду. Вот так.

А еще я очень рад, что ты, мама и папа вовремя вернулись в Париж. Кстати, твой папа считал, что самолеты только в России нестабильны. Но это не совсем так. Когда мы были в Париже и твоя мама нас провожала в Москву, то однажды мы чуть не опоздали на самолет. Оказывается, в метро отменили те поезда, которые должны были идти в аэропорт. Хорошо, что твоя мама решила пересесть в автобус, и мы успели на самолет и в Москву.

Вот такие-то дела.

Всё, побежал на лекцию к студентам. Что такое лекция и студенты? Позднее я объясню, когда ты тоже станешь студентом.

Всем привет.

Целую,

дедушка.

9 октября 2015 г.

Привет, Анюта!

Сегодня встал и обомлел. На улице все бело: и асфальт, и деревья, и крыши домов. Оказывается, ночью пошел снег.

Удивительно, в последней день пребывания в Москве ты, Анюта, любовалась солнышком. Спала по три часа два раза в этот день, и солнце заглядывало в твою коляску. Ну а мы с бабушкой наслаждались лучами осеннего солнца. И было так тепло и уютно. А тут вдруг похолодало и выпал снег.

Да, ты еще не знаешь, что такое снег. Кругом бело, просто сказка. Правда, в отличие от зимы, когда много снега, пока не привычно. Слишком холодно. А вот зимой, когда снега много, другое дело. Можно кататься на лыжах, лепить «бабу», вдыхать морозный воздух. Знаешь, как хорошо спится в коляске? Но тут осень, холодно, зябко, да и снег не такой пушистый, вот-вот растает.

А вообще-то зимой хорошо. Спроси маму, как она каталась на лыжах на даче. По-моему, она скучает по русской зиме. Но в Париже нет такой зимы, и ты, Анюта, не увидишь все прелести снега и мороза. С морозом краснеют щеки и нос, который становится примерно как у твоего дедушки, когда он был на Лазурном берегу. Но только не от солнца, а от мороза. Эх, скорее бы зима! А то осенью, когда впервые идет снег, не очень-то приятно. Да и снег, судя по всему, растает.

Так что тебе повезло в России, когда ты была несколько дней и не чувствовала холода. И вовремя уехала в Париж, где погода, как я узнал, сейчас 13–15 градусов тепла. А в Москве всего лишь 2–4 тепла днем, а ночью до минус 2. Так что наслаждайся теплом.

Всем большой привет!

Целую,

дедушка.

10 октября 2015 г.

Привет, дедушка!

Нам действительно повезло, что мы вовремя вернулись в Париж. Папа смотрел на следующий день рейсы, и тот, который нам предлагали, тоже отменили. Так что мы бы еще сидели и куковали в Москве. А у мамы и папы работа. И что-то еще про визу папа говорил. Что такое виза?

Мама моя очень довольная вернулась на следующий день с работы. Ей предложили даже в каникулы провести мастер-класс, детям нравятся ее занятия. Уж не знаю, чем она с ними там занимается и почему меня с собой не берет. Но мы и с папой неплохо проводим время. Он меня кормит всякими пюрешками, и памперсы мне меняет, и гуляет со мной, и убаюкивает. В общем,

он такой же добрый и хороший, как мама. Только подбородок у него колючий иногда. У тебя вот борода мягкая. А почему у мамы и бабушки нет бороды? Еще не выросла, да? У меня тоже будет борода, когда я вырасту, такая же красивая, как у тебя?

А что, дедушка, тебе уже правда 70 лет?? И что ты делал все эти годы? Работал со студентами? (Ты мне еще не рассказал, кто это такие.) Это же сколько пюрешек надо съесть, чтобы было столько энергии! Или, может, ты ешь кашу? Мне вот мама вчера дала попробовать кашу из полбы. Название-то какое смешное. Но вкусная!! Мне так понравилось, что я всю тарелку разом и съела. Мама даже удивилась.

Дедушка, а у тебя тоже есть мама?

Пойду завтракать. Вдруг мне опять дадут ПО ЛБУ.

Пока. Целую.

Твоя внучка Анюта.

10 октября 2015 г.

Привет, Анюта!

У нас такая заваруха, т. е. непорядок, что одна авиакомпания лопнула, а пассажиры расплачиваются за это. И опаздывают на работу, пытаются улететь другими рейсами, и торчат в аэропорту. Так что твоим маме и папе действительно повезло. Вовремя улетели из Москвы в Париж, а то у папы кончилась виза. Что такое виза? Ну, это когда, например, папе дают какую-то бумажку, позволяющую пересечь границу между Францией и Россией. Виза имеет определенный срок. Вот у твоего папы бумажка позволяла быть в Москве всего пять дней. А вот если просрочишь, то будут неприятности. Того и гляди не возвратишься в Париж. И что тогда делать маме и тебе? Но, слава богу, все обошлось, и сейчас ты гуляешь с мамой в парке Парижа. Ну, пожалуй, ты еще не знаешь, что означает «слава богу». Давай я объясню это позже, когда ты подрастешь. Идет?!

Попробуй спросить маму, почему ей нравится работа с детьми. Думаю, что сперва работа не очень-то нравилась маме, а сейчас, когда она сумела найти подход к детям, все стало на свое место. Тебе же нравится, когда мама с тобой играет и гладит по голове? И маме тоже. Вот так и на работе, когда детям нравится слушать маму и выполнять различные задания.

А папа твой – молодец. Почти как твой дедушка, когда был молодой. Еще немного, и ты сможешь почитать стихи, где дедушка возится с тремя детьми. А может быть, и у тебя появится братик или сестричка? Вот папе и придется крутиться вокруг детей. Это хорошо, когда папа и мама занимаются своими детьми. А то бывает и так, что мама занята ребенком, а папа

приходит с работы поздно, повозится десять минут со своим ребенком и идет спать. И видишь его только несколько минут. Но у тебя папа другой. Вот только не успевает бриться и колется подбородком.

А я отрастил мягкую бороду, чтобы тебе, Анюта, было приятно прижиматься к лицу. А почему нет бороды у мамы и бабушки? Ну, понимаешь, так устроены люди. У женщин прекрасные волосы на голове. А у мужчин есть плешь, т. е. нет волосиков на голове. Зато одни мужчины отпускают бороду на лице, в то время как другие пытаются сбрить ее. Так что у тебя, Анюта, увы, бороды не будет. Вместо нее у тебя будут роскошные волосы на головке. Чуть-чуть подрастешь, и мама будет заплетать косички и делать бантик на голове. Вообще-то это красиво. Что такое косички и бантик, скоро узнаешь. Но вот мальчики будут смотреть на тебя и завидовать, так как у них не будет ни косичек, ни бантиков на голове.

Представь себе, что я, твой дедушка, достиг не 70 лет, а аж 73 года. То есть разница примерно сколько тебе плюс 2,5 годика. За это время ты начнешь ходить, бегать. А вот у дедушки начинается обратный процесс. Он ходит и бегает сейчас, а позже будет еле-еле ползать, примерно как ты, когда тебе хочется куда-то ползти.

Что я делал все время? Ходил в сад, в школу, в техникум, служил в армии, учился в университете, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, а потом начал преподавать студентам. Студенты – это люди, только они хотят получать знания от других людей, которые обладают такими знаниями. Вот я и делюсь своими познаниями со студентами, а для этого нужно много кушать, читать книги, мыслить.

Сейчас я ем кашу, как и ты. Правда, у меня нет различных пюрешек, и каша манная или овсяная. А вот каша из полбы – это что-то новое для меня. Действительно, название смешное. Но если тебе нравится и ты готова съесть тарелку такой каши, то это хорошо. Мама твоя нашла шутку – каша из полбы и дадут По ЛБУ. Но ведь тебе, Анюта, не только не дают по лбу, но, наоборот, и кормят кашей из полбы, и гладят голову и лоб, как это делают мама и папа. Так что наслаждайся жизнью, ешь кашу и расти большой.

Ты спрашиваешь, есть ли у меня мама. Да, была, очень хорошая, как и твоя мама. К сожалению, она оставила этот мир много лет тому назад. Так уж заведено. Человек рождается, что-то делает, а потом умирает. Пройдет еще несколько лет, и ты поймешь, в чем состоит процесс рождения ребенка и умирания взрослого. Все мы умираем, главное, чтобы это был естественный процесс, не связанный с болезнью. Моя мама ушла из жизни в

результате болезни. Очень жаль, что произошло именно так. Но ничего не поделаешь. Ты можешь посмотреть на фотографию моей мамы, которая, если я не ошибаюсь, стоит в большой комнате.

Надеюсь, ты сейчас гуляешь с мамой в парке. А вот когда придешь домой и получишь письмо, то для того, чтобы осилить все написанное, пройдет время, и тебя снова потянет в сон.

Целую тебя,
твой дедушка.

14 октября 2015 г.

Привет, Анюта!

Ух ты! Какая ты большая! На фотографиях просто прелесть.

Сидишь за столом, смотришь на торт, который тебе преподнесли ровно в шесть месяцев. Небось вкусный. Вот бы и мне попробовать. Но, видимо, папа тебе помог. Кормит с ложечки. Наверное, и сам попробовал.

А где мама? Наверное, рядом, только в кадр не попала. Смотрит, улыбается, наслаждается Анюткой.

Эх, как летит время! Надо же, тебе, Анюта, исполнилось ровно полгода.

Так что поздравляю тебя с днем рождения. Расти умной, доброй, улыбающейся девочкой.

А я тебя целую в щечку. И маму тоже. И папу. Ой, нет. Ему жму руку, а то еще подумают что-нибудь. Хотя в Париже это приветствуется.

Всех благ тебе, Анюта! Расти большой и «вумной»!

Твой дедушка.

17 октября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Так быстро бежит время. Ты мне уже столько писем успел написать, а я никак тебе не отвечу. Столько всего в моей жизни каждый день происходит!

Например, я обнаружила, что у меня есть уши. Пока не поняла, сколько их и для чего они мне нужны, но мне нравится просто крутить их ручкой. Еще, оказывается, если напрячь мышцы живота и побарабанить кулачками, то получается звук, похожий на ту штуку, которую мне показывала бабушка. Барбука, что ли, она называется? Я тогда, у вас в Москве, попробовала головой об неё постучать, но получилось очень громко, я испугалась. А бабушка очень красиво по ней барабанила.

А еще ниже живота у меня есть что-то очень интересное. Когда мама меня кладет голенькой на ковер, я ощупываю себя.

Ножки свои я уже хорошо изучила. И ручками уже очень ловко могу что-нибудь схватить. И очень мне нравится брать игрушку, отводить ручку в сторону и отпускать: тогда каждый раз получается разный звук. Особенно весело, когда я сижу на своем высоком стульчике. Правда, игрушка тогда пропадает, я ее теряю из виду. Но иногда, вдруг снова появляется, и я этому очень радуюсь.

Еще мне очень нравится играть с папой: он отходит чуть в сторону, а потом строит мне издали всякие рожицы. Я от восторга вскрикиваю, папа смеется, мама улыбается.

А тут мама недавно заплакала… Я с ней разговаривала, сказала как обычно «Ма-Ма». А она заплакала, но при этом улыбалась. Так что вроде я ее не расстроила, а наоборот. Я часто говорю Ма-Ма-Ма. Как-то оно само собой говорится, легко и приятно.

Спасибо тебе за поздравление. Я, и правда, как большая, сидела в свой День рождения за столом, рядом с мамой и папой – мне очень понравилось с ними вместе задувать свечку на торте. Только почему свечка была одна? В прошлый раз было пять. А до этого четыре. А через шесть месяцев, мама сказала, снова будет одна. Как же так? Я же расту, а не уменьшаюсь? Ничего я в этой математике не понимаю. Но родителям виднее. И я на них совсем не обиделась, что мне торт не дали попробовать. Я, честно говоря, даже не заметила, как его съели, потому что была занята своим подарком – тряпичной игрушкой в виде зайчика. У него длинные уши и лапы, и очень удобно его в рот засовывать. Я вообще все пробую на вкус. А вдруг съедобно? Мне теперь каждый день дают что-то новенькое на пробу. И мне все нравится! Даже стручковое пюре (смутно помню, что уже его пробовала, но в первый раз как-то было не очень, а сейчас ничего).

А ты любишь торты, дедушка? А зайцев тоже ешь? У меня тут еще в корзинке лягушка очень вкусная есть. Так и откусила бы ей лапки, но они почему-то не откусываются. Может, у тебя получилось бы? А у моей кузины, интересно, какое любимое блюдо?

Мне мама сказала, что у вас на даче растет земляника. Это кто такая? Она такая же большая, как и я, и тоже празднует Дни рождения? А кто еще у вас растет? И вообще, расти – это что значит? Это каждый месяц набирать по килограмму веса?

Дедушка, расскажи мне про вашу дачу. Почему во Франции ни у кого дач нет, а в России есть?

Буду ждать письма.

Твоя внучка Анюта.

17 октября 2015 г.

Здравствуй, Анюта!

Это хорошо, что ты написала дедушке письмо.

Конечно, я понимаю, что перед тобой открывается весь мир. Столько ощущений, переживаний, открытие чего-то нового! Ну, какие тут письма? И все же сообщай хоть что-нибудь, а то я совсем соскучился по внучке.

То, что ты обнаружила у себя ушки, – это великолепно. Представляешь, ушки слушают мир, и это здорово. Как и у взрослых, у детей только два уха. Звуки попадают и в одно ухо, и в другое. Но вот некоторые психоаналитики говорят, что у человека есть «третье ухо». Это когда ты входишь в мир пациента и слушаешь, что внутренний мир его тебе говорит. Впрочем, о «третьем ухе» не все знают. Мудреное название, как, впрочем, и понятие «пациент». Потом как-нибудь об этом расскажу. Так что пока прислушивайся к миру, лови звуки, включая дарбуку, тот музыкальный инструмент, когда московская бабушка, Галина, играла на нем, привлекая твое внимание.

Надо же! Ты заметила, что ниже живота, когда ты голенькая, что-то есть. Действительно, есть что-то такое, которое будет привлекать тебя всю жизнь и от которого часть мужчин, когда ты вырастешь, будут сходить с ума. А вот у мальчиков такого нет. Правда, они будут хвастаться нарциссической гордостью за то, что у них по-другому устроено то, что ты, Анюта, обнаружила ниже живота. И действительно, мальчики имеют преимущество перед девочками. Зато, когда они вырастут, все поменяется. Женщины обретут преимущество перед мужчинами, которые будут испытывать страх, прикрытый их смелостью и дерзостью.

А вот папа – другое дело. С ним можно играть, он строит рожицы, и ты, Анюта, можешь смеяться от восторга. Любящий папа – всегда для девочки идеал.

О, да ты уже говоришь «ма-ма»! А твоя мама плачет, когда ты это говоришь? Это она плачет от радости, от умиления, что ее дочь стала большая. Так уж бывает. Взрослые люди и плачут, и радуются.

Знаешь, одна свеча на торте во время шестимесячного дня рождения – вполне нормально. Вот пройдет год – и опять будет одна свеча. Зато потом каждый год будут прибавляться свечи на твой день рождения. 2, 3, 4, 5 и т. д. свечей. А когда тебе будет 60 или 70 лет, свечи могут исчезнуть. Слишком много их будет, и люди не будут придавать символическое значение их количеству.

Как, ты не попробовала торт в День рождения? И даже не заметила его, играя тряпичной игрушкой вроде зайца?! Ну и родители, приготовили такой вкусный торт, что тут же сами его и

съели, не оставив малышке! Жаль, что меня там не было. Ведь я тоже люблю торт. Ем и зайцев, если они расположены на торте в виде шоколадок. А вот тряпичных зайцев не беру в рот. Не брал и в детстве, поскольку у меня не было таких игрушек. Как не было и лягушек. Поэтому и сейчас в ресторане я не заказываю лягушек, хотя в Париже такое блюдо с лягушкой – большое лакомство.

Твоя мама сообщала, что у нас на даче растет земляника. Да, действительно растет. Сначала бело-зеленая, потом краснеет и, в конце концов, становится очень вкусной. Мы собираем ее и едим с кашей. Запах необычайно ароматный. Вот приедешь к нам на дачу, тогда и попробуешь землянику. Но, к сожалению, она не растет так быстро, как ты. Уже через месяц ягодки земляники исчезают, для того чтобы снова вырасти на следующий год.

Ты спрашиваешь про дачу как особое место в России, чего нет во Франции. Да, в Париже есть загородные дома, как у твоего французского дедушки и бабушки. И они живут там постоянно. А в России у некоторых жителей есть и квартира, где живут постоянно, и дача, где россияне обитают летом, а иногда и зимой. Значит ли это, что во Франции у людей есть один дом, а в России – два? Если так, то в России лучше, чем во Франции. Увы, этим не определяется уровень жизни людей. Потом как-нибудь я расскажу о специфике различных образов жизни. Впрочем, твоя мама знает, что к чему. Позднее она ответит на все твои вопросы.

Что-то я расписался. А ведь у меня масса дел. Ладно, пока бабушка Галя проводит занятия с детьми в Немецком доме, я могу позволить себе написать внучке маленькое письмо. Только не уверен, хватит ли сил прочитать письмо до того, как внучка не ляжет спать.

Всех тебе благ, Анюта!

Целую,

дедушка.

22 октября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Как интересно ты описал снег! Ты прав, снега я в своей жизни еще ни разу не видела. Он мне только снился. Мама мне про него рассказывала, какой он красивый, пушистый. А как же по нему ходить? Ему не больно? А зачем надо «лепить бабу»? Она что, расклеилась?

У нас тут тоже довольно прохладно, особенно когда мы гуляем по утрам. Меня закутывают, так что все в тепле, а вот нос остается на воздухе и становится розовый. До твоего носа ему, конечно, еще далеко.

Ты пишешь про снег, а у нас последние дни такие пасмурные,

дождик капает, все серое, мокрое: дома, асфальт, машины, люди с зонтиками. Я все это теперь очень хорошо вижу, потому что папа перевернул мою коляску, так что я теперь еду лицом вперед! Представляешь, это так здорово!! Мой папа – такой молодец, долго чего-то там проделывал с моей коляской, и я теперь могу и лежа спать, и сидя кататься. И крыша у меня теперь намного выше. А в крыше прозрачное окошко, в которое я вижу улыбающиеся лица – то папино, то мамино. Раньше, правда, было тоже неплохо – их лица были прямо передо мной, и мы строили друг другу рожицы. Но зато теперь я катаюсь как большая. Мама обещала прикрепить фотографию, чтобы ты оценил мое новое средство передвижения.

Я теперь вижу не только небо и кроны деревьев, но весь мир! Вижу, откуда исходят громкие звуки: то грузовик передо мной проедет, то дядя какой-нибудь на скутере пронесется, то мальчик на самокате прогремит. Поэтому иногда не сплю совсем – все смотрю, смотрю по сторонам. Это сколько же всего вокруг меня! Я и не догадывалась раньше. Все ужасно интересно. Но иногда, бывает, наиграюсь дома, накатаюсь с мамой на большом мяче – и сразу же вырубаюсь, еще даже не выехав из подъезда. И сплю тогда, несмотря на все шумы, даже громыхающие мусоровозы – мне хоть бы хны. Хны, хна – что-то, помню, бабушка про хну маме рассказывала. Это кто такая эта хна? И как это она красивые седые волосы превращает в рыжие?

Ой, может, и ко мне пришла эта хна? У меня, кажется, меняется цвет волос. Раньше, как ты помнишь, я была совсем блондинка (и жила в шоколаде!). А сейчас волосы на голове потемнели, стали золотисто-светло-каштановые. Хочу, чтобы были как у моей мамы! Ну или как у бабушки, серебристые. И хвостик, как у тебя! Мама моя тоже все ждет, когда у меня волосы вырастут, чтобы заплетать косички. Это, наверное, очень приятное занятие, раз она так об этом мечтает. У нее и книжка есть – ей бабушка дарила. Там как-то очень мудрено все, но красиво. Как ты думаешь, дедушка, я буду красивая, когда вырасту? Ведь это важно для девочки – быть красивой?

А для тебя, дедушка, в твои за семьдесят лет, что важно?

И вообще, в жизни что самое важное?

Твоя внучка Аня.

23 октября 2015 г.

Здравствуй, Аня!

Не Анютка, а именно Аня. Ведь ты уже большая. Не лежишь на спине в коляске, а смотришь на мир, который впереди тебя. Так что скажи спасибо папе, который, смастерив коляску, открыл

перед тобой новый мир, когда ты гуляешь. Конечно, от шума автомобилей и мотоциклов не заснешь. Но то город Париж, где всё движется, скрипит, гремит. Правда, и в этом шуме можно поспать. Особенно когда устаешь. Думаю, что твоя психика примерно такая же, как у твоей мамы, которая не просыпается даже тогда, когда грохочет трамвай на улице. Именно так и бывает в Москве. А я вот просыпаюсь от любого шума. А твоя мама, как и ты, спит, что бы ни случилось. Так что поздравляю тебя. Имея такую психику, можно достичь в жизни многого.

У нас тоже идет дождь. Выпавший снег растаял. Теперь подождем до ноября, когда вновь появится снег. Да, снег пушистый, и можно по нему ходить. Нет, ему, т. е. снегу, не больно, когда наступаешь на него. Он скрипит. А иногда снег превращается в лед. И тогда не ему больно, а людям, которые скользят и падают на ледяную поверхность. Особенно трудно ходить по льду старым людям, которые могут не удержаться и сломать ногу или руку. Не дай бог! А вообще-то, снегу люди рады, поскольку наступает снежная зима. Можно кататься на саночках, на лыжах. Только вот в Париже ты, Анюта, не увидишь такого. Вот как-нибудь, когда станешь совсем большая и приедешь в Москву зимой, я, если доживу, покажу тебе все красоты зимы и расскажу про снежинки.

Когда ты спишь в коляске на улице и тебе не мешают громыхающие мусоровозы, то тебе, как ты пишешь, хоть бы хны. Наверное, как мама, ты знаешь, что хны и хна – разные вещи. Если ты помнишь, бабушка рассказывала про седые волосы и хну, которая может перекрасить их в черный или рыжий цвет. Но тебе, Анюта, об этом рано думать. Иногда у детей меняется цвет волос без всякой хны. Вот раньше, когда ты родилась, была блондинкой. Сейчас твои волосы потемнели. Как ты пишешь, волосы на голове приобрели золотисто-каштановый цвет. А еще пройдет время, и появятся волосы, примерно как у твоей мамы. Но до серебристых волос, как у бабушки, пройдет много-много лет. Но главное, что скоро мама будет заплетать тебе косички. Я тоже хочу причесывать твои волосы и тоже научусь заплетать косички. Пока я тренируюсь на себе, делаю косички. А вот приедешь летом к нам, попробуем вместе заплетать хвостики и косички.

Разумеется, я думаю, что ты будешь самая красивая девочка на свете. Для бабушки и дедушки ты тоже всегда будешь самой прекрасной. А вот когда ты станешь взрослой девушкой, то я уверен, мальчики будут ходить табунами за тобой. Спроси маму, как она чувствовала себя, когда была с мальчиками. Важно то, чтобы девушка была красивой. Красивой и по внешнему виду, и по внутренней душе. Как говорится, в здоровом (красивом) теле

здоровый (красивый) дух. Правда, как говорит один поэт, «на самом деле одно из двух». Важно быть привлекательной по духу. А красота девушки – вещь преходящая. Дух же – вечен. Если человек интересен другому по духу, то для него он по-своему красив и прекрасен. Впрочем, Аня, спроси маму и папу. Они знают, почему они «приглянулись» друг другу. Тут и красота, и духовная близость, и еще что-то такое, что остается внутри их самих.

Должен сказать, что красота девушки непременно привлекает к себе мальчиков и мужчин. Но на красоту можно любоваться со стороны, как на произведение искусства. Но приближаться к красивой девушке иногда опасно. Она может опалить мальчиков, мужчин и сделать их несчастными. Поэтому есть такая поговорка для девочек: не родись красивой, а родись счастливой. А счастливый ребенок может быть только в любящей семье, с чем тебя, Аня, и поздравляю, поскольку твои мама и папа любят друг друга.

Целую,
дедушка.

23 октября 2015 г.

Да, дедушка, ты прав, нам с обратным рейсом очень повезло. Мама каждый день видит новости в компьютере про то, сколько очередных рейсов отменено. Ты написал «слава богу». Ты все-таки объясни мне, кто такой Слава и что этот Слава дал богу?

Я спросила бы маму про работу, но пока могу сказать только ма-ма. А об остальном родителям приходится догадываться. Поэтому не уверена, что она поймет мой вопрос. Но вот что я наблюдаю: вчера мама пришла после работы довольная-предовольная. Она на этой неделе аж два раза ходила на эту работу, хотя это и каникулы. Ее попросили дополнительно на каникулах поработать, и она обрадовалась. Она там играет с другими детишками. Они повзрослее, чем я, поэтому я с ними еще не могу играть. А потом я тоже буду ходить играть с другими ребятами и взрослыми тетями.

А пока тети приходят к нам домой – каждый день у нас в гостях новая тетя! Они с мамой долго разговаривают. Потом тетя берет меня на ручки, играет со мной. У одной руки были такие противные, холодные. У другой акцент какой-то нерусский. Третья молодая совсем, не уверенная в себе. Все разные. Мама на всех внимательно смотрит, а потом папе вечером рассказывает, кто к нам приходил. Позавчера у нас в гостях была очень симпатичная тетя по имени Аня. Это как же так, у нее такое же имя, как у меня? Разве так бывает? У нее темные волосы, совсем

на меня не похожа. Похожа на многих тетенек, которые тут по улицам ходят.

Фотографию твоей мамы, дедушка, я, конечно же, видела. Только не знала, что это твоя мама. Красивая она, видно, что добрая и мудрая.

Все, пойду спать. Потом напишу еще.

Твоя внучка Анюта.

23 октября 2015 г.

Привет, Анюта!

Пока ты спишь, я отвечу на твое письмо. И пусть тебе что-то снится, может быть радостное, может не очень. А вот как встанешь, попьёшь молочко, жизнь покажется прекрасной, и вдруг увидишь мое письмо.

Два часа назад я читал «по марафону» лекцию для тех, кто хочет поступить в Институт психоанализа. По «марафону» – это когда несколько преподавателей друг за другом что-то говорят об Институте и вообще о психоанализе. Преподаватели – серьезные люди, говорят складно обо всем. А я решил читать с юмором. Привел несколько слайдов, т. е. картинок, в шутливом тоне. На фоне голой попы надпись: «Фрейда нет» (Фрейд – это дядя, тоже с бородой, почти как дедушка. Он открыл психоанализ). И еще несколько картинок, чтобы слушатели задумались и над психоанализом, и над собой.

А придя домой, нашел твое письмо. И решил тут же ответить.

Слава – это не имя человека. «Слава богу» – это выражение, когда хотят сказать, что все будет хорошо. Что касается твоей мамы, то точно – ей нравится работать с детьми. Думаю, пройдет еще некоторое время, и она возьмет тебя на работу, чтобы ты играла с другими детьми, а может быть, и с тетями.

Сколько тёть приходит в ваш дом! То руки у кого-то холодные, то разговоры на непонятном тебе языке. Но, судя по всему, будет ходить одна тетя, которая тебе понравилась. Мама говорила, что тетя по имени Аня даже поет. Ну, во-первых, имя такое же, как у тебя. А во-вторых, будете вместе петь. Я тут смотрел ролик, подготовленный бабушкой Галей. Да ты совсем певунья? Так что вам с новой тетей будет весело. Пойте на здоровье! Пусть Париж обрадуется! Пусть смотрят на «девочек», разных по прическам, но поющих дуэтом, т. е. вместе. А со временем и я, дедушка, составлю вам компанию. Как, Анюта, примешь в свою команду?! Я буду тихо петь, чтобы не испортить мелодию двух дам.

А сейчас, пока ты спишь, я пойду смотреть телевизор. Говорят, во Франции больше сорока людей, таких же по возрасту,

как и я, погибли в автомобильной катастрофе. Кошмар. Я думал, что такое возможно только в России. Но оказалось, что и на французских дорогах тоже могут быть аварии.

Всё. На этом завершаю письмо.

Целую внучку,

дедушка.

1 ноября 2015 г.

Привет, Анна!

Получил твои рисунки. Первый опыт художницы вполне приличный.

Знаешь, Анна! Недавно я смотрел, как рисует слон, который держит кисточку в хоботе. У тебя получается ничуть не хуже. Скажу прямо, даже лучше, чем у слоненка.

Это надо догадаться! Из пюре шпината, тыквы, джема сливового и клубничного и йогурта получился такой рисунок. Просто закачаешься!

Так что, поздравляю тебя с первым опытом! И надеюсь, не последним.

Глядишь, можно будет организовывать выставку под названием «Кулинария и рисунки».

Эх! Мне бы так рисовать! Тебе, Анна, полгода – и уже талант.

Как говорится, дар от мамы передался тебе. Пусть мама организовывает различные выставки детей и в Париже, и в России. А благодарные зрители найдутся.

Целую,

дедушка.

1 ноября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Мне очень приятно, что ты оценил мои рисунки. Я, честно говоря, и не ожидала, что может что-то красивое получиться. Сначала думала, что мама меня кормить собралась. Странно, вроде только что завтракали. Потом, смотрю, мама дает мне то одного пюре на крышечке, то другого. И совсем не сердилась, что я повсюду его размазывала. Обычно она не дает мне в тарелку ручками залезть, а тут даже подбадривала меня. Поставила передо мной планшет с бумагой, и я по нему водила ручками. Иногда пробовала пальчики на вкус. Шпинат, признаюсь, в чистом виде – совершеннейшая гадость (мама мне его подмешивает иногда в другие пюре, думает, что я не вижу, а я все замечаю и, когда совсем не вкусно, не ем, что я, козел что ли, чтобы траву есть?). А вот на бумаге красивые такие зеленые разводы получились.

Вообще, мама моя – придумщица. Повесила мне на стульчик цепочку из пластмассовых колечек (нашла целую упаковку, от ванной шторки остались) и прицепляет к ней разные игрушки – так они, даже если упадут, то до пола не долетят, и можно их снова, как якорь, вытянуть вверх. Мне нравится, когда родители сажают меня на моем троне рядом с собой, когда кушают за высоким черным столом.

Мама предложила папе традицию воскресных обедов – она теперь каждое воскресенье что-то необычное готовит. До этого она спит: воскресное утро – это ее время, когда она может выспаться. А мы с папой играем, гуляем, покупаем багет. Приходим – а мама встречает нас довольная, отдохнувшая, с вкусным обедом. А в субботу наоборот: мы с мамой делаем йогу, бродим по осеннему парку. А папа дрыхнет, как сурок, после рабочей недели. Вот такая у нас «командная» работа, как говорит папа.

У нас в последние дни снова лето – солнце, тепло. Поэтому все окна у нас настежь. Папа их норовит закрыть, а мама все время снова открывает. И смеются друг над другом. Так и живем.

А у меня уже несколько дней столько сил (может, как раз от того самого шпината? мама говорит, он очень полезный), что все время хочется крутиться, кататься по полу, ползать, сидеть и стоять. Сижу и стою я пока только с помощью родителей – они берут меня под кошки-мышки, и я тогда не падаю. Так интересно на все сверху смотреть!!! А ползать я пока только пытаюсь. Трудное это дело, куда легче три раза перекрутиться и достать нужную игрушку.

На той неделе у нас в гостях были мои французские мами и папи – это на французском так называют бабушек и дедушек. Сначала пришла мами Шанталь. Она сразу с порога так громко стала говорить, что я ее испугалась и заплакала. А папи Жан-Пьер уже знает, что ко мне неожиданно и резко нельзя обращаться – я могу с испугу заплакать. Уже так было с ним: когда мы из Москвы прилетели, а он нас встречал на машине. Я закричала от испуга, когда он заглянул ко мне в коляску. Непривычно мне это, когда без предупреждения, да на высоких тонах и очень громко со мной разговаривают. Мои родители всегда тихо и спокойно со мной беседуют, песни мне поют.

Может, как раз потому, что мне поют все время песни, мне и нравится ритм. Я теперь любую игрушку, погремушку, когда беру одной ручкой, начинаю по ней стучать другой ладошкой – и так весело получается! Могу так по 10 минут музицировать. И у каждой игрушки свой звук!

Еще я научилась всякие разные звуки произносить. Не только

ма-ма и ба-ба, но и па-па. Это последнее особенно радует моего папу. А когда он меня, голенькую, щекочет, я часто говорю арээ – они с мамой от души смеются (это слово, наверное, что-то значит).

Ой, что-то я все о себе да о себе. Расскажи мне про Москву, дедушка! Как вам живется в этом городе? Ты там родился? Чем бабушка занимается? Мама мне показывает бабушкины ролики (вот только не возьму в толк, почему фильмы на компьютере называются так же, как мамины ботинки с колесиками, которые у нее в шкафу стоят). Кузину свою видела – она так похожа на мою тётю Настю! Как это так? Что, дедушка, все люди обязательно бывают на кого-то похожи? Ты вот на кого похож? А я на кого? А бабушка?

Мама рассказала, что к тебе приезжало телевидение и ты сам скоро окажешься в телевизоре. Это зачем? Ты с этим телевидением общался при помощи пульта управления? А я смогу тебя здесь в Париже по телевизору увидеть? По скайпу вот как-то не всегда хорошо тебя видно. Но слышно обычно прекрасно. Так что давай почаще скайпиться!

Как там у вас на даче? Наверное, много разных осенних красок. Или все белым-бело? Мне очень хочется приехать к вам в гости. Мама мне часто рассказывает про ваш домик и садик (детский садик?), говорит, что летом мы к вам поедем. Но это так долго ждать! Это ж я уже совсем большая вырасту. Вот будет здорово!! По травке буду у вас бегать, цветочки нюхать, земляничку собирать. Ты меня научишь собирать землянику?

Целую в твою мягкую бороду.

Твоя внучка Аня.

1 ноября 2015 г.

Привет, Анюта!

Может быть, шпинат и гадость, когда берешь в рот его. Но зато на бумаге что-то зелененькое, свежее, похоже на лето.

Твоя мама – точно выдумщица. Такая же, как ее мама, т. е. бабушка Галя. Одна цепляет разные игрушки на пластмассовые колечки. Другая наслаждается театром теней, что-то изображая на компьютере. С твоей мамой и бабушкой Галей не соскучишься. Везет же некоторым людям!

Окна настежь – это прекрасно. Если, конечно, не мешают ремонтные работы, о которых писала твоя мама. А я вот не могу, когда на улице шум. Даже если погода прекрасная, как в Париже. У нас же в Москве погода похуже – всего 5–7 градусов тепла, а ночью 0. Ну да ладно. Подготовимся к зиме.

Традиция воскресных обедов – хороший обычай. Наверное, и тебе, Анюта, понравилось воскресное застолье, тем более что ты уже сидишь за столом и можешь наблюдать, что там папа и мама кушают. Наверное, не пюре, не шпинат, а разные мясные блюда и сыры. Еще немного – и ты станешь есть, как взрослая. Вот тогда появятся такие силы, что тебя будет не удержать за столом.

Да, твои парижские бабушка и дедушка – «громкие люди». Поэтому нет ничего удивительного, что при их разговоре хочется плакать. Твои мама и папа тихо говорят. И правильно делают. Передай им привет. Кстати, французским мами и папи – тоже привет от нас. Но, Анюта, покажи пример: произноси слова тихо-тихо, почти шепотом.

Вот когда папа тебя щекочет, ты произносишь «арээ». Я понимаю тебя. Ведь это значит ты радуешься и по-своему говоришь: «а… раз… это-это». Но мы-то знаем, что это такое. А папа и мама только смеются.

В Москве, как в большом городе. Так и живем. Слушаем последние известия. А сегодня, 1 ноября, траур. Ты три недели летела в самолете, и все было спокойно, правда, ты плакала. А тут случилась беда – разбился самолет, погибло 234 человека. Поэтому сегодня скорбь и боль.

Поэтому отвечу на другие твои вопросы потом. И где я родился, и почему бабушка Галя готовит «ролики», и на кого похожа кузина, и что делало у нас в квартире телевидение, и про дачу.

Сейчас уже поздно. Одиннадцатый час вечера. Так что укладывайся спать. А утро вечера мудренее.

Приятных снов!

Целую,

дедушка.

2 ноября 2015 г.

Добрый день, Анна!

Ну вот, ты уже проснулась. Настало утро и даже день.

А у меня есть пара минут, чтобы ответить на твое письмо. Ведь я так и оборвал свое письмо, поскольку вчера было поздно.

Бабушка занимается роликами. Нет, не теми, что у твоей мамы, которая катается на роликах. Это другое. Бабушка Галя на компьютере делает домашние фильмы, в которых ты, Анна, улыбаешься, хохочешь и даже произносишь звуки. А что? Бывает классно! Во всяком случае, мы видим тебя во всей красе. Пройдет время, и ты сама посмотришь любительские фильмы о том, какая ты была маленькая.

Да, твоя кузина похожа на тётю Настю. Как правило, дети похожи на своих родителей. Ты, например, вылитая мама. Такая

же доверчивая, улыбающаяся, как твоя мама, когда была маленькая. Впрочем, она и сейчас такая же. Правда, подчас говорят, что ребенок «не в мать и отца, а в прохожего молодца». Ну, что ж, бывает и такое.

Нет, это не про меня. Я похож и на своего отца, которого не стало, когда мне был всего один год, а в чем-то похож и на свою маму. Ты не видела фотографию моего отца. Чуть-чуть повзрослеешь, и я тебе покажу фотографию отца. А вот фотография моей мамы находится на полочке в вашей гостиной комнате, и мама тебе покажет ее. А бабушка похожа, особенно сейчас, на свою маму. К сожалению, она недавно отправилась в другой мир. Есть такой мир, который не похож на наш мир, в котором мы живем. И мы общаемся с дорогими нам людьми уже лишь в своих воспоминаниях.

Да, на днях приезжала к нам в дом группа людей, работающих на телевидении. Одна тетя и пять дядей. Эти дяди полчаса что-то делали, для того чтобы поставить аппаратуру для съемки документального фильма про дедушку Фрейда, которому исполнится 160 лет со дня его рождения. Представляешь, не полгода, как тебе сейчас, а почти более ста лет, как дедушка Фрейд сделал великое дело – создал психоанализ. То есть он создал представление о бессознательной деятельности человека. А то ведь раньше считалось, что человек – сознательное существо, венец природы. А тут оказалось, что человек руководствуется в жизни не сознанием, а бессознательным, использует при своей деятельности нормальные или патологические защитные механизмы. Короче, совершает ошибочные действия, бессознательное проявляется в сновидениях человека, который бежит в болезнь. Вот тебе, Анюта, что-то снится? А вот взрослым часто снятся сны – радостные или страшные. Расскажи маме о свои снах, и, возможно, она поймет, какие у тебя есть желания, например нравится тебе шпинат или нет.

Правда, меня снимали телевизионщики аж целый час. Тетя задавала вопросы о дедушке Фрейде, о его жизни и работе. Но я знаю, в документальном фильме все мои высказывания обрежут, и в лучшем случае будет два-три предложения. И все же если пришлют фильм, то я перешлю его твоей маме, а она покажет тебе – вот это промелькнул московский дедушка.

А что, давай почаще скайпиться. Это мама придумала такой термин? Выдумщица твоя мама – «скайпиться». И хотя не всегда хорошо видно, но голос мой тебе знаком. Поговорим по скайпу, и будет всем хорошо.

Ну, всего хорошего.

Целую тебя и маму в щечку,

дедушка.

10 ноября 2015 г.

Здравствуй, дедушка!

Что-то давно не было от тебя писем. Да и я сама тебе до сих пор не ответила на последнее письмо.

Как твои дела? Настроение? Самочувствие?

Мне вот что-то сегодня не спится. И маме соответственно тоже. Три раза за ночь меняла мне подгузники. Хорошо, что спать мама с папой вчера легли раньше, а то обычно часа в 2 ночи только ложатся, и тогда мои ночные бдения даются моим родителям нелегко. И чего это они делают до двух ночи? Сидят, наверное, как обычно, за экранами. У них такие светящиеся большие штуки, в которых, похоже, много всего интересного, раз они так много времени за ними проводят. Кстати, и с тобой мы, дедушка, именно с помощью такой штуки общались по скайпу. У тебя тоже есть такой экран, да? И у бабушки? Вы, надеюсь, не проводите за ними ночи напролет? Куда веселее кататься на большом мяче, кувыркаться по полу, скакать на коленях у взрослых!

Чем ты занимаешься в последнее время? Ходишь в институт?

Ездите на дачу?

Ты видишься с моей кузиной Сашей? Она, наверное, уже выросла. Она уже умеет разговаривать? Я вот частенько говорю: па-па, ба-ба, ма-ма.

В остальном у меня особенных новостей нет. Вчера у нас была няня, мы с ней ходили гулять. Сейчас в Париже прямо летняя погода, плюс 20, солнышко. В выходные мы с мамой и папой ходили в Булонский лес – там большие озера, высоченные сосны. Помнишь, мы с тобой и бабушкой тоже там были?

Пока все. Потом еще напишу, а сейчас попробую уснуть, а то впереди целый день, надо быть отдохнувшей.

Целую.

Твоя внучка Аня.

10 ноября 2015 г.

Привет, Анна!

Ну, наконец-то получил от тебя письмо! А то я и не знал, что думать. Может быть, мама ищет новую няню? Или у вас что-то случилось? Или просто мама занята своими делами?

Хорошо, что у вас все хорошо. Единственное, пожалуй, то, что вы все не высыпаетесь. Это естественно. Когда есть такие детки, как ты, Анюта, то тут родителям не до сна. Но, насколько я знаю, до приезда в Москву ты хорошо спала ночью. Может быть,

путешествие нарушило твой режим? Правда, прошло около месяца, как ты возвратилась в Париж.

Конечно, хотелось бы, чтобы режим не нарушался. Особенно ночью, чтобы родители отдохнули. Так что ты, Анюта, постарайся придерживаться ночного режима. Спи непробудным сном, подгузники меняй только утром. Договорились? А вот что родители твои ложатся спать в 2 часа ночи – это плохо. И кто нарушает распорядок сна – родители или ты? Или имеет место порочный круг?

У бабушки и дедушки другой порядок. Мы ложимся как раз в полночь, то есть когда вечер завершается и наступает ночь. Причем этот порядок сложился годами. Так заведено у нас, что мы по ночам не работаем, отдыхаем. Правда, в других семьях папы и мамы работают по ночам. Сидят до 2 или 4 часов на компьютере, смотрят фильмы. А потом встают чуть ли не в полдень. Знаешь, у меня есть пациент. Так он придерживается именно такого распорядка. И когда он приходит ко мне на прием в 12 часов дня, то все время жалуется, что ему в этот день приходится вставать слишком рано.

Так что, Анна, приучай маму и папу к такому распорядку, чтобы они ночью спали. Правда, пока ты растешь, могут быть сбои. Но чтобы эти сбои не превращались в привычку. А это значит, что ты должна быть образцом для родителей. Согласна?!

У меня распорядок тот же. Хожу на лекции в институт, пока работаю в Академии наук. Пока, так как неизвестно, что будет завтра.

На дачу почти не езжу. Погода около 0–2 градусов. Неуютно. Вот как выпадет снег, буду ездить на дачу чаще. А в январе, если ничего не случится, будем вместе с бабушкой проводить время на даче, кататься на лыжах.

У мамы кузины сегодня день рождения. Вечером пойдем к ней, чтобы поздравить. А то ее муж все время ездит в командировки. Вот и сейчас укатил в Европу. А несколько дней назад он был больше недели в Китае. Хорошо, конечно, путешествовать. Но ведь он проводит все дни в разъездах и видит свою дочь, твою кузину, не часто. Тебе в этом смысле повезло. Папа и мама рядом с тобой. Правда, здорово?!

Помню Булонский лес. Ведь мы были с тобой. Знаешь, какие места есть в Москве? На Воробьевых горах и на набережной реки Москвы такой пейзаж, что просто закачаешься. А сколько парков в Москве! Вот будешь побольше, приедешь в Москву, и мы посетим все места, которые захватывают дух.

Ладно. Попробуй поспать. А потом, когда отдохнешь и будет время, напиши мне письмо.

Пока,
целую, дедушка.

11 ноября 2015 г.

Спасибо тебе, дедушка, за быстрый ответ!

А у меня, оказывается, температура, поэтому мне и некомфортно. Сейчас посплю.

Мама гадает, думает, может, это зубы скоро полезут. Кто такие эти зубы, и почему они куда-то лезут?

Анюта.

11 ноября 2015 г.

Привет, Анюта!

Да у тебя, оказывается, температура?

Разумеется, тебе не комфортно. И я это понимаю. Бывает и у взрослых людей высокая температура. Но это проходит. А у малышей лучший доктор – мама.

Скорее всего, температуру дает такое явление, как зубки, которые начинают расти. А знаешь, для чего они растут? Чтобы ты со временем ела твердую пищу. Представляешь, можешь есть морковь не в пюре, а целиком. Можешь есть мясо, курицу и орешки. Причем как они есть. Вкуснотища необычайная!

Но для этого надо потерпеть. Побороть температуру. Вот зубки прорежутся, вырастут во всей красе, и ты, Анюта, будешь сверкать белыми зубками. Такая потрясающая улыбка будет, что все мальчишки закачаются.

Так что скажи маме, чтобы она поцеловала тебя. Бабушка говорит, что облегчить состояние может мокрое полотенце, положенное на лоб, или протирать ручки. Расти большой и улыбайся во весь рот, чтобы зубки твои сверкали, как жемчужины!

Целую тебя, дедушка.

6 декабря 2016 г.

Привет, Анна!

Ты знаешь, что сегодня день рождения твоей мамы?

Вот-вот. Так что давай поздравим твою МАМУ и с Днем рождения, и с таким сокровищем, как маленькая девочка, то есть ты, Анютка.

Ох, везет вам, дорогие девочки! А маме желаем прекрасного настроения, хорошего здоровья и всех, всех благ!

Так что, Аннушка, поцелуй свою маму много-много раз. Ну, сколько сможешь, пока есть силы.

Наверное, тортик будет и всякие вкусняшки. Эх, хочу к

праздничному столу! Я бы столько съел и смотрел, как ты, Анютка, рисуешь на бумаге разными фруктами, ягодами и пюре. А папа бы восхищался дочкой и смотрел на твою маму с любовью.

Не семья, а просто прелесть.

Да, было время, и мы с бабушкой праздновали дни рождения. Но сейчас уже не то. Будни и дни рождения, как один день.

А вот у вас в семье праздник. Давай, Анюта, веселиться, ползи к маме и прижимайся к ней. И мы будем мысленно с вами, находясь в далекой, зимней Москве.

Пока. Целую.

Жду от тебя вестей,

дедушка.

19 января 2016 г.

Привет, Анюта!

Прошло чуть более девяти месяцев, и у тебя появился первый зубик. ПОЗДРАВЛЯЮ!

Теперь ты будешь пробовать всю вкуснятину на этот первый зуб.

Ну надо же! Я помню, что у наших детей зубки появились месяцев в 6–7. А у тебя довольно поздно, но, наверное, у тебя первый зуб довольно крепкий, сильный. Ух ты, теперь только держись и еда, и игрушки! Хорошо, что мама не кормит своим грудным молоком. А то ты наверняка могла бы сделать больно. А так можно все пережевывать и получать удовольствие.

Пройдет еще какое-то время, и появятся новые зубки. Будет 33 зуба. Представляешь, сколько зубов! Можно все перепробовать и наслаждаться тем, что ешь. И мясо, и косточки, и орешки. Но со временем они будут меняться. Это так называемые молочные зубы. Потом на их месте вырастут крепкие, настоящие коренные зубы, которые есть у взрослых людей. И хорошо бы они ещё и не болели, отличались белизной. Пусть улыбка твоя будет очаровательной, чтобы все мальчишки и парни восхищались твоими зубками и сходили с ума!

Поздравляю с первым зубом!

Целую,

твой московский дедушка.

15 февраля 2016 г.

Здравствуй, дедушка.

Мама рассказала мне, как вы катаетесь на лыжах, построили лесное кафе и создали почту. Вы все время находите себе занятия. Молодцы!

Про мою же жизнь я так давно тебе не писала, что даже не знаю, с чего начать. За это время я уже столько всего научилась делать: ползаю быстро-быстро, встаю сама на ножки, дотягиваюсь до книг и папиных дисков, вытаскиваю их, разбрасываю. Оказывается, предметы можно не только брать, но и кидать. У

меня это хорошо получается. А мама потом тоже по полу ползает (не так быстро, как я), все собирает и раскладывает по местам. И зачем такой порядок наводить, ведь забавно, когда много всего вокруг валяется? Каждое утро я навожу свой «порядок».

А ты любишь порядок, дедушка? Я вот что подумала: вещей ведь много не только в комнате, но и в голове. В голове ведь тоже нужно порядок наводить? Только вот как это сделать? Как «убирать» в шкаф ненужные мысли? Это я спрашиваю, потому что папа мой очень уставший с новой работы приходит и ночью плохо спит: все о чем-то думает. Вот мама ему и говорит, чтобы он не думал лишних мыслей. Ты хорошо спишь, дедушка? Тебе дурацкие мысли не лезут в голову? Мама рассказывала, что ты поэт (это от слова «поэтому», да?) и что тебе по ночам рифмы в голову так и лезут, так и прут. Да так, что деваться от них некуда, не спрятаться, и приходится поэтому стихи писать и потом детские книжки издавать. Вот хотела бы я какую-нибудь твою книжку почитать! Пришли мне экземплярчик, ну хотя бы маааленький, а?

Ой, дедушка, поделюсь с тобой радостью. У меня что-то новое появилось во рту: когда засовываю ложку в рот, то стучу, и получается звонкий стук. Мама говорит, это «зубки». У меня их уже целых два внизу, и, похоже, наверху тоже скоро вырастут. А где они до этого были? И почему так долго прятались? С ними намного веселее: и клубнику можно кусать, и хлебную корку грызть. Все французские детишки грызут края багетов, это почти как национальный спорт. Это, правда, очень вкусно и занимательно. А ты любишь багеты, дедушка?

В эти выходные мы были у мами Шанталь и папи Жан-Пьера. Было здорово, но очень шумно, так что я и дома потом весь вечер не могла успокоиться. Не знаю, почему они так громко разговаривают и смеются, причем сразу одновременно ведут по нескольку диалогов, так что все превращается в сплошной галдеж. Дома все же лучше, я могу сконцентрироваться на своих книжках и игрушках. А их у меня мнооооогоо! На 10 месяцев мне подарили коробочку, в которую можно через отверстия в крышке класть разные формочки. У меня пока не очень получается, но скоро и эту науку я освою. Мама говорит, как потеплеет, будем с этой коробочкой ходить в парк, в песке играться. Что такое песок? Ты тоже в песке играешь, дедушка? Бабушка, я помню, на дарбуке играет. А ты на чем?

Все, устала, пошла спать. Вот так, как на фотографии.

Целую в бороду.

Твоя внучка Аня.

16 февраля 2016 г.

Здравствуй, внучка!

Точно, мы катались на лыжах. А бабушка Галя слепила три большие фигурки из снега, и они стоят у «Маяка» (наша стоянка в лесу). Но сегодня льет дождик, как из ведра. И, судя по всему, фигурки из снега растают. Не знаю, сможем ли пойти в лес, так как лыжни нет.

Ой! Тебе, Анюта, уже больше десяти месяцев. Действительно, сколько в твоей жизни перемен! Я видел на фотографии, как ты встаешь на ножки. Здорово! Теперь ты такая большая, что можешь дотянуться до разных вещей. Причем брать их и кидать на пол. Венский дедушка Фрейд как-то описывал, как мальчик бросает какой-то коробок на пол, смеется, а потом тянет его на нитке к себе. Девочки тоже бросают вещи на пол. Вот только потом надо складывать вещи, приводить в порядок. А как же? Порядок всегда нужен, а то не сможешь найти какую-то вещь. Этот порядок становится правилом и формирует твой характер. Вот вырастешь большая, и все вещи будут под рукой. Аккуратность – залог дисциплины. А то есть дети, которые все бросают, ничего не находят. С годами они становятся неаккуратными. Бросают трусы, майки, туфли. Ух! Сплошной бардак. Ну, беспредел в одежде и во всем.

То же самое и в голове. Мысли путаются, теряются. Но есть взрослые, у которых и в голове порядок. Я, например, всегда придерживаюсь порядка. Все на месте – и вещи, и мысли. Правда, есть и обратная сторона медали. Вот твой папа. Устает, плохо спит ночью, думает, чтобы все было в порядке. А это выматывает нервы. И твоя мама права. Не стоит думать ночью, переживать за то, что не удалось сделать днем. Бери пример с твоей мамы. Она спит, и ничего ей не мешает. Ни звуки, ни мысли, ни проблемы. Поспит, проблемы утихомирятся, а наутро встает бодрая. Вот тогда и стоит решать проблемы. Надеюсь, ты, Анюта, такая же, как мама.

К сожалению, есть такие люди, которые ночью о чем-то думают и решают. Я всю сознательную жизнь был как твой папа. Особенно когда приходили в голову стихи. Чтобы не забыть их, я вылезал из кровати, зажигал лампу и ночью писал на листке. И так делал много раз за ночь. Однажды я пять ночей то спал, то писал стихи. Потом днем отпечатывал на машинке. В результате чего появилась моя первая книга «Психоанализмы».

Да, хорошо ты заметила, что поэт – это от слова «поэтому». Поэтому-то и не спал по ночам, когда в голову лезли различные мысли и стихи.

Но это было до 70 лет. А потом случилось чудо. Я перестал

ночью думать и писать стихи. В голове ночью полная пустота. И так хорошо стало. Нет мыслей, нет проблем. Так что есть и положительная сторона «ничегонеделания» ночью. Везет же твоей маме! Спишь – и все. Мне понадобилось 70 лет, чтобы прийти к такому положению. Вот днем можно думать и решать все проблемы, а ночью необходимо отдыхать. Так что учти, Анюта, этот урок. И будь как мама.

Что касается детских стихов, то я обязательно пришлю внучке книжку, которая должна скоро выйти. Потерпи немножко. Чуть-чуть. Скорее всего, к 8 марта книжка выйдет из типографии. Если, конечно, дорога Харьков – Москва будут действовать, а то что-то происходит в наших отношениях с Украиной, и фуры (такие длинные машины) останавливают на дорогах.

Зубки появились, можно грызть все. Даже края багетов, как делают французские дети. Но мы в России не очень-то любим багеты. Представляешь, не грызем их. Ну, нет такой традиции. Я видел, что в Париже даже взрослые на улице грызут багеты. Бывает и такое.

Да, твоя мама говорила, что вы на выходные дни ездили к Шанталь и Жан-Пьеру. Хорошо провели время? Если я понял, то у них можно шуметь, громко разговаривать. Ну, что поделаешь! Зато дома можно молча сконцентрироваться на игрушках, книжках, поразмышлять с самим собой. Вот возьмешь подаренную коробочку и пойдешь играть в парк, а будет теплее – будешь играть в песочек, выкладывать разные формы. К сожалению, я уже не играю в песочек. Когда хожу, он, песочек, сыплется на дорожку – так говорят о стареньких людях.

Но когда приедешь в гости, мы будем с тобой играть в песок, а бабушка Галя будет играть на дарбуке и создавать нам мелодичную атмосферу. А я же играю на нервах, ну есть такие.

Думаю, что твоя фотография, когда ты спишь, – сплошное удовольствие. Вот проснешься, а тут и мое письмо. Так что просыпайся и читай на здоровье.

Пока!

Твой московский дедушка, а бабушка Галя шлет тебе привет.

24 февраля 2014 г.

Привет, Анютка!

О, какие песни для дедушки! Под сопровождение гитары! Да ты становишься настоящей певицей!

Передай маме, что дядя приедет, по-моему, в пятницу к вам. И пришлет кое-что в подарок. Так что встречайте!

Пока.

Целую,

дедушка.

25 февраля 2016 года.

Привет, Анюта!

Получил твое видеоизображение. Прекрасно!

Как ты изучаешь мелкую моторику? Рвешь бумажное полотенце на мелкие бумажки, смотришь на них. Затем берешь в рот то, что осталось от полотенца. Радуешься. Класс!

А стадия зеркала! И что там, в зеркале, тебе видится? Другой человек или ты? А игрушка! Так и хочется посмотреть, как она в твоей руке смотрится за зеркалом. Где игрушка? Смотришь в зеркало и улыбаешься. Себе или другому образу. А тут мама. Говорит: «Вставай, вставай!» И вот твои ножки выпрямляются, ты встаешь и смотришь прямо в зеркало. А улыбка – до ушей. Вот так и играешь. То сидя, то стоя. Эх, побежать бы! Но зеркало не дает тебе упасть. За него можно держаться. Еще немного, и ты, Анюта, будешь бегать по коридору, комнатам. Только следи за тобой. А то разобьешь и зеркало, глядя на свое изображение или гоняясь за ним. Ух, ты! Вот это будет жизнь!

До скорого!

Целую, дедушка.

13 апреля 2016 года.

Внучке Анюточке пламенный привет и искренние поздравления!

Как время быстро бежит!

Недавно вошел маленький человек в мир. Вошел, озираясь и присматриваясь к нему. Прошло какое-то время, и вот Анютке исполнился ровно один год. За этот год маленькая девочка лежала в кроватке, потом ползала по полу и выходила на прогулки в коляске, затем появились зубки, стала вставать на ножки и смотреться в зеркало, и еще немного, как она встанет на ноги и побежит. Мама в течение года кормила малышку грудным молоком, потом давала ей купленные смеси, гуляла с ней, рисовала и чувствовала себя совсем счастливой. А у счастливой мамы и дочка светится смехом, выглядит доброжелательной, улыбается и смеется. Да и папа радуется дочке, играет с ней, слушает музыку, создавая необходимый для развития маленькой девочки фон. А сейчас, насколько я понимаю, ты, Анюта, помогаешь маме – тряпочкой моешь полы. Ой, я видел твою работу по уборке квартиры. Здорово!

И вот отныне пошел второй год Анюте. Перед ней открывается новый простор для фантазии и жизни. Она станет вполне говорить и мыслить. Ходить на горшок и осознанно

отвечать маме, папе и разным дедушкам и бабушкам. Пройдет чуть более двух месяцев, и Анюта окажется в России, где на даче она будет спать в новой кроватке, играть на травке, смотреть на цветы и деревья. Ух, ты! Вот это будет здорово. Потом в Париже она будет вспоминать дачную жизнь и все прелести, связанные с земляникой, которую можно срывать на земле.

Аннушка! Представляешь, можно босиком ходить по лужайке! И не только ходить, но и по утрам заниматься вместе с мамой и бабушкой гимнастикой. А старенький дедушка будет смотреть на трех милых девушек, которые будут что-то делать на лужайке не только руками и ногами, но даже вращать палочкой и еще кое-чем. А может быть, дедушка тоже тряхнет стариной и выйдет босиком на лужайку. Потом все будут завтракать на лужайке под яблоней. Хорошо! Ляпота! Лишь бы была хорошая погода. А вот пойдет дождь, тогда перейдем в домик. Знаешь, Анна, для тебя есть отдельный маленький домик. Там можно играть, отдыхать и спать. А рядом с беседкой ты можешь покататься на качелях. Эх, вот бы и мне так! Да, еще есть маленькая палатка, которая может располагаться прямо на траве. Там можно и спать, поскольку она закрытая и мухи не будут кусать маленьких девочек. Ух! Сколько всего нового для тебя! Кроме того, иногда к нам на дачу будет приезжать еще одна маленькая девочка, с которой можно играть, дружить. Ты, наверное, не помнишь, как несколько месяцев назад вы познакомились друг с другом. Такая маленькая девочка, но уже ходит. Так что будете вместе играть.

Правда, есть неудобства, не то что в Париже. И вода, может быть, похуже, и не то питание, к которому ты, Анюта, привыкла, и непривычная для тебя обстановка. Да и папу какое-то время не увидишь. Но зато сколько нового ты для себя откроешь. Природа! Красота! Ради этого можно пренебречь благами цивилизации.

Так что приезжай скорее. Московские бабушка и дедушка ждут тебя.

А пока дедушка и бабушка поздравляют тебя, Анюта, с Днем рождения – исполнением года! И желают тебе расти оптимистичной, улыбающейся на радость маме и папе! Здоровья, смеха и всех благ!

Целую,
дедушка.

17 апреля 2016 г.

Дорогой дедушка!

Вот и прошли торжества по поводу моего Дня рождения, и я, наконец, могу спокойно сесть и ответить на твое письмо.

Папа сейчас отсыпается, а мы с мамой сидим и пишем тебе

письмо.

Так приятно было получить ваши поздравления, послушать бабушкину сказку про мышонка, увидеть тебя на экране, читающего стихи из моей любимой голубой книжки! Ты так хорошо говоришь, дедушка! А я вот пока говорю только слоги, но понимаю уже все-все-все! И когда мне что-то нельзя, я иду и делаю это. Например, я знаю, что нельзя трогать дверцу духового шкафа, но хочу непременно потрогать – ведь не понятно же, почему нельзя. Там столько кнопочек, ручек, лампочек, так хочется их покрутить. Что значит ОПАСНО? Мама с таким серьезным видом произносит это слово, как будто конец света. Объясни, дедушка! А то родители только повторяют одно и то же, а почему, толком не объясняют.

Вот ты уже большой, дедушка, значит, тебе все можно? Никто ничего не запрещает, делаешь, что хочешь, да? Хорошо тебе.

Я маму, конечно, слушаю, потому что если не слушаю, она сердится и не разговаривает со мной весело и ласково, как обычно. А папа у меня очень вспыльчивый. Чуть что не по нему, он сразу громко «NON!», иногда вообще не выдерживает и зовет маму справляться со мной. Вообще, они не всегда согласны друг с другом. Мама дает мне больше всего пробовать: и падать, и стукаться (ну так, чуть-чуть, не больно). А папа, похоже, больше оберегает. Но как же я научусь, если не попробую? Кто прав?

Я вижу, что мама на эту тему много читает, а потом папе рассказывает. Но у него меньше терпения, что ли. Неужели я такая невозможная? Моя няня говорит, что характер у меня будет дай боже. Что к двум годам, если сейчас не начать усмирять, я буду все крушить и всеми крутить. Поэтому мама со мной довольно строга. Не дает мне, например, с мобильным телефоном играть. А папа дает. И мама на него сердится. А мами Шанталь и папи Жан-Пьер вообще мне все разрешают. Носят меня все время на руках, в прямом смысле слова! На любой мой писк тут же подбегают. Развлекают меня все время, ни секунды не дают мне одной посидеть. Прям даже вздохнуть не дают. И так громко разговаривают. Я даже иногда устаю от них. На прошлых выходных родители уезжали во Флоренцию на два дня, и я оставалась у мами и папи. Они меня так разбередили играми, что я долго уснуть не могла. Но их подарки мне нравятся!

А ты, дедушка, предпочитаешь быть один, в спокойствии или в шумном веселом окружении?

Ты пишешь про какой-то «горшок» – что значит «ходить на горшок»? Может, ты хотел написать ходить ПО горшку или ходить В горшок? И почему я должна туда ходить? Мне и дома хорошо. Ты тоже ходишь в горшок? И бабушка?

Ой, дедушка, мне мама показала фотографию кроватки, в которой вы с бабушкой спите. Какая красивая! Только маленькая. Как же вы там вдвоем помещаетесь? И комната какая симпатичная. А я, когда приеду к вам в гости, где буду спать? В горшке?

Да, самое главное, забыла, мама со вчерашнего дня прыгает до потолка от радости: они с папой купили билеты – на этот раз не на концерт, а на самолет! И мы к вам приедем на весь месяц июль!!! Папа нас привезет и потом уедет обратно в Париж, потому что у него работа. А мы с мамой останемся вам помогать поливать цветочки и кушать землянику. Я уже много чего пробовала: и манго, и киви, а вот землянику еще ни разу не пробовала. Она какая по вкусу?

Ой, ты меня напугал мухами. Это кто? Они очень страшные? И за что они меня будут кусать?

А что такое качели? У вас на даче есть, прям настоящие? Тут в Париже нету. Песочницы и всякие горки хорошие, а качелей мы нигде не видели. Мама мне рассказывала, что когда она была маленькая, как я, она очень любила качаться на качелях. И что когда ты с ней гулял, ты ее все время качал на качелях. Это, наверное, очень здорово! Ты бабушку тоже качаешь? Или она тебя?

Вы теперь каждые выходные на даче проводите, да? К вам приезжает моя кузина? Очень хочу ее увидеть. Будем с ней играть. Мне на День рождения родители подарили совочек, грабли, ведерко – вот я покажу Саше, как со всем этим играть. Только вот сама научусь. А то у нас часто дожди, мы еще толком ни разу не вышли в песочницу все это опробовать. Но я раньше уже видела, как другие детишки весело играют в песке, строят всякие замки. Ты иногда пишешь, дедушка, что с тебя песочек сыплется. У тебя его много? Его можно собрать, чтобы сделать песочницу на даче?

Скорей бы уже прошли эти два с половиной месяца. Хочу поскорее к вам в гости!

Целую тебя и бабушку.

До новых писем.

Твоя внучка Анютка.

18 апреля 2016 г.

Привет, Анюта!

Вот и пришло твое письмо.

Наверное, ты несколько дней отмечала День рождения. Было столько подарков, слушала сказку про мышонка, которую читала бабушка, смотрела голубую книжку, где стихи читает дедушка,

что было не до писем в Москву. Как я тебя понимаю!

Если я правильно понял, то ты стала упорной, всюду ползаешь, чтобы попробовать, потрогать какие-то вещи. Но мама и папа запрещают, говорят, что это опасно. Ну, прямо как твоя мама, когда она была ребенком! Такая же любознательная. Знаешь, ребенок всегда хочет познать мир. Ты не исключение. Но мир действительно представляет опасность, и взрослые боятся этого и поэтому предупреждают детей об опасности. Представь себе большой блестящий чайник, который стоит на огне, на плите в кухне. Ребенок тянется к нему, не зная, что он может испытать боль. Но нужно столкнуться с чайником, почувствовать боль от него. Причем находящаяся рядом мама будет вовремя оберегать ребенка и предупреждать его об опасности. И тогда ребенок будет знать – чайник опасен, лучше не подходить к нему, когда он стоит на газовой плите. Так ребенок начинает понимать, что можно, а что нельзя трогать. Попробуй, Анюта, осторожно и очень быстро прикоснуться к чайнику. И тогда ты поймешь, почему опасно общаться с горячим чайником.

Что же лучше для родителей!? Говорить все время «Нет, не смей!» или давать ребенку свободу постигать мир вещей!? Быть с детьми мягким, тихим или вспыльчивым, нетерпимым. Это зависит и от родителей, и от темперамента ребенка. Необходимо нечто среднее между запретом и свободой. Важно давать простор для деятельности ребенка, и если надо, то и запрещать, спокойно переключать внимание ребенка на другие вещи, слова.

Дедушке все можно? Никто не запрещает?

Нет, внучка, есть и у меня границы, как впрочем, и у всех взрослых. Правда, запреты для детей осуществляют родители и воспитатели, то есть запрет идет извне. А у меня, дедушки, запрет происходит внутри меня (совесть). Я тоже не могу делать то, что претит моей совести. Так по мере развития ребенка, где-то лет до пяти, происходит переход запретов и поощрений извне вовнутрь. И если ребенок может обойти внешние запреты (если родители не видят ребенка), то, будучи внутри человека, ты уже не можешь сделать то, что тебе не позволяет совесть. А вот что такое совесть, мы поговорим, Анюта, немного позже. Согласна?

Да, внучка, кто-то любит шум и гам. А кто-то предпочитает тишину и покой. Мы с бабушкой предпочитаем спокойствие. Так что на даче у нас тихо, мирно. Никто ни на кого не повышает голос. Надеемся, ты возьмешь на вооружение наш образ жизни.

Горшок. Есть такой маленький предмет, который означает у детей важные вещи. Правда, ты пока «ходишь» в памперсы, и, скорее всего, у нас на даче так и будет продолжаться. Но, как знать, может быть, ты узнаешь и о горшке. Очень удобная

вещичка, если ребенок приобщается ко взрослой жизни.

Ты видела кроватку? Это для тебя. Персонально. Мы с бабушкой не вписываемся в такой размер кроватки. У нас есть большая кровать, как у твоих папы и мамы….

Увы, придется прервать письмо. Появились дела. Ничего не поделаешь! Так что о других новостях – в следующем письме, в котором я постараюсь, если не забуду (память *плохая*, склероз), ответить на поставленные тобой, Анюта, вопросы.

Целую,

дедушка.

9 августа 2016 г.

Привет внучке с подмосковной дачи!

Прошла неделя, как ты, Анюта, уехала с мамой и папой в Париж.

Мама писала, что ты с воодушевлением встретила парижскую жизнь, которую, как оказалось, не забыла, месяц проведя в России. Те же игрушки, квартира, как и раньше. И нет никаких помех для движения.

Интересно, помнишь ли ты качели, детскую площадку, цветы, бассейн, где купалась?

Как ты звала – «деда» и бабушку Галю, чтобы покататься и произнести звуки на шаре? Как ты бегала по лужайке за бабушкой, спотыкалась и падала на травку?

А помнишь ли ты то наслаждение, которые производили пальцы «деда» по твоей спинке?

Увы, теперь у тебя другая жизнь, парижские дедушка и бабушка. Видимо, дача, где ты провела некоторое время, уже позабылась.

Но у тебя есть фотографии, и, может быть, ты вспомнишь и Россию, и посёлок Селятино, где ты была два раза. Наверняка мама тебе показывала и памятник у парка, и то, где она жила когда-то.

Теперь тебе, Анюта, надо менять распорядок сна, чтобы ходить в детский садик. Интересно, как будешь играть с разными детьми. И как там продолжатся твои занятия по живописи с мамой и с няней, которая обучает тебя русскому языку. Надеюсь, ты все-таки не забудешь русские слова и будешь понимать московских старичков и старушек, которые тебе всегда рады.

А мы трудились в саду целую неделю. Спилили пять елок, которые были на лужайке у забора. Пересадили пять или шесть деревьев, в результате чего изменили кое-что на горке-рокарии. Там, где была алыча, разместили три вазона с папоротником и карликовые деревья. В общем, занимались дизайном. Бабушке

Гале понравилось. В саду всегда есть чем заняться. Вот так и идет жизнь.

Ладно, Анюта, завершаю письмо.

Всем привет, и маме, и папе, и парижским дедушкам и бабушкам. Да, передавай от нас привет по случаю дня рождения Шанталь, хотя и с опозданием.

Обнимаю и глажу по спинке…

Твой московский «деда».

10 августа 2016 г.

Здравствуй, деда!

Вас с бабушкой Ля-Ля я, конечно же, помню! Мама мне показывает вашу фотографию, вспоминаем травку, яблоньку. Все было прекрасно.

А тут в Париже так шумно: под окнами ремонтируют дорогу, целый день трещат, и конца и края не видно этому ремонту. Эх, вот у вас на даче тишина, красота.

Мама моя постоянно чихает и сморкается – устала уже от этой дурацкой аллергии, которая здесь только усилилась.

В остальном у нас все хорошо.

Как там бабушка? После таких метаморфоз садика у вас у обоих, наверное, руки отваливаются. Ну, вы даете. Без дела не сидите. Так держать!

Пошла спать, потом еще напишу.

Чмок.

16 августа 2016 г.

Привет, внучка!

Вот приехали с бабушкой на день в Москву.

Погода ужасная. Целую ночь и день лил непрестанно дождь. В Москве река Яуза вышла из берегов. Кругом вода. И температура опустилась до 13 градусов. Представляешь, как холодно!

А сегодня утром солнце. Посмотрели в Интернет, погода в ближайшие дни будет 27–28 градусов. Вот позагораем!

Твоя мама говорит, что в Париже в ближайшие дни будет почти 40 градусов. Неужели правда?! Придется находиться в тени.

А мы вспоминаем внучку, которая бегала по траве, падала и со смехом бежала дальше. Это о тебе, Анна. Правда, было здорово, когда ты уже привыкла к даче и осторожно и аккуратно переступала по лестнице, ведущей в сад. Эх, уже нет земляники, которую ты так любила. Но ничего, не пройдет и года, как ты

сможешь собирать землянику прямо в саду. Прелесть. Да, сейчас поспевает ежевика. Это такая ягода – темного цвета. Вкусно и полезно. Наверное, ежевика будет поспевать целый месяц.

Говорят, что твоя мама и папа ездили в Австрию. Посмотрели город Зальцбург. Мы с бабушкой давно были в Зальцбурге. Очень понравилось. Кстати, был такой дедушка Фрейд, который в начале XX века проводил в Зальцбурге первую Международную встречу по психоанализу. Но Зальцбург известен тем, что там родился Моцарт. Наверное, мама тебе рассказывала об этом. Да, есть конфеты «Моцарт». Возможно, мама тебе привезла сладости из Зальцбурга.

Ладно, Аннушка, давай прощаться. Бегу по делам.

Целую в щечку и делаю массаж по спинке.
Московский деда.

20 августа 2016 г.

Привет, деда!

Очень приятно получать от тебя письма. А то мы с тобой теперь так далеко друг от друга, что о массаже по спинке я только мечтать могу.

У нас тут и правда очень жарко было. Нам бы вашего дождичка! Ну, вроде уже попрохладней стало. Хотя на след. неделе обещают снова + 35. Мама моя этому очень рада, так как у меня столько летних платьев, что мне их носить не переносить.

В прошлые выходные я была у своих французских родственников. Вообще-то их надо называть по-французски мами и папи, но у меня пока получается только «меме» и «пепе», но они не обижаются. Очень весело я у них провела время. Одну ночь, правда, задала им жару: проснулась посреди ночи и ну никак засыпать не хотела, с часу до трех ночи мы играли. Пепе еще ладно, привыкший, он обычно всю ночь до утра за компьютером сидит. А вот меме не выспалась. Но она меня так любит, что все готова перетерпеть. Вторую внучку, Жюли, к ней совсем не привозят, так что она всю накопившуюся нежность на меня выплескивает. Я не против. Они добрые, мами с папи. Никогда ничего не заставляют меня делать, а только играют со мной. Поэтому я у них всегда веселая. А дома, с родителями, иногда сопротивляюсь: когда надо руки мыть, или на горшок садиться, или с игровой площадки домой уходить. Особенно мама со мной строга. А папа мне почти все позволяет. Только когда я громко кричу, нервничает. Может даже по стене кулаком ударить. Но тут же берет себя в руки. Он быстро вспыхивает и моментально отходит. А мама, наоборот, все спокойно воспринимает.

Скажу тебе по секрету, что мама моя после Москвы несколько дней в очень нехорошем настроении пребывала. Почти депрессия на нее нашла: со мной мало играла, мало веселилась, на папу наезжала ни за что, ни про что. Но оказывается, от этого дурного состояния есть прекрасные лекарства: выспаться – раз, и заняться спортом – два. Вот она и стала каждый день уходить и через пару часов возвращаться, с мокрыми волосами, и развешивает по всей ванной всякие мокрые штуки (купальник, шапочку, полотенце). Довольная! Так что и я за нее рада. А уж папа как рад! А то он, бедный, вставал со мной последние две недели каждый день ни свет ни заря. А мама спала до 9 утра. Теперь они, как и раньше, по очереди встают. Да и я не так рано просыпаться стала, ближе к 7 часам.

Дни у меня очень насыщенные: утром ходим с папой за хлебом, потом с мамой что-нибудь лепим или рисуем, книжки читаем, потом обед (мне столько всяких вкусностей дают попробовать! в том числе ежевику, красную смородину, но вот моцартов не дали… А я все ловчее ложкой могу сама кушать!), потом я сплю по 2–3 часа, затем приходит моя няня Аня и мы с ней идем гулять, вечером снова играю, книжки разглядываю, кушаю, всех целую и на боковую. Засыпаю сразу. Столько впечатлений, их же надо все переварить! Вот, например, научилась по отвесной лесенке карабкаться. Теперь за мной только и следи, когда я на горках играю.

А твой день обычно как проходит, деда? Ты тоже каждый день что-то новое учишься делать? Новые слова запоминаешь?

Для меня слова – это отдельная песня. У меня очень хорошо получается говорить «гррррро шьен» – это про большую собаку, которую мне подарили (она ростом с меня, белая, пушистая). И еще «пети бебе» – это про куклу, которую мне подарили. Когда допиваю молоко, протягиваю маме бутылку и говорю «всё». А когда добавки хочу, говорю «ёщё». Папа часто произносит «оп», когда что-то быстро делает. Я стала за ним повторять – очень он радуется. И еще говорю: «тётя» и «дядя» про соседей и прохожих.

Но вот с некоторыми словами у меня путаница. Никак не возьму в толк, что мама имеет в виду, когда показывает на какое-нибудь окошко – никаких кошек я там не вижу! И почему-то место, где папа берет денежки, называется так же, как консервная банка? И почему у меня ручки, на дверях ручки и пишут тоже ручками? Будто специально нас, детей, кто-то все запутать решил. Ну да ладно, со временем разберусь.

Как же вы с бабушкой не утонули в такую дождливую погоду? А на море что вам обещают, жарко будет? Настя с Сашей уже

уехали? Попроси бабушку там побольше пофотографировать: вас двоих, сестренку мою маленькую с ее родителями. Так здорово, что вы на солнышке у моря погреетесь. Надеюсь, и поплавать удастся. Ты мне потом все в подробностях напишешь, да?

Еще, деда, ты ведь коллекционируешь монеты, так? Скажи, у тебя есть 5 форинтов? Маме тут случайно (или специально?) кто-то в магазине сдачу дал с такой монеткой. Может, она тебе нужна?

Целую тебя в бороду, а бабушку Ля-Ля в обе щечки.

25 августа 2016 г.

Внученька, привет!

Письмо от тебя было сплошное удовольствие для деда. Читал, перечитывал. Сколько информации, новостей!

Посмотрел в Интернет. Погода в Париже просто класс! Температура аж 35 градусов жары. Не поджаришься на солнце, Анютка? Хорошо, что в последующие дни постепенное понижение температуры до +32, +28, +26, но тоже не для всех комфортно.

А у нас в Москве, точнее на даче вполне комфортно, 20, 19 градусов тепла. Пока греет солнце, мы с бабушкой наслаждаемся прохладой, работаем в саду, а потом две недели нас не будет на даче. Поедем на юг, близ Геленджика. Сейчас, когда тетя Настя и «Шаша» уже уехали на юг, погода там хорошая. Почти +30 и +28, а вот когда приедем, будет прохладно. Так показывает Интернет. Но надеемся, что сможем покупаться в море.

Не знаю, помнишь ли ты прошлое лето, когда мы были на Лазурном берегу. Так было прекрасно! Эх, вот бы поехать с тобой на море! Но близ Геленджика бабушка постарается всех снять на фото, особенно «Шашу», а потом, возможно, сделает ролик, подобно тому, который послали твоей маме. Смотрела ролик? Да, как ты умудрилась с бассейном, ты такая сильная! Просто, прелесть! Виртуоз. Ты и большой бассейн – и справляешься.

Да, тебе подарили большую собаку. Наверное, не расстаешься с ней? Гав-гав!

Ты, Анютка, хорошо описала жизнь мамы, папы и твоих парижских дедушек и бабушек. Надеюсь, родители не так досаждают тебе с горшком и другими делами, в отличие от парижских дедушек и бабушек, с которыми тебе весело.

Говоришь, маме дали в магазине сдачу 5 форинтов. Пусть маме дают и другие монеты, а потом она привезет их в Москву. И хотя я не собираю монеты систематически, тем не менее они нужны мне. Возможно, то наследство с монетами, а у меня есть два альбома, после того когда деда отойдет в мир иной, будут собирать мои дети, включая твою маму, а может и внучки. Как ты

смотришь на это, Аннушка? Впрочем, пока тебе это не интересно, ведь не собака же, с которой приятно играть. Но кто его знает, вдруг тебе понравится собирать различные монеты из разных стран? Время покажет.

Вот такие дела. На этом кончаю письмо. Скоро ужин, пора готовиться к наслаждению. Ты любишь ужин?…Желаю тебе хорошего вечера!

Твой московский деда,
который часто вспоминает тебя.

24 сентября 2016 г.

Здравствуй, деда!

Давно не писала тебе, так как была очень сильно занята, ведь я начала ходить в садик! В первый раз мы пришли с мамой, вместе с ней там играли. А потом мама стала меня оставлять там одну. Или папа меня приводит. Мне грустно, когда они уходят. С родителями намного веселее. Но я быстро успокаиваюсь. Воспитательницы показывают мне разные игрушки. Я много играю с куклами: кормлю их, укладываю спать. Потом нам во всякие интересные штуки дают поиграть: краски, песок, еще что-то необычное, что я и не знаю, как называется. Потом выводят на улицу, во внутренний дворик. Там горка, разные машинки, велосипеды. Под конец я так устаю, что, когда воспитательницы всех собирают в круг и читают книжку, я начинаю клевать носом. Или иду к двери и все жду, жду, когда она откроется, начинаю звать маму и папу. Хорошо, что они всегда вовремя за мной приходят. Главное, не заснуть в коляске по дороге домой. Ведь надо еще пообедать перед дневным сном.

Папа мой все время с нами. Не то что раньше, когда я его только утром и по вечерам видела. Это так здорово! Он со мной много играет, щекочет меня, изображает льва, который хочет меня съесть. Он вообще у меня самый лучший на свете. Он все умеет, как минимум все то же, что и мама. Вот, например, мама тут неважно себя чувствовала (два дня лежала в постели), так папа меня и кормил, и мыл, и гулять мы ходили. С папой мне вообще все нравится делать, я от него не отхожу, смотрю, чем он занимается. С мамой тоже хорошо, но папа у меня особенный! Он меня всегда очень хорошо понимает.

По вечерам, перед сном мы стали читать книжки. Папа или мама садятся в кресло, я выбираю книжку, и мы читаем. Сегодня с мамой читали «Дедушкины стишки» – очень мне нравится мальчик, у которого брючки промокли под дождиком. И девочка, которая устроила стирку своей кукле.

А ты еще для меня напишешь стихи, дедушка?

Как у тебя вообще дела, настроение, самочувствие? Вы ездите с бабушкой на дачу? Если нет, то чем занимаетесь дома?

Буду ждать с нетерпением, твоего ответа.

Целую,

твоя внучка Анечка.

26 сентября 2016 г.

Привет, Анечка!

Ух, как давно от тебя не было писем! А вот вчера получил от тебя весточку. Теперь знаю, как проходит твое время.

Да, ты уже ходишь в садик. Совсем большая. Сколько для тебя происшествий! Детки в садике, игрушки, велосипеды, машинки, ну и, конечно, воспитатели.

Как и все дети, ты хотела бы, чтобы родители не расставались с тобой. Но вот они покидают тебя, оставляют в садике, а тебе первое время скучно. Ты постоянно смотришь на дверь, не придут ли родители, которые постоянно общаются с тобой.

Но ничего. Пройдет время, и тебе понравится садик. Лишь бы воспитатели были как люди – общались с тобой, не мешали заниматься своими делами. А с детьми прекрасно. Можно играть с ними, разговаривать. Я видел мамино видео, как ты разговариваешь по телефону. Долгий у тебя разговор получается. Наверное, ты так же общаешься с детьми в садике.

Да, детки устают. Ты, Анечка, тоже. Поэтому когда идешь с садика домой, так и хочется уснуть. Но ты ведь терпеливая девочка. Знаешь, что дома ждет тебя обед. Вот поешь – и можешь спать, хоть до утра.

Папа дома – это прекрасно. Он читает тебе сказки, рычит, как лев, развлекает тебя. Но, видимо, пройдет год, и папе нужно находить работу. А то как же он будет приобретать игрушки тебе. Так что пользуйся папиной свободой, когда он дома и ходит с тобой на прогулки. Да и маме облегчение. Вот только что это мама два дня болела. Может быть, съела что-нибудь, как говорят юмористы. Или что-то более сложное. Ты, Анечка, береги маму. Пусть она будет здоровой и активной.

О, да ты слушаешь «Дедушкины стишки». Как я рад, что тебе нравятся некоторые стишки из данной книжки. Про мокрые брючки у мальчика, про стирку девочки. Представляешь, у меня еще есть стихи, которые я когда-то писал. Ну, например, «Исповедь многодетного отца». Не твоего папы, а отца, у которого было трое детей и который шутил:

«Вот такая дребедень
Каждый день,

Целый день».

Это я писал о себе, об отце, который уже стал дедушкой. Вот такая, Анечка, жизнь, которую прожил московский деда.

К сожалению, стихи меня покинули, поскольку я стал стареньким. Уже стихотворные рифмы не досаждают моей голове. Есть преимущество. По крайней мере, я сплю спокойно, а не бегу к столу, когда рифмы возникают и нужно записать, чтобы не забыть. Но есть и минусы, поскольку я не в состоянии писать даже детские стихи. Но, правда, есть опубликованная работа «Смехоград», в которой довольно много стихов для детей и подростков. Вот подрастешь и почитаешь то, что там написано. У твоей мамы эта книжка есть. Она тебе покажет, когда начнешь вовсю читать.

Я тут приболел немного после морского отдыха. Сейчас уже поправился. Московская бабушка ездила на дачу одна, сажала некоторые кустарники, которые приобрела.

Ой, был в субботу казус. В Институте читали благотворительные лекции. Но меня никто не предупредил. И позвонили тогда, когда я вроде бы должен что-то говорить. Пришлось организовывать срочно вебинар (ну, это когда можно читать лекции дома и транслировать их слушателям). Вот так пришлось без подготовки целый час читать лекции тем, кто хотел стать психоаналитиками. Представляешь, я говорю что-то в компьютер и никого не вижу из слушателей. Говорю сам с собой. И даже не знаю реакции тех, кто слушал. А было человек 40–50, которые меня слушали в аудитории, и 30 человек-дистантников (тех, кто слушал меня дома, а не в аудитории). И смех, и грех. Такие вот технические возможности, и неразбериха, когда не сообщают профессору вовремя о каком-то мероприятии.

Вот такие дела. А так мы с московской бабушкой дома. Она занимается на компьютере, создавая фильмы, которые, надеюсь, ты смотрела. Бабушка изучает видеоредактор, она вообще любит изучать всё новое. Я также на компьютере что-то делаю для лекций.

Пиши, Анечка, письма по возможности, когда будешь дома, а не в садике. Можно и с рисунками, которые, надеюсь, тебе нравятся.

Целую,
твой московский деда, который передает привет от бабушки.

27 сентября 2016 г.
Привет, деда!

Да, мама мне рассказывала, что вы все переболели ротавирусом. На Париж этот засранец нападает каждую осень и весну. Надеюсь, ты уже совсем поправился.

Маме моей уже тоже намного лучше. Она, наверное, как ты и пишешь, что-то не то съела, или, может, вирус на нее напал какой-то, который в животе живёт. Он, кстати, этот вирус, потом и у папы в животе поселился. А у меня нет. Я ему дала бой своим иммунитетом! Что, зря, что ли, мама меня закаляет?

Сегодня мы с ней в первый раз ходили на музыкальное занятие. Там все говорили по-русски: было еще двое детишек с мамами. И мы с ведущей тётей Катей пели песенки, стучали ложками, танцевали, прыгали. Было здорово. Только ехать туда далеко: сначала долго-долго на коляске, потом долго-долго на автобусе, а потом еще много-много ступенек подниматься на второй этаж. Ну да это ничего. Вот что мне и маме не очень понравилось, так это один из мальчиков, который весь час носился по комнате и визжал. Его мама перед всеми извинялась. Но унять его так и не смогла. Если он будет в эту группу ходить, то мы не будем, – сказала мама директору. А что он виноват, что ли, если после обеда не спал и к вечеру утомился и перевозбудился? Бедный. И бедная его мама… Уж так противно он кричит. Я бы за такого замуж не вышла.

А тётя Катя веселая. Она мне на большом пальчике нарисовала мордочку котика (мы про котика песенку пели). Так я весь вечер потом на этого котика любовалась, папе гордо показывала. Ва-ва! (Это Аня так говорит мяу-мя. – примечание мамы =))

Деда, оказывается, есть очень эффективное слово «Нё» – когда мне чего-то не хочется, я его говорю, и мама сразу перестает мне давать то, что невкусно. Или делать то, что мне не по душе. А когда мне чего-то хочется, я говорю: «Да».

Вообще, уже много слов я научилась говорить. Мама даже начала вести дневник билингвы. Уж не знаю, зачем. Слова ведь они как воробьи – вылетели, и пусть летят. Зачем их ловить, записывать?

Вот ты, деда, если не стихи, может, что-то другое записываешь? Свои мысли? Анекдоты? Может, поделишься со мной? Давай мы с тобой завтра повебинаримся? Устроим свой казус. Я ведь тоже дистантница! Мы будем с мамой у компьютера часов в шесть вечера. То есть в семь московских.

Целую в бороду.

Твоя внучка

Анюта.

27 сентября 2016 г.

Внучке большой привет!

Будем надеяться, что вирусы больше не будут «вредить» ни парижанам, ни москвичам.

А ты, Анюта, молодец! Не поддаешься всяким вирусам. И пусть мама закаливает, и ты будешь всегда здоровой.

Оказывается, ты ходишь на музыкальные занятия. Это здорово. И тебе, как я понял, это нравится. Еще бы, тетя Катя не только говорит с тобой по-русски, но поет вместе с тобой, танцует и даже стучит ложками. Как здорово! Ну, а то, что она нарисовала на твоем большом пальчике мордочку котика и ты любовалась этим произведением искусства дома и даже показывала котика гордо папе, – это прекрасно и чудесно.

Жаль, что один из мальчиков на музыкальном занятии вел себя плохо. Некоторые мальчики такие. И хорошо, что ты решила не выходить замуж за такого непоседливого мальчика. Есть и другие. Хорошие. Впрочем, надеюсь, ты узнаешь или в садике, или в школе, или в институте, что есть мальчики, на которых стоит обратить внимание, с ними интересно.

Жаль, что музыкальные занятия далеко от твоего дома. Но мама твоя что-нибудь придумает. Или «плохого» мальчика больше не будет, или найдет другие музыкальные занятия. Правда, в Париже не так часто, я думаю, есть музыкальные занятия, где преподаватели говорят по-русски.

Да, хорошо, когда приходится говорить «Да», если что-то нравится. Но есть и слово «Нё», когда приходится не соглашаться с чем-то. И то, и другое слово приемлемо для человека, особенно для малыша. А вот во взрослом состоянии далеко не все используют слово «Нё» вслух. Кто-то не может сказать: «Нет». У малышей это проще, делают то, что считают нужным, не скрывая.

Пусть мама ведет дневник билингвы. Ей это нужно. У взрослых своя логика, у ребенка – другая, даже если он считает, что взрослые занимаются ерундой.

Анюта, ты, пожалуй, права. Действительно, не идут стихи, зато можно обратиться к анекдотам.

Вот такой:

– Обычно девочки любят кукол, а мальчики – красивые машинки. Но только до 16 лет. А потом интересы меняются местами.

И еще один:

– Мама, а почему у папы нет волос?

– Потому, что много думает.

– Мам, а почему у тебя так много волос?

– Ешь давай!!!

Анюта! Ты хочешь повебинариться со мной? Увы, сегодня у меня в 19.00 занятия в Институте психоанализа, а завтра – в 18.00 Ученый совет в институте. Может быть, в четверг или пятницу, когда буду дома? В это же время – в 19.00 по-московски.

Передавай привет маме и папе.

Целую,

деда.

27 сентября 2016 г.

Здравствуй, деда!

Ты можешь мной гордиться – сегодня я даже не плакала, когда мама привела меня в детский сад. Там много кукол – я их кормлю из бутылочки, укладываю спать. И еще там есть одна девочка, с которой ее мама тоже говорит по-русски. Зовут ее очень необычно: Ева (по-французски Эва). Эта Эва была уже у нас в гостях, и мы вместе гуляли на площадке. Она постарше меня, ей уже больше двух лет, она много, но очень странно говорит: смешивает всё на свете. А я вот точно знаю, что когда мама говорит «шапка», а папа «шапо», то они говорят об одном и том же. А мне пока удается говорить только «папо» (так все французские дети называют головные уборы).

Дедушка, а ты носишь зимой папо?

Твоя внучка Анечка.

27 сентября 2016 г.

Анечка!

Послал тебе письмо. А в это время пришло неожиданно от тебя послание.

Как хорошо, что ты не плакала, когда привели тебя в садик. Я действительно горжусь тобой. Дружи с куклами, детьми и воспитателями.

И очень хорошо, что ты познакомилась с Евой, которая говорит по-русски. Пусть она старше тебя, но все равно можно общаться, дружить, играть. Да и ваши мамы, возможно, подружатся.

То, что ты не путаешь слова (французские и русские), – это тоже тебе плюс.

То, что ты называешь «папо», т. е. головной убор, то его носят дети и часть взрослых. Но у меня такая голова, что даже зимой я не ношу «папо». Не знаю почему, но так привык. В крайнем случае, надеваю капюшон на голову, когда дует ветер.

Пока.

Целую,

деда.

5 октября 2016 г.

Привет, деда!

Мы тут с мамой разглядывали фотоальбом – я тебя с бабушкой Ля-Ля очень даже помню. Увидела ваши лица, мама напомнила про дачу, как мы там у вас хорошо летом отдыхали, и на меня нахлынули эмоции – я прямо расцеловала ваши с бабушкой лица. Когда же мы с вами увидимся?

Мама показывала мне недавно ролик про Сашу, как она на море отдыхает. И вы с бабушкой вместе с ней. Вот повезло!

На выходных у нас были в гостях мои французские мами и папи. Мама показала им ролик про вашу дачу, про то, как я там по дорожкам бегаю, под шлангом хохочу и на мяче с бабушкой мелодии распеваю. Они остались под большим впечатлением – и от дачи, и от самого ролика. А потом мы пили все вместе чай из самовара! Мама мне объяснила, как он работает, но самой покрутить носик не дала, мол, осторожно, горячо. Но какой же красивый этот самовар! И написано на нем что-то прекрасным почерком. Вот научусь читать и узнаю, что именно.

А пока я балдею от книжки с песенками, которую мне дядя Леша привез, – ваш подарок. Слушаю и слушаю, пританцовывая. Особенно про бычка мне нравится. Папа почему-то не подпевает, а вот мама наизусть все эти песни знает.

Я хожу каждый день по утрам в детский садик. Мне там, в принципе, нравится, хотя я еще не очень охотно играю с другими детьми, все больше одна, но мне и одной очень даже весело! Увлекаюсь на детской кухне, кормлю и укладываю кукол спать. Только мне не нравится, когда мне там памперс меняют. Как-то они не так это делают, как мама или папа. И вообще надоели мне эти памперсы. Я их теперь надеваю на кукол, сажаю их на горшок, чтобы они пописали, имитирую звук. Куклы у меня послушные, а если что, я им грожу пальчиком и говорю: «Аси» (сядь) или «Ата» (подожди).

Родители мои что-то задумали: вытащили большущий чемодан и стали туда всякую всячину складывать. Чего им неймется вещи перекладывать из шкафа в этот чемодан? Ну, может, завтра что-то станет понятней.

А какие у тебя новости?

Целую в бороду.

6 октября 2016 г.

Привет, внученька!

О, так ты что-то помнишь, как отдыхала у нас с бабушкой Ля-

Ля и даже с дедом? Неужели на тебя нахлынули воспоминания под рассказы мамы? Или русский самовар вызвал шквал эмоций?

Да, месяц тому назад мы отдыхали вместе с Сашей. Купались в море, бегали по камушкам. Возможно, мама тебе показала ролик, который сделала бабушка Ля-Ля. Хорошо бы отдохнуть вместе, чтобы можно было заснять приключения Саши и тебя, как вы воспринимаете море. А что!? Вот подрастете чуть-чуть, и, возможно, что-то придумаем. Куда-нибудь съездим вместе – на Лазурный берег во Франции, на Черное море в России или еще в какие-то теплые места, где можно купаться.

Так, значит, на выходные дни к вам приехали французские мами и папи! Я посмотрел фотографии, которые послала твоя мама. Надеюсь, они что-то поняли, как ты отдыхала на нашей даче. Интересно, сказала ли ты, Аннушка, как ты с наслаждением ела землянику?

На фотографии видно, как вся ваша семья сидит у русского самовара. Наверное, французским мами и папи не очень-то нравится русский чай. Они предпочитают пить кофе. А у русских чай из самовара – это шик. Надеюсь, тебе понравился русский самовар. Правда, так и хочется ручкой дотянуться до его носика. Но мама права, не стоит так делать, поскольку кипяток может ошпарить ручку ребенка. Так что смотри на самовар, а позднее, когда научишься читать (обязательно по-русски), ты прочтешь надпись на этом чудо-чайнике. Это наш подарок, который, надеюсь, будет не только украшать ваш французский дом, но и будет практическим чаепитием в те особые дни, когда к вам придут гости.

Да, бабушка Ля-Ля через дядю Лёшу передала тебе, Анюта, такую замечательную книжку со стихами и мелодией. Можно не только слушать стихи, но и танцевать, раскачиваясь в такт музыки. Так что читай и танцуй, а твой папа со временем также будет распевать русские слова из текста (мама сказала, что твой папа учит некоторые слова по-русски).

Как я рад, что детский сад тебе понравился. Конечно, можно играть с куклами, не очень-то обращая внимание на других детей. Позднее тебе понравится общаться не только с куклами, но и с другими детьми. А вот что касается памперсов, то еще немного, и ты расстанешься с этими удобствами, тем более что тебе не нравится, как меняют памперсы воспитательницы. Значит, надо скорее приобщаться к горшку. Сперва сажать кукол, а потом сможешь и сама. Вот когда начнется взрослая жизнь, памперсы можно отбросить в сторону. И так будет хорошо. Когда нужно, сама будешь делать то, что захочется.

Ты права. Родители что-то задумали, упаковывая вещи в

чемодан. Наверное, когда ты получишь это письмо, ты вместе с родителями будешь в теплых краях. Море, судя по всему, ждет тебя. Напиши, как второй раз (если ты помнишь Лазурный берег) ты окажешься на море. Причем на Майорке. Можно купаться, не то что в первый раз, когда ты была на руках мамы. Эх! Везет же кому-то. Море, воздух, красота…

Что касается новостей в Москве, то все идет своим путем. Читаю лекции, хожу зачем-то в академический институт, где есть какие-то отчеты. В общем, все как обычно.

Так что, Анюта, отдыхай на море, наслаждайся предоставленной возможностью. Гуляй по берегу, смотри вместе с родителями на достопримечательности. Ну и, конечно, присылай фотографии.

Желаю прекрасного отдыха,

твой деда.

23 октября 2016 г.

Привет, дедушка!

Да, самовар был полной неожиданностью. Он такой красивый!!! А книжка со стихами-песенками стала моей любимой. Мы с мамой ее все время распеваем. И конечно, я танцую под мелодии. Стоит маме или папе начать напевать – я тут же пускаюсь в пляс.

В детском саду мне нравится. Я уже не так устаю, как вначале. Дома мы втроем обедаем, чокаемся стаканами (кто что: папа с мамой вино иногда пьют, я – водичку). Мне мама кладет в тарелку все то же, что и родители кушают. Мамина еда намного лучше, чем всякие покупные пюре. К тому же я научилась есть вилкой! Это намного удобнее, чем ложкой. Так и передай моей сестренке Саше, чтобы она не мучилась с ложкой – скоро и она научится всеми приборами пользоваться.

Мама почти каждый день печет печенья – пробует самые разные рецепты, то с бананом, то с яблоком. Папе не всегда нравится (так как мама не добавляет сахар), а мне очень даже. Прошу добавки: ещё, ещё. Я вообще уже много слов умею говорить. И запросто повторяю даже довольно сложные слова, даже если не знаю, что они значат. Вот только снова путаница: кушать, куш (памперс), куше (спать). Как во всем этом разобраться? А еще душ, уши, мушки. Ужас. И почему у каждого предмета по два названия – мама называет одно слово (например, малыш), а папа другое (бебе)? Что, каждый человек придумывает для всего свои названия? Хорошо, что у меня всего двое родителей. А если их было бы десять!?

В остальном жизнь прекрасна. Море мне ооочень

понравилось. Кроме самого первого раза, когда на маму напал какой-то зверь в воде. Она сильно испугалась, и я тоже. Но папа нас обеих спас. И я потом безмятежно играла в гигантской песочнице. Почему в Париже песочницы такие маленькие? Почему не сделать их такими же, как на Майорке? Давайте в следующий раз все вместе на море поедем? Подговори бабушку! Вы, мы, Саша и ее родители. Вот будет здорово!

У нас все прохладнее становится. Мне купили красивые вязаные варежки. Но с ними очень неудобно на площадке играть – не схватиться ни за что. А я ведь люблю полазить, с горки покататься. Так что снимаю их, а мама мне потом дует горячим воздухом на ручки, чтобы они согрелись. А что, деда, будет еще холоднее?

Какая погода в Москве? Мама говорит, что у вас скоро все будет белым-бело. Это как? Асфальт и земля белые? А ходить по ним можно?

Чем вы с бабушкой занимаетесь долгими зимними вечерами? Катаетесь на мяче и поете ля-ля? Повезло вам.

Шлю вам обоим воздушные бизу (поцелуйчики).

Ну и несколько последних фотографий.

24 октября 2016 г.

Привет, Аннушка!

Самовар красивый! Это точно. Так что пей водичку. И пусть мама и папа пьют винцо. Им можно подчас. Но, надеюсь, чай тоже их привлекает. По крайней мере маму. А папа пусть смотрит на самовар, любуется, а пьет кофе. Ничего не поделаешь. Франция не Россия.

Это хорошо, что тебе, Анюта, нравится детский сад. Можно играть с детьми. Представляешь, я посмотрел фотографии, которые ты прислала, и вижу, что и детки, и игрушки тебе понравились. И так, как я понимаю, не очень-то устаешь от детского садика. Не то, что было раньше.

То, что ты напеваешь, – это прекрасно. На видике, где ты в номере Майорки и на пляже, все время раздается твой голос. Поешь песни примерно как казах (есть такие люди), который поет обо всем, что видит и слышит. Чувствуется, что мелодичный ритм преследует тебя. А может быть, ты станешь певицей? Неплохо, можно сказать хорошо. Ой, спроси маму. Она кое-что знает. Например, басню: «Ты все пела? Это дело. Так поди же попляши!» Но у тебя, Аннушка, будет не как в басне. Пение – это прекрасно.

Как ты выросла! Ешь со своими родителями, что и они. Прощай, пюре и прочие покупные штучки! Ты пользуешься не только ложкой, но и вилкой. Это прогресс! Обязательно скажу

Саше, что пора и ей привыкать к вилке, которая удобнее подчас, чем ложка. Правда, ей немного рановато. Вот когда ей будет столько лет, сколько тебе, тогда Саша тоже приучится к вилке. В общем, вы, девочки, будете как взрослые люди.

Это хорошо, что мама выпекает разные печенья. Намного лучше, чем магазинные. А то, что ты, Аннушка, говоришь разные слова, тоже прекрасно. Ну что поделаешь, если слова на русском и французском звучат по-разному. Зато ты будешь полиглотом. Что такое полиглот? Ну это когда можешь говорить на разных языках. Представляешь, по телевизору показывали программу «Удивительные люди». И одна девочка, которой, кажется, четыре годика, понимала и говорила аж на семи языках. Вот это да! Кстати, твоя мама знает четыре языка – французский, английский, немецкий и русский. Причем пытается говорить и на удмуртском, на котором говорит твоя московская бабушка. Ой, и я знаю некоторые выражения на удмуртском: «Нянь ческыт», что означает «хлеб вкусный».

Я понял твое предложение: поехать отдыхать всем вместе – твои мама, папа, ты, дедушка и бабушка, дядя Леша, тетя Настя и Саша. А что? Предложение хорошее. Вот только нужно выбрать место около моря. Саша с родителями хотят поехать в Сочи. А может быть, Майорка, где тебе понравилось. Да и время нужно подобрать. Мы с бабушкой можем отдыхать в начале сентября, так как потом мне читать лекции в Институте. Но, судя по всему, твоей маме будет слишком жарко. Но посмотрим. Может быть, что-то придумаем.

Действительно, сейчас уже прохладно. Надо запасаться варежками, хотя в них неудобно играть. И поэтому твоя мама согревает твои ручки дыханием. Анютка! Представляешь, через несколько дней в Москве будет и дождь, и снег. А потом будет только снег. Мягкий, белый, искристый, пушистый. Можно кататься на санках, лыжах, коньках. Вот немного подрастешь, и тогда приедешь к нам, где увидишь, что такое снег и лед. А мама сводит тебя на Красную площадь, где можно покататься на коньках и посмотреть огромную ёлку. Красота!

Посмотрели твои фотографии. Мне очень понравилось фото, где ты сидишь и смотришь, по-моему, на рыбок.

Ладно, пора прощаться.

Я также шлю воздушные поцелуйчики, или, как ты говоришь, бизу.

Твой московский деда,

с наилучшими пожеланиями.

14 ноября 2016 г.

Привет, Анюта!

А у нас зима. Представляешь, зима настоящая.

Бабушка Ля-Ля послала тебе и маме фотографии. Помнишь летнюю пору. Ты ходила возле забора, собирала камешки. А теперь снег, кругом шапки снега. Правда, ты, Аннушка, не видела снег. Только на фотографии. Но мама тебе опишет, что такое снег – белый, глубокий, ноги утопают в снегу.

Снег-то снег, но, кроме того, несколько дней подряд был ледяной дождь. Ветки деревьев покрылись сосульками. Они светятся на солнце, и деревья стоят хрупкие, как ледяные стаканы. Это надо видеть. Березы накренились до земли, различные кусты наклонились тоже вниз. И всё вокруг стало «хрустальным», того и гляди рассыплется в стекляшки на мелкие кусочки.

Мы с бабушкой Ля-Ля ездили на дачу. Снегу полно: на земле, возле калитки, которую откапывали от ледяного снега, пока не вошли в сад, на крышах домов. Пришлось лезть на крышу маленького дома и сбрасывать снег. Но под снегом лежит лед. Вот и пришлось сбрасывать с крыши лед и снег. Намучился, зато подышал свежим воздухом.

Хотел пойти покататься на лыжах. Но бабушка ни в какую. Пришлось оставаться дома, смотреть телевизор. А так, представляешь, всего 14 ноября, и уже можно ходить на лыжах. В прошлом году на лыжах вышли перед Новым годом.

Ведь еще полмесяца осени. А снегу много.

В Париже, небось, тепло. Светит солнце. Да и снега не увидишь.

Посмотри наши фотографии. А мама тебе, Анюта, расскажет, что представляет собой русская зима. Красотища. Правда, приходится вовсю работать лопатой и сгребать снег вокруг дома. Трудимся, как говорится, на славу.

Сбиваем с крыш сосульки. Что такое сосульки? Ну, это длинные круглые и прозрачные льдинки, напоминающие по форме морковку, но гораздо крупнее, они тают от солнечных лучей и свисают с крыш. Того и гляди упадут на голову. Ой, ты себе, Анюта, не представляешь! Ведь сосульки, как глыбы, могут упасть даже в городе, в Москве. И многие люди страдают, ибо сосульки падают с крыш высоких домов, обрушиваются на людей, в результате чего они получают различные травмы. Но на даче такого нет, поскольку я вовремя сбиваю сосульки лопатой. Да, ледяной дождь так согнул березы, что они с треском падают и срывают электрические провода. Под Москвой многие дома лишились света, а пригородные поезда остановились.

Вот такая русская зима. Есть плюсы и минусы. Но мы все

равно рады приходу зимы.

Как ты, Анюта, чувствуешь себя? Что нового в твоей жизни? Как мама и папа?

Пиши, пока мы в Москве, а не даче. Под Новый год поедем на дачу и будем там зимовать январь и половину февраля.

Целую,

твой московский деда.

6 декабря 2016 г.

Привет, Анюта!

Ой, оказывается, не только у детишек бывает день рождения, когда им дарят кучу подарков. Оказывается, и у взрослых тоже бывает день рождения, и кое-кто радуется такому дню. Вот у мамы твоей сегодня день рождения. 37 лет тому назад она появилась на свет. Так что давай, Анюта, поздравим твою маму. Пожелаем ей счастья, свершения всех планов и всех благ. А дедушка, помня о «Дедушкиных стишках», даже написал твоей маме четверостишье. К сожалению, моя старческая голова не способна «родить» полноценные стишки. А так, вот они:

Всем! Всем!
Тридцать семь.
Муж и дочка.
Еще… не точка.

Анютка! Болеть не дело. Отит. Это же надо такое! Хорошо, что ты уже улыбаешься. Смотришься просто чудесно под елкой. Вместе с мамой. Видимо, она уже отмечает день рождения. Наверное, придут гости, будут дарить маме подарки. Вот будешь, Анютка, большой, и в этот день сама испечешь торт для мамы. И будете втроем, включая папу, петь «happy birthday to you…», лопать торт, поздравлять маму и целовать ее.

А у нас все нормально. В пятницу, субботу и воскресенье были на даче. В пятницу открыли лыжный сезон. Были в лесу 2.5 часа. Мама взяла пилу (маленькую), помня о том, что после ледяного дождя деревья под тяжестью снега падают в лесу и прямо на лыжню. Только вышли за ограду дачи, и сразу же пришлось пилить маленькие кусты и деревья. Потом пилили дерево побольше. А вот позже встретили целый ряд деревьев, которые перегородили лыжню. Ни объехать, ни обойти. Одно большое дерево преградило нам путь. Маленькой пилой не справиться. Пришлось маме снимать лыжи и карабкаться на дерево. А я прямо с лыжами спиной лег на дерево и с большим трудом перемахнул на противоположную сторону. В субботу приноровились к полосе препятствий. Встретили наших

знакомых, и мама болтала с ними. А вот в воскресенье кто-то прошелся с бензопилой по лыжне и спилил все поваленные на лыжню стволы деревьев, оставив проход для лыжников. Теперь можно было кататься без препятствий. А когда приехали в Москву, в понедельник пошел сильный снег. Был сильный ветер, и снегу выпало столько, сколько обычно бывает за целый месяц. Так что в этом году зима пришла к нам рано. Эх! Покатаемся на лыжах! Вот только снег придется скидывать с маленького домика на даче и расчищать дорожки, иначе не пройти в калитку к дому.

Анюта! Еще раз поздравь твою маму с днем рождения. Давай пожелаем ей всего, чего она хочет. Я целую твою маму и тебя. Будь здорова, не болей!

Твой московский деда.

14 января 2017 г.

Здравствуй, дедушка!

Как ты поживаешь? Давно мы с тобой не болтали в скайпе. Я соскучилась!

Говорят, у вас там недавно был сильный мороз. Это что же, Дед Мороз решил, чтобы у всех были красные носы?

У нас тоже очень холодно, может, даже снег пойдет завтра. Хоть посмотрю, что это такое, а то только все на картинках видела.

Бабушка написала про санки. Я видела в книжке, красивые такие. Это чтобы с горки кататься и весело падать, да? И как это моя кузина Саша не боится? Я вот предпочитаю все проверенное. Когда что-то новое предлагают, я десять раз подумаю, надо оно мне или нет. Вообще, говорят, что я задумчивая в новых ситуациях. Ну да, мне просто надо сначала понять, что происходит, кто вокруг меня и что нужно делать. Со своими близкими я знаю, как общаться, с кем во что поиграть можно, у кого что выпросить. А вот с незнакомыми дядями и тетями я сначала смотрю, какие они, хорошие или плохие, веселые или сердитые.

Еще мне нравится читать. В детском саду, если мама приходит за мной раньше, чем нам воспитательница дочитает книгу, я даже не бегу к ней сразу, а дослушиваю до конца. И только тогда беру свою куклу и иду к маме. Читать я вообще очень люблю. Мы дома с мамой сейчас читаем сказки Сутеева (те самые, которые бабушка для меня купила и которые передала мне с Дедом Морозом). Очень мне смешно, как три котенка упали в банку с мукой и стали все белые. Прошу маму по нескольку раз читать эту сказку и каждый раз заливаюсь смехом.

А ты, дедушка, что любишь читать? Лекции, это понятно. А

так, для себя?

Тетя Марина рассказывала, что она читает много политических детективов и триллеров. Вот и мы с ней играли в сыщиков: искали Кота, который все время куда-то прятался. Я выходила из ванной и говорила: «Гдеее кооооот?», и искала его: то за подушкой, то за книжкой, то за занавеской прятался. Я и сама обожаю играть в прятки: сажусь под стол или заворачиваюсь в белье, которое сушится, и мама меня ищет. Она обычно долго меня ищет, весь дом обходит, пока найдет. И все приговаривает: Где же Анюта? Здесь нет, тут тоже нет. Куда же она спряталась? А когда находит, мы вместе весело кричим: Ура, нашлась Анюта! Я могу в эту игру до бесконечности играть, а мама после 2–3 раз часто вспоминает, что у нее какие-то дела, и зовет на помощь папу. Я не против. С папой даже лучше играть – он всегда готов и никогда не устает.

Вчера мы отмечали мой День рождения (я уже ну прям совсем большая – целый 21 месяц мне исполнился). Вот, посмотри видео, как я задувала свечку на торте.

А подарили мне набор приборов (вилка +ложка +ножик), совсем настоящих, почти как у мамы и у папы. Я ведь уже совсем хорошо сама умею кушать. Иногда только ленюсь. Как и ножками ходить – люблю, конечно, но иногда устаю и прошусь к маме на ручки.

Дедушка, а у тебя тоже есть своя вилка, своя ложка? На моих нарисованы собачка, птичка и кошечка. А кушаю я практически все. Ты тоже, дедушка, хорошо кушаешь? Всё любишь? Бабушка, наверное, очень хорошо готовит.

У вас сейчас каникулы? Что это значит? По-французски «каникюль» – это сильная жара. Причем же тут жара, если на дворе зима?

Расскажи, как проходят твои дни? Чем ты занимаешься?

Целую тебя в белую бороду.

Твоя внучка Аня.

16 января 2017 г.

Привет, Анюта!

Как давно ты не писала! Видимо, занята была. И действительно, столько дел – дети, тетя Марина, прятки с мамой и папой, елки, Рождество, подарки, Дед Мороз. Всего столько, что просто запутаешься. А тут еще письма московскому деду.

Но вот, наконец, пришло от тебя письмо. Большое письмо. Читал с удовольствием.

Да, действительно. Как только к Новому году переехали на дачу, так и не болтали с тобой в скайпе. Вот сейчас два дня будем

в Москве, и можно воспользоваться скайпом. А то мы с бабушкой соскучились. Да и мышка соскучилась. Все лежит в коробочке и не хочет выходить, поскольку дома нет никого. Ей так хочется поболтать с тобой, Анюта.

Представляешь, на даче аж почти десять дней и ночей была температура минус 27–32 градуса. Мы стали закрывать все двери в комнатах, а то на даче было 14–15 тепла. Но вот когда мы затопили камин (у нас есть электрический камин, бегают огоньки, так здорово), стало жарко. И мы несколько дней грелись, точнее отогревались.

Зажгли елку, положили игрушки. Елка была нарядная. Все время менялись огоньки – то зеленый, то красный, то синий. Красота! Хорошо и весело встречали Новый год, Рождество и Старый Новый год. Ой, в Париже и не знают, что в России есть два Новых года. 31 декабря в 24.00 встречаем Новый год, когда бьют куранты по телевидению, мы пьем шампанское (правда, мы с бабушкой пьем бокал клюквенного сока, который сделали сами). А потом, через тринадцать дней москвичи празднуют Новый старый год. Есть такая традиция на Руси. Опять праздник. И после этого можно убирать елку и игрушки, которые были под елкой, на люстре и даже на самоваре – большой шар.

Вот так и праздновали, поскольку, в отличие от Парижа, в Москве были долгие выходные дни.

Каждый день, ну, кроме дней, когда было холодно, ходили с мамой в лес, катались на лыжах. Красотища необычайная. Мороз, деревья в снегу, наряжаем елку в лесу, пишем записочки для других наших знакомых. Катаемся по 2–2,5 часа. А потом разносолы, которые готовит бабушка. У меня есть ложка и вилка, правда, она ничем не отличается от других. Но вот покушать люблю, особенно после леса и воздуха.

Очень хорошо, что ты, Анюта, любишь книжки, особенно сказки. Да и с Мариной вы прекрасно искали Кота, который прятался от вас. Люблю ли я книжки? Тоже люблю. Раньше я часто читал различные приключения, истории и даже детективы. Но не только читаю книжки, но и пишу кое-что, например детские стишки. Так что любовь к книгам тоже есть.

Ой, вспомнил! Ты, Анюта, отмечала День рождения – целых 21 месяц. Я посмотрел на видео. Ты так лихо дула на свечку, что она потухла. Наверное, мама пекла тортик, а ты ела его. Эх, побывать бы и мне на дне твоего рождения. Мы бы вместе бы потушили свечку и съели тортик.

Да, наши каникулы – это праздничные дни, когда мы отдыхаем, наслаждаемся и даже ленимся. А вот по-французски «каникуль» – очень сильная жара. Возможно, «каникуль» – лето,

жара. А у нас каникулы и в зимние время, и летом, и в любую погоду, лишь бы отдохнуть от работы. Вот такая разница в произношении.

Бабушка позвала поскайпиться. Я увидел Анюту, которая была со своей любимой тряпичной куклой. А я достал мышку из коробки, и мы пообщались со всеми. Как хорошо, что можно увидеть и тебя, и маму вживую!

Посмотрел, обменялись мыслями, и я снова сел писать письмо, которое я писал Анюте.

К сожалению, через несколько минут придет пациентка – кандидат психологических наук, с которой я веду сессии. Всего раз в неделю, но интересно и для нее, и для меня. Так что придётся заканчивать письмо и готовиться к встрече.

Привет, целую и тебя, Анюта, и маму. Папе тоже передайте привет.

Московский деда, как всегда.

Переписка дедушки с малышом в чреве матери
(Париж – Москва, март 2019–июнь 2019 г.)

11 марта 2019 г.

Дорогие бабуля и дедуля.

Я еще не родился, но уже слышал ваши голоса, а значит, мы с вами уже заочно познакомились. Как здорово, что вы есть! Моя мама была очень рада поездке в Москву. Она так по вам скучает! И хотя не всегда верно высказывает свои мысли и даже порой плачет у вас на глазах, я-то знаю, что она вас очень любит. И расставаться ей было тяжело, поэтому она так быстро села в такси, чтобы не разреветься.

А летели мы вчера очень ухабисто. Было похоже на американские горки. Мне в животе было даже весело болтаться, а вот маме не очень. Поэтому сегодня она полдня отлеживалась. И вообще настраивалась на парижскую жизнь. Ведь у вас дома, в Москве, все так привычно, родно, знакомо на уровне телесной памяти, а здесь в Париже ей всегда нужно время на адаптацию. Это и воздух города, и пространство квартиры, и запахи, и еда, и вода. Здесь все другое. Каждый раз она испытывает предметный и культурный шок. Ну, ничего, через пару дней все наладится и войдет в колею.

Теперь, когда точно известно, что я мальчик, моя мама совсем по-другому обо мне думает. Более конкретно. Имя мне еще не придумали, хотя есть несколько вариантов. Пусть это будет сюрприз. Скажу вам по секрету: она ведет дневник. Даже два: один для меня, один – для себя.

По вечерам, когда мама ложится в постель, у меня, наоборот, настроение очень бодрое, поэтому я ее толкаю, бужу: рано еще спать. Но потом понимаю, что она уже никуда не пойдет, и постепенно сдаюсь, успокаиваюсь. Ну, может, вот еще подрасту, наберусь силёнок и смогу ее убедить, что ложиться спать в полночь – это совсем не интересно. Другое дело – часа в три ночи. Столько еще можно успеть поделать. И покушать! Вот сегодня, например, за завтраком мама добавила в йогурт ложку очень вкусного сливового варенья (от Оли). Ням-ням, какая вкуснятина. Жаль, что ей нельзя съесть сразу полбанки.

Бабуля, а как ты теперь, с ушибленным пальцем, будешь кушать? Тебя дедушка будет с ложечки кормить? Съешь там манной каши за мое здоровье. А я буду за твое кушать. Мама балует меня не только вареньем, но и всякой полезной едой.

Ох, устал. Посплю щас чуть-чуть (пока мама поработает за компьютером), а потом буду ее будить, чтоб слишком рано не ложилась спать. А что, утром ведь ей не нужно вскакивать. Благо есть Йоанн, который встает с моей старшей сестренкой, идет с ней играть и дает маме еще понежиться. Кстати, завтра у моего папы День рождения. 43 годика исполнится. Значит, мне кусочек пирога достанется. Ммм, уже предвкушаю запах, который разнесется по квартире, когда мама будет готовить этот пирог.

Но никакой торт не сравнится с запахом снега и леса! Мы всласть надышались у вас на даче.

Моя сестренка в школе, в первый день после каникул, всем рассказала, что была в России и видела снег. А вот я еще не видел. Интересно, какой он. Снег, он, наверное, разноцветный, теплый и сладкий, да? А еще Аня всем объявила, что у нее будет братик. Это она про меня? Она иногда так нежно прижимается к маминому животу, что я чувствую ее совсем рядом. Но иногда и ударяет случайно. Мама только успевает от нее увертываться. А еще забавно, когда Анюта сидит у мамы на коленях. И как только мы с ней вдвоем умещаемся? Впрочем, у мамы ведь два колена – как раз каждому по одному. А как, интересно, вы, бабушка и дедушка, когда были еще только мамой и папой, усаживали троих детей на колени? У вас что, у каждого по три колена?

Пока.

Малыш в животике.

12 марта 2019 г.

Привет, малыш!

Надеюсь, ты не спишь? Тебе удобно в животике мамы? Никто тебя не беспокоит, и ты наслаждаешься зарождающейся жизнью? Как-никак, тебе уже почти 5 месяцев. Вот какой большой!

Да, ты уже в том возрасте, когда летал на самолете из Парижа в Москву и обратно, причем рейс был не прямой, а с пересадкой. Да, твоя мама очень переживала, когда вы летели обратно в Париж. Ветер, шторм, непогода, пассажиров укачивало. Вот если бы летела твоя московская бабушка, вот бы она перепугалась, тем более что в этот день сообщили, что разбился боинг, и все пассажиры, и экипаж самолета погибли. Ужас! Но малышу в животике мамы не страшно. Он ведь не знает, что творится во внешнем мире. Для него внутренний мир ограничен, он получает тепло, пищу и может спать спокойно.

Да, в Москве маме, Анюте и тебе повезло. Представляешь, в марте была оттепель, но в тот день, когда все приехали к нам на дачу, был снег, хорошая погода. Анюта каталась на санках, съезжала с горки, валялась в снегу, ходила в лес и даже видела,

как ее дедушка катался на лыжах. Удивительно, но твоя сестренка увидела впервые снег. Ведь в Париже снега нет. А тут раздолье. Вот она и веселилась вовсю. Поэтому, когда вы все возвратились в Париж, Анюта рассказывала всем, что такое снег и как хорошо валяться в сугробах. Да, жаль, что ты пока не знаешь ничего о снеге и сугробах. Но, надеюсь, как-нибудь, когда со временем вылезешь из животика мамы и будешь ходить ножками, ты порадуешься российскому снегу в Москве.

Знаешь что, ведь бабушка сделала ролик, и ты сможешь посмотреть со временем, как твоя сестра Анюта наслаждается снегом. Ой, сегодня у твоего папы День рождения, и думаю, вы всей семьей посмотрите ролик, будете вспоминать снег. Поздравьте папу (от меня ему привет и долгих лет жизни), и ты услышишь, как папа и мама будут восхищаться, как твоя сестренка купается в снегу. Думаю, ты поймешь, что сегодня праздничный день. Возможно, и тебе перепадет кусочек вкусного торта, который будет есть твоя мама.

Малыш! Я понимаю, что Анюта порой толкает тебя и маме приходится ограждать тебя от удара. Но сестренка твоя это делает любя. Она ведь не понимает, что тебе, возможно, это неприятно. Но и ты, в свою очередь, не толкай маму в животе, особенно тогда, когда она спит. Представляешь, сколько бессонных ночей придется проводить твоей маме, когда ты будешь плакать, появившись на свет! Но знай, со временем ты станешь настоящим мужчиной, так что постарайся вести себя по-мужски, даже находясь в животике матери.

Ты ведь, правда, слышал голоса не только мамы, папы и Анютки, но и бабушки и дедушки в Москве? Так что мы с тобой уже познакомились. И вот в августе этого года московские бабушка и дедушка приедут в Париж, и ты их воочию увидишь. Бабушка будет тебе что-то рассказывать (она сказочница), а я буду качать тебя на руках и танцевать вместе с тобой.

Так что скоро увидимся. А пока подрастай в животике мамы. Не балуйся и не толкай маму! Наслаждайся ее голосом, вкусовыми ощущениями и ее теплом! Эх, хорошо быть защищенным в животике мамы! А для этого должно быть хорошее настроение мамы и любовь к сыну. Пусть мама не беспокоится по поводу того, что ее родители, то есть твои бабушка и дедушка, что-то делают не так, как ей хочется. Мы также любим маму, как она тебя.

Всё, пока, малыш, а то надо готовиться к лекции. Ведь твой дедушка пока преподает студентам кое-что. А бабушка убежала на урок английского языка.

Передавай привет (насколько возможно) маме, папе и

сестренке! Будь здоров! Расти большим и сильным, но так, чтобы показаться на свет божий вовремя и безболезненно для мамы!

Твой московский дедушка.

13 марта 2019 г.

Привет!

Ваш ответ я получил, вернее мама мне его прочитала. Вы так быстро ответили. Я еще пока так не умею. Не все нейроны еще на свои места встали.

Хотя я уже большой – вешу почти полкило. И рост около 25 см. Вот я какой уже вымахал! И в животике мне осталось меньше половины срока сидеть. Потом начнется другая жизнь. Только какая, я не знаю. Знаю только, что мои родители очень серьезно готовятся к этому дню. А что будет, когда я выйду из животика?

Здесь, должен признать, живется мне отлично, так вольготно плавать и кувыркаться! Наверное, мама хочет, чтобы и твои руки, дедушка, так же свободно чувствовали себя в перчатках, поэтому купила тебе перчатки размера 2XL. (NB от мамы: при случае передайте мне с кем-нибудь ту пару, которая мала, или летом привезите – верну в магазин. Только бирки не отрезайте.)

Сегодня нам доставили большущие коробки. Мама говорит, в них двухъярусная кровать, на которой мы с сестрой будем спать. Только сначала ее собрать надо – вот они с папой будут развлекаться. Вообще, они задумали большую перестановку. Только зачем, не понятно. Меня и так все устраивает. Сижу тут у себя, тепло, и мухи не кусают.

Ой, сегодня еще маме пришло какое-то важное письмо из префектуры – ее зовут на собеседование в конце апреля по поводу получения французского гражданства. Что это такое, я не знаю. Но раз мама его попросила, значит, ей это надо. А папа сказал, что ее живот – хороший аргумент. Что он имел в виду?

Сегодня мы снова отмечали папин День рождения. Это что же получается, он когда-то тоже был маленьким мальчиком и сидел у моей мамы в животике? А потом родился?

Мы еще раз, теперь уже с родителями Йоанна, посмотрели ролик про московские каникулы. Все в полном восторге. Жан-Пьер удивился, как это у бабушки получается так хорошо снимать, что даже руки не трясутся. Для него монтаж роликов – это прямо китайская грамота. Зато песенку он решил запомнить и сыграть на гитаре.

А моя сестренка весь вечер развлекала нас песнями и танцами. Она в школе выучила английскую песенку-танец: Head, shoulders, knees and toes, knees and toes. И сто раз, наверное,

исполнила ее перед благодарной публикой. Я вот тоже, как только появлюсь на свет, на всех языках сразу заговорю. А что, разве это сложно?

Мы так хорошо отмечали, столько всего вкусного мама слопала, что потом результат анализа крови, который она регулярно делает, показал, что перебор с сахаром получился. Мама напряглась, а мне понравилось. И чего врачи привязались. Ну иногда же, по особым праздникам, можно себе позволить сладенького?

Вот вы же, бабушка и дедушка, любите мед и фрукты? Ну и печеньками всякими не брезгуете, наверное. И ведь не толстые вы совсем. А Шанталь вот села на строгую диету. Вообще ничего сладкого ей нельзя. Ужас, бедная.

Как там твой палец, бабушка? Научишь меня тоже в теннис играть? Подрасту вот еще чуток.

Все, пошел спать. И вам желаю доброй ночи.

Пока.

Малыш в животике.

15 марта 2019 г.

Привет, малыш!

Ничего себе! Уже полкило, а рост 25 сантиметров! Да, с каждым днем ты будешь подрастать. Представляешь, тебе сейчас вольготно в животике мамы. Можешь кувыркаться, плавать, свобода. А пройдет несколько месяцев, станешь совсем большим, и тебе будет тесно в животике. Не покувыркаешься, будешь упираться прямо в живот мамы. Начнешь дергать ногами. Захочется выйти наружу. А там хоть и свобода, но чужой, непривычный мир. Так и захочется плакать от «неизвестности», не то что раньше, когда находился в животике мамы. Вот такая жизнь! Свобода и бегство от нее. Раздолье, но опасности. Но все дети проходят через это. И тебя это коснется. Будь готов к новому миру, который принесет радость и огорчения! А что, нельзя, чтобы была только радость без огорчения? Конечно, хочется, чтобы жить именно так. Но на то и радость, чтобы, встречая огорчения, чувствовать себя радостным, счастливым. Вот твоя мама, она будет испытывать сложности, когда ты подрастешь в животике и будешь ножками толкаться, но она все сильнее будет любить тебя.

Кстати, твоя мама вела дневник, когда твоя сестра Анюта была в ее животике. Позднее спросишь маму, что она писала в этом дневнике, какие были у нее ощущения. И сопоставишь с тем, что она чувствует при второй беременности, то есть имея тебя, малыш, в животике. Мне кажется, что в будущем ознакомления

читателей, особенно мам, которые хотят детей или уже носят их в своем животике, будет весьма полезным для них. И дело не в том, что у твоей мамы прекрасный стиль и изложение написанного, но это действительно полезное дело и для женщин, и для мужчин. Да, да и для мужчин! Как это ни странно, но ты, малыш, узнаешь, что мир меняется и что теперь мужчины ходят беременными. Неужели? Такой прогресс, что мужчины и женщины меняются полами, а первые рожают и воспитывают детей. Впрочем, тебе, малыш, это пока не понятно. Но вот когда появишься на свет и станешь взрослым, к тому времени многое изменится в нашем непонятном, «порой запутанном» мире.

Да, перемены в доме тебя не касаются, поскольку тебе и так приятно в животике мамы. Но ведь перемены с мебелью, обстановкой в квартире связаны именно с тобой, малыш. Купили двухъярусную кровать, папа собирает ее, чтобы впоследствии ты спал на нижней полке, а Анюта, поскольку она становится большой, спала на верхней полке. Вот так ты и сестра будете вместе спать, играть, делать уроки в одной комнате, а папа и мама будут в другой.

Интересно, мама пробовала вкусности, а потом оказалось, что она перебрала с сахаром, а тебе, малыш, понравились всякие вкусности. Вот видишь, радости и огорчения бывают сплошь и рядом. А вообще не поймешь медицину. Измеряют, что-то запрещают, а ведь удовольствия хочется человеку. Происходит противоречие между принципом удовольствия и принципом реальности. Об этом говорил Фрейд. Впрочем, малыш, не бери в голову, позднее узнаешь. А пока радуйся приятным вкусовым ощущениям от сладостей, которые нет-нет да достаются маме, вопреки медицине.

Вот и Шанталь, твоя, малыш, французская бабушка, садится на строгую диету. Наверное, ей это нужно. Правда, приходится менять питание, хотя это непросто. А вот твои московские бабушка и дедушка не придерживаются диет. Они, как бы это сказать, не толстые и не худые. Просто едят не так уж много. Не едят ничего жирного, да им и не хочется, поскольку привыкли к другой пище.

У московской бабушки пальчик на руке еще болит. Но ничего, когда появишься на свет, все пройдет. Когда подрастешь, она будет учить тебя играть в теннис. Да, она по-прежнему делает видеоролики. У нее это хорошо получается. Сколько терпения у Гали (так зовут твою московскую бабушку)! Она делает видеоролики, переделывает их, пока не добьется определённого результата. У меня бы не хватило такого терпения. Вот так устроены женщины и мужчины, малыш. Даже твой французский

дедушка Жан-Пьер удивился роликам московской бабушки.

Интересно, как твоя мама ходила в префектуру для получения гражданства Франции? Разумеется, то обстоятельство, что ты, малыш, находишься в животике мамы, – это замечательно. Этот факт должен положительно повлиять на решение получения гражданства. Будем надеяться, что все выйдет так, как хочет твоя мама.

Ой, как хорошо, что твоя сестра Анюта знает песенку на английском языке. И не только знает, но и охотно поет перед вами. Ты, малыш, уже тоже вникаешь в иные звуки, когда поет сестра. А то раньше – только французские и русские звуки. Так, глядишь, ты уже в животике мамы познакомишься с разными языками. А позднее, когда приедешь в Москву, бабушка Галина познакомит тебя и с немецкими словами. Будешь, как твоя мама, полиглотом, ведь она знает русский, английский, немецкий и французский языки. Не то, что твой московский дедушка, который уже «утратил» даже русскую речь. Но об этом прискорбном случае расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

Всё! Едем с московской бабушкой на дачу. С пятницы по понедельник не будем в Москве. Так что прощаемся с тобой, малыш, до следующей недели.

Пока! Так бы и поцеловал твою маму в животик, чтобы и ты почувствовал нашу любовь к тебе.

Московский дедушка.

Валерий.

20 марта 2019 г.

Привет, бабуля-дедуля!

Спасибо вам за письма. От бабушки кратко, но конкретно. От дедушки пространно, но тоже все по делу.

Как вам живется?

Скажите мне, что с вами будет потом? Это Анюта маме такой вопрос задала: Старенькие люди потом где? Сестренка моя вообще много думает, особенно перед сном. Задает кучу вопросов. Типа: Почему морковка оранжевая? Или: Почему деревья не умеют говорить? Или вот еще: Почему есть только мальчики и девочки, а больше никого нет? Или: Почему у человека есть мозг? И размышляет потом: Если у мышки мозг маленький, потому что она маленькая, то у слона ведь мозг очень большой? Получается, слон умнее, чем человек? И еще: Почему мы видим каждую ночь разные сны? Как так сделать, чтобы приснился приятный сон?

Мне вот сны тоже снятся, а сплю я много. И снятся мне разные вещи: вспышки света, громкие звуки – словом все, что

происходит, когда я бодрствую. Вот сегодня мама, например, была в парикмахерской, и дяденька очень долго шумел феном. Но, наверное, это того стоило, потому как мама очень довольная оттуда вышла. И красивая наверняка. Я ее еще не видел, но я уверен, что она самая красивая на свете! По крайней мере, она самая теплая и уютная. И рыжеволосая, наверное, как моя старшая сестра.

Иногда мама грустит, даже, бывает, плачет, и я это чувствую. Вот, например, ходила она в кино (фильм прям про меня, назывался «Мой малыш») – и весь сеанс проплакала. А фильм-то хороший, позитивный, про то, как дети взрослеют и уходят из дома, начинают свою жизнь. Я уж и толкал ее, чтобы не переживала, это же все на экране, а не по-настоящему. Дети же никуда не уходят, правда? А живут всю жизнь в родительском доме, на всем готовеньком, и в ус не дуют. Нет?

Уж очень моя мама чувствительная, жалостливая стала. Как увидит какую-то картинку с красивым младенчиком, сразу слезы у нее подступают. И улыбается, и плачет. Это как вообще возможно? Или читает какие-нибудь ужасы про девочек-маугли и тоже чуть не плачет. Или вот на площадке сегодня, я слышал, мальчонок какой-то долго ревел, усевшись попой на землю, а к нему никто не подходил, так мама прям переживать за него стала. Это же не ее дети, чего расстраиваться-то? Странная она.

Вот когда она рисует, она вдумчиво-спокойная, сосредоточенная, сопли не распускает. Начала новую картину с танцовщицей. Ох, уж эти танцы! Каждую пятницу такие выкрутасы мне достаются – такое ощущение, что я в центрифуге. Мышцы в тонусе, жар по телу. Но мама после этих занятий довольная, и это главное.

Вот и бабушка, наверное, от тенниса получает такое удовольствие. Скорей бы уж палец ее зажил.

А ты, дедуля, от чего балдеешь, признавайся? А когда вы были маленькими, вы что любили делать? А вы помните себя, когда вы еще не родились?

Малыш в животике.

20 марта 2019 г.

Привет, малыш!

Получил письмо от пузожителя, как говорит твоя мамочка. А что? Очень точно. Малыш – пузожитель. Надеюсь, ты, малыш, не обижаешься на это словечко. Пузо-житель. Но я буду называть тебя малышом.

Да, дети в возрасте 4 лет задают маме, папе, дедушке и бабушке такие вопросы, на которые даже философы не знают ответа. Как бы это сказать, философ – это такой зрелый человек,

который думает, что он знает все ответы на любой вопрос.

Так что не удивляйся, малыш, что твоя сестренка, Анютка, ставит перед взрослыми сложные вопросы.

Что будет со старенькими людьми? Где они будут потом? Ну, вот, малыш. Сейчас ты в мамином животике. Через несколько месяцев войдешь в новый мир. Потом десятилетиями будешь расти, развиваться, ходить в школу, в институт, пойдешь работать, появятся твои дети, то есть будешь жить в данном мире. Наконец, настанет старость, и тебе так или иначе необходимо готовиться к смерти. А смерть – это такое состояние, когда устаешь, хочется спать, и ты покидаешь этот мир, когда для тебя нет ничего, что тебя волнует и расстраивает. Полный покой. Это – нормальный цикл для нормального человека, когда его рождение завершается смертью, но остаются его свершения в виде детей, внуков, плодов деятельности, что входит в культуру и человечество.

А все остальные вопросы, которые приходят в голову Анютке и она задает маме перед сном, требуют напряжения мозга, накопившихся знаний и разумных ответов взрослых. Вот так, малыш. Через несколько лет у тебя тоже возникнут вопросы, на которые уже Анюта сможет ответить.

Малыш! Тебе тоже снятся сны? Хотя ученые спорят, может ли четырехмесячный пузожитель видеть сны, тем не менее ты сам говоришь об этом. Значит, так и есть.

О, оказывается, ты знаешь, как твоя мама ходила в парикмахерскую. Действительно, когда бодрствовал, то слышал какой-то шум, видимо, от фена. Мама хотела выглядеть красивой. Да она и так красивая, я уж не говорю о том, что для тебя, малыш, она самая теплая и уютная. Правда, не такая же рыжеволосая, как твоя старшая сестра. Но красивая, как Анютка.

Ой, как ты прав, малыш! Твоя мама и грустит, и улыбается, и плачет, не то что было раньше, когда она была оптимистичной, энергичной. Представляешь, женщины, в отличие от многих мужчин, когда носят малышей в животике, часто поддаются разным настроениям, где чувствительность и жалость, плач и смех соседствуют рядом. Но это пройдет, и твоя мама снова будет той жизнерадостной, какой была всегда. Тем более что, когда ты, малыш, появишься на свет, у нее будет двое детей, и нужно запасаться оптимизмом, чтобы растить и заботиться о мальчике и девочке, таких родных для мамы сорванцов. А тебе и твоей старшей сестре необходимо тоже заботиться о маме, чтобы она радовалась, глядя на вас, и не огорчалась от всех забот.

А вот то, что мама рисует, начала писать картину «Танец» – это прекрасно. И настроение улучшается, и некогда скучать. Жар

по телу для тебя – то, что надо. И ты, малыш, доволен, и мама получает удовольствие от рисования. Такое же удовольствие получает и твоя московская бабушка, когда играет в теннис. Ее пальчик скоро заживет, и начнется полная жизнь для бабушки. А я от чего балдею? Ну, как сказать, мне доставляет удовольствие читать лекции студентам, особенно студенткам. И кроме того, я что-то пишу (различные книги, статьи). Это творческий процесс, доставляющий удовольствие. Правда, когда пишешь, получаешь удовольствие, а вот потом (набор книг, публикации) – нет никакого удовольствия, скукотища. Вот такая жизнь, состоящая из удовольствия и будней.

А вот что я любил, когда был маленьким, – это сложный вопрос. Дело в том, что я родился во время Второй мировой войны, и мои детские годы прошли, когда страна только восстанавливалась, перейдя к мирной жизни. Как правило, мальчишкой я гонял в лапту, играл в прятки, купался в речке.

Когда не родился и был в животике мамы, то хотелось поесть, поскольку в войну не было продуктов питания и маме доставалось лишь кое-что. Так что тебе, малыш, повезло. Твоя мама может иметь все, что ей нравится, включая красную икру. Продуктов полно, и, следовательно, ты питаешься по полной программе.

Пока! Подрастай, малыш, и передавай привет твоей маме.

Пока.

Московский дедушка,

Валерий.

27 марта 2019 г.

Привет, бабуля и дедуля!

Да, пузожителем меня как-то назвала одна мамина подруга, и маме очень понравилось это шутливое имечко. Ничем не хуже карапуза. А мне что, мне пока не до стилистики, ко мне мама обращается исключительно ласково. И больше не вслух, а про себя. Но я-то все знаю и чувствую.

Ты, дедушка, пишешь, что надо заботиться о маме. А это как? Она же такая большая, а я маленький. Что я могу для нее сделать?

Вот мама задумалась, поехать ли нам втроем (она, Анюта и я) в детский лагерь на природу, на недельку, на школьных каникулах. Я лично не возражаю. Если маме будет хорошо, то и мне хорошо. Но что-то у нее сомнения. И бабушка ей вчера тоже сказала, что она бы не поехала. Что в итоге возьмет вверх, авантюризм или инстинкт гнездования и самосохранения?

Мы с мамой и папой были на той неделе в роддоме, на

консультации. Врач послушала, как бьется мое сердце, сказала, что все в порядке, прописала маме витамины.

Вчера, гуляя в парке, мы увидели двух девочек, прыгающих в резиночку, – мама подумала, что это такое редкое зрелище в современном мире! А раньше так мама прыгала с подружками около школы. Она обещала научить Анюту, когда я выйду из животика. А то пока мне прыжки не очень нравятся. Другое дело – красивые плавные танцевальные движения. А что такое «гонять в лапту»? Надеть лапти и гонять в них? По-моему, в лаптях далеко не убежишь.

А вот у Анюты нет лаптей, она гоняет на самокате. Но не так быстро, как Сашуля. Мама вполне за ней поспевает. А частенько самокат приходится нести маме. Аня не очень спортивная, быстро устает, или просто надоедает ей. Ей больше нравится играть в куклы, рисовать да танцевать. Девчачьи развлечения, короче!

Зато ее очень радуют посылки от бабушки. Там такие красивые открытки!

А мне что, тоже придется играть в куклы? Мама бережет для меня старые Анины игрушки. Но я же совсем другой человек! Мне и книжки, и игрушки другие нужны будут. Вы с бабушкой будете присылать мне тоже посылки? Только с мальчишескими забавами, пожалуйста!

Вот мы тут ходили на кукольный детский спектакль. Там и принцесса была, и мальчик Аладдин – нам обоим понравилось. И все на русском языке. Мама для нас выискивает разные возможности, чтобы почаще слышать русскую речь.

Вот и в кино мы ходили (со всем Аниным классом) на русские мультики. Там и перевод, конечно, был, но песенки звучали по-русски. Мы с Аней все понимали, а вот ее школьные друзья, не уверен. Ну, все равно всем понравилось. И еще учительница попросила маму на следующей неделе выступить перед классом, рассказать про Россию. Вот мама сидит, готовится, думает, как интересней подать. Чтобы и правду, и понятно, чтобы было для 4-леток, и не банальными штампами.

Про что бы ей рассказать? Что показать? Подскажите.

Вообще Россия – это что?

Малыш в животике.

27 марта 2019 г.

Привет, малыш!

Карапуз и пузожитель, как назвала мамина подруга, вполне подходят по названию. Мне нравится, хотя я впервые услышал «пузожитель» от твоей мамы.

Как заботиться о маме? Но пока ты в животике, то не толкай

маму своими ножками. Правда, это будет чуть позднее, когда ты подрастешь, но уже сейчас помни об этом. Двигать ножками и ручками можно, даже нужно, но не торопясь, чтобы мама умилялась, но не испытывала неудобства.

Поехать на природу с мамой и старшей сестрой, подышать свежим воздухом в горах во время школьных каникул – хорошая идея. Правда, необходимо посоветоваться с врачами, поскольку тебе, малыш, будет аж 7–8 месяцев, а маме, возможно, будет трудновато, и все зависит от ее самочувствия. Как посоветуют врачи? Что они скажут? Вот тогда, помимо всего прочего, нужно твоей маме делать выбор между авантюризмом и инстинктом самосохранения.

Да, красивые танцевальные движения твоей мамы тебе, малыш, нравятся. А прыжки через резиночку – не очень. Вот когда мир откроется перед тобой, тогда тебе тоже понравится такая игра или даже спортивные занятия.

Что такое «гонять в лапту»? Лапта и лапти – это разные понятия, по крайней мере в России. Когда я был мальчишкой, мы часто играли в «лапту». Бьешь палкой по фигуркам, чтобы они разлетались в стороны. Кстати, в Париже я видел подобную игру, но она отличается от русской лапты. А вот «лапти» – это обувь, которую носили мужчины и женщины до того, как были изобретены кеды, кроссовки. Сейчас можно купить лапти в качестве сувенира, чтобы помнить о старинной Руси.

Конечно, московская бабушка, если позволит здоровье, будет тебе, малыш, посылать разные посылки для мальчиков. Кстати, Сашуля играет в машинки, а не с куклами, как Анюта. Потому, что она подвижная, ловкая, уже в 1 год плавала в бассейне. Вот только сейчас родители стали приобретать куклы для девочки, поскольку растет будущая мама, и она должна уметь пеленать и кормить ребенка, как и положено в истории.

Это хорошо, что твоя мама находит возможности смотреть кукольные спектакли, ходить в кино, чтобы твоя сестра и ты, малыш, слушали русскую речь. Не каждой маме удается в другой стране, в частности во Франции, прививать детям русский язык. Вот, например, наша дочь Марина, которая уехала на Кипр, так и не научила троих детей понимать по-русски. А жаль! Так что, твоя мама, малыш, умница, находит возможности, чтобы Анюта и, надеюсь, и ты не только понимали русскую речь, но и свободно говорили по-русски. Вот на следующей неделе ее попросили выступить перед классом, где учится Анюта, и рассказать про Россию.

Думаю, хорошо бы твоей маме показать ролики, которые снимала бабушка, как Анюта купается в снегу и Красную площадь

перед Новым годом. Показать и рассказать просто о России. Можно рассказать о росписи в русской традиции (гжель, палех, городецкая, дымковская игрушка и пр.) и показать их. А я желаю твоей маме успешного выступления перед классом.

Что такое Россия? Как говорил один поэт, «умом Россию не понять». Или как я написал:

«Не следует пенять,
Не требуя анализа.
Умом Россию не понять,
Без помощи психоанализа».

Но об этом я расскажу, когда ты, малыш, подрастешь и мы будем общаться по-русски. Увы, на старости лет мне, и это прискорбно, уже не выучить французский язык.

Пока.

Твой московский дедушка,

Валерий.

7 апреля 2019 г.

Привет, бабуля и дедуля!

Как вы поживаете? Дедушка весь в лекциях, бабушка по концертам ходит? Молодцы! Каждому свое.

Мы тут тоже не скучаем: то с Анютой играем, то кровати двухъярусные собираем. Это я со слов мамы, конечно, все знаю. Пока еще сам не видел.

Правда, на этой неделе я уже начал открывать глазки! В ванной, например, когда мама после душа еще не успела одеться, я вижу свет. И моргать уже учусь!

Еще я очень явственно чувствую вкусы – сладкий, горький, кислый, соленый. Поэтому, когда мама что-то поест, я потом ей толчками сообщаю, что мне понравилось, а что не очень. В основном я сплю. Особенно меня приятно укачивает, когда мама гуляет, просто ходит пешком или танцует. А вот когда она спит или долго сидит за компьютером, мне не спится. Еще пару раз в неделю мама стала ходить в бассейн – и тогда она, между аэробными упражнениями, так же, как и я, плавает, парит в невесомости, это очень приятно.

Вешу я уже почти килограмм. Ну и расту не по дням, а по часам. Если бы меня измерили линейкой, вышло бы, наверное, 30–35 см в длину.

А сестра моя сегодня спросила маму: «Что было до того, как появились люди?» И мама задумалась: про Дарвина ей рассказывать или про Бога?

Вы бы как ей ответили? Мне тоже интересно!

Малыш в животике.

8 апреля 2019 г.

Привет, малыш!

Да, мы с бабушкой видели по скайпу (представляешь, на компьютере есть устройство, что можно на расстоянии от Москвы до Парижа видеть буквально все), как родители оборудовали детскую комнату. Твоя сестренка взбирается на верхний этаж кроватки, где ты, малыш, будешь спать через некоторое время на нижнем этаже. А пока на первом этаже кроватки расположились игрушки Анюты. Но потом это будет твое место.

Ой-ой-ой! Ты начинаешь открывать глазки и видеть свет! Здорово! Ну, вкус маминой еды ты чувствуешь давно. Это хорошо, когда ты толчками сообщаешь маме, понравилась тебе еда или нет. Только не возмущайся, если что-то тебе не нравится. Мужчина должен терпеть и очень-то не беспокоить маму.

Да, когда мама ходит или танцует, то это укачивает твое, малыш, состояние, и ты сладко спишь. А вот когда мама просиживает за компьютером, то можно проснуться. Как бы так сделать, чтобы твоя мама не сидела столь долго за компьютером? Ей, как и тебе, необходим отдых. Правда, тогда как я узнаю о твоем состоянии, малыш, если мама не будет писать мне письма на компьютере? Вот из ее письма я узнал, что ты весишь почти килограмм. Представляешь, какой ты большой!

У твоей сестры Анюты появляются серьезные вопросы. Совсем стала взрослой. Как ответить на ее вопрос, что было до того, как появились люди? Есть теория Дарвина, согласно которой до людей на Земле были различные большие животные и птицы. Наверное, Анюта помнит, как в Москве ходила с бабушкой в музей Дарвина и видела динозавров, мамонтов. Такие большие животные, которых сейчас на Земле уже нет! В результате погодных и прочих условий они вымерли. Но зато появились мелкие животные, включая обезьян. Прошли столетия, и появился дикий, а потом цивилизованный человек. И сейчас на Земле обитают животные, птицы, рыбы и то, что называют Человеком, который создает много новых технических средств для познания мира и самого себя. Вот если раньше никто не знал, как существует в животике мамы ребенок, то сегодня человек создал такие приборы, с помощью которых можно наблюдать, что и как делает ребенок в утробе матери.

Есть и другая точка зрения, согласно которой именно Бог сотворил людей на Земле. Но тогда встает вопрос, а кто сотворил Бога?

Так что на вопрос Анюты мама и папа должны ответить сами,

исходя из их понимания жизни на Земле.

Как хорошо, малыш, что тебя пока не интересуют такие непростые философские вопросы! Открывай глаза и смотри на пока ограниченный животиком матери малый мир, в котором ты пребываешь. А вот когда ты дорастешь до 4 лет, то у тебя тоже возникнут вопросы, которые появились у твоей сестры Анютки. Но кто его знает, что будет через несколько лет в знаниях человека? Смогут ли взрослые люди компетентно ответить на вопрос Анютки? Религиозная вера и научное знание – вот те исходные пункты, на которых базируются наши представления о мире и человеке.

Всё, малыш, пошел готовиться к лекциям, ну а бабушка ходит по концертам, играет в теннис. Ведь главное, чтобы человеку нравилось то, чем он занимается.

Твой московский дедушка,

Валерий.

9 апреля 2019 г.

Привет, бабуля и дедуля!

Как ваши дела? Как здоровье? Бабушкин пальчик все болит, да? Бедная. А ты, дедушка, как себя чувствуешь? Все сопливишься? Поправляйтесь оба поскорее.

А вы знали, что у моей мамы суперспособности? Знающие люди пишут, что у беременных усиливается обоняние и чувствительность вкусовых рецепторов. Как показывают исследования, беременные ощущают вкус и запах в 11 раз сильнее. Поэтому часто меняются вкусовые предпочтения в еде. Может, поэтому мою маму все время тянет на кисленькое. Уплетает яблоки за обе щеки – мне тоже нравится этот вкус.

А еще мама вычитала, что количество крови в организме увеличивается на 50 %. И теперь она совсем не удивляется, когда каждый месяц при сдаче анализов у нее берут по 5–6 колбочек крови. Ей не жалко. Нам с ней хватит. Хотя недавно она чуть в обморок не упала (думает, что от запаха фототехники в специальном магазине). Анализы показали, что железа маловато. Так что теперь пьем с ней специальные «железные» таблетки. И в горы не поедем, а очень хотелось.

Оказывается, как пишут, масса сердца и его размеры тоже увеличиваются у беременных, так как ему приходится перекачивать кровь за двоих. После родов все это возвращается к прежней норме. Это что же получается, когда я выйду из животика, у мамы их (массы сердца и его размеров) больше не будет? Такой домик хороший, просторный, теплый. Плавай, спи, кувыркайся не хочу.

Еще специалисты пишут, что у будущих мам обостряется интуиция. Многие мамы заранее знают, например, какого пола будет малыш, еще до того, как это выяснит врач. Моя мама тоже это чувствовала, только не говорила никому, боялась сглазить. Ты вот, дедушка, написал в одном из писем про сына, а мама моя как-то все про мальчика, мальчонка, мальчишечку думала. А тут само слово СЫН ее потрясло.

Интересно, а для моего папы есть все-таки разница, сын у него или дочь будет? Старшую мою сестру он просто обожает. Говорил, что и две девочки тоже было бы весело. Мама, конечно, и девочке тоже была бы очень рада. Но мальчик – это что-то особенное, совершенно новое, совершенно другое! Вот вы с бабушкой, вы ведь до самого конца не знали, кто у вас родится. Как вы отреагировали, когда появились сначала две девочки, а потом мальчик? Для родителей есть вообще разница?

Конечно, главное, чтобы здоровый был ребенок. Вот мне болеть совсем не хочется. Зачем люди вообще болеют? Это такая бесполезная трата времени. Столько всего можно вместо этого делать: играть, гулять. Мама говорит папе, что колики там, зубки, это все ерунда, переживем. Мама как-то спокойно ко всему этому относится, знает, что пройдет. Папа, впрочем, тоже. Он замечательный! Встает ночью, если надо, и каждое утро, когда Анюта просыпается и зовет, помогает ей спуститься со второго этажа кровати, пока мама натягивает специальные колготки. Мама всегда может на него рассчитывать. Повезло нам с ним! Да и с мамой мне повезло. Не зря я их в родители себе выбрал.

Бабуля, ты у нас философ, вот скажи, почему некоторым людям везет, а некоторым не очень? У некоторых ведь нет папы или нет мамы. Или вообще никого нет. Или, бывает, тут, во Франции, например, нет мамы, но есть сразу два папы, или, наоборот, нет папы, но зато две мамы… Как это так бывает?

Вот ты, дедуля, написал про Бога – я ничего не понял. Анюта часто спрашивает маму, что такое природа. А мама и не знает, как ей отвечать, чтобы было понятно. Может, вы мне объясните, а я сестре потом растолкую?

Мама у меня, конечно, самая умная, но на некоторые Анютины вопросы, получается, не может дать ответа. Кстати, прикол: ученые утверждают, что беременность делает женщин умнее! Нейроны увеличиваются в размерах. Поэтому многие находят себе новые хобби, учатся чему-то новому. Можно даже освоить новую профессию! Ну, моей маме это не нужно. У нее хватает увлечений и дел.

Пишут еще, что у мам повышается общая эмоциональность, но и устойчивость к стрессу тоже увеличивается. Это что такое

стресс? Зачем он нужен? Можно ли без него обойтись? Мне и без него хорошо живется. Покушал, потолкал маму в бок – пойду спать.

Малыш в животике.

9 апреля 2019 г.

Спасибо, малыш! Действительно, пальчик у бабули пока болит, а я борюсь с насморком. Но все преодолеем и приедем в августе-месяце к вам здоровенькими.

Да, у мам, которые носят малыша в своем животике, есть особенности и в приеме разнообразной пищи, и во вкусовых ощущениях, и в перемене кое-чего в организме. Если маме нравятся яблоки, она уплетает их в большом количестве, а тебе, малыш, от этого прекрасно, то все хорошо. А вот что маме железа не хватает, то, увы, так бывает. Врачи выписывают таблетки для повышения железа в организме. Возможно, это правильно, но лучше, как я думаю, обходиться другими средствами. Надо будет спросить бабушку, которая знает, какие продукты стоит есть, чтобы уровень железа повысился. Вот она придет с занятий английским языком и напишет маме, что делать.

Ой-ой-ой! Чуть в обморок мама не упала! Надо не допускать тех запахов, на которые твоя мама реагирует. Ведь при падении и тебе, малыш, достанется, мало ли что. Так что, как только почувствуешь неладное, толкни маму в животик, но не сильно, чтобы она поняла, что что-то не так.

После того как ты, малыш, родишься, у мамы пропадет животик, и она снова станет стройной. Конечно, тебе хорошо в животике мамы – удобно, комфортно, не надо ни о чем заботиться. Но вот был такой психоаналитик Отто Ранк, который предположил, что родившийся ребенок, как и взрослый человек, хочет попасть в утробу матери, где было ему комфортно. Но эта мечта не сбывается, так как во время родов маленький ребенок испытывает страх при вхождении в новый мир.

Знают ли мама и папа, кто у них родится – мальчик или девочка? Наверное, есть у некоторых мам интуиция, в то время как у других мам и пап есть бессознательное желание иметь сына или дочь. Вот у тебя, малыш, есть старшая сестра. Мама была довольна – с девочкой можно играть по-особому. Твой папа обожает Анютку. И это правильно, поскольку есть «эдипов комплекс» (позднее я, возможно, объясню, что это такое, если доживу до того времени, когда тебе станет понятно кое-что). А вообще-то многие папы хотят, чтобы у них родился сын, наследник чего-то, что им дорого в жизни. А знаешь, малыш, и девочка, и мальчик в семье – это хорошо. Вот когда твои мама и

папа увидят, как ты будешь пускать струйку из своей писули прямо им в лицо, чего не было в случае с твоей сестрой, тогда они засмеются и поймут, что мальчик действительно отличается от девочки.

Как было у нас, дедушки и бабушки! Представляешь, после того как появились две дочери, я хотел, чтобы третий ребенок был девочкой. Люблю девочек, ну что тут поделаешь! В наше время наука еще не научилась предсказывать пол ребенка, когда он был в утробе матери. А сейчас другое дело. Так вот, когда родился мальчик, то я принял это как должное. Мальчик так мальчик. Вот так и воспитывали троих детей, тем более что наши девочки ухаживали за братиком.

Ты, малыш, прав. Конечно, хорошо быть здоровеньким и не болеть. Но, понимаешь, маленький ребенок должен переболеть и животиком, и зубками, и повышенной температурой. Ему приходится приспосабливаться к обстоятельствам жизни, а в ней другие люди, которые, увы, болеют. Тут ничего не поделаешь, будут волноваться и мама, и папа, но главное, чтобы, преодолев все болезни, ты, малыш, рос здоровым, оптимистичным и полным физических, психических и интеллектуальных сил.

Ну, ты задаешь философские вопросы! Да, некоторым людям везет, а некоторым – нет. Это зависит и от родителей (их любовь и забота, а также воспитание), и от самого ребенка, как он будет воспринимать победы, поражения, найдет ли смысл своей жизни. Кроме того, во Франции бывает так, что в семье двое пап и две мамы. Но это уже современные тенденции, которые не очень-то воспринимаются в других культурах. В России такого нет. И слава Богу! А поскольку ты, малыш, не понял ничего о Боге, о чем я пытался тебе писать, так и не стоит пока заморачиваться по этому поводу. Впоследствии, возможно, когда встанут перед тобой такие вопросы, разберемся. Так что не задумывайся над вопросами, на которые даже взрослые люди не могут найти вразумительного ответа. Понятно, что Анюта хочет понять, что есть Бог, но мама и папа сами должны себе ответить на этот вопрос и как-то пояснить ей свою позицию. Так что вряд ли, малыш, ты сможешь объяснить Анюте то, что я сообщу тебе о Боге, вере и сомнении.

У мам, носящих в животике малыша и растивших маленьких детей, может как повышаться общая эмоциональность и устойчивость к стрессу, так и, напротив, понижаться. Все происходит индивидуально, так как у некоторых женщин бывает послеродовая депрессия. Но это особый вопрос. А тебе, малыш, насколько я понимаю, можно обходиться без стресса, ибо твоя мама и умница, и предприимчивая, и красивая. Вот вы не едете в горы, и это хорошо, поскольку твоя мама беспокоится за твое

здоровье.

Будь спокойным, малыш! Кушай и спи вдоволь! Наслаждайся беззаботной жизнью!

Твой московский дедушка,

Валерий.

24 апреля 2019 г.

Привет, бабуля и дедуля!

Такие насыщенные были последние дни, что вот только сейчас отвечаю на ваши письма.

Мама благодарит бабушку за ценные советы по здоровью и невозмутимости.

Последние две недели у нас были суматошные, поэтому невозмутимыми их сложно назвать. Впрочем, мне-то что, сижу себе спокойно в животе, плаваю, сплю. Я пока сторонний наблюдатель. Но чувствую все же, когда мама куда-то торопится или о чем-то волнуется. А дел было у нее действительно много.

Во-первых, День рождения моей сестры. Отмечали несколько раз, с разными компаниями: дома втроем (ну плюс я еще, четвертый), затем с родителями Йоанна, потом в русской школе, потом пикник с французскими друзьями, потом отмечание во французской школе и еще один пикник с русскими друзьями. Во сколько всего! И везде надо было все организовать, испечь какой-нибудь (каждый раз новый) тортик, не забыть свечки, подарочки для гостей и прочее.

Потом они с Анютой яйца украшали – маме перед этим пришлось весь район обежать, чтобы найти белые яйца, а то тут во Франции в основном коричневые, а для Пасхи они не подходят. Нашла-таки в русском магазине. Красиво покрасили, украсили. Ни больше ни меньше 30 штук. Подарили всему классу, рассказали про нашу русскую традицию. Парочка яиц при варке лопнули, а при покраске треснули. Так что они с мамой их съели – и мне досталось.

Потом была Пасха. Ели много шоколада. Мама грела живот на теплом весеннем солнышке.

И в тот же вечер мама с папой занимались развешиванием картин в мастерской, в которой она обычно работает. Это я точно знаю, потому как там всегда стоит особый сладкий запах свежей краски. Маме нравится. Ну, или я уже привык: частенько там бываю вместе с ней. Вот ведь мама, целую выставку замутила! Договорилась с владельцем мастерской, сверстала афиши, всех-всех пригласила. Несколько человек уже были, две работы купили. И чего она так радуется, какие-то 30 евро заработала, а радости полные штаны. Но я чувствую, что ей еще приятно рассказывать про картины, про техники, про тонкости профессии.

Надеется, что еще народ придет и что-то еще купят. Ей дают взамен картин какие-то бумажки. Что она с ними делать будет? Любоваться на них? Деньги называются. Для чего они нужны людям? Не понимаю.

Ну, что еще вам рассказать? А, самое главное – мама тут три дня напролет танцевала. Репетировала какой-то танец. И что за удовольствие раз за разом повторять одни и те же движения?!? Оттачивают, оттачивают, поспать спокойно не дают. Зачем люди вообще танцуют?

Ой, вот сегодня утром случилось еще что-то важное. Мама была на каком-то экзамене. Это я конкретно почувствовал, потому что она волновалась. Не сильно, но все же. Они еще вчера вечером с папой что-то обсуждали, он ее спрашивал, а она должна была ему отвечать. Типа тренировалась. А утром папа проводил ее до этого места, где у нее экзамен был. Пожелал ей удачи. Дедушка, удача – это что такое? Или, может, я не расслышал? Дача? Там, на этой «даче» дяденька (француз, приятный такой, ничего) задавал ей вопросы. Она вроде на все ответила, но иногда не была до конца уверена. Но выкручивалась. Я слышал шуршание бумаг и слова: гражданство, права и обязанности, голосовать, Европейский союз. О чем они толковали? Ну, в любом случае, хорошо, что это закончилось. Мама вышла довольная, с облегчением вздохнула.

И потом шла до метро какой-то очень красивой и грустной дорогой. Мимо какого-то Нотр-Дама. Я почувствовал, что она к этому месту с каким-то трепетом относится. Почему, не знаешь, бабушка?

Короче говоря, много в последние дни у нас было событий и эмоций.

Надеюсь, у вас все спокойно и невозмутимо?

Расскажите, какие у вас новости? Как поживает моя московская кузина?

Малыш в животике.

25 апреля 2019 г.

Привет, малыш!

Да, сколько дел делает твоя мама! И как она успевает? Это надо же, сколько раз празднует твоя сестра Анюта свой День рождения? И дома, и в русской школе, и во французской школе, и пикники с различными друзьями! А сколько ей приходилось готовить различных тортов? Ух, устанешь! Я бы просто свалился с ног. А вот Анюте вроде ничего. Получает подарки, поздравления. Каждый день очередной праздник. Так и привыкнуть можно к праздникам! Ну да ничего. Зато будет долго помнить

четырехлетие. Ой, а что будет, когда Анюте исполнится аж 5 лет? Гулять будут вовсю. Причем даже ты, малыш, воочию увидишь, как отмечают день рождения сестры. Правда, твой День рождения приходится на июнь, когда твои друзья будут на каникулах. Ну да ничего, твоя мама придумает такое, что тебе, малыш, даже и не приснится! А вообще-то можно праздновать День рождения в кругу семьи. Вполне нормально. Но твоя мама любит друзей и хороших знакомых, так что она что-нибудь придумает и на твой День рождения.

Не успели пройти праздники, связанные с днем рождения твоей сестры, как грянула католическая Пасха. И опять твоя мама бегала по Парижу, пока не нашла белые яйца, покрасила их и угощала детей в школе, рассказывала о русской традиции. Это надо же, как повезло Анютке! Наверное, не каждые родители организуют праздник для детей. А потом еще дома все ели шоколад. Видимо, и тебе, малыш, понравился вкус шоколада, который передала тебе мама.

И опять покоя нет для твоей мамы. Прошли праздники, а она уже готовилась к выставке картин. Их столько, что просто удивляешься, как она успевает. Мы с бабушкой смотрели по телефону изображение картин, которые она нарисовала. Эх, посмотреть бы воочию! А то кое-что она успеет продать. И мы будем любоваться только изображением картин. Да и ты, малыш, не увидишь, когда появишься на свет, каковы же были оригинальные картины. Но что делать? Картины есть картины. Их нужно продавать. Жаль, что дают за них не так много денег. Но мы знаем, что в истории изобразительного искусства многие художники жили бедно, картины их не продавались, хотя после их смерти некоторые картины стоили больших денег и их высоко ценили потомки, а кто-то сумел и здорово разбогатеть на этом деле.

Да, малыш, представляешь – за картины художник получает, если повезет, какие-то бумажки, то есть деньги. Зачем они нужны? А кто их знает! Во всяком случае, их можно тратить, покупать в магазине продукты, подарки, тот же шоколад. Если деньги есть, это хорошо. Правда, если денег много, то они приносят и различные проблемы. Вот как бы так жить, чтобы не нуждаться в деньгах, и чтобы проблем было поменьше? Увы, трудно соблюсти равновесие между достойной жизнью и прозябанием без денег. Хорошо, когда этих денег просто хватает и голова на этот счёт не болит. Говорят, что всех денег всё равно никогда не заработаешь. Тут главное, не упустить саму жизнь со всеми её прелестями.

Да, это хорошо, что у твоей мамы много талантов. И картины

в мастерской, и общение со знакомыми, и танцы. Ты говоришь, малыш, что твоя мама три дня танцевала, оттачивала движение. Наверное, ты покачивался в животике мамы. Представляешь, через какое-то время ты будешь вспоминать из фильма, как твоя мама танцевала беременной, и показывать на ее животик, говоря о том, что в животике был ты. Сохранится память о былых временах. Ведь не каждый малыш может гордиться тем, что он танцевал вместе с мамой в животике и наслаждался ритмом и движениями. Эх, повезло же тебе, малыш, со своей космической мамой!

А потом твоя мама была на экзамене. Она ответила на все вопросы на французском языке, которые задавал ей какой-то дядя. Для чего экзамен? Для того, чтобы стать настоящей француженкой, гражданином Франции. Поэтому твоей маме пришлось отвечать на массу вопросов от политики до юриспруденции. И папа действительно пожелал маме удачи при сдаче экзамена. Удача – это не дача, как тебе, малыш, показалось. Удача – успех, а дача – это то, где можно отдыхать, имея домик, участок земли вдали от шумного города. Дача – это для русских, которые её имеют или мечтают о домике на лоне природы. А вот у вас, парижан, это примерно то же самое, куда мама едет к французским родителям папы, да и ты, малыш, находясь в животике мамы, видимо, уже побывал у них. А вот когда подрастешь, приедешь к нам в Россию на дачу. И посмотришь, что это такое. Договорились? Ну и хорошо!

Да, а после экзамена мама пошла пешком до метро и проходила памятное место возле Нотр-Дама. Позднее узнаешь, что Нотр-Дам значит для парижан. К сожалению, тебе придется смотреть отреставрированный Нотр-Дам, поскольку, увы, пожар сделал свое дело, и символ Парижа уже не тот.

Какие у нас с бабушкой дела? Как обычно. Бабушка ходит на английский, занимается теннисом, покупает продукты, встречается с внучкой (московская кузина), забирая ее раз в неделю из садика. Ну а я читаю лекции, хотя и охрип и у меня необычный голос. А вот сейчас с бабушкой поеду на дачу, на которую приезжает и наша внучка. В прошлые выходные бабушка и внучка сажали лук, приводили в порядок землю, в которую скоро посадим цветы. А через несколько дней у нас будет тоже христианская Пасха, мы покрасим яйца, правда, не 30 штук, как это делала твоя мама. Пойдем в церковь, куда ходила твоя мама, когда была в Селятино (поселок городского типа, возле которого находится наша дача). Сейчас все благоустроено, и церковь выглядит прекрасно с уютным парком, посажено много деревьев. Сверкают на солнце золотые купола.

Всё, побежал, для того чтобы вскоре отправиться на дачу.

Всем большой привет! Расти большой, малыш, но так, чтобы мама радовалась и ждала срока, когда ты выйдешь из животика. Через несколько месяцев бабушка и я приедем к вам, тогда и поговорим, поскольку ты понимаешь, что и как происходит в твоей жизни.

Пока.

Твой московский дедушка,

Валерий.

16 мая 2019 г.

Привет, бабуля и дедуля!

Ну, вы поправились? Голос к дедушке вернулся? А пальчик бабушкин в норме?

Говорите, у вас в гостях на даче была Сашуля и вам было не до скуки. Верю охотно. Помню ее заливистый смех, когда мы с мамой были в Москве.

У меня тоже много всего разного происходит. То тишина вокруг, и доносится только мамин голос и папины речи. Я даже стал переживать, куда это подевалась моя сестренка. И вдруг снова слышу днями напролет ее веселый лепет. Наверное, она куда-то уезжала.

А недавно меня буквально оглушили какие-то непонятные для меня громкие звуки (это мама с папой в кино ходили).

Любопытно, что интонации у мамы совсем не похожи на те, что у папы. А вот Анюта умеет и с теми, и с другими интонациями говорить – с мамой так, а с папой по-другому.

Она часто прижимается к маминому животу, и я чувствую ее присутствие. А сама при этом шутит: «А малыш знает, кто к нему прижимается? Может, папа?» – Знаю, конечно же, Анюта, что это ты. Папа просто осторожно кладет руку на живот. А вот сестра может и плюхнуться к маме на колени, и толкнуть нечаянно. Ну и я ее в ответ толкаю. Она очень удивляется и радуется этим моментам. А уж как мама моя радуется, когда я ее пинаю, и передать не могу! Странная, наверное, это не очень приятно. А она прям такая умиротворенная становится. И чуть ли не переживает, когда я долго сплю. Чудная. Ну куда я денусь!

Ой, мне очень не понравилось, когда на днях мое жилище исследовали каким-то аппаратом. Со всех сторон меня осмотрели, помяли, потолкали, никакой приватности! Сказали, что вешу я чуть больше полутора килограммов. Что, мол, не слишком много, думали, назначить еще одно контрольное узи, но передумали. Ну а с чего мне толстеть-то?

Мама моя сладким меня редко балует (ну, мороженое ела на

пляже, это да) и на месте не сидит – обходила на той неделе весь район, в какие-то квартиры заходила, на разных этажах, с какими-то людьми разговаривала, расспрашивала, не жарко ли летом, в августе, жить в их квартирах. Какое ей дело до этих людей и квартир, я не понял.

Зато вот пару дней назад я, наконец, наслаждался покоем и шумом моря. Я точно знаю, что это было море – мне мама про него рассказала, какое оно красивое. И дышится там так свободно и свежо, солоновато. Мы все отлично отдохнули, много спали и гуляли. И еще мама прям там на пляже репетировала свой танец, вроде все движения запомнила. И каждый раз, когда папа с Анютой, повозившись с песком, возвращались в гостиницу, она еще оставалась на берегу, бродила по кромке волн, наслаждалась стихией, а вместе с ней и я. Стихия – это ведь от слова стихи? Мама любит стихи. Давно, дедуля, ты не присылал ей свои рифмы – она соскучилась по твоим стихотворным посланиям.

А сегодня мама с папой очень долго о чем-то разговаривали, жарко спорили. Повышенных тонов не было (самый громогласный член семьи – это моя сестра – впрочем, может, я ее в этом деле переплюну!), но это я почувствовал по маминому волнению. Говорили про какую-то школу, в которую мама сводила Анюту на пробный урок. И там вроде как про 9 мая, про праздник, шла речь. Анюта сделала там поделку, осталась довольная, спрашивала, когда снова туда пойдет. А вот папе ее поделка категорически не понравилась. Он пацифист (уж не знаю, что это значит!), и ему показалось, что 4-летнему ребенку незачем рассказывать про войну и ветеранов. Тем более что Советская армия, после того как свою страну освободила, потом пошла завоевывать другие страны (это папины слова). Не любит он почему-то Сталина и Путина. (Это кто такие вообще?) И считает все это опасной пропагандой и возвратом в темное прошлое. И вот они с мамой стали спорить. Мама ему говорила про семейную память, которая передается из поколения в поколение. А он все про политику говорил. Ох, уж эта политика – я толком не понял, что это, но что-то она мне уже совсем не нравится. Друг друга они не переубедили, но завершили разговор полюбовно. Папа так и сказал: Я люблю тебя, и Чайковского, и Достоевского, и Ойстраха, и Шостаковича. Но про войну слышать ничего не хочу. И еще его напрягло, что эта школа находится в здании православной церкви. Он сторонится всего церковного и не хочет, чтобы Анюта попала под влияние какой бы то ни было религии. Вот вы мне, бабушка и дедушка, разъясните, пожалуйста, что это такое религия и война. А то мои родители чуть копья не переломали. Мама немного расстроилась, но стойко стояла на

своем. И в результате папа сказал, что он доверяет ее выбору, но попросил ее быть начеку. Это что за «начеку» такой?

Все, после всех этих треволнений пошел спать.

И вам бай-бай.

Малыш в животике.

…Малыш появился на свет 8 июня 2019 года. Родители назвали его Яном.

Список опубликованных работ

Монографии

Философия социального критицизма в США. М.: Наука, 1976. 206 с.

Психоанализ и философия неофрейдизма. М.: Политиздат, 1977. 246 с.

Psychoanalyza a Filozofie Neofreudismu. Praha, 1979. 235 s.

Психоанализ и философия неофрейдизма. Бейрут, 1981 (на арабском яз.). 209 с.

«Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М.: Политиздат, 1982. 255 с.

Pszichoanalizis es Neofreudizmus. Budapest, 1982. 268 s.

«Моделите на свете» и образът на човека. София, 1984. 250 с.

Rimski Klub a jeho ideje. Praha, 1985. 257 s.

Зарубежная глобалистика: проблемы и противоречия. М.: Знание, 1988. 64 с.

Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М.: Политиздат, 1990. 397 с.

Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии. М., 1991. 62 с.

Русскость Фрейда. М.: МГУ, 1994. 80 с.

Эдипов комплекс и российская ментальность. М.: УРСС, 1998. 59 с.

Психоаналитическая литература в России. М.: Флинта, 1998 (в соавторстве с В. И. Овчаренко). 144 с.

Антология российского психоанализа: в 2 т. М.: Флинта, 1999 (в соавторстве с В. И. Овчаренко). Т. 1. 848 с.; Т. II. 863 с.

Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. М.: Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 431 с.

Зигмунд Фрейд и психоанализ в России: Фрейд З. Работы по психоанализу; Лейбин В. Фрейд и Россия. М.; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 528 с.

Классический психоанализ: история, теория, практика. М.; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2001. 1056 с.

Словарь-справочник по психоанализу. СПб.: Питер, 2001. 688 с.

Первые психоаналитики: концептуальные и терапевтические разработки. М.: Институт психоанализа, 2003. 92 с.

Зигмунд Фрейд: психопоэтический портрет. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 368 с.

Постклассический психоанализ: энциклопедия. М.: ИД «Территория будущего», 2006. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 568 с.

Глобалистика, информатизация, системные исследования. Т. 1: Глобалистика. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 280 с.

Глобалистика, информатизация, системные исследования. Т. 2: Информатизация, системные исследования. М.: Ленанд, 2008. 200 с.

Психоанализ: проблемы, исследования, дискуссии. М.: «Канон» + РООИ «Реабилитация», 2008. 768 с.

Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М.: Когито-Центр, 2008. 318 с.

Постклассический психоанализ: энциклопедия. М.: АСТ, 2009. 1022 с. [2]

Дневник отца. М.: Когито-Центр, 2010. 128 с.

Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010. 956 с.

Карл Густав Юнг: психопоэтический портрет. М.: Багира, 2011. 420 с.

Превратности любви: психоаналитические истории. М.: Когито-Центр, 2011. 336 с.

Случай «дикой» депрессии с ярко выраженным моральным мазохизмом. Ижевск: ERGO, 2011. 76 с.

Возмездие фаллоса. Психоаналитические истории. М.: Когито-Центр, 2012. 338 с.

Психоаналитическая традиция и современность. М.: Когито-Центр, 2012. 408 с.

Синдром Титаника. М.: Когито-Центр, 2013. 298 с.

Человек в мире информационно-коммуникационных технологий. М.: ООО «ПОЛИ ПРИНТ СЕРВИС», 2015. 346 с.

Краткий психоаналитический словарь-справочник. М.: Когито-Центр, 2015. 192 с.

От глобального моделирования до электронного правительства. М.: Saarbrücken: Palmarium Akademic Publishing, 2016. 292 с.

Психоаналитические идеи и философские размышления. М.: Когито-Центр, 2017. 780 с.

Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг. М.: АСТ, 2019. 416 с.

Словарь-справочник по психоанализу. 3-е изд. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2020. 812 с.

Идивидуальная психология А. Адлера. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2020. 150 с.

Умные мысли и анекдоты, собранные Валерием Лейбиным. М.: Родина, 2021. 320 с.

Видео– и аудиоматериалы

Введение в психоанализ. М., 1999. 215 мин.

Основы психоанализа. М.: ООО «Центр содействия профессиональному образованию», 2007 (2 диска DVD, 24 видеочасов).

Психоанализ. Челябинск, 2008 (2 диска DVD).

Лекции по психоанализу. Психопатология обыденной жизни. Челябинск, 2009 (диск 1 DVD).

Лекции по психоанализу. Сновидения и их толкование. Челябинск, 2009 (диск 2 DVD).

Лекции по психоанализу. Сексуальная жизнь человека и эдипов комплекс. Челябинск, 2009 (диск 3 DVD).

Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. Алматы, 2014.

Видео на YouTube

https://www/youtube.com/watch?v=Be99hdWMugo (Тревога и страх, 2010).

https://www/youtube.com/watch?v=gX1_KcTk2bg (Психосексуализация материнства, 2011).

https://www/youtube.com/watch?v=wnR7Vegh7do (Музей Шпильрейн, 2016).

https://www/youtube.com/watch?v=11UebpVgfku (Фрейд и психоанализ. Часть 1, 2016).

https://www/youtube.com/watch?v=9ogfs0yz_Ks (Фрейд и психоанализ. Часть 2, 2016).

https://www/youtube.com/watch?v=VS1c9TXew24 (Сабина Шпильрейн как основатель детского психоанализа, 2016).

https://www/youtube.com/watch?v=2HErbsML0tw (Мужество и стойкость Фрейда, 2016).

https://www/youtube.com/watch?v=mn5EUXotyfU (Образ ребенка в процессе общения с зеркалом, 2016).

https://www.youtube.com/watch?v=dN_ACIJTHMI&feature=

youtu.be (Отто Гросс как теоретик и практик свободной любви, 2017).

https://m.youtube.com/watch?v=N-MM4i8O3-w (Воспоминания о Тбилисском симпозиуме: бессознательное, Фрейд, психоанализ, 2018).

https://youtu.be/-Fw5obJedp8 (Неодинокое одиночество, или Свой среди чужих и чужой среди своих, 2018).

https://youtu.be/MGDKMGl1wE0 (Где было Мы, должно стать Я, 2018).

https://youtu.be/Qg61j1PtT2I (Проблематика смерти в жизни и работах З. Фрейда, 2018).

https://www.youtube.com/watch?v=A1N0IcNwKXU (Тень как необходимое условие становления человека, 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=PTgUSolqsUk&feature=youtu.be (Личные воспоминания. Ансбахер и Адлер, 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=ZFWWc2Aty_o&feature=youtu.be (Фрейд: чувство юмора, 2019).

https://youtu.be/soX7l-XNUYU (Зигмунд Фрейд: лечение истиной, 2019).

https://youtu.be/Xc2RpJczoOg (Миф о Фрейде как антигерое, 2019).

https://youtu.be/QwWZ7BTyuuE (Фрейд: нарциссическая кошка, 2019).

https://youtu.be/U1vLiW3Bx60 (Фрейд: письма к невесте, 2019).

https://youtu.be/dfnXc0g1xgA (Фрейд и Достоевский, 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=2e4sN3OkCP4&feature=push-sd&attr_tag=0yIDNVhuJPV0I7rh%3A6 (Фрейд и его три феи, 2019).

https://youtu.be/cHd5QkUCfTw (Фрейд и Сальвадор Дали, 2019).

https://youtu.be/TRm1y_rMkRk (Фрейд и статуя Микеланджело «Моисей», 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=MeCE2749Oes (Фрейд и преданные ему женщины, 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=eXHpla164D4 (Фрейд: веселящий газ, 2019).

https://www.youtube.com/watch?v=sVBfFS_ZXFs&feature=youtu.be (Фрейд: изгнание и смерть, 2019).

Работы, вышедшие под научной редакцией

Моделирование процессов мирового развития и сотрудничества / под ред. Е. П. Велихова, Д. М. Гвишиани, В. М. Лейбина. М., 1991.

Цвейг С. Врачевание и психика. М., 1992. 334 с. (Предисловие, примечания).

Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994. 384 с. (Составление, вступительная статья, библиография, биографические справки).

Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996. 239 с. (общая редакция и предисловие).

Фрейд З. Сон и сновидения. М., 1997. 541 с. (Составление,

предисловие, примечания).

Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. М., 2003. 288 с. (Научный редактор).

Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М., 2004. 1017 с. (Научный редактор).

Становление психоанализа. М., 2005. 77 с. (Составление, общая редакция, предисловие).

Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2012–2013. М., 2013. (Общая редакция).

Забытые психоаналитические труды: Малис Г., Гербстман А., Вульф М. В., Коган Я. М., Перепель И. А. /Сост., предисл., биогр. справки В. Лейбин. – М.: Когито-Центр, 2021. – 258 с.

Хрестоматии

Отечественный психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2001. 448 с.

Психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2001. 512 с.

Зарубежный психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2001. 512 с.

Аналитическая психология и психотерапия (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2001. 512 с.

Классический психоанализ и художественная литература (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Гуманистический психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2002. 544 с.

Детский психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2003. 477 с.

Детский психоанализ (Сост. и общая редакция). СПб.: Питер, 2004. 477 с.

Психоанализ жизни и творчества Достоевского. Хрестоматия 1. М.: Московский институт психоанализа, 2014. 364 с.

Анна Фрейд. Детский психоанализ. Хрестоматия 2. М.: Московский институт психоанализа, 2014. 448 с.

Психоаналитическая характерология. Хрестоматия 3. М.: Московский институт психоанализа, 2014. 300 с.

Вильгельм Райх. Характероанализ, веготерапия, оргонная терапия. Хрестоматия 4. М.: Московский институт психоанализа, 2014. 408 с.

Эрих Фромм. Гуманистический психоанализ. Хрестоматия 5. М.: Московский институт психоанализа, 2016. 488 с.

Виктор Франкл. Логотерапия. Хрестоматия 6. М.: Московский

институт психоанализа, 2016. 504 с.

Альфред Адлер. Индивидуальная психология. Хрестоматия 7. М.: Московский институт психоанализа, 2017. 488 с.

Карен Хорни. Конструктивный психоанализ. Хрестоматия 8. М.: Московский институт психоанализа, 2017. 456 с.

Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Хрестоматия 9. М.: Московский институт психоанализа, 2017. 509 с.

Карл Густав Юнг. Аналитическая психология и психотерапия. Хрестоматия 10. М.: Московский институт психоанализа, 2017. 496 с.

Эдипов комплекс. Хрестоматия 11. М.: Московский институт психоанализа, 2018. 552 с.

Классический психоанализ и художественная литература. Хрестоматия 12. М.: Московский институт психоанализа, 2019. 444 с.

Разделы в коллективных трудах, препринты

Проблема отчуждения в ранних работах К. Маркса. В сб.: К 150-летию со дня рождения К. Маркса. М.: МГУ, 1969.

Критическое мышление и утопические иллюзии Э. Фромма. В сб.: Из истории философии. М.: Институт философии, 1972.

Классический психоанализ и неофрейдизм. В кн.: Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974.

Неофрейдизм. В кн.: Словарь по этике. М., 1975.

Сциентизм, антропологизм и системность: интегративные тенденции в психоанализе. В сб.: Системный подход и управление НТП. М.; Обнинск, 1978.

З. Фрейд и К. Юнг: попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного. В кн.: Бессознательное: его природа, функции и методы. Т. 1. Тбилиси, 1978.

Научно-техническая революция и проблема человека в неофрейдизме. В кн.: НТР и кризис современной буржуазной идеологии. М.: Наука, 1978.

Научно-технический и социальный прогресс в оценке неофрейдизма. В сб.: Идейно-теоретические проблемы научно-технического прогресса. Свердловск, 1978.

Научно-технический прогресс и проблема человеческого «я» в неофрейдизме. В сб.: Философия и социальный прогресс. М.: Институт философии, 1980.

Проблема НТР в учебной литературе по научному коммунизму. В сб.: Соревнование двух систем. М.: Наука, 1979.

Человеческие потребности и наука. В кн.: Научные

исследования и человеческие потребности. М., 1979.

Мировоззрение и глобальное моделирование. В сб.: Философские аспекты системных исследований. М., 1980.

Мировоззренческие основания глобального моделирования. В сб.: Системное моделирование процессов глобального развития. М., 1980.

Психоанализ и современная буржуазная философия. В сб.: Панорама буржуазной философии XX в. М., 1980.

Психоанализ и философская антропология. В сб.: Критика современной буржуазной философской антропологии. Л., 1980.

Бессознательная детерминация учения Фрейда о бессознательном. В сб.: III семинар по проблемам методологии и творчества. Симферополь, 1981.

Человеческие потребности и наука. В кн.: Научные исследования и человеческие потребности. М., 1979.

Типология мировоззренческих ориентаций относительно будущего. В сб: Неформализованные элементы глобального моделирования. М., 1982.

Научное познание: объяснение и понимание. В сб.: Структура и развитие научного знания. М., 1982.

Психоанализ. В кн.: Большая советская энциклопедия. Т. 21. М., 1983.

Системный анализ или системный синтез? В кн.: Философско-методологические основания системных исследований. М.: Наука, 1983.

Компьютеризация мира: проблемы и противоречия. В сб.: Социальные условия и цели автоматизации производства и управления, развития вычислительной техники и программных средств. Калинин, 1984.

Антиномии творчества. В сб.: IV семинар по проблемам методологии творчества. Симферополь, 1984.

Наука и мистицизм. В сб.: Теория, методология и практика системных исследований. М., 1984.

Мировоззренческие аспекты человеко-машинных систем. В сб.: Определение характера и уровня компьютеризации. Кн. 2. Калинин, 1985.

Мистицизм и аналитическая психология К. Г. Юнга. В сб.: Кризис современной религии и мистицизма. М., 1985.

Социальная природа глобального моделирования. В кн.: Глобальные проблемы современности. София, 1985.

Глобальность и уникальность бытия человека в мире. В кн.: Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности. М., 1985.

Глобальное моделирование и целеполагающая деятельность

человека. В кн.: Природа моделей и модели природы. М., 1986.

Историко-философский анализ: методологические проблемы. В сб.: Методологические проблемы исследования и критики современной буржуазной философии. Ч. 1. М., 1986.

Философское знание и системные исследования. В сб.: Структура философкого знания. Томск, 1986.

Социална природана глобалното моделиране. В кн.: Глобални проблеми. София, 1986.

«Изнанка» творчества. В сб.: V семинар по проблемам методологии и теории творчества. Симферополь, 1986.

Социально-экологическое самосознание: переоценка ценностей. В сб.: Проблемы социальной экологии. Ч. 1. Львов, 1986.

Психоаналитическая антропология. В кн.: Буржуазная философская антропология XX в. М., 1986.

Экологизация поэтического мировосприятия. В сб.: Проблема взаимодействия общества и природы: философские аспекты. Рига, 1986.

Функции категорий диалектики в системных исследованиях. В кн.: Диалектика и системный анализ. М., 1986.

Социокультурные тенденции развития США. В сб.: Глобальные проблемы – объективное состояние и оценки. М., 1986.

Экологическая ситуация и футурологические утопии. В кн.: Марксистско– ленинская теория исторического процесса. М., 1987.

Уникальное бытие человека в контексте глобальной проблематики. В кн.: Человек, наука, гуманизм. М., 1987.

Прекратите думать, что вы думаете! В сб.: Пять дней с Вернером Эрхардом. М., 1987.

Всеобщность и уникальность процессов мирового развития. В сб.: Концепция единого закономерного мирового процесса и современность. Пермь, 1987.

По ту сторону творчества. В сб.: Научно-технический прогресс и творчество. М., 1987.

От самоуничтожения к самоспасению. В сб.: Экология: пути выживания и развития человечества. М., 1988.

Информационное общество: проблемы и парадоксы информатизации. В сб.: Системные аспекты концепции информатизации. М., 1988.

Внешний мир и психическая реальность. В сб.: Особенности современной естественно-научной картины мира. М.; Обнинск, 1988.

Психоаналитическая трактовка человека. В сб.: Концепция

человека в современной западной философии. М., 1988.

Смыслозначимость человеческой деятельности. В сб.: Деятельность: философский и психологический аспекты. Симферополь, 1988.

Социокультурные последствия компьютеризации и информатизации общества. В сб.: Информатизация общества: анализ проблем и поиска решений. М., 1989.

Информация к размышлению об информатизации общества. В сб.: Философские аспекты информатизации. М., 1989.

Экологизация поэзии как фактор воспитания. В сб.: Экология, культура, образование. М., 1989.

Глобальная система: проблемы и противоречия. В кн.: XX век. М., 1991 (на португальском языке).

Экологическая этика: смысл и абсурдность человеческого существования. В сб.: Экологические проблемы в условиях перестройки. М., 1991.

Размышляя об отчуждении. В сб.: Отчуждение как социокультурный феномен. Киев, 1991.

Отчуждение культуры и культура отчуждения. В сб.: Отчуждение как социокультурный феномен: теория, история, современность. Симферополь, 1991.

Традиционные и новейшие представления о войне и мире. В кн.: Моделирование процессов мирового развития и сотрудничества / под ред. Е. П. Велихова, Д. М. Гвишиани, В. М. Лейбина. М., 1991.

Возможность стать человеком. В сб.: Искусство сделать себя. М., 1992.

Чудо исцеления. В кн.: Ст. Цвейг. Врачевание и психика. М., 1992.

Терапевтическая сущность самопознания. В сб.: Новое понимание философии: проблемы и перспективы. М., 1993. С. 42–44 (в соавторстве с М. Лейбиной).

Freudianism, or the «Trotskiite Contraband»: Soviet Psychoanalysis in the 1920s and 1930 s. In: Late Soviet Culture. From Perestroika to Novostroika. Ed.by Th. Lahusen with G. Kuperman. Lurham and London, 1993.

История психоанализа в России. В кн.: Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.

Психоаналитический портрет тирана. В кн.: Д. Ранкур-Лаферриер. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996.

Царская дорога к бессознательному. В кн.: З. Фрейд. Сон и сновидения, М., 1997.

Открытый мир: рационализация самообмана. В сб.: На пути к

открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия. М.: Весь мир, 1998. С. 113–124.

Психоанализ в России. В кн.: Овчаренко В. И., Лейбин В. М. Антология российского психоанализа. Т. 2. М., 1999. С. 480–488.

Судьба психоанализа в России. В кн.: Зигмунд Фрейд и психоанализ в России: Фрейд З. Работы по психоанализу; Лейбин В. Фрейд и Россия. М.; Воронеж, 2000. С. 4–6.

Профессиональный дилетантизм в психоанализе. В сб.: Бытие и время психоанализа. М., 2000. С. 11–13.

Психоанализ в России XX столетия. В кн.: Отечественный психоанализ. СПб.: Питер, 2001. С. 5–8.

«Назад к Фрейду» или «вперед с Фрейдом»? В кн.: Психоанализ. СПб.: Питер, 2001. С. 5–10.

Психоанализ XX века: становление и развитие. В кн.: Зарубежный психоанализ. СПб.: Питер, 2001. С. 5–10.

От психоанализа к аналитической психологии и психотерапии. В кн.: Аналитическая психология и психотерапия. СПб.: Питер, 2001. С. 5–12.

Социум: от конфронтации к социальной стабильности // Устойчивое развитие России и регионов. Проект. М.: Изографус, 2001. С. 102–109.

Психоаналитическое видение художественной литературы. В кн.: Классический психоанализ и художественная литература. СПб.: Питер, 2002. С. 5–13.

Возрождение психоанализа: от конформизма к гуманизму. В кн.: Гуманистический психоанализ, СПб., 2002. С. 4–12.

Становление и развитие детского психоанализа. В кн.: Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2003. С. 5–12.

Феномен переноса: вопросы к психоаналитикам. В сб: Деструкция и перенос. Ростов-на-Дону, 2003. С. 20–23.

Прогулка с Фрейдом. В кн.: Флем Л. Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 6–19.

Психоанализ и психоаналитическая терапия. В сб.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора А. И. Белкина. М., 2004. С. 260–266.

Становление и развитие детского психоанализа. В кн.: Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2004. С. 5–12.

О становлении психоанализа. В сб.: Становление психоанализа. М., 2005. С. 4–7.

Психоанализ: мужское начало и женская природа. В сб.: Материалы Всероссийской психоаналитической конференции. Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции. М., 2005. С. 51–56.

Психоаналитическая идентичность и идентификация с от–

цом. В сб.: Материалы Международной психоаналитической конференции. Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике. М., 2006. С. 220–228.

Информационные технологии и психотерапия. В сб.: Вторая Международная конференция. Системный анализ и информационные технологии. Т. 2. М., 2007. С. 30–32.

Карл Абрахам: жизненный путь и творчество. В кн.: Абрахам К. Характер и развитие. Ижевск: ERGO, 2007. С. Ix – xvii.

Философские и клинические основания логотерапии В. Франкла. В сб.: Психологические и психоаналитические исследования. М.: Гнозис, 2008. С. 16–33.

Карл Абрахам. В кн.: К. Абрахам, Э. Гловер, Ш. Ференци. Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009. С. 211–222.

Аналитическое мышление в современной информационно-коммуникативной среде. В сб.: Третья Международная конференция. Системный анализ и информационные технологии. М., 2009. С. 39.

Предисловие. В сб.: Илля Вась: штрихи к портрету. М., 2009. С. 3–4.

Не успел выскочить из пиджака. В сб.: Илля Вась: штрихи к портрету. М., 2009. С. 29–33.

Виртуальное общение и интернетотерапия. В сб.: Информатика сообществ: системный анализ и инструменты // Труды ИСА РАН. Т. 55. М., 2010. С. 183–198.

Примечания. В кн.: С. Цвейг. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7: Новеллы. Психика и врачевание. М.: АСТ: МОСКВА, 2010. С. 522–526, 532–541.

Предисловие. В сб.: Сердцем хранимый родной и любимый. М., 2010. С. 3.

Не успел выскочить из пиджака. В сб.: Сердцем хранимый родной и любимый. М., 2010. С. 43–45.

Виртуальный мир и социальная безопасность // Известия Академии педагогических и социальных наук: материалы научно-практической конференции 22–24 апреля 2011 г.: в 2 ч. Часть I. М., 2011. С. 204–212.

Интернет-зависимость как образ жизни в виртуальном пространстве // Системный анализ и информационные технологии: труды Четвертой Международной конференции. Т. 2. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2011. С. 30–32.

La psychoanalyse existait-elle en Russie entre 1930 et 1990? Guerres mondiales, totalitarismes, génocides. La psychanalyse face aux

situations extremes. Paris, 2011. P. 123–137.

Экспрессия лица как объект психоаналитического исследования // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход. М., 2012. С. 57–67.

Экзистенциально-феноменологические представления Р. Лэйнга о личности // Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. Т. 1. М., 2013. С. 419–424.

Информационно-коммуникационные процессы между гражданами и государственными структурами: механизмы регулирования // Системный анализ и информационные технологии: труды пятой Международной конференции. Т. 2. Красноярск, 2013. С. 166–168.

Психоанализ и художественная литература // Психоанализ жизни и творчества Достоевского. М.: Московский институт психоанализа, 2014. С. 4–11.

Фрейд и Достоевский // Психоанализ жизни и творчества Достоевского. М.: Московский институт психоанализа, 2014. С. 311–360.

Становление и развитие детского психоанализа // Анна Фрейд. Детский психоанализ. М.: Московский институт психоанализа, 2014. С. 5–10.

Инфантильная сексуальность и формирование характера // Психоаналитическая характерология. М.: Московский институт психоанализа, 2014. С. 4–7.

Интернет-консультирование и онлайн-терапия // Проблемы развития и управления Интернетом в странах БРИКС. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 239–250.

Почему «Дневник матери» В. Шмид не был опубликован в 20-х годах XX века // Юбилейный сборник. ЕКПП – Россия – Москва. М., 2014. С. 127–135.

Вильгельм Райх: скандальный бунтарь в психоанализе // Вильгель Райх. Характероанализ, веготерапия, оргонная терапия. М.: Московский институт психоанализа, 2014. С. 4–7.

Р. Лэйнг и его лицо: гений или безумец // Лицо человека в науке, искусстве и практике / отв. ред. К. Н. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2015. С. 29–40.

Истинное и ложное «Я» // Современные представления о психической норме и патологии. Психологические, клинические и социальные аспекты / отв. ред. Н. Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 263–270.

Возрождение психоанализа: от конформизма к гуманизму //

Эрих Фромм. Гуманистический психоанализ. М.: Московский институт психоанализа, 2016. С. 5–12.

Философские и клинические основания логотерапии // Виктор Франкл, Логотерапия. М.: Московский институт психоанализа, 2016. С. 5–26.

Фрейд в Париже // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2015–2016. М., 2016. С. 303–312.

Образ ребенка в процессе общения с зеркалом // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К. Н. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2016. С. 111–117.

Индивидуальная психология А. Адлера // Альфред Адлер. Индивидуальная психология. М.: Московский институт психоанализа, 2017. С. 5–13.

Тихий бунтарь в психоанализе // Карен Хорни. Конструктивный психоанализ. М.: Московский институт психоанализа, 2017. С. 4–13.

«Назад к Фрейду» или «вперед с Фрейдом» // Зигмунд Фрейд. Психоанализ. М.: Московский институт психоанализа, 2017. С. 4–8.

Эдипов комплекс и российская ментальность // Эдипов комплекс. М.: Московский институт психоанализа, 2018. С. 4–51.

Проблематика смерти в работах и жизни З. Фрейда // Сборник статей по материалам VII Межрегиональной психоаналитической конференции «Инстинкт смерти против боли жизни» (2–3 июня 2018 г.). М., 2018. С. 6–16.

Психоаналитическое видение художественной литературы // Классический психоанализ и художественная литература. М.: Московский институт психоанализа, 2019. С. 4–12.

Психоаналитический подход к культуре и искусству // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы Международной научно-практической конференции 23–24 апреля 2020 года. СПб.: СПбГИПСР, 2020. С. 307–310. (Совм. с Булатовой И. А.).

Статьи, рецензии, рефераты, обзоры

Проблема отчуждения в современной буржуазной социологии США // Философские науки. 1971. № 5.

Конформизм и респектабельность психоанализа // Вопросы философии. 1972. № 4.

Современная буржуазная социально-критическая мысль США: автореферат на соискание ученой степени кандидата

философских наук. М., 1972.

С. Стоев. Човек, неофройдизъм, марксизъм. София, 1972 // Вопросы философии. 1973. № 7.

Социология художественной культуры // Вопросы литературы. 1974. № 7.

Рец. на кн.: J. Maguire. Marx's Paris Writings.London, 1973 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1973. № 12.

Рец. на кн.: O'Neill. Modes of Individual and Collectivism.London,1973 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1974. № 1.

Рец. на кн.: С. Михайлов. Емпиричното социологично изследоване. София, 1973 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1974. № 2.

Рец. на кн.: A. Storr. Jung.London, 1973 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1974. № 3.

Рец. на кн.: П. Гиндев. Без демаркационна линия. София, 1974 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 2014. № 2, 1. С. 975.

Рец. на кн.: Масова култура и идеология. София, 1974 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1975. № 6.

Рец. на кн.: Д. Цеков. Идеологична борба. София, 1975 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1976. № 1.

Рец. на кн.: J. Lewis. Max Weber and Value-Free Sociology. London, 1975 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1976. № 4.

Рец. на кн.: Д. Димов. Идеологичен процесс. София, 1976 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1976. № 6.

Рец. на кн.: Т. Стойчев. Идеология и идеологична борба. София, 1976 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1977. № 1.

Рец. на кн.: Т. Лилков, Д. Тодоров. Война и психологична война. София, 1976 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1976. № 3.

Предисловие. В реф. сб.: Идеологические проблемы НТР. М., 1977.

Психоаналитическая трактовка структуры личности и неофрейдистская концепция самости // Вопросы философии. 1977. № 6.

Рец. на кн.: S. Kahn. Essays in Freudian Psychoanalysis. N.Y., 1976 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1977. № 8.

Рец. на кн.: E. Laszlo. Goals for Mankind. N.Y., 1977 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1977. № 10.

Рец. на кн.: A. Peccei. The Human Quality.London, 1977 //

Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1978. № 1.

Рец. на кн.: M. Jahoda. Freud and the Dilemmas of Psychology. London, 1977 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1978. № 2.

Рец. на кн.: B. Hindes. Philosophy and Methodology in Social Sciences. London, 1977 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1978. № 6.

Рец. на кн.: R. Abelson. Persons. London, 1977 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1978. № 9.

Неофрейдистское видение самореализации сущностных сил человека // Философские науки. 1978. № 5.

Предисловие. В кн.: НТР и кризис современной буржуазной идеологии. М., 1978.

Реферат на кн.: A. Peccei. The Human Quality.London, 1977 // Экономика. 1978. № 4.

Психоанализ и американский неофрейдизм (историко–философский анализ фрейдизма): автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1979.

Рец. на кн.: A. Huxley. The Human Situation. London, 1978 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1979. № 4.

Рец. на кн.: L. Radista. Some Sence About Reich. N.Y., 1978 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1979. № 5.

Рец. на кн.: C. G. Jung. Speaking. London, 1978 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1979. № 17.

Рец. на кн.: А. М. Каримский. Проблема гуманизма в современной американской философии. М., 1979 // Вопросы философии. 1980. № 3.

Der Neofreidismus und das Problem der Selbstverwirklichung // Gesellschafts wissenschaftliche Beitrage. 1979. № 10.

Рец. на кн.: A. Adler. Superiority and Social Interest. N.Y., 1979 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1980. № 5.

Рец. на кн.: F. Salloway. Freud, Biologist of the Mind. London, 1979 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1980. № 8.

Рец. на кн.: J. Rubins. Karen Horney. London, 1979 //Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1980. № 8.

Рец. на кн.: J. Lacan. The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis. London, 1979 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1980. № 16.

Рец. на кн.: Ph. Rieff. Freud: The Mind of the Moralist. Chicago, 1979 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1980. № 22.

Фрейд: биолог духа. По ту сторону психоаналитической легенды // Вопросы психологии. 1980. № 4.

Карен Хорни. Тихий бунтарь в психоанализе // Вопросы психологии. 1980. № 4.

Четыре основные концепции психоанализа // Вопросы психологии. 1980. № 4.

Adler›s Concept of Man // The Journal of Individual Psychology, vol. 37. 1981. № 1.

Рец. на кн.: J. Poplasen. The Restoration of the State of Good in the World. Pittsburg, 1980 // Новые книги за рубежом. 1981. № 5.

Фрейд: дух моралиста // Вопросы психологии. 1981. № 2.

Поздние работы Адлера // Вопросы психологии. 1981. № 3.

Рец. на кн.: R. Clark. Freud.The Man and the Cause.London, 1980 / / Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1981. № 10.

Рец. на кн.: Ch. Jung. Identity and Society. N.Y., 1980 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1981. № 16.

Рец. на кн.: R. Waterhaus. A Heidegger Critique.Sussex, 1981 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1982. № 3.

Comments on «Minutes of the Society for Free Psychoanalytic Research» // Individual Psychology.The Journal of Adlerian Theory, Research and Practic, vol. 38. 1982. № 1.

Величие и ограничения мышления Фрейда // Вопросы психологии. 1982. № 4.

Рец. на кн. R. Fine. The Psychoanalytic Vision. N.Y., 1981 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1982. № 13.

Рец. на кн.: G. Friedman. The Political Philosophy of the Frankfurt School. Ithaca, 1981 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1982. № 10.

Психоанализ. В кн.: Большая медицинская энциклопедия. Т. 21. М., 1983.

Реферат на кн.: R. Lichtman. The Production of Desire.The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory.N.Y., 1982. В сб.: Теоретическое наследие К. Маркса и современная идеологическая борьба. М., 1983.

Рец. на кн.: Ch. Evans. The Mighty Micro: The Impact of the Computer Revolution. London, 1982 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1983. № 9.

Рец. на кн.: R. Lichtman. The Production of Desire. N.Y., 1982 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1983. № 4.

Рец. на кн.: H. Perry. Psychoatrist of America. Cambridge (Mass.), 1982 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1983. № 5.

Рец. на кн.: R. Kegan. The Evolving Self. Cambridge (Mass.), 1982 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1983. № 9.

Рец. на кн.: J. Lacan. The Death of an Intellectual Hero. Cambridge (Mass.), 1983 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1983. № 4.

Реферат на кн.: G. Friedman. The Political Philosophy of the Frankfurt School. Ithaca, London, 1981. В сб.: Идеологическая борьба и современная буржуазная философия. Ч. III. М., 1984.

Реферат на кн.: Sh. Turkle. Psychoanalytic Politics.Cambridge (Mass), 1981. В сб.: Идеологическая борьба и современная буржуазная философия. Ч. III. М., 1984.

Рец. на кн.: К. Уилбер. Общительный бог. Краткое введение в трансцендентальную социологию // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1984. № 2.

Рец. на кн.: У. Майснер. Психоанализ и религиозный опыт // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1985. № 14.

Рец. на кн.: A. Grünbaum. The Foundations of Psychoanalysis // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1985. № 8.

Рец. на кн.: Проблемы и противоречия буржуазной философии 60–70-х гг. // Вопросы философии. 1985. № 2.

Мистицизм и аналитическая психология К.-Г. Юнга. В сб.: Кризис современной религии и мистицизм. М., 1985.

Технократизм и борьба идей // Мировая экономика и международные отношения. 1985. № 8.

Системные исследования и символическая концепция человека //Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1985. М., 1986.

Рец. на кн.: А. М. Руткевич. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985 // Социологические исследования. 1986. № 2.

Рец. на кн.: J. Masson. The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess. Cambridge (Mass.), London, 1985 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1986. № 4.

Psychoanalysis: Science or Hermeneutics? // Behavioral and Brain Sciences, vol. 9. 1986. № 2.

Преступление перед человечеством // Международная экономика и международные отношения. 1986. № 8.

Наука и будущее планеты // Новый мир. 1986. № 10.

Дилеммы глобального моделирования // Системные исследования. Ежегодник, 1986. М., 1987.

Почему не утопия // Новое время. 1987. № 7.

Диалектика идейного противоборства // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 2.

Лицом к миру // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 9.

Глобальное моделирование и политическая наука // Общественные науки. 1988. № 5.

Преимущества общественной системы: критерии и человеческий фактор // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 4.

Из истории возникновения психоанализа // Вопросы философии. 1988. № 4.

Аналитическая философия и философия культуры // Вопросы философии. 1988. № 8.

Вера или разум? // Вопросы философии. 1988. № 8.

Психоанализ и неопозитивизм // Философские науки. 1988. № 8.

Миротворчество // Московские новости. 1988. № 3.

Der Einfluß der Ideen Alfred Adler›s in Rußland in der Zeit bis zum Ersten Weltkrieg // Zeitschrift für Individualpsychologie, 13. Jg, 1988.

Adler›s Ideas in Russia prior to World War I // Individual Psychology.The Journal of Adlerian Theory, Research and Practice, vol. 44. 1988. № 3.

Рец. на кн.: L. Silberstein. Martin Buber›s Social and Religious Thought. N.Y., London, 1989 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1990. № 6.

Психоаналитический портрет тирана // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 11.

Рец. на кн.: D. Rancour-Laferriere. The Mind of Stalin. A Psychoanalytic Study. Ann Arbor, 1988. D. Rancour-Laferrier (ed.). Russian Literature and Psychoanalysis // Общественная мысль за рубежом. 1990. № 9.

Проблема отчуждения сквозь призму перестройки // Коммунист. 1990. № 6.

Советская культура сегодня: перестройка прошлого или изобретение будущего // Общественная мысль за рубежом. 1991. № 1.

«Форум» Эрхарда Вернера // Общественная мысль за рубежом. 1991. № 7.

По ту сторону добра и зла // Философские науки. 1991. № 6.

Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин // Российский психоаналитический вестник. 1991. № 1.

Adler›s Ideas in Russia Between World Wars I and II // The International Journal of Individual Psychology and Comparative Studies, vol. 1. 1991. № 1.

Экология духа: от самоуничтожения к самоспасению // Общественные науки и современность. 1992. № 5.

Психоанализ, Юнг, Россия // Российский психоаналитический вестник. 1992. № 2.

Троянский конь Римского клуба // Знание. 1993. № 6.

Дикий конь в коридорах политической власти // Новое время. 1993. № 9.

Политические страсти: опыт психоаналитического толкования // Российский психоаналитический вестник. 1994. № 3–4.

Я и эдипов комплекс // Архетип. 1995. № 2.

Я и эдипов комплекс // Архетип. 1996. № 1.

Фрейд и Достоевский // Психоаналитический вестник. 1996. № 5. С. 52–59.

Римский клуб и Проект моделей мирового порядка // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1997. М., 1997. С. 39–49.

Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6.

Концептуальные представления о функционировании глобальной системы // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1998. М., 1998. С. 67–84.

«Толкование сновидений» как психобиография З. Фрейда // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 99–111.

Профессиональный дилетантизм в психоанализе // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 49–51.

О перспективных направлениях развития глобалистики // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1998. Часть II. М., 2000. С. 23–34.

Психоаналитическая дверь // Психоаналитический вестник. 2001. № 9. С. 216–219.

Цели психоаналитической терапии // Вестник психоанализа. 2001. № 2. С. 87–90.

Экзистенциализация психотерапии: от психоанализа З. Фрейда к логотерапии В. Франкла // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2001. М., 2003. С. 45–67.

The Interpretation of Dreams as Part of Freud`s Psychobiography // The Psychoanalytic Review, vol. 90. 2003. № 6, pp. 811–828.

Был ли психоанализ в России в период с 1930 по 1990 год? // Психоаналитический вестник. 2003. № 11. С. 60–85.

Арбат 25 // Психоаналитический вестник. 2003. № 11. С. 13–15.

Классический психоанализ: систематизация знания о функционировании человеческой психики // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2002. М., 2004. С. 47–66.

Самоанализ Фрейда // Человек и космос. 2004. № 3. С. 24–31.

Литературные источники психоанализа // Человек и космос.

2004. № 5. С. 11–15.

Литературные источники психоанализа // Человек и космос. 2004. № 6. С. 19–24.

Карл Абрахам // Психоаналитический вестник. 2004. № 12. С. 49–59.

Лев и Бык // Симпозиум. Вып. 2, ч. 2. 2005. С. 31–32.

Психоанализ: мужское начало и женская природа. В сб.: Материалы Всероссийской психоаналитической конференции «Мужчина и женщина в изменяющемся мире: психоаналитические концепции». М., 2005. С. 51–56.

История становления экзистенциальной терапии Р. Мэя // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2003–2005.М., 2006. С. 70–88.

Психоаналитическая идентичность и идентификация с отцом. В сб.: Материалы Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике (к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда)». Т. I. М., 2006. С. 220–228.

Будущее психоанализа // Прогнозис. 2006. № 4 (8). С. 243–257.

Психоаналитическая эвристика и терапия: проблемы и противоречия // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 130–142.

Аурелио Печчеи: штрихи к портрету // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2008. № 1. С. 154–158.

Aurelio Peccei: A Few Strokes to the Portrait // Age Globalization. Studies in Contemporary Global Processes. 2008. № 1, pp. 55–56.

Систематизация философских и терапевтических идей логотерапии В. Франкла // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 2 (10). С. 114–138.

Философские и клинические основания логотерапии В. Франкла // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 3 (11). С. 92–116.

Объектные отношения и специфика детских переживаний в представлении М. Кляйн // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 4 (12). С. 70–94.

Становление и признание русского психоаналитического общества // Ежегодник истории и теории психоанализа. Т. 3. 2009. С. 79–87.

Нарциссизм // Психоаналитические концепции нарциссизма / под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитонова. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2009. С. 464–471.

Роль переходного объекта, иллюзии и игры в психическом

развитии ребенка // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 1 (14). С. 168–179.

Человек как сексуальное существо // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2 (14). С. 134–173.

Пенсионная реформа: некоторые размышления и предложения // Ежегодник «Системные исследования. Методологические проблемы. 2010». М., 2010. С. 125–132.

Связи Фрейда с Россией // Ежегодник истории и теории психоанализа Т. 4. 2010. С. 45–57.

У истоков возрождения российской психоаналитической традиции // Ежегодник истории и теории психоанализа Т. 4. 2010. С. 80–84.

Роль информационно-коммуникационных технологий в изменении отношений между воображаемым, символическим и реальным // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 74–83.

Памяти Игоря Семеновича Кона // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 95–96.

Человек как глобально-уникальная проблема современности // Век глобализации. 2011. № 1. С. 130–139.

Материнская страсть и сексуализация материнства // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2 (22). С. 152–159.

Памяти Игоря Кона, честного ученого и скромного человека // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 3 (22). С. 199–201.

Виртуальная реальность и угроза самообмана // Психологические и психоаналитические исследования 2010–2011. М., 2011. С. 49–56.

Безопасный метод Лейбина // Интервью с журналистом газеты «Московский комсомолец в Казахстане». Алма-Ата, 2012. 21–27 марта. С. 15.

Игорь Кон. 80 лет одиночества, или Неодинокое одиночество // Мир сексологии. 2012. № 3. Режим доступа: http:/1sexology.ru/mir-seksologii/3–2/.

Электронное обращение граждан в государственные структуры и безопасность общества // Известия Российской Академии образования. 2012. № 2. С. 715–722.

Неодинокое одиночество // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 2. С. 8–12.

Одиночество Игоря Кона // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 112–119.

Предисловие // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2012–2013. М., 2013. С. 5–10.

Сексуальность и любовь в психоаналитическом дискурсе // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2012–2013. М., 2013. С. 172–204.

Концептуальные предпосылки экзистенциально-феноменологической психологии Р. Лэйнга // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 2 (30). С. 167–189.

Поведение и переживание личности: экзистенциально–феноменологический подход // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2014. М., 2014. С. 29–40.

Критический рационализм и критический иррационализм // Системные исследования. Методологические проблемы, 2013–2014. М., 2014. С. 386–392.

Специфические особенности, принципы и методы онлайн-обучения // Восточно-европейский научный вестник. 2015. № 1. С. 23–25.

Исследовательские задачи и терапевтические наработки Р. Лэйнга // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 1 (37). С. 123–140.

Онтологическая неуверенность, тревога и невоплощенное Я // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 2 (37). С. 162–178.

Leibin, V. & Bluvshtein, M. Paris: Freud and Adler // Journal of Individual Psychology, vol. 4 (71), 2015, pp. 399–415.

Мужество и стойкость Зигмунда Фрейда // Известия Российской академии образования. Научный журнал. 2016. № 2 (38). С. 145–151.

Фрейд в Париже // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2015–2016. М., 2016.

Психоанализ: история, современность и перспективы // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2017. М., 2017. С. 225–246.

My Remembrances of Heinz and Rowena Ansbacher and Alexandra Adler // The Journal of Individual Psychology, vol. 74. 2018. № 2, pp. 238–243.

Психоанализ и логотерапия // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2018–2019. М., 2019.

Простор для творчества в условиях самоизоляции // https://smartafisha.ru/blogs/prostor-dlya-tvorchestva-v-usloviyah-samoizolyacii (Блок Московского института психоанализа, апрель 2020).

Поведение и переживание личности // Познание и переживание. Т. 1. 2020. № 1. С. 27–37.

Учебники, учебные пособия, курсы лекций

Глобалистика: история и современность: курс лекций. М.: Российский открытый университет, 1992. 195 с.

Классический и современный психоанализ // Философия / под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной. М.: Гардарики, 2003. С. 773–796.

Психоанализ: учебник. СПб.: Питер, 2002. 576 с.

Психоанализ: учеб. пособие. 2-изд. СПб., 2008. 592 с.

Классический и современный психоанализ // Философия / под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной. М.: Гардарики, 2012. С. 753–776.

Классический и современный психоанализ // Философия / под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной. М.: Гардарики, 2018. С. 777–802.

Психоанализ: учеб. пособие. 3-изд. СПб., 2019. 592 с.

Учебные программы

Человек: смысл и абсурдность существования. Программа спецкурса. М.: Российский открытый университет, 1992. 26 с.

Психоанализ и культура. Программа курса. М.: Российский открытый университет, 1993. 28 с.

Программа дисциплины «История и теория психоанализа», ч. I. М.: Институт психоанализа, 1995. 34 с.

Программа дисциплины «Фрейд и Россия». М.: Институт психоанализа, 1995. 32 с.

Глобалистика: история и современность. Программа курса. М.: Университет Российской академии образования, 1996. 15 с.

История и теория психоанализа. Программа курса, ч. II. М.: Институт гуманитарного образования и психоанализа, 1996. 32 с.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. I. М.: Институт психоанализа, 1998. 40 с.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. II. М.: Институт психоанализа, 1998. 30 с.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. I. М.: Институт психоанализа, 1999. 43 с.

История и теория психоанализа. Программа курса лекций. М.: Издательство «Флинта», 2000. 123 с.

История и теория психоанализа. Программа курса лекций. Классический психоанализ. Современный психоанализ. Фрейд и Россия // В. И. Овчаренко. Классический и современный психоанализ. Программы курсов и спецкурсов. М., 2000. С. 272–

389.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. I. М.: Институт психоанализа, 2001. 43 с.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. II. М.: Институт психоанализа, 2001. 30 с.

Программа курса «История и теория психоанализа», ч. I. М.: Институт психоанализа, 2006. 30 с.

Психоаналитическая психология и педагогика // Материалы к изучению дисциплин программы «Преподаватель высшей школы». Ч. II. М.: МГМСУ, 2010. С. 63–81.

Терминологические и понятийные статьи для словарей и энциклопедий

414–421. Контркультура. Новые левые. Либидо. Сублимация. Массовая культура. Неофрейдизм. Римский клуб. Элиты теории // Философский словарь. М., 1980.

422–425. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Словарь по этике. 4-е изд. М., 1981.

426–430. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Речник по этике. 3-е изд. София, 1983.

431–435. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Словарь по этике. 5-е изд. М., 1983.

436–440. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Словарь по этике. М., 1984 (на арабском языке).

441–445. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Словарь по этике. 6-е изд. М., 1984.

446–450. Неофрейдизм. Символическая теория ценностей. Экологическая этика. Фромм // Etikai kislexicon. Budapest, 1984.

451–455. Гуманизация НТП. Теория единого индустриального и постиндустриального общества. Техницизм. Технократии теории // Словарь по научно-техническому прогрессу. М., 1987.

456–463. Архетип. Неофрейдистские эстетические теории. Психопоэтика. Сублимация. Фрейд. Фромм. Юнг // Словарь по эстетике. М., 1988.

464–473. Архетип. Бубер. Либидо. Пределы роста. Психоанализ. Римский клуб. Сублимация. Фромм. Эдипов комплекс // Современная западная философия: словарь. М., 1991.

474–483. Архетип. Бубер. Либидо. Пределы роста. Психоанализ. Римский клуб. Сублимация. Фромм. Эдипов комплекс // Современная западная философия: словарь. М., 1998.

483–565. Агрессия. Активный и пассивный. Амбивалентность. Амнезия. Анима, Анимус и др. (80 статей) // Популярная энциклопедия. Психоанализ. М.: Олимп, 1998.

566–575. Глобальная система. Глобальная этика. Глобальное моделирование. Модели мирового порядка. Мыслить глобально, действовать локально. Пределы роста. Римский клуб. Человечество. Экологическая этика // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. 1328 с.

576–580. Глобальная система. Глобальная этика. Человечество. Экологическая этика. World Order Models. In: Global Studies Encyclopedia. Ed. by I.I. Mazour, A. Chumacov, W.C. Gay. Moscow: Raduga Publishers, 2003.

581–590. Глобальная система. Глобальная этика. Глобальное моделирование. Модели мирового порядка. Мыслить глобально, действовать локально. Пределы роста. Римский клуб. Человечество. Экологическая этика // Глобалистика: международный междисциплинарный словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. 1160 с.

591–799. Абстиненция. Агрессия человеческая. Экстернализация. Энергия и др. (109 статей) // Психоанализ. Новейшая энциклопедия. Минск, 2010. 1120 с.

800. Growth Limits // Global Studies. Encyclopedic Dictionary. Amsterdam. Ed. by A. Chumakov, J. Mason and W. Gay. Amsterdam, N.Y., 2014, pp. 248–250.

801. Word Order Models Project // Global Studies. Encyclopedic Dictionary. Ed. by A. Chumakov, J. Mason and W. Gay. Amsterdam, N.Y., 2014, pp. 492–493.

Поэтические сборники

802. Психоанализмы. М.: Золотой теленок, 2004. 160 с.
803. Любовь и время. М.: Золотой теленок, 2005. 192 с.
804. Знаки времени. М.: Золотой теленок, 2005. 240 с.
805. Смехоград. М.: Реабилитация, 2008. 480 с.
806. Эрос жизни. М.: ООО «Телер», 2009. 182 с.
807. Дедушкины стишки. М., 2015. 16 с.

Фотографии

Педагогическая деятельность

Роспись на спилах березы

Роспись на кухонной доске

Роспись на деревянной основе

Семейная жизнь

Театр ФАНИ, 1994 г.

Театр кукол ФАНИ, где мы делали куклы, учили детей английскому языку, выступали перед отрядами, 1995 г.

Болотная Кимора

Черт

Обезьяна Чарли

Я и дочь Наташа, в пионерском лагере

Куклы

Космик

Бабушка Ах и дедушка Ох

Балбес

Собачка Зи-Зи

Лягушки

Мадам Фи-Фи, 1997 г.

Ведьма, 1997 г.

Немецкий дом

Портреты неизвестного художника (Наташа, Алеша, Марина), 1987 г.

1995 г.

1995 г.

1996 г.

Планировка территории вокруг домика

Наши помощники – Наташа и Лёша, 1996 г.

Наташа с папой пилят дерево, 2000 г.

Алёша красит будущую беседку, 2000 г.

Дача летом, 2009 г.

Дача зимой, 2014 г.

Роспись по дереву, Галя, 2008 г.

Роспись домика-сторожки при въезде в ДСК «Международник».(Творчество Наташи), 2015 г.

Фонтан на песке, 2000 г.

Пирамидальная грядка, 2007 г.

Декоративное дерево, 2008 г.

Фонтан, окруженный мелким гравием, 2009 г.

Белый люпин и мостик, 2013 г.

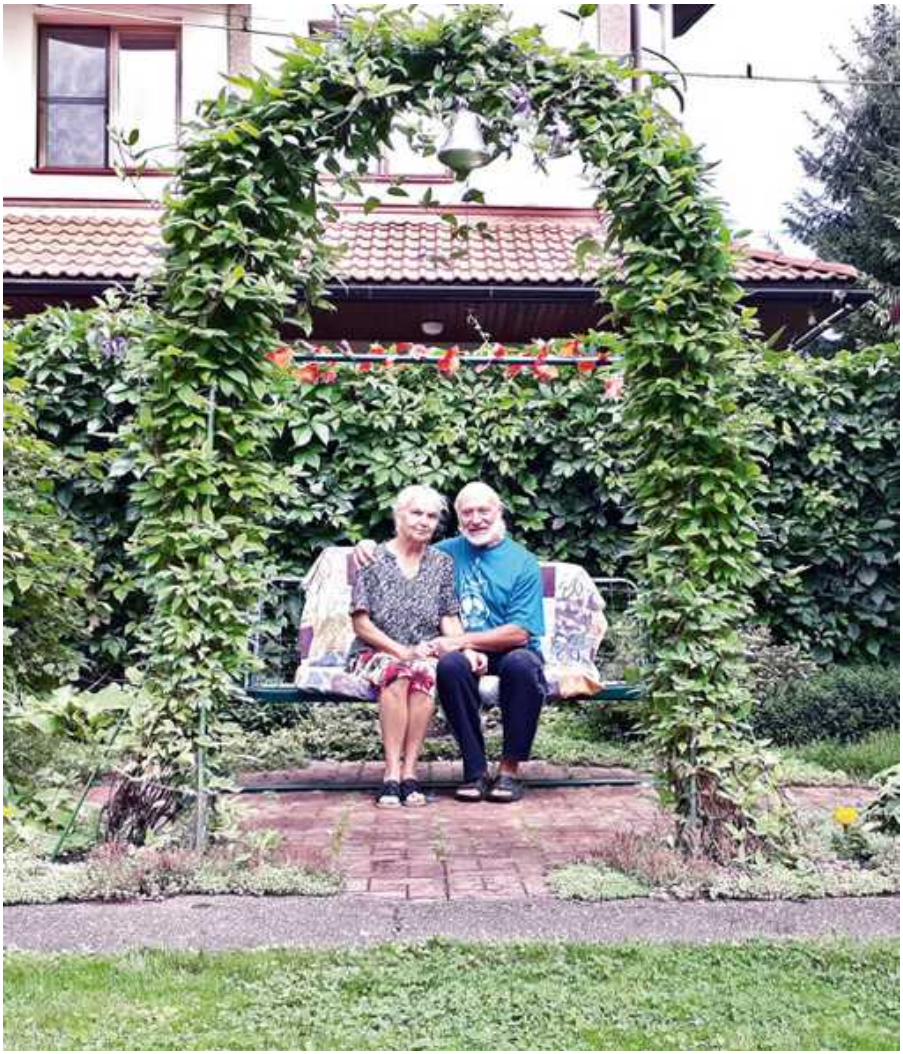
Мостик через ручей, 2014 г.

2017 г.

2019 г.

2019 г.

2020 г.



2021 г.

Королева сада – гортензия, 2021 г.

2021 г.

2002

Общий коридор на 10-м этаже рядом с лифтом украшен учебными работами дочери Наташи – художника-живописца

Дом на Вавилова, 48, в котором жила наша семья.

Последнее фото Тепляшиной Т. И. (на заднем фоне внучка Наташа, внук Алёша, дочь Галя)

Разбираем семейный архив, 2016 г.

Галина, юбиляр, Наташа и Настя (жена Алексея), 2017 г.

2017 г.

Проводы русской зимы, 2017 г.

Перетягивание каната, 2017 г.

В лесу родилась ёлочка, 2019 г.

Пенсионеры-лыжники, 2019 г.

Масленица, 2018 г.

В период пандемии, 2020 г.

Современность, 2021 г.

* * *

Михалис играет с дедушкой (г. Лимасол), 2003 г.

Анюта и Саша на даче вместе с дедушкой, 2018 г.

Внучки Анюта и Сашуля играют с дедушкой на даче, 2018 г.

Внук Ян, дедушка и Анюта (Париж), 2019 г.

Работа с детьми МИДа (Болгария), 1997 г.

Горский Кантон (Болгария), 1998 г.

Вена, 1988 г.

Восход солнца на море (Турция), 2007 г.

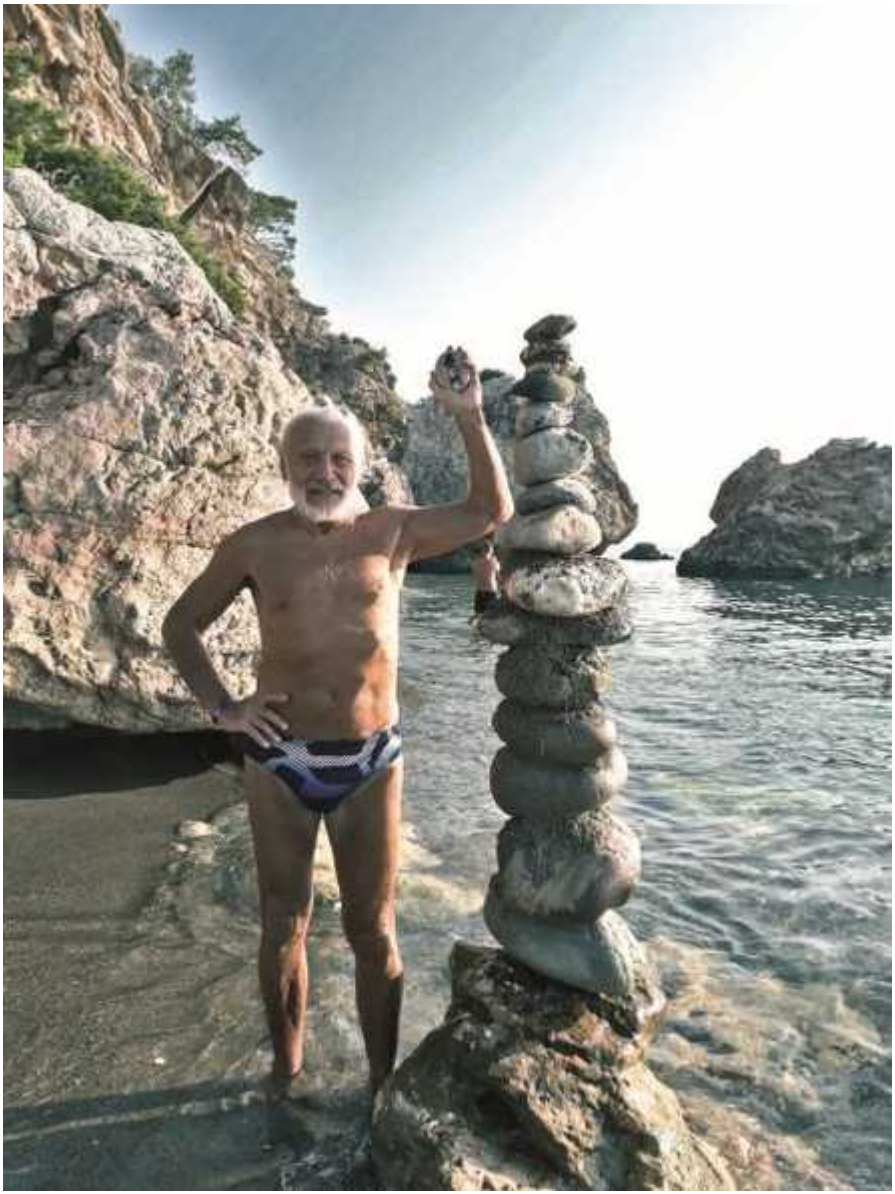
Турция, 2009 г.

Турция, 2010 г.

Бельбиди (Турция), 2012 г.

На пирсе у моря (Турция), 2019 г.

Абориген (Турция), 2019 г.



Пирамида из камней (Турция), 2019 г. Абориген (Турция), 2019 г.

Сальпетриерти, где З. Фрейд проходил стажировку у Шарко в 1885–1886 гг. (Париж).

2017 г.

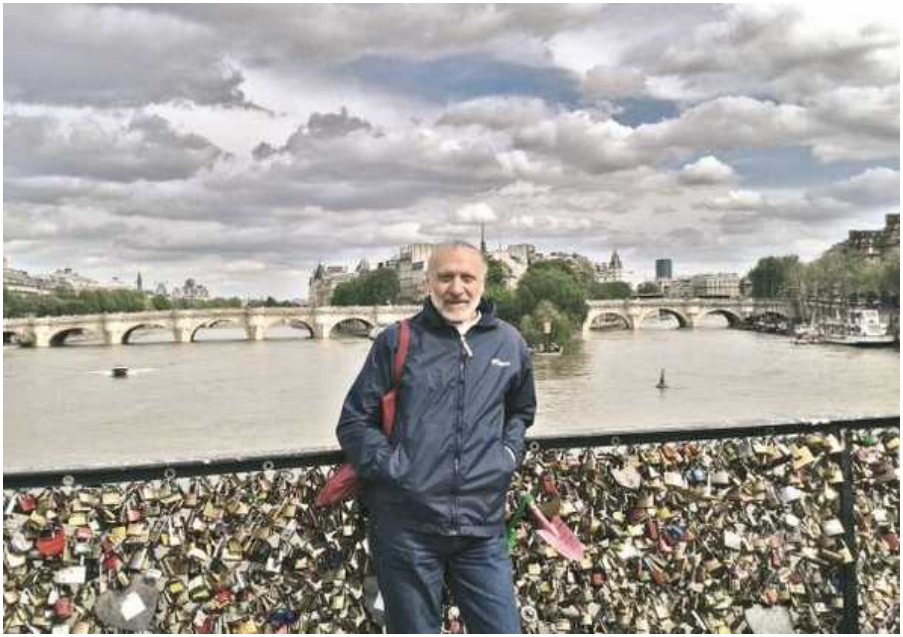
Гостиница, где останавливался З. Фрейд в XIX веке (Париж), 2017 г.

Недалеко от Эйфелевой башни (Париж), 2017 г.

Вид с моста реки Сены (Париж), 2017 г.

Монмартр (Париж), 2018 г.

Парк в Париже, 2018 г.



Мост через реку Сену, где висят замки (Париж), 2018 г.

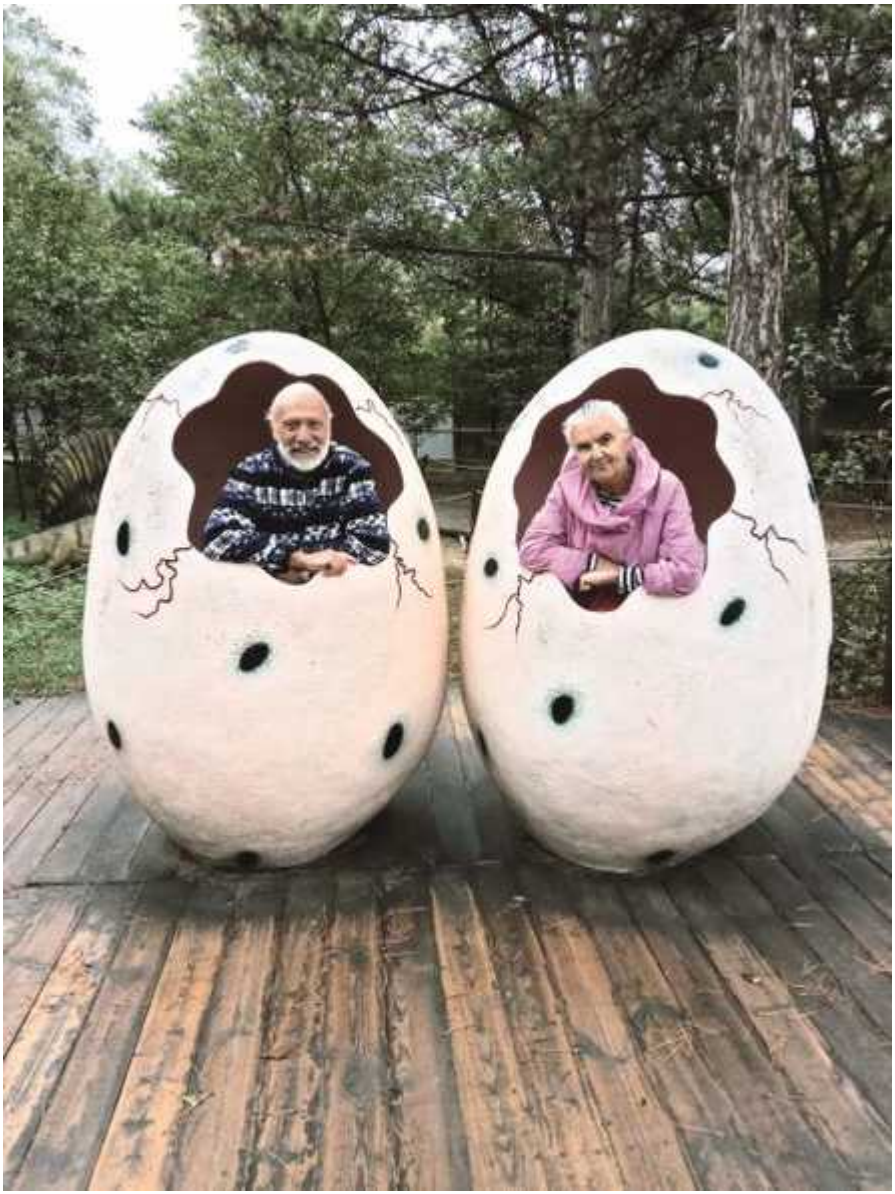
Вид на набережную у Лазурного моря, 2018 г.

Замок Шенонсо – Галя, я и Наташа (Франция), 2018 г.

Монмарт, картины в магазине (Париж), 2019 г.

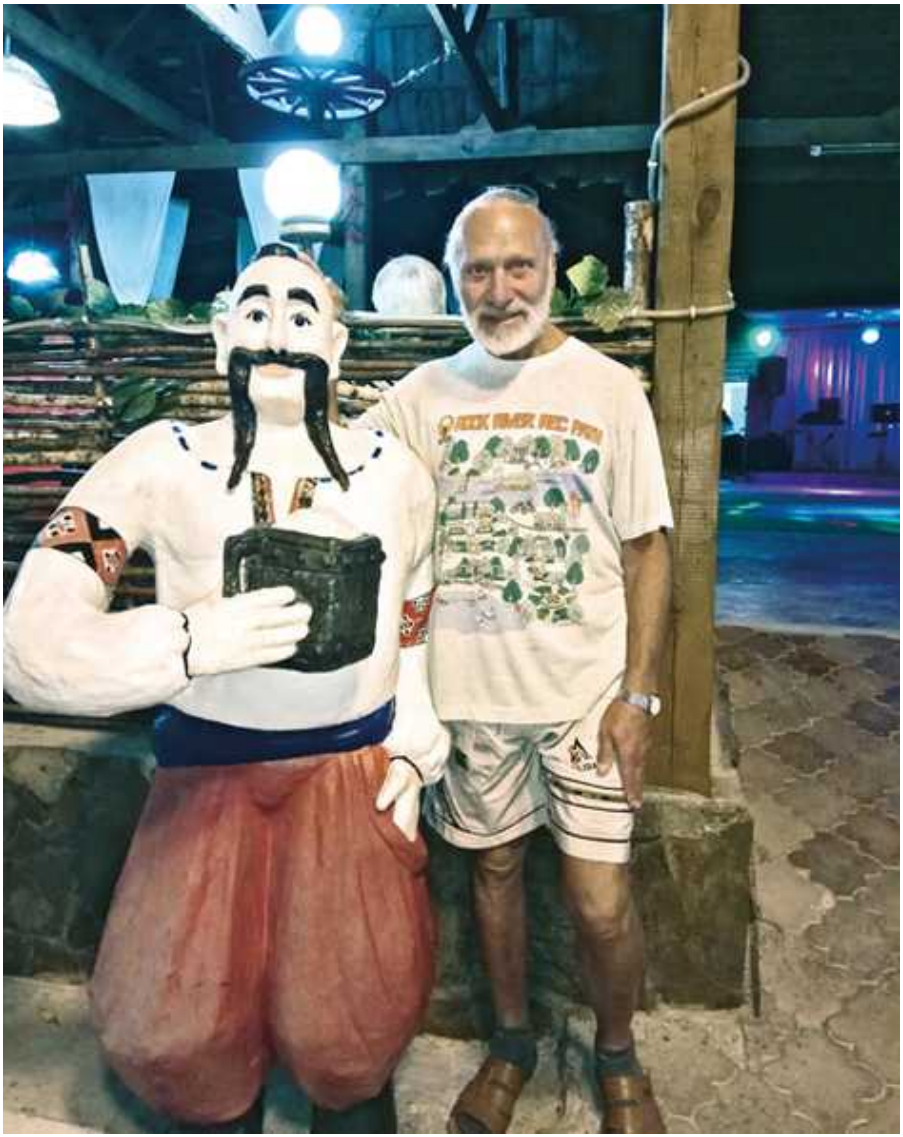
Я со старшей дочерью Мариной, 2019 г.

Галина и я у Эйфелевской башни, 2019 г.



Парк динозавров в Евпатории, 2018 г.

Галина в пасти динозавра, я рядом (г. Евпатория), 2018 г.



Киевская кухня в Евпатории, 2018 г.

Гала и я в кофейне (Евпатория), 2018 г.

Роза Хутор (Сочи), 2018 г.

Итак, жизнь продолжается, 2021 г.